Никон.

Мой
дневник
1 в. 1 1910 г.

У 58
297

I 58
297

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ I.

1910.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 1—50).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915

I 38
297

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ I.

1910.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 1—50).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-35046
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Сергіевъ Посадъ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

2007042849

МОИ ДНЕВНИКИ.

1910.

1.

Безъ елея гаснетъ свѣтильникъ...

1 февраля. Ровно 31 годъ тому назадъ, 1 февраля 1879 года вышелъ № 1 „Троицкихъ Листковъ“; нынѣ выходитъ № 1 „Троицкаго Слова“. Признаюсь, въ 1879 году я робкою рукою ставилъ № 1 на листкѣ, неувѣренный, выйдетъ ли № 2. Богъ благословилъ это начинаніе: по сей день вышло болѣе 1300 №№ листковъ, въ количествѣ болѣе 140 милліоновъ оттисковъ. Благословитъ ли Господь новое начинаніе мое—во славу Его? Да будетъ Его святая воля! Вѣрую, что, вѣдь, не мы творимъ добро, а Самъ Онъ—въ насъ и чрезъ насъ творитъ волю Свою святую...

Мы живемъ въ тяжелое время. Со всѣхъ сторонъ мракъ сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свѣчи... Если наше изданіе внесетъ хоть самую малую искру Божьяго свѣта въ народную русскую душу, которая такъ изстрадалась отъ окружающаго ее ядовитаго тумана,—и за то слава Богу. Чувствуешь, какъ все дальше и дальше мы уходимъ отъ источника свѣта—отъ святаго нашего православія. И что особенно прискорбно—даже въ средѣ вѣрующихъ, считающихъ себя православными, теряется основное начало православнаго міровоззрѣнія, православной жизни. Люди высокообразованные, вѣрующіе какъ бы потерявъ подъ собою почву нерѣдко позволяютъ себѣ разсуждать о предметахъ вѣры по своему смышленію, и не подозрѣвая, что въ такихъ вопросахъ есть непререкаемый авторитетъ, коему сынъ православной Церкви долженъ подчинить свое личное мнѣніе. Получается впечатлѣніе умнаго, но невѣжественнаго младенца... Что ужъ говорить о тѣхъ, которые свое смышленіе ставятъ выше всякаго авторитета? Бесѣду съ такими о предметахъ вѣры, если они назовутъ себя вѣрующими, кажется, всего практичнѣе начинать съ вопроса: вѣрите ли вы въ Господа Іисуса Христа, Бога воплотившагося, воскресшаго изъ мертвыхъ и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ? Вѣрите ли вы въ то, что вы сами — грядетъ часъ—возстанете изъ гробовъ своихъ въ послѣдній день? Вѣрите ли въ сей страшный судъ, вѣчное блаженство праведныхъ и вѣчныя муки грѣшныхъ? И если они на эти вопросы отвѣтятъ утвердительно, то можно продолжить бесѣду; если же станутъ колебаться, уклоняться отъ отвѣта, то и бесѣда безполезна. Есть и еще вопросъ подобнаго рода: вѣруете ли въ бытіе злыхъ духовъ, въ темное царство

сатаны?.. И если не „устыдятся“ эти просвѣщенные люди прямо сказать: „всеконечно вѣруемъ, что безъ этой вѣры нѣтъ и хрістіанства“, то есть надежда вернуть имъ православное міровоззрѣніе. Иначе—напрасно они себя прельщаютъ, будто они хрістіане—не говорю уже объ ихъ православіи. И всѣ эти люди—въ нѣдрахъ Православной Церкви! Правда, только на бумагѣ, только считаются, православными, но вѣдь сколько же ихъ! И они воображаютъ, будто принадлежатъ къ православной Церкви!.. Не скорбно ли сознавать все это? Не больно ли чувствовать пастырскому сердцу?

И вотъ, такими-то полувѣрами, на дѣлѣ же—невѣрами, и пользуется сатана—мы называемъ прямо этого князя тьмы—и пользуется, чтобъ подготовлять почву для полнаго невѣрія въ средѣ православныхъ. И такіе-то полувѣры не рѣдко стоятъ у кормила правленія въ разныхъ сферахъ русской жизни, они-то не рѣдко и вершатъ вопросы, касающіеся Церкви въ ея отношеніяхъ къ государству, держатъ въ рукахъ своихъ законодательство, направляютъ его во вредъ святому православію и въ пользу ересямъ и расколамъ. Подъ ихъ вліяніемъ, отнимается огражденіе закона отъ двора Хрістова, чтобъ былъ туда свободный доступъ врагамъ Церкви, чтобы младенчествующія чада Церкви расхищались безпрепятственно волками хищными. Подъ ихъ вліяніемъ наше юношество начинаетъ стыдиться исповѣдывать ученіе Церкви во всей его чистотѣ и полнотѣ, наши писатели, даже изъ вѣрующихъ, подслуживаются духу времени, наши ученые боятся пролагать самостоятельные пути въ наукахъ естественно-историческихъ, чтобы не показаться „отсталыми“, умалчиваютъ о всемогуществѣ Божіемъ, чтобы не быть осмѣянными отъ враговъ Бога и людей... Что дѣлать намъ, чадамъ Церкви?

Когда усиливаются вѣтры, дерево углубляетъ свои корни. Будемъ же укрѣплять въ своихъ сердцахъ нашу святую вѣру. Когда на дворѣ спускается ночь, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Будемъ же возжигать свѣтильники вѣры, умножая елей любви въ лампадахъ сердца. Безъ елея гаснетъ свѣтильникъ: безъ дѣлъ любви, безъ смиреннаго исполненія Хрістовыхъ заповѣдей нѣтъ живой вѣры. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть.

2.

Мечеть „поганская“ среди русскихъ святынь.

Не знаю, какъ вы, читатели мои, а я съ болью сердца, съ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ думаю о томъ, что творится у насъ на Руси... „Троицкое Слово“ читаютъ православные русскіе люди; думаю, что они поймутъ меня: вѣдь, они—не то, что наши либеральные отщепенцы отъ Русскаго народа, они еще живутъ одною жизнію съ народомъ православнымъ. И вотъ, я повѣдаю имъ скорбь мою, печаль моего грѣшнаго, но вѣрующаго сердца.

Внимайте, какъ сатана издѣвается надъ нами, православные!

Въ столицѣ нашей, въ стольномъ градѣ Св. Петра, хотя, по прихоти Петра Великаго и именуемомъ нѣмецкимъ словомъ „Петербургъ“, но все же остающемся, милостью Божіей, русской столицей, заложена

татарская мечеть. Наши предки благочестивые отплюнулись бы, сказали бы, что обманщикъ Аравійскихъ пустынь, лжепророкъ Магометъ не посмѣетъ свить себѣ гнѣзда между историческими святынями русскаго города, между Петропавловскимъ соборомъ, гдѣ покоятся великіе носители русскихъ идеаловъ — православые Государи наши—съ одной стороны, и древнѣйшимъ храмомъ столицы, Троицкимъ соборомъ—съ другой .. Вѣдь, тутъ же, не далеко и величайшая святыня Петербурга—чудотворный нерукотворенный образъ Спасителя. Зачѣмъ, зачѣмъ понадобилось именно *тутъ*, въ виду этихъ святынь, строить мечеть „поганскую“, какъ сказали бы наши предки?.. Не съ тою ли цѣлію, чтобы эта постройка, о которой газеты пишутъ, что она своею красотою превзойдетъ всѣ мечети европейскихъ столицъ, чтобъ эта мечеть, горделиво поднимаясь надъ нашими родными святынями, какъ бы смѣялась надъ ними? чтобы ея сторожъ—„муэдзинъ“ выкрикивалъ съ своей вышки надъ русскою столицей: „одинъ Аллахъ и Магометъ—пророкъ Его!..“ Не затѣмъ ли, чтобъ татары, коихъ мечети были разрушены когда-то нашимъ славнымъ Царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Казани, смѣялись теперь надъ православными: „вотъ-де вамъ доказательство, что наша вѣра правая: чрезъ 350 лѣтъ наша луна стала выше вашего креста!..“ И это, вѣдь, пойдетъ изъ рода въ родъ на вѣки, и если суждено Русской землѣ остаться православною, если благословитъ Богъ русскимъ людямъ отрезвиться отъ современнаго опьяненія лживымъ либерализмомъ, то вѣчная укоризна ляжетъ на тѣхъ, кто не сумѣлъ, не захотѣлъ отстоять наши святыни отъ такого оскорбленія!..

Но постой, подожди, русскій православный человѣкъ! Этого мало: сатана готовитъ тебѣ еще горшій гостинецъ, еще болѣе оскорбительное издѣвательство надъ твоею вѣрою... на окраинѣ, правда, но все же въ предѣлахъ того же Петрограда, говорятъ, скоро будетъ строиться и языческое капище... Привезутъ идола изъ Китая, посадятъ его въ этомъ капищѣ на высокомъ престолѣ, будутъ кадить предъ нимъ, возжигать куренія... Найдутся, безъ сомнѣнія, среди нашихъ безумныхъ, отрекшихся отъ Бога интеллигентовъ и особенно интеллигентокъ, разныхъ стриженыхъ дѣвокъ и потерявшихъ стыдъ барынь такія, которыя пойдутъ въ это капище, чтобъ принести куренія новомоднымъ божкамъ изъ Китая, чтобы показать на дѣлѣ свою „свободу отъ суевѣрій хрістіанскихъ“, чтобъ принести жертвы сатанѣ... О Русь! до чего ты дожила?!!

Еще немного,—и кто же поручится, что во имя той же „свободы“ отъ всякой совѣсти и здраваго смысла создадутъ храмъ и самому сатанѣ съ его аггелами, и станутъ приносить ему жертвы—кто знаетъ? —можетъ быть и кровавыя... Въ наше время все можетъ случиться! Мы приближаемся, очевидно, къ тѣмъ временамъ, о коихъ говоритъ св. Апостолъ Хрістовъ Павелъ: „Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей (1 Тим. 4, 1. 2). Наступятъ времена тяжкія... здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 3,

1. 4, 3. 4). А что послѣдуетъ за сими тяжкими временами — лучше сами прочтите во второмъ посланіи Апостола Павла къ Ѳессалоникійцамъ (гл. 2). Да, мы видимо приближаемся къ этимъ „тяжкимъ временамъ“. Люди, мнящіе себя быть руководителями народа, величающіеся „передовыми“, въ большинствѣ своемъ, оторвались отъ вѣры и благочестія предковъ своихъ, отъ вѣры народной, въ душѣ своей уже стали невѣрами, а поелику это — ложь, будто можно быть совершеннымъ атеистомъ, то мѣсто вѣры въ ихъ сердцахъ заняло суевѣріе, а это уже и есть, по самой своей сущности, язычество; и вотъ эти люди теперь стараются подчинить своему авторитету народныя толпы, пока не возставая открыто и формально противъ хрістіанства, а всячески унижая его въ глазахъ народа приравненіемъ къ лживымъ вѣрамъ, къ ересямъ, къ магометанству и язычеству... подъ видомъ „уваженія“ къ чужой вѣрѣ. Но позвольте, господа, — хочется сказать имъ: да свою-то, православную вѣру, вы уважаете? Считаете ее истинною? Или для васъ она есть одна изъ формъ религіозныхъ вѣрованій, которыя всѣ для васъ равно—заблужденія? Вѣдь, если бы уважали, то не допустили бы такого издѣвательства надъ нею, какое теперь всюду проявляется! Издѣваются надъ вѣрою нашею и въ печати, и въ газетахъ, и въ брошюрахъ, и въ книгахъ, и въ театрѣ, въ искусствѣ и даже политикѣ... А тѣмъ, кто могъ бы однимъ почеркомъ пера прекратить все это зло, будто и дѣла нѣтъ... И вотъ, дерзость ненавидящихъ крестъ Господень дошла до того, что въ столицѣ православнаго государства, въ странѣ, именующей, себя „святою Русью“, въ залѣ, украшенной портретами Русскихъ Царей, въ залѣ петербургскаго дворянскаго собранія, сборище заклятыхъ враговъ хрістіанства — конечно, іудеевъ—распѣвало богохульную, кощунственную шансонетку въ которой повторяются всѣ злобныя слова поруганія надъ нашимъ Господомъ, записанныя св. Евангелистами... „Сойди со креста, Распятый, если Ты Сынъ Божій!..“ Господи, да развѣ это можно терпѣть? Развѣ можно безъ горькаго негодованія читать въ газетахъ? А газеты эти, издаваемыя, большею частію, тѣми же іудеями, восторженно описываютъ этотъ жидовскій концертъ... А петербургскому дворянству не совѣстно подъ такой концертъ отдавать свой залъ!.. А русскіе люди спокойно допускаютъ все это!..

Нѣтъ! Наше сердце сжимается жгучею болью за бѣдную, несчастную Россію, и изъ этого сердца вырывается горькое слово жалобы Богу: доколѣ, Господи, отвращаеши лице Твое отъ насъ?...

3.

Спѣши дѣлать добро, каждый человѣкъ!

„Спѣши дѣлать добро, каждый человѣкъ!“ Такъ въ простотѣ сердца повторяла одна почтенная старица—мать, сама спѣша первая исполнять свое правило и своимъ примѣромъ поучая своихъ дѣтей.

Незабвенный святитель-затворникъ Ѳеофанъ говоритъ: „если при

детъ къ тебѣ добрая мысль, спѣши ее исполнить: вѣдай, что это Ангелъ хранитель твой говоритъ тебѣ въ совѣсти твоей, и Богъ готовъ помочь тебѣ въ этомъ".

Да „спѣшить" надо. Жизнь слишкомъ коротка. Обидно за человѣческое достоинство, грѣшно передъ Богомъ расходовать такое сокровище, какъ время, жизнь, на пустяки. Вѣдь временемъ покупается вѣчность. Временемъ покупается блаженство. Люди цѣнятъ деньги; иные самое время приравниваютъ къ деньгамъ: время—деньги, говорятъ они. Но за деньги времени не купишь. Не пожалѣлъ бы милліардеръ отдать всѣ свои милліарды за одинъ часъ времени, но никто ему не можетъ въ этомъ помочь, никто не приложитъ къ его жизни ни одной минуты ни за какія сокровища на землѣ. Такъ дорога человѣку жизнь. И такъ мало онъ цѣнитъ ее.

Странное существо — человѣкъ! Что имѣетъ — не хранитъ, а потерявши—плачетъ. Откуда эта странность?

Прочтите повнимательнѣе въ посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ 7-ю главу и вы поймете эту роковую тайну грѣшной человѣческой природы. „Не понимаю, что дѣлаю, жалуется Апостолъ: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, а чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Бѣдный я человѣкъ! Кто меня избавитъ отъ тѣла смерти?..." (ст. 15, 18, 24). Вотъ причина, почему человѣкъ все свое время отдаетъ на служеніе плоти и забываетъ о духѣ, о будущей вѣчности. Онъ въ плѣну грѣха. Отъ сего плѣна избавляетъ только Христосъ Сынъ Божій. Духъ человѣка, какъ плѣнникъ изъ темницы, рвется на свободу — къ добру, а грѣхъ его держитъ въ цѣпяхъ. И никто не въ силахъ разорвать эти цѣпи безъ помощи Спасителя міра. Слышите, что онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 34, 36). Не только богомудрый Апостолъ, даже лучшіе изъ языческихъ мудрецовъ смиренно сознавались, что если Самъ Богъ не сжалится надъ людьми и не придетъ спасти ихъ, то не видать имъ спасенія!

Христіанину слѣдуетъ носить постоянно эту истинну въ своемъ сердцѣ. Пусть эта тоска по духовной свободѣ неусыпно томитъ его сердце. Пусть онъ показываетъ ее Господу Іисусу Христу, жалуется Ему на свое безсиліе, плачетъ съ Магдалиною у подножія креста Христова...

„Уступи, Магдалино, отъ Христову ногу!
„Мнѣ даждь мѣсто: азъ имамъ о грѣсѣ скорбь многу!"

А чтобы ближе восчувствовать сердцемъ Его благодатную помощь, пусть чаще приступаетъ къ животворящей Чашѣ пречистыхъ Его Таинъ. Вотъ гдѣ источникъ жизни! Источникъ благодатныхъ силъ для добродѣланія! Сами по себѣ мы—ничто. И ничего добраго не можемъ дѣлать своими усиліями. Можемъ лишь тосковать о добрѣ, желать его. А когда соединимся со Христомъ, то воскликнемъ съ Апостоломъ: все могу о укрѣпляющемъ меня Господѣ Іисусѣ! Только тогда, когда мы познаемъ свое безсиліе, только тогда будетъ безопасна для насъ и сила Божія, благодатная помощь, дѣйствованіе Самого Господа нашего въ насъ и чрезъ насъ — въ добродѣланіи. Итакъ: кто хочетъ дѣлать

добро искренно, не лицемѣрно? кто стремится къ добродѣланію такъ, какъ стремился Апостолъ Павелъ? Сознай, какъ онъ сознавалъ свое полное безсиліе и прибѣгни ко Господу съ сердечною жалобой на свое безсиліе, съ слезною мольбою о помощи. И Онъ придетъ. Онъ коснется твоего жесткаго сердца и растопитъ его въ слезахъ умиленія и покаянія; Онъ разорветъ узы, тебя связующія и подастъ силы на добродѣланіе. И ты восчувствуешь себя живымъ членомъ того таинственнаго тѣла, которое именуется Церковію, яже есть тѣло Христово. И тогда ты поймешь великую тайну жизни христіанина во Христѣ, въ живомъ общеніи со Христомъ поймешь слова великаго Апостола: *не ктому азъ живу, но живетъ во мнѣ Христосъ!* Вотъ тогда легко будетъ и всякое добродѣланіе для тебя: въ глубокомъ смиреніи ты будешь благоговѣйно созерцать несказанные пути промысла Божія въ твоей жизни и дѣятельности, будешь ощущать: откуда приходитъ къ тебѣ добрая мысль, какъ дивно посылается тебѣ случай и силы къ ея исполненію. Какъ елень стремится къ источникамъ воднымъ, такъ и твоя душа будетъ жаждать добра, искать случая сдѣлать его, припадать въ сердцѣ къ подножію креста Христа Спасителя твоего, очищая слезами покаянія всякій помыслъ грѣховный, всякое грѣховное пожеланіе, ибо сказано: *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*, а слѣдовательно и благодать Божія.

Особенно благопотребно подумать, позаботиться объ этомъ православному сыну Церкви Христовой въ наше страшное время. Міръ во злѣ лежитъ, во злѣ погибаетъ. Безчувственныя стихіи какъ бы возмущаются преступностью рода человѣческаго и Божіимъ попущеніемъ казнятъ преступниковъ; а мы все это видимъ, но духовно спимъ: гдѣ наше покаяніе? Доколѣ будемъ испытывать Божіе долготерпѣніе?

Се стою при дверѣхъ и толку, глаголетъ Господь. Надо спѣшить отверзсти Ему двери нашего сердца. Надо спѣшить толкать и въ двери Его милосердія, ибо Онъ же сказалъ: *толцыте и отверзется.* Иначе мы будемъ безотвѣтны предъ Его правосудіемъ, если пренебрежемъ Его милосердіе...

Спѣши же, братъ возлюбленный, къ своему Спасителю и спасая спасай свою душу въ исполненіи Его животворящихъ заповѣдей!...

4.

Суета суетъ на могилахъ почившихъ.

Живу я въ кельѣ надъ конторою лаврскихъ кладбищъ. Каждый день мимо моихъ оконъ проносятъ и провозятъ на кладбище покойниковъ. Какихъ, какихъ процессій тутъ не насмотришься! И пышныя погребальныя колесницы, подъ балдахинами, съ хоромъ пѣвчихъ, соборомъ священнослужителей, сопровождаемыя странными на взглядъ русскаго человѣка, высокими людьми въ бѣлыхъ длинныхъ, узкихъ балахонахъ, съ бѣлыми же цилиндрами на головахъ; (несетъ фонарь съ го-

рящею свѣчею и — въ цилиндрѣ! какъ это рѣжетъ по сердцу православнаго человѣка!), и скромныя дроги простыхъ смертныхъ, и лафеты, на коихъ привозятъ сюда военачальниковъ, и простые гробы, несомые на рукахъ... То слышится погребальное „Святый Боже“, то— прощальные залпы ружейныхъ выстрѣловъ при опусканіи гроба военачальника... Несутъ, а иногда и везутъ множество вѣнковъ, идутъ толпы провожающихъ въ послѣдній путь. Опустятъ въ могилу, раздастся послѣднее надгробное—„Вѣчная память,“ и скроются подъ землею останки человѣка — будь онъ знатный изъ знатныхъ, будь самый скромный странникъ земли—всѣмъ одинъ удѣлъ: *земля еси и въ землю отъидеши!*..

Настанетъ весна. Оттаютъ снѣга. На могилѣ появится памятникъ— иногда роскошный, въ нѣсколько тысячъ рублей, иногда—попроще... И видишь, какъ съ утра до вечера и идутъ и ѣдутъ къ роднымъ могилкамъ русскіе люди, и радуется сердце, когда подумаешь: что ихъ влечетъ сюда? Да что же какъ не любовь?..

Ахъ, если бы то была любовь хрістіанская, любовь на смиреніи и преданности сердца Богу воспитанная!

Но—увы! Когда присмотришься поближе, то увидишь нѣчто странное, чуждое духу хрістіанской любви. Зайдите въ контору, прислушайтесь, какъ тутъ бранятъ монаховъ за дорогія якобы расцѣнки на все.

Но, вѣдь, эти монахи ни въ чемъ не повинны: они исполняютъ лишь то, что имъ приказано. А приказано — Духовнымъ Соборомъ лавры, который, конечно, строго обсудилъ таксы и не руководился при этомъ слишкомъ корыстными цѣлями. За что же бранить монаховъ, сидящихъ въ конторѣ?

— Сударыня!—пытается успокоить расходившуюся барыню инокъ,— сударыня, вѣдь, мы не можемъ ни копѣйки уступить противъ таксы...

— Да я не васъ и браню, а всѣхъ васъ, монаховъ! Всѣ вы — корыстолюбцы! — выпаливаетъ благочестивая молитвенница за своего усопшаго.

А сама покупаетъ вѣнокъ въ нѣсколько десятковъ рублей на могилу, вѣнокъ, который, конечно, ни покойнику, да и никому не нуженъ. А того, что получаемыя съ кладбища деньги идутъ на дѣла благотворенія, притомъ—не случайныя, а обязательныя для лавры—она не хочетъ и знать. Она готова требовать, чтобъ и за ея покойника молились, поминали его имя въ лаврѣ совершенно безплатно, и особыя обѣдни служили даромъ.... Что ей за дѣло до того, что такихъ капризныхъ просительницъ—тысячи!

Но оставимъ ихъ въ покоѣ. Подумаемъ о другомъ, болѣе важномъ. Вѣдь, вотъ какъ люди заботятся, кажется, о покойникѣ, когда онъ уже на томъ свѣтѣ: а позаботились ли о немъ, пока онъ еще лежалъ больной? Пригласили ли къ нему священника для напутствія св. Тайнами? Приготовили ли его къ хрістіанскому переходу въ вѣчность? Напротивъ: не отстраняли ли, слѣдуя совѣту нынѣшнихъ неумныхъ врачей, всякую мысль о смерти отъ его сознанія?

Да и самъ покойный: давно ли онъ говѣлъ и причащался св. Таинъ? Давно ли былъ въ храмѣ Божіемъ? Думалъ ли когда о вѣчности, вѣрилъ ли въ нее? О, какъ нынѣ много такихъ, о коихъ насъ, пастырей, просятъ молиться, заказываютъ намъ панихиды и обѣдни, а сіи по-

койники—и въ Бога-то не вѣровали! Съ какою совѣстію мы будемъ молиться за человѣка, который смѣялся надъ нашею святою вѣрою, какъ надъ суевѣріемъ? Но и этого мало: міръ сей, лукавый и прелюбодѣйный, по слову Спасителя, хочетъ заставить насъ, какъ бы издѣваясь надъ нами, надъ нашею вѣрою святою, молиться даже за явныхъ богохульниковъ и самоубійцъ! Какъ возмущаются эти невѣры, когда архіерей рѣшительно запретитъ священнику отпѣвать самоубійцу, слѣдуя въ семъ случаѣ указанію церковныхъ правилъ! Иной разъ думаешь: Господи! Да чего ради эти люди такъ хлопочутъ? Вѣдь, и покойникъ, и сами-то они никогда въ церковь не заглядывали и не заглядываютъ: на что же имъ эта панихида, это, въ сущности, какое то кощунство? А имъ это доставляетъ особое удовольствіе: заставить и попова „почтить“ покойника ихъ! Вѣдь, знаменитаго іудея-самоубійцу Пергамента хотѣли обманомъ похоронить въ Невской лаврѣ, а по казненномъ измѣнникѣ Шмитѣ заставили служить панихиду, да еще архіерея! Но да не воспомянутся дѣла минувшихъ сумасшедшихъ дней! Въ наши-то дни развѣ не творится нерѣдко то же самое? Развѣ не творятъ насиліе надъ служителями Церкви, требуя отъ нихъ молитвы за тѣхъ, за кого ихъ совѣсть, слѣдуя церковнымъ канонамъ, молиться не дозволяетъ? А эти „панихиды“ по неправославнымъ, даже вопреки волѣ самихъ покойниковъ, совершаемыя въ православныхъ церквахъ?... Мы молимся, часто противъ совѣсти, и за армянъ, и за лютеранъ, и за римско-католиковъ, и за всякихъ еретиковъ—молимся „офиціально“, иногда даже по распоряженію мірской власти... Не насиліе ли это надъ свободою нашей православной совѣсти и — это въ наше-то время свободы совѣсти!! Пора бы рѣшить этотъ, жгучій для совѣсти православныхъ служителей Церкви, вопросъ такъ или иначе, но формально, окончательно: за кого изъ инославныхъ усопшихъ можно и за кого нельзя молиться? Но едва ли сей вопросъ можетъ быть рѣшенъ раньше Церковнаго Собора.

Но я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ тому, какъ и чѣмъ поминаютъ у насъ покойниковъ? Я не говорю о роскошныхъ, дорого стоющихъ поминальныхъ обѣдахъ: кто же разумный человѣкъ скажетъ, что они приносятъ пользу душѣ почившаго? Особенно когда они сопровождаются обильными угощеніями, въ видѣ разныхъ винъ и наливокъ... Суета суетствій и рабство модѣ, обычаю, полуязыческому преданію! Стыдно бы, кажется, просвѣщеннымъ-то людямъ такъ рабствовать! Да и намъ, пастырямъ Церкви, едва-ли не грѣшно поддерживать эти поминальные обѣды, особенно съ винами, своимъ присутствіемъ и благословеніемъ. Со зломъ надо бороться мужественно, а эти заупокойныя вышивки развѣ не зло, развѣ не оскорбленіе памяти почившихъ? Но не объ этомъ хотѣлось бы сказать. Вѣдь, вѣрующимъ въ Бога извѣстно, еще съ ветхозавѣтныхъ временъ, что милостыни и молитвы очищаютъ грѣхи. А много ли добра дѣлается тѣми, кто расходуетъ тысячи вотъ на эти роскошные балдахины, на всю эту помпу, кончая длинноногими фигурами въ бѣлыхъ балахонахъ и цилиндрахъ? Иной разъ—грѣшный человѣкъ—думаешь: сколько бы добра-то можно было сдѣлать, устранивъ всю эту роскошь и употребивъ истраченныя на нее деньги — во славу Божію, на дѣла благотворенія всякаго рода? Вотъ тамъ, въ дале-

кой Камчаткѣ нуждаются въ храмахъ Божіихъ, а походный храмъ можно купить готовый въ Петербургѣ у Жевержеева всего за триста рублей: сколько бы радостей и слезной благодарности вызвало пожертвованіе туда хоть одного походнаго храма въ память почившаго! Какъ плачутъ наши бѣдные переселенцы въ Сибири, не имѣя храма Божія ближе ста—двухсотъ верстъ, какъ бы они возликовали, получивъ хотя бы вотъ такой походный храмъ для своего селенія! Сколько дѣтишекъ учится въ развалившихся школахъ церковныхъ, зябнутъ бѣдные, вмѣстѣ съ своими учителями и учительницами: какъ бы они усердно помолились за невѣдомаго имъ покойника, если бы въ память его имъ хоть поправили, не говорю уже—построили школку! Въ нашихъ деревняхъ на сто верстъ одна больница, одинъ фельдшеръ: какое сердечное спасибо сказали бы обитатели этихъ деревень, если бы имъ на средства и въ память усопшаго хрістіанина прислали хоть временную медицинскую помощь! А сколько сиротокъ на свѣтѣ, безпризорныхъ, безпріютныхъ, сколько ихъ плачетъ по улицамъ городовъ и селеній, сколько вдовъ безпомощныхъ — сколько бы можно было сдѣлать добра въ память усопшихъ вмѣсто пышныхъ балдахиновъ, этихъ тысячныхъ памятниковъ, этихъ роскошныхъ вѣнковъ! Вѣдь, стоило бы только кому-либо начать: смотришь мало-по-малу вошло бы въ обычай, святой обычай, и дѣла благотворенія, во имя любви къ почившимъ, въ духѣ матери—Церкви и подъ ея благодатнымъ руководствомъ, разцвѣли бы благоуханными розами по лицу родной земли. Можетъ быть, поменьше было бы роскошныхъ памятниковъ на кладбищахъ нашихъ обителей и столичныхъ; можетъ быть, не такъ эти памятники были бы роскошны, но на Руси-то стало бы теплѣе, русской душѣ было бы отраднѣе. А теперь... выйдешь на кладбище и какъ-то грустно становится, когда эти каменныя глыбы, эти мраморныя и металлическія часовни ничего не говорятъ моему сердцу, кромѣ того, что тутъ лежитъ купецъ такой-то, генералъ такой то, тайный или дѣйствительный статскій совѣтникъ такой-то... Былъ человѣкъ, и не стало его, а кто онъ былъ, много ли добра на землѣ сдѣлалъ—Богъ его знаетъ! И не движется черствое сердце на молитву за сего покойника, и равнодушно проходишь мимо такой могилы. А вотъ могила извѣстнаго благотворителя, вотъ могила героя, душу свою положившаго за вѣру, Царя и Отечество: и невольно поднимается рука для крестнаго знаменія, невольно вырывается изъ души молитвенный вздохъ: „упокой, Господи, душу его"!.. Какъ хотите, а есть тайное общеніе душъ, для насъ самихъ непонятное, но тѣмъ не менѣе реально ощутимое, когда эти души встрѣчаются одна съ другой. Какъ встрѣчаются? Да вотъ вы пришли на могилку, вы прочитали надпись, которая сказала вамъ, что тутъ лежитъ не простой Петръ или Иванъ, коихъ милліоны, а—человѣкъ, оставившій по себѣ добрую память сдѣланнымъ имъ добромъ, человѣкъ, исполнившій свой хрістіанскій долгъ до конца, а значитъ—живой членъ живого тѣла Церкви Хрістовой, коей мы всѣ есмы члены, и вотъ душа ваша уже почувствовала свое сродство съ почившимъ, въ ней уже шевельнулось чувство живой любви къ нему,—вѣдь, онъ членъ того же таинственнаго тѣла, какъ и вы—и если васъ потянуло къ почившему, какъ къ род-

ному члену единаго тѣла—Церкви Хрістовой, то почему же не предположить, что и его душа почувствовала взаимное къ вамъ влеченіе? Вотъ то, что я назвалъ „встрѣчею душъ“. А посредникомъ сего таинственнаго влеченія является то животворящее добро, которое мы дѣлаемъ во имя и силою Хріста, нашего Спасителя, изрекшаго: *безъ Мене не можете творити ничесоже.*

А если самъ почившій не успѣлъ сдѣлать этого добра, хоть сколько-нибудь, то—какъ безконечно милосердіе нашего владыки Хріста!—благость Божія пріемлетъ и отъ насъ всякое истинное добродѣланіе отъ имени почившихъ нашихъ братій, какъ бы отъ нихъ самихъ. Какъ же не спѣшить православнымъ творить добро въ память присныхъ своихъ, отшедшихъ въ иной міръ! Ахъ, если бы люди знали, если бы только знали всю благодатную силу такого добра! Вѣдь, оно рѣкою лилось бы взамѣнъ всѣхъ этихъ знаковъ суеты земной, въ родѣ вѣнковъ, отъ коихъ нѣкоторые „благоразумные“ заживо отказываются: „просять вѣнковъ не возлагать, согласно волѣ почившаго“. Почему бы не прибавлять къ сему: „а вмѣсто вѣнковъ сдѣлать что-либо доброе въ память покойнаго“?..

5.

Кощунственныя похороны лицедѣйки.

Прошлый разъ я говорилъ о томъ, какъ поминаютъ у насъ покойниковъ, нынѣ приходится говорить о томъ, какое впечатлѣніе произвели на меня похороны одной изъ тѣхъ, коихъ въ газетахъ почему-то величаютъ иногда „дивами“. Охотно сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ: не знаю, что это за слово.

Хоронятъ актрису, по-русски—лицедѣйку, Комиссаржевскую, и десятки тысячъ народа сопровождаютъ ея гробъ.... Нѣтъ, не сопровождаютъ: это только такъ кажется,—дѣло проще: газеты, іудейскія газеты прокричали, что это была великая служительница Мельпомены, сирѣчь театральнаго искусства, и вотъ праздной толпѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ ее будутъ хоронить, кто пойдетъ за ея гробомъ, какія рѣчи будутъ говорить надъ ея могилой. За гробомъ, въ честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высшихъ учебныхъ заведеній; вѣдь, они лучшіе цѣнители всякаго лицедѣйнаго искусства, а поелику сія актриса дерзала изображать въ театрѣ даже—страшно сказать!—Честнѣйшую Херувимовъ, прикровенно выводимую іудеями-авторами театральныхъ пьесъ, то вотъ надо же оказать честь той, которая не убоялась выступать въ такой „роли“.... Это была жрица того идола, который именуется театромъ; ее „обожала“ наша безпутная молодежь: и вотъ, за ея гробомъ идутъ, идутъ, идутъ безконечной вереницей юноши и дѣвы, несутъ вѣнки, (ихъ привезено цѣлыхъ 8 возовъ!)—прискорбно отмѣтить, что былъ вѣнокъ и отъ студентовъ здѣшней духовной академіи—и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угодницѣ театра, не постыдились своего званія! А на вѣнкахъ красовались надписи, отъ которыхъ ужасъ сжималъ вѣрующее сердце.... Судите сами: „Радуйся, небо, принявшее

твою душу!"—„Радуйся, чрево, носившее тебя!"—„Благословенна ты въ женахъ!"... Правда, эти ленты сорваны въ стѣнахъ лавры, но спрашивается: кто же это такъ злобно издѣвается надъ святѣйшими истинами нашей святой вѣры? Кто смѣлъ сочинить такія надписи?—Если бы вы, мой читатель, посмотрѣли поближе на эти толпы молодежи, сопровождавшей гробъ до храма и бродившей потомъ съ папиросами въ зубахъ по лаврѣ, то вы сразу поняли бы, съ кѣмъ мы имѣемъ тутъ дѣло... Сколько тутъ было горбоносыхъ, смуглыхъ, съ черными злыми глазами типовъ! О, конечно, вѣе это—не русскіе, это все—изъ „гонимаго" племени, а за ними ужъ шли, какъ ихъ послушные плѣнные рабы, несчастные русскіе, и въ числѣ ихъ—опять повторяю съ горечью—студенты духовной академіи!.. Видно, угаръ недавняго прошлаго еще не прошелъ; и это не только здѣсь, въ Петербургѣ, но и по лицу всей Русской земли. Въ Саратовѣ требовали, чтобъ панихида служилась непремѣнно въ соборѣ, въ тотъ часъ, когда должна была совершаться литургія. Архіерей предложилъ служить въ приходской церкви: не пошли, разослали повсюду телеграммы съ клеветою на святителя Божія, будто онъ не дозволилъ служить панихиды, и на тройкахъ отправились въ село, гдѣ и заказали панихиду. Въ другомъ мѣстѣ эти усердные „панихидники" пригласили служить... лютеранскаго пастора, забывъ, что у лютеранъ, собственно говоря, и молитва-то за усопшихъ вовсе не признается, считается чуть ли не грѣхомъ!... А въ Москвѣ требовали отъ духовенства служить панихиду непремѣнно на подмосткахъ театра, тамъ, гдѣ лицедѣйствуютъ всякіе кощунники нашего бездутнаго времени, а когда духовенство сочло это неприличнымъ и предлагало пойти въ Божій храмъ, то отказались и сами сочинили „гражданскую" панихиду съ кощунственнымъ пѣніемъ „вѣчной памяти" и „со святыми упокой". Гдѣ тутъ здравый смыслъ? Гдѣ хрістіанство? и при чемъ тутъ оно—хрістіанство? Вѣдь, въ сущности, весь этотъ шумъ вокругъ гроба несчастной лицедѣйки никакого отношенія къ молитвѣ не имѣетъ, все это—сплошное издѣвательство надъ Церковію, желаніе обратить церковный обрядъ въ прославленіе лицедѣйства, и я не знаю: не слѣдовало ли вовсе отказать этимъ господамъ „демонстрантамъ" во всякой торжественности погребенія, чтобъ не допускать поруганія церковныхъ обрядовъ тѣми, которые позволяютъ себѣ явно выражать свое презрѣніе къ Церкви, кощунственно примѣнять святыя слова, приложимыя только къ Святѣйшей Херувимовъ,—къ одной изъ такихъ же грѣшницъ, какъ и всѣ мы, съ тою лишь разницей, что мы никогда не рѣшимся уподобляться тому лицедѣю, котораго такъ поразительно вразумила Сама Матерь Божія за его кощунственныя выходки противъ Нея, Преблагословенной. (Читайте „Лугъ Духовный"). Если она была вѣрующая и притомъ православная хрістіанка, то любовь хрістіанская заповѣдуетъ помолиться о ея душѣ: вѣдь, она не покончила съ собой, какъ кончаютъ нынѣ нѣкоторые интеллигенты, она умерла отъ страшной болѣзни, но все же естественною смертью. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, былъ ли приглашенъ къ ея смертному одру священникъ для напутствованія: если бы такъ, то больше дерзновенія имѣла бы молитва вѣрующихъ за несчастную душу все же вѣрующей хрістіанки... Но и теперь Церковь не отказы-

ваетъ въ молитвѣ за нее, но... развѣ эти пышныя похороны, эти вѣнки съ кощунственными надписями, эти провожатые — некрещеные іудеи, эти молодые люди, хотя бы и изъ русскихъ, съ смѣхомъ и папиросами гуляющіе по лаврѣ... развѣ это молитва? А нежеланіе служить панихиду въ приходской церкви, а желаніе служить панихиду непремѣнно въ театрѣ—ужели можно назвать это молитвой? Да это просто издѣвательство надъ Церковью—худшее того, какое Господь нашелъ въ храмѣ Іерусалимскомъ и заслуживающее такого же, если не болѣе строгаго, осужденія, какъ и то... Я уже не говорю о томъ, какъ мучительно тяжелы такія кощунственныя почести для души почившей, которая ищетъ себѣ помощи, ко ангеломъ очи возводящи, къ человѣкомъ руцѣ простирающи...

Церковь наша смиренна, яко Христова невѣста; ее поносятъ, оскорбляютъ, надъ нею издѣваются ея враги и въ газетахъ, и въ театрахъ, и теперь—все чаще и чаще вторгаются въ ея завѣтное святое святыхъ—Богослуженіе, пытаясь обращать ея обряды въ кощунственныя демонстраціи, стремясь выставить ее какъ бы участницей въ прославленіи того, что въ очахъ міра лукаваго и прелюбодѣйнаго высоко и досточтимо, но что въ ея очахъ—достойно презрѣнія... И все терпитъ Христова невѣста: она ждетъ, не вразумятся ли эти безумцы, не придутъ ли въ чувство раскаянія... Но доколѣ же это будетъ? Не наступитъ ли скоро часъ, когда всѣмъ такимъ кощунникамъ будутъ закрыты двери храма Божія, и надъ главою ихъ блеснетъ тотъ страшный мечъ, который данъ Церкви Самимъ Христомъ Господомъ и который грозитъ всѣмъ богоотступникамъ — *анаѳема*!... Нельзя же допускать, чтобъ іудеи и ихъ прислужники, измѣнники Церкви и вѣрѣ Христовой, издѣвались надъ самою молитвой, требуя отъ насъ, служителей Церкви, какъ бы прославленія своихъ покойниковъ, въ безсмертіе души коихъ, конечно же, они сами не вѣрятъ... Мы хотѣли бы вѣрить, что больше не повторятся такія сцены, какія въ свое время мы видѣли надъ трупами Трубецкаго въ Москвѣ или Пергамента въ Петербургѣ...

6—7.

Малолѣтніе преступники и монастыри.

Обращено, наконецъ, должное вниманіе на ужасное зло нашего времени: увеличеніе числа преступниковъ-подростковъ. Къ сожалѣнію, поводомъ къ этому вниманію послужило не увеличеніе дѣтской преступности само по себѣ, а то, что такихъ преступниковъ дѣвать некуда. Въ существующихъ для нихъ пріютахъ съ трудомъ можно помѣстить до 1500, а, между тѣмъ, ежегодный притокъ ихъ достигаетъ до 7,000. Болѣе 7000 помѣщаются въ общихъ тюрьмахъ, съ взрослыми преступниками, гдѣ, конечно, они „обработываются“ уже въ самыхъ закаленныхъ злодѣевъ. Какъ ни печально это явленіе, на которое давно слѣдовало обратить вниманіе и власти, и общества, но еще печальнѣе то, что мало обращается вниманіе на коренныя причины этого зла. Вѣдь, если хотите несчастной Россіи добра, то не оста-

навливайтесь на полдорогѣ, не обрывайте только вѣтки, а изслѣдуйте корни зла и вырвите ихъ. Намъ, служителямъ Христа, корни эти виднѣе, чѣмъ людямъ мірскимъ, хотя бы и стоящимъ на высотахъ управленія. Никто не сомнѣвается, что общею причиною умноженія дѣтской преступности служитъ — скажемъ прямо—это проклятое, якобы „освободительное“, на самомъ же дѣлѣ развратительное и поработительное движеніе минувшихъ лѣтъ. Ни для кого такъ не заразителенъ примѣръ, какъ для дѣтей. И педагоги свидѣтельствуютъ, что никто такъ не наблюдателенъ, какъ дѣти... Дѣти видятъ, что вокругъ ихъ творится и стремятся подражать старшимъ. Дѣти слышатъ, что около нихъ говорится, и сами начинаютъ говорить о томъ же и такъ же, какъ говорятъ взрослые. Я самъ однажды видѣлъ, какъ малютка лѣтъ трехъ возился около своей игрушечной телѣжки и ругался сквернымі словами. Отъ кого онъ научился этой мерзости? Конечно, отъ старшихъ. Онъ видѣлъ, какъ отецъ или братъ мазали колеса на дворѣ, или впрягали лошадь и, при неудачѣ въ какихъ-либо пустякахъ, утѣшались сквернословіемъ. Дитя запомнило слова, не понимая ихъ смысла, и, воображая, что это что-то хорошее, вотъ подражаетъ старшимъ и само, играя на улицѣ... Но это только примѣръ; а представьте себѣ, когда взрослые въ присутствіи дѣтей поносятъ правительство, кощунничаютъ, расхваливаютъ преступниковъ какъ героевъ... Современныя дѣти выучились уже играть въ преступленія. Бывали случаи, когда эта игра кончалась трагически: дѣти убивали товарищей — „черносотенцевъ“, играли въ грабежи и разбои... И это—еще малыши, въ невмѣняемомъ возрастѣ до 7 лѣтъ!.. А съ 10 лѣтъ они уже начинаютъ „сознательно“, уже не играя, участвовать въ преступныхъ дѣяніяхъ. И вотъ уже число такихъ преступниковъ достигаетъ до 9,000! Ужасъ сжимаетъ сердце! Вѣдь, преступность растетъ, и растетъ неудержимо! А тѣ, кто долженъ бы заботиться объ ея искорененіи, кто отвѣчать будетъ и предъ Богомъ, и предъ народомъ, и предъ исторіей,—тѣ, какъ бы нарочито—кто знаетъ? въ наше время всего можно ожидать и всего опасаться—можетъ быть и нарочито—на самомъ дѣлѣ стараются содѣйствовать увеличенію этой преступности дѣтской, покушаясь отнять изъ вѣдѣнія Церкви ея трудами созданныя и взлелѣянныя школы, и передать ихъ въ вѣдѣніе земствъ или министерства, у коихъ—что грѣхъ таить?—религіозное воспитаніе на второмъ планѣ... Вотъ въ чемъ корни зла. И слѣдовало бы прежде всего на нихъ и обратить вниманіе. Слѣдовало бы все начальное народное воспитаніе, всѣ народныя школы, наоборотъ, изъять изъ вѣдѣнія мірскихъ вѣдомствъ и передать Матери—Церкви. Церковь воспитывала народъ почти тысячу лѣтъ; она и только она вложила въ народную душу тѣ безцѣнныя свойства, которыя составляютъ ея украшеніе, ея жизнь... Пусть защищаютъ наши интеллигенты свои земскія и министерскія школы: я не утверждаю, что всѣ онѣ сплошь пропитаны духомъ невѣрія или равнодушія къ Церкви; я только устанавливаю фактъ, неподлежащій сомнѣнію, что въ сихъ школахъ въ несравненной степени больше, чѣмъ въ церковной найдется и зараженныхъ симъ духомъ учителей и учительницъ, которые несмотря на заявленія священниковъ, на жалобы крестьянъ, что они вовсе не посѣщаютъ церкви и

развращаютъ дѣтей, остаются на своихъ мѣстахъ, продолжая отравлять дѣтей ядомъ безбожія или, по меньшей мѣрѣ, пренебрежительнаго отношенія къ Церкви. Удивляться-ли, что, подъ вліяніемъ такихъ учителей и учительницъ, растетъ дѣтская преступность? Не приходится удивляться и тому, что не устраняютъ такихъ учащихъ изъ народной школы [1]).

Наравнѣ съ лишенной церковно-народнаго духа якобы „народной“ школой, ввѣряемой, въ значительномъ большинствѣ, ненадежнымъ въ этомъ отношеніи педагогамъ, увеличенію дѣтской преступности содѣйствуетъ и самое широкое распространеніе въ деревнѣ богохульныхъ, кощунственныхъ, анархическихъ и порнографическихъ изданій. Нынѣ не рѣдко можно найти въ домѣ грамотнаго крестьянина и Ренанову „Жизнь Іисуса“ (спеціально изданную для деревни въ маломъ форматѣ и продающуюся за 20 коп.), и „Ученіе Христа для дѣтей“ Толстого, и изданія „Донской Рѣчи“; и множество подобной богомерзкой макулатуры, а іудейскія газеты, въ родѣ „Копѣйки“ прямо-таки разсылаются даромъ по деревнямъ. Даже среди глаголемыхъ старообрядцевъ встрѣчаются, по отзывамъ миссіонеровъ, любители потолковать о Ренанѣ, Бебелѣ, о книгѣ „Библія и Вавилонъ“, объ „Откровеніи въ грозѣ и бурѣ“... И это—въ глуши Вологодскихъ лѣсовъ! А распространителями такой литературы являются нерѣдко учащіе въ земскихъ школахъ. И вотъ, народная школа, руководимая такими учащими, и вредоносная и грязная литература вытравляютъ въ молодомъ поколѣніи вѣковую любовь народа къ церковной литературѣ, къ житіямъ святыхъ, къ твореніямъ св. отцевъ и учителей Церкви и развиваютъ вкусъ къ развращающей порнографіи и къ уличнымъ листкамъ. Я совершенно отказываюсь понимать: во имя какихъ принциповъ, кромѣ развѣ толстовскаго принципа непротивленія злу, дается такая безграничная свобода іудейской печати? Богу отвѣтятъ тѣ, кто не хочетъ оберечь народъ отъ нея! Заботиться о томъ, куда помѣщать малолѣтнихъ преступниковъ надо, но надо же заботиться и о томъ, чтобы ихъ меньше было, надо устранить причины, увеличивающія преступность.

Обращаюсь къ одной изъ тѣхъ мѣръ, какія предположено принять къ размѣщенію преступныхъ дѣтей изъ тюремъ. Къ сожалѣнію, новаго ничего и тутъ не придумано. Вспомнили о нашихъ монастыряхъ и хотятъ превратить ихъ—говорю въ принципѣ—въ пріюты для преступныхъ дѣтей. Тутъ и казнѣ будетъ выгода; съ хлѣба долой, и тюремному вѣдомству меньше заботы, да и для несчастныхъ, духовно изуродованныхъ дѣтей какъ будто будетъ лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ. Посмотримъ, выполнимо ли это, и если выполнимо, то въ какой мѣрѣ можетъ быть примѣнимо.

Что такое монастырь въ его идеалѣ?

Монастырь есть мѣсто, или, говоря по-нынѣшнему, учрежденіе, дающее всѣ средства и удобства къ осуществленію монашескаго идеала. А этотъ идеалъ есть нравственное перевоспитаніе человѣческой души съ цѣлью очищенія ея отъ страстей и возможнаго нравственнаго совершенства человѣческой

---

[1]) Въ Гос. Думѣ было говорено, что въ 1905—6 г.г. участвовавшихъ въ революціонномъ движеніи учащихъ изъ земскихъ и министерскихъ школъ было до 22500 чел., а изъ церковныхъ всего 163 человѣка.

личности. Міръ не знаетъ, какъ глубоко палъ человѣкъ; въ міру человѣкъ живетъ все время внѣ себя самого; ему некогда заглянуть въ свое сердце, чтобы разсмотрѣть: что тамъ творится? какіе гады тамъ живутъ? Для этого надобно отложить всѣ житейскія попеченія, войти въ самого себя, сосредоточить все свое вниманіе на своемъ внутреннемъ человѣкѣ и при свѣтѣ слова Божія, при руководствѣ святоотеческихъ и подвижническихъ наставленій—познать самого себя, а при помощи благодати Божіей выбросить изъ своего сердца все, что тамъ нечисто, грѣховно, что препятствуетъ человѣку быть обителію Того, Кто рекъ: „пріидемъ къ нему и обитель у него сотворимъ". Для этого нужно уединеніе, тишина, свобода отъ всего, что отвлекаетъ наше вниманіе въ сторону міра и житейской суеты. Для этого потребно постоянное участіе въ молитвѣ церковной, потребно полное отсѣченіе своей воли, своего смышленія, полное ограниченіе своихъ тѣлесныхъ потребностей до минимума. Все это долженъ дать монастырь тому, кто нелицемѣрно хочетъ быть монахомъ. Только по достиженіи извѣстной степени такого перевоспитанія, такого преображенія внутренняго человѣка, если руководители иночества найдутъ сіе необходимымъ и полезнымъ для Церкви Христовой, монаху можетъ быть поручено и какое-либо „служеніе" ближнему. Въ этомъ отношеніи должна быть полная свобода. Мірянинъ можетъ подумать, будто я противорѣчу самому себѣ, говоря объ этой свободѣ. Я, вѣдь, сказалъ, что монахъ воспитывается послушаніемъ, отсѣченіемъ своей воли и даже смышленія. О какой же свободѣ я тутъ говорю? Я говорю о свободѣ инока отъ всякаго внѣшнеобязательнаго, независимо отъ его духовнаго состоянія, дѣла, отъ всякой дѣятельности, организованной по подобію мірскихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Нельзя монаха во всякое время ставить въ необходимость дѣлать что-либо такъ, какъ дѣлаетъ работникъ-мірянинъ, обращаясь самъ какъ бы въ машину. Довольно съ него—и ужъ это-то слѣдуетъ требовать отъ него неотмѣнно,—чтобы онъ всецѣло исполнялъ уставъ монастырскій, въ отношеніи богослуженія и монастырскихъ хозяйственныхъ послушаній, не отвлекающихъ его отъ молитвы и не развлекающихъ его вниманіе дѣлъ. Тѣмъ менѣе желательно на монаховъ возлагать тяжелое бремя заботы о перевоспитаніи порочныхъ дѣтей. И это я говорю даже относительно благоустроенныхъ обителей. А что сказать о теперешнихъ инокахъ? Всѣ они, въ той или другой степени, люди духовно немощные, борющіеся съ своимъ ветхимъ человѣкомъ, люди, для которыхъ постороннее дѣло, особенно такое какъ участіе въ борьбѣ съ порокомъ въ другомъ лицѣ, легко можетъ повредить имъ въ ихъ главномъ дѣланіи—въ борьбѣ съ самимъ собою. Современному монашеству это было бы рѣшительно не по силамъ. Монастырь есть больница: какъ же больные будутъ лѣчить больныхъ? Правда, у сихъ монаховъ есть свои врачи, но надобно помнить, что сіи врачи могутъ лѣчить только того, кто самъ добровольно отдаетъ себя на лѣченіе, противъ же воли и они ничего не въ состояніи сдѣлать ни съ монахами, ни съ порочными дѣтьми. Правда и то, что монастырь есть какъ бы тюрьма, но такая, куда *совершенно добровольно* заключаютъ себя кающіеся грѣшники. Въ монастырѣ никого нельзя удержать си-

лою: если бы административная власть пожелала это сдѣлать, то задержанный противъ воли, упорствуя въ своемъ зломъ намѣреніи, станетъ невыносимымъ бременемъ для монастыря. Представьте же себѣ, что въ монастырь доставленъ малолѣтній преступникъ. Онъ смотритъ на монастырь, какъ на мѣсто невольнаго заключенія, какъ на тюрьму. Въ монастырѣ нѣтъ людей, способныхъ воздѣйствовать на него педагогически, примирить его съ его невольнымъ положеніемъ, направить его волю къ добру. На него смотрятъ, какъ на бремя, какъ на лишняго, несовсѣмъ безопаснаго человѣка, способнаго отомстить при первомъ удобномъ случаѣ своимъ тюремщикамъ кражею или даже поджогомъ. Онъ нуждается въ особомъ неослабномъ надзорѣ и твердомъ руководствѣ во всѣхъ подробностяхъ его жизни. А для этого нужны люди съ педагогической подготовкой, или, по меньшей мѣрѣ,—сами воспитанные въ строгой дисциплинѣ. Но, повторяю, среди насельниковъ монастырей почти невозможно найти таковыхъ. Нынѣ составъ братіи въ большинствѣ монастырей самый случайный. Міръ выдѣляетъ въ монастыри далеко не самыхъ лучшихъ, далеко не идеальныхъ людей. Кто теперь идетъ въ монастырь? Идутъ, большею частію, тѣ, кому дѣваться некуда, кто привыкъ уже жить польготнѣе. Идутъ ученики духовно-учебныхъ заведеній, не окончившіе курса, чтобы подготовить себя къ должности псаломщика; идутъ изломанные жизнью, немощные, коимъ въ пору развѣ только выстаивать службы монастырскія. Идутъ —и это главнымъ образомъ—молодые крестьяне, воспитанные внѣ всякой дисциплины: для кихъ юные преступники будутъ пугаломъ, отъ коего они побѣгутъ вонъ изъ обители... Не будемъ скрывать отъ себя печальной истины, что современное монашество изнемогаетъ, его свѣтлый нѣкогда идеалъ блѣднѣетъ, принижается, постепенно обмірщается. Многимъ монастырямъ грозитъ опасность закрытія просто по недостатку братій. Люди съ полнымъ, не говорю уже съ высшимъ, а хотя бы только съ среднимъ, образованіемъ почти не идутъ въ монастыри въ качествѣ рядовыхъ послушниковъ, ради спасенія души. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда я поступилъ въ монастырь, я засталъ въ лаврѣ еще до 25—30 иноковъ съ полнымъ среднимъ образованіемъ изъ семинарій и гимназій, поступившихъ прямо со школьной скамьи въ обитель и проходившихъ по многу лѣтъ низшія послушанія. Говорили, что ихъ влекло единственно исканіе спасенія, что каждый годъ семинаріи давали лаврѣ двухъ, трехъ юношей, окончившихъ курсъ. А теперь? Около 30 лѣтъ я прожилъ въ лаврѣ и за это время поступило лишь два-три... да и тѣ не всѣ уцѣлѣли въ обители... Большинство—изъ тѣхъ, что пускались въ бурное море житейское, потерпѣли тамъ неудачу и причалили къ тихой пристани только уже въ разбитомъ утломъ своемъ челнѣ... Съ трудомъ найдешь въ монастырѣ человѣка, мало-мало годнаго быть настоятелемъ. Изъ наличныхъ настоятелей—*лучшіе* мечтаютъ, какъ бы сбросить съ себя невыносимое иго настоятельства. Что будетъ, если въ монастыри будутъ направлять еще малолѣтнихъ преступниковъ? Не опустѣютъ ли тогда и вовсе наши святыя обители?..

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ

заключить, что ссылка малолѣтнихъ преступниковъ въ монастыри для монастырей вредна, для малолѣтнихъ преступниковъ безполезна, а на дѣлѣ и невыполнима.

Да, повторяю, невыполнима. Монастырь—не тюрьма. Какъ удержать маленькаго преступника отъ бѣгства? Вѣдь не держать же его на цѣпи или подъ замкомъ. «Приведутъ, говорилъ мнѣ на-дняхъ одинъ старецъ-архимандритъ, мальчишку почти нагого; одѣнешь его, а онъ чрезъ день-два сбѣжалъ. Если даже приставить къ нему особаго стража изъ братіи—онъ сумѣетъ убѣжать. Не будешь же запирать его на каждую минуту отлучки. Сбѣжалъ, и вотъ, извѣщаешь полицію, чрезъ недѣлю-двѣ его отыщутъ, вернутъ въ монастырь—опять полунагого. Снова одѣнешь, а онъ снова сбѣжитъ... А бываютъ и такіе случаи: сговорится съ прежними товарищами, впуститъ ихъ въ корпусъ во время службы да и очистятъ они нѣсколько келлій, пока монахи Богу молятся. А ихъ и слѣдъ простылъ. Бывали случаи, что и монастыри обкрадывали такіе молодцы. Въ монастырѣ отъ нихъ житья нѣтъ братіи. Помѣщать его въ одну келью со старцемъ—значило бы дѣлать пытку старцу: какой же монахъ пожелаетъ имѣть въ своей кельѣ постояннаго такого свидѣтеля келейной своей жизни? Ни помолиться, ни почитать... Да простецъ-монахъ, каковы теперь въ большинствѣ иноки, и не пойметъ: по какому праву и зачѣмъ ему, бѣжавшему изъ міра отъ семейной жизни, навязываютъ такого сожителя?»—Нѣтъ, Бога ради, поберегите монастыри отъ такихъ поселенцевъ, если хотите, чтобы они совсѣмъ не запустѣли. Если ужъ государство такъ обѣдняло, что не можетъ само открывать исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, то пусть возьметъ въ свое распоряженіе нѣсколько захудалыхъ, замирающихъ монастырей, въ коихъ нѣтъ особенно чтимыхъ народомъ святынь, которые и теперь уже приписаны къ другимъ, болѣе живучимъ монастырямъ, и обратитъ ихъ въ пріюты. У него найдутся средства для содержанія сихъ пріютовъ; помогутъ и сколько-нибудь состоятельные монастыри, а людей можно брать изъ военныхъ: сколько теперь послѣ войны калѣкъ—офицеровъ и героевъ-служакъ, не могущихъ заработывать себѣ кусокъ хлѣба земледѣльческимъ трудомъ, но пригодныхъ, чтобы руководить юными преступниками въ пріютахъ, знающихъ и любящихъ ту именно дисциплину, безъ коей исправленіе невозможно. А для женскихъ пріютовъ, въ коихъ, надѣемся, окажется и надобности меньше, найдутся труженицы изъ старыхъ сестеръ милосердія... Населять же вообще монастыри малолѣтками-преступниками значитъ вредить обителямъ. Повторяю: надо пожалѣть ихъ. Быть можетъ еще настанутъ лучшія времена, пройдетъ этотъ туманъ, напущенный масонами на Русь Православную, заговоритъ въ русскихъ людяхъ совѣсть, и снова обители расцвѣтутъ, снова Богъ воздвигнетъ старцевъ-подвижниковъ, и вернется наша интеллигенція къ завѣтамъ предковъ своихъ... Вотъ тогда монастыри и сослужатъ свою вѣковую службу народу обновленіемъ — не экономическимъ, не политическимъ, а нравственнымъ, которое одно только и служитъ основаніемъ блага народнаго и государственнаго... Дай-то, Господи!

8.

Самоубійства молодежи.

Никогда, кажется, такъ не было много самоубійствъ среди молодежи, какъ въ наше смутное время. Газеты пестрятъ извѣстіями о томъ, какъ молодые люди кончаютъ расчетъ съ жизнью. И большею частью эти несчастные сами объясняютъ причину совершаемой ими казни надъ самими собою: «надоѣло жить»... «смысла жизни не вижу»... «пожилъ столько-то лѣтъ, и довольно»... На-дняхъ три іудейки изъ «интеллигентокъ» заперлись въ комнату, играли на роялѣ, пѣли веселыя пѣсни и... отравились. Трупы этихъ самоубійцъ молодежь осыпала розами, а на другой день «Новое Время» пишетъ уже: за сегодняшній день въ Петербургѣ вновь отмѣченъ цѣлый рядъ самоубійствъ среди учащейся молодежи. Эти самоубійства принимаютъ характеръ форменной эпидеміи». («Нов. Вр». № 12,207). Какъ будто сатана явно смѣется надъ тѣми, кто чествуетъ самоубійцъ, увлекая и ихъ къ тому же. Наша мірская печать не разъ останавливалась надъ этимъ страшнымъ явленіемъ, пыталась рѣшить вопросъ: отчего, почему это происходитъ и какъ устранить зло? Даже «самъ» идолъ нашей несчастной молодежи—Толстой заговорилъ... что «человѣкъ имѣетъ право убить самъ себя». Этотъ лицемѣръ говоритъ только, что самоубійство и неразумно, и безнравственно. Вмѣсто того, чтобы показать весь ужасъ этого преступленія, онъ какъ бы ободряетъ юношу, говоря, что актъ самоубійства ничуть не страшнѣе табакокуренія или пьянства. Понятписатели ниединымъ словомъ не описатели ни единымъ словомъ не обмолвились о Богѣ, о душѣ, о вѣчности: напротивъ, они самымъ тщательнымъ образомъ обходили главную и если хотите—единственную *истинную* причину сего явленія и потому кончили свои разсужденія пустыми фразами. Развѣ наши «передовые» люди когда-нибудь сознаются, что вся причина въ томъ, что несчастная молодежь — *Бога теряетъ въ душѣ*, а безъ Бога душа, по природѣ своей хрістіанка — жить не можетъ?.. И вотъ, страшная пустота души, страшная тоска о Потерянномъ, но тоска несознаваемая, безотчетная—съ одной стороны, а съ другой—прираженіе темной силы, проще говоря — искушеніе отъ человѣкоубійцы исконнаго—сатаны (читайте Іоан. 8, 44) влекутъ юношу или дѣву къ страшной развязкѣ—къ самоуничтоженію. Напрасны эти разсужденія о «цѣли жизни», о «смыслѣ жизни»—здѣсь на землѣ: эти цѣли, этотъ смыслъ жизни способны, пожалуй, на время утолить нѣкоторымъ образомъ жажду вѣчнаго, томящую душу человѣческую, но уничтожить эту жажду—никогда не въ состояніи: Богачъ никогда не будетъ доволенъ своимъ богатствомъ, и если бы весь міръ пріобрѣлъ—все же будетъ жаждать и жаждать богатства. Честолюбецъ, властолюбецъ, сластолюбецъ—никогда не скажутъ: «довольно!». Мало этого: писатель, поэтъ, художникъ, достигнувъ своей «цѣли», послѣ сознанія, что дѣло кончено, послѣ испытаннаго чувства удовлетворенія, вдругъ начинаютъ какъ бы сожалѣть, что дѣло кончено, (вспомните, что испытывалъ поэтъ Пушкинъ, когда кончилъ своего «Борисa Годунова») и начинаетъ

искать другой «цѣли», другой работы... Развѣ это не есть доказательство безсмертія души, предназначенной къ вѣчности? Развѣ это не есть жажда вѣчности? вѣчнаго идеала? А гдѣ онъ? Въ чемъ онъ, какъ не въ Богѣ—Существѣ вседовлѣющемъ и всесовершенномъ? Вѣдь душа человѣка сотворена по образу и подобію Его: ужели неясно, что она Его и ищетъ, къ Нему и стремится? И только въ Немъ единомъ и находитъ она свой идеалъ, свое успокоеніе и блаженство. А о Немъ-то и боятся вспомнить всѣ наши мудрые интеллигенты—передовые люди!..

Позвольте подѣлиться съ вами, читатели мои, выдержками изъ письма одного молодого человѣка, стоявшаго на самомъ краю пропасти и только чудомъ Божіимъ спасеннаго отъ самоубійства. Письмо это особенно поучительно для нашего времени. Это—не туманныя разсужденія г. В. Розанова («Нов. Вр». № 12205) о нахожденіи коня», о «моемъ и всеобщемъ призваніи», о «бахромѣ житейскихъ обстоятельствъ», объ «общей цѣли жизни», о «цѣли жизни человѣка вообще»... Нѣтъ, это сама жизнь, это исповѣдь души, пережившей великое искушеніе...

Письмо начинается глубокою сердечною благодарностью тому Божію служителю, который, самъ того не вѣдая, былъ орудіемъ Промысла Божія въ обращеніи этого молодого человѣка. Затѣмъ авторъ продолжаетъ: «будучи вполнѣ сыномъ своего вѣка, стыдясь открыто предъ всѣми исповѣдывать православную вѣру, въ которую я крещенъ младенцемъ, я, изъ этого ложнаго стыда пересталъ ходить въ церковь, пересталъ говѣть и причащаться Св. Христовыхъ Таинъ... въ концѣ-концовъ я совсѣмъ забылъ, что я—христіанинъ, жилъ, какъ живутъ, скажу къ стыду моему, безсловесныя твари. Ѣлъ, пилъ, спалъ, исполнялъ свои мелкія дѣлишки и такъ тянулись во мракѣ мои дни. Во всемъ полагался я только на свой «разумъ» и на то, что дала якобы «наука». Такъ прошло нѣсколько лѣтъ: я совсѣмъ забылъ о Церкви Христовой. Но вотъ, порой на меня стала находить какая-то необъяснимая тоска, мою душу стали наполнять какія-то сомнѣнья и тревоги. И день ото дня мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Закралось въ сердце отчаяніе: нѣтъ ни свѣта, ни выхода, мое существованіе безцѣльно и безсмысленно, я — лишній на свѣтѣ человѣкъ... И явилась мысль о самоубійствѣ. И эта гибельная мысль не казалась мнѣ страшной: напротивъ—какъ будто желанной! Правда, я сначала боролся: искалъ отвѣтовъ на мучившія меня вопросы въ литературѣ, у современныхъ нашихъ писателей—прежніе казались мнѣ уже устарѣлыми,—но моя душа еще больше омрачалась отъ этого чтенія, еще больнѣе становилось на сердцѣ. Тогда я рѣшилъ покончить съ собой. И вотъ, въ одну несчастную минуту я зарядилъ револьверъ и уже приставилъ холодное дуло его къ виску... Ни страха, ни сомнѣній я въ этотъ моментъ не испытывалъ: все мнѣ казалось совершенно безразличнымъ; въ мысли какъ-то промелькнуло только, какъ я упаду послѣ выстрѣла, начнется переполохъ, а тамъ... Это—*тамъ*, за гробомъ на секунду меня остановило. И вдругъ съ быстротою молніи мнѣ вспомнилось мое дѣтство, училище, встрѣча Св. Пасхи и—то настроеніе, радостное настроеніе, какое я испытывалъ въ тѣ дни!... И выпалъ изъ руки моей револьверъ, и я вдругъ заплакалъ, заплакалъ горь-

ко—навзрыдъ!.. Что было со мною дальше—не помню: очнулся я уже лежащимъ на кровати, а около меня суетились мать, родные и докторъ. На головѣ лежалъ компрессъ и докторъ увѣрялъ родныхъ, что это — только простой обморокъ. Чрезъ два дня я оправился, явился аппетитъ, сонъ, хотя очень чуткій. Со мною какъ будто ничего не произошло особеннаго. Но мое состояніе не укрылось отъ любящаго взора матери моей. Она какъ-то незамѣтно для меня пригласила меня въ вашу церковь ко всенощной. Былъ день воскресный. Не желая оскорблять ее отказомъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, какъ она тревожилась и хлопотала около меня, когда со мною былъ обморокъ, я пошелъ съ нею въ храмъ Божій. А я не былъ въ церкви—цѣлыхъ восемь лѣтъ! Когда я вошелъ туда, мнѣ стало какъ-то не по себѣ: такъ я отвыкъ отъ храма. Матушка замѣтила мое смущеніе, но мнѣ и вида не показала, что замѣтила, и пригласила меня пройти дальше во внутрь церкви. Съ нѣкоторымъ самопринужденіемъ, но я пошелъ за нею. Она приложилась къ св. мощамъ, частица коихъ была на аналогіѣ, за клиросомъ, а я не могъ себя къ тому принудить, а стоялъ и первно пощипывалъ усы. Всенощная скоро окончилась; весь бывшій народъ запѣлъ громогласно: «Взбранной Воеводѣ побѣдительная»... Это такъ на меня подѣйствовало, что у меня дрожь прошла по тѣлу. Но я приписалъ это своей нервности. Начался молебенъ и трогательное общенародное пѣніе—«Милосердія двери отверзи намъ»... привело меня въ умиленіе. И чѣмъ дальше пѣли, тѣмъ теплѣе становилось у меня на душѣ, и наконецъ вдругъ я заплакалъ тихими, облегчающими слезами: съ моей души, выражаясь словами поэта, какъ бремя скатилось и стало легко и отрадно... И тутъ только я понялъ, что напрасно я метался, ища выхода для своей наболѣвшей и пострадавшейся души. Этотъ выходъ былъ вотъ тутъ, въ храмѣ Божіемъ такъ близко, и тѣ, кто посѣщаетъ его, никогда не испытываютъ тѣхъ мукъ, какія я пережилъ, удалившись отъ Церкви! И ушелъ я въ уголъ храма, и тамъ, плакалъ горькими слезами, какъ малое дитя, какъ кающійся Петръ... Но вотъ, вышли вы, дорогой батюшка, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, и своимъ громкимъ голосомъ провозгласили: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Глядя на васъ, и я возложилъ на себя крестное знаменіе — въ первый разъ за всѣ восемь лѣтъ моего духовнаго блужданія. Вы говорили о томъ, какъ крѣпко стояли за вѣру Христову древніе христіане, какъ даже маленькія дѣти переносили за имя Христово страданія, а матери, смотря на ихъ страданія, радовались, вѣруя, что ихъ ждетъ мученическій вѣнецъ. А я... меня никто не преслѣдовалъ, не мучилъ за Христа, а, между тѣмъ, я—отрекся отъ Христа! О Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному! На словахъ не выскажешь того, что испытывалъ я въ эти минуты. Когда я пришелъ домой, меня потянуло почитать что-нибудь изъ Священнаго Писанія. Я взялъ у матушки Библію и, раскрывъ наугадъ, прочиталъ: «добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, которое не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ» (Рим. 7, 19. 20).—Вскорѣ послѣ этого дня я сталъ ходить въ церковь, поговѣлъ, причастился Св. Таинъ и—

нашелъ «смыслъ жизни». А слушая ваши поученія, уразумѣлъ и то, что смерть есть лишь одна изъ стадій къ вѣчной жизни.»

Оглядываясь назадъ, молодой человѣкъ далѣе размышляетъ: «до такой ясной мысли я не могъ дойти, пока не посѣщалъ церкви; я ходилъ будто въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго некуда было бѣжать и я, дрожа, стоялъ предъ мучительной загадкой: къ чему мы живемъ? Вѣдь «жизнь — обманъ, она и кончится безсмысленно и гадко, среди тѣлесныхъ мукъ и сердца жгучихъ ранъ» (простите, что опять говорю чужими словами). Кругомъ я видѣлъ только зло и мнѣ казалось, что зло въ мірѣ царствовало и смѣялось надъ добромъ... А теперь я снова вернулся подъ опеку матери-Церкви, гдѣ нашелъ утѣшеніе и покой и даже радость, которой уже давно-давно не испытывалъ... Я чувствую себя такъ, какъ будто перепесъ тяжкую болѣзнь, но за то на душѣ моей такъ легко... А читая слово Божіе, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ истинѣ словъ Господа нашего Іисуса Христа: ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ».

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что его письмо есть удовлетвореніе потребности сердца—раскрыть тайникъ души тому, кто былъ «невольнымъ учителемъ и наставникомъ на пути истины». О себѣ говоритъ, что ему теперь 24 года, онъ еще не женатъ, окончилъ курсъ гимназіи, служитъ и внѣшнимъ своимъ положеніемъ очень доволенъ.

Читатели видятъ, какъ благодать Божія подстерегаетъ душу человѣческую, чтобъ пробудить въ ней спящую совѣсть и обратить на путь спасенія. Благо тому юношѣ, который носитъ въ своемъ сердцѣ благодатныя воспоминанія отъ дней дѣтства. Видите, какъ въ страшную минуту искушенія автора этого письма спасли свѣтлыя впечатлѣнія пасхальныхъ дней въ дѣтствѣ! Не ясно ли: въ чемъ спасеніе отъ искушеній для молодежи нашей? какъ застраховать дѣтей отъ этихъ искушеній? гдѣ искать спасенія отъ эпидеміи самоубійствъ среди молодежи попреимуществу? А эти самоубійства растутъ съ ужасающей силой... Возьмите любой № газеты и вы увидите этому страшное подтвержденіе. Вотъ, напр., № 12,204 «Новаго Времени»: больше столбца занято описаніемъ самоубійствъ. Ихъ за одинъ день зарегистровано въ одномъ Петербургѣ 23! Только за одинъ день! Сколько же за мѣсяцъ? за годъ? сколько по всей Россіи?!. Вѣдь ужасъ беретъ отъ этой скорбной лѣтописи! А наша интеллигенція все хочетъ какъ-нибудь обойтись безъ Бога, объяснить все какъ-нибудь туманными фразами!—Тутъ—простите—ужъ просто проглядываетъ какое-то упорство, нежеланіе имѣть дѣло съ религіей, отреченіе отъ Христа... Тутъ и Самъ Богъ, никого насильно не желающій спасать, ничего не можетъ. Вѣдь по ученію слова Божія въ томъ и состоитъ хула на Духа Святаго, когда человѣкъ упорно сопротивляется очевидной истинѣ. А эти лицемѣры-интеллигенты не только сами не хотятъ знать истины, но и отъ другихъ стараются ее укрыть. Невольно вспоминается слово Господа къ подобнымъ имъ фарисеямъ: «горе вамъ, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки, вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити!» (Мѳ. 23, 14). Невольно думается: какъ легко и просто разрѣшился бы мучительный, роковой вопросъ о современномъ положеніи нашего отечества, вопросъ о томъ:

что дѣлать, какъ выйти изъ той смуты, которая, какъ ядовитый туманъ окутала насъ со всѣхъ сторонъ, губитъ и молодыхъ, и старыхъ, и семью, и школу, и образованные классы, и простой народъ, какъ, говорю, легко этотъ вопросъ рѣшился бы, если бы наша интеллигенція въ цѣломъ обратилась къ Богу отцевъ своихъ, къ Христовой истинѣ! Но—увы! Ко многимъ изъ ея среды приходится примѣнить слово Исаіи пророка: «еда убѣлитъ эѳіопъ кажу свою или измѣнитъ рысь пестроты своя?» Такъ и эти люди не способны къ обращенію, и о нихъ можетъ быть сказано: *аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ*—они *не имутъ вѣры*.

9.

Безъ идоловъ интеллигенты нашего времени жить не могутъ!

Удивительное существо — человѣкъ! Отъ Бога, своего Творца и Искупителя, онъ бѣжитъ, а безъ идоловъ жить не можетъ... По крайней мѣрѣ таково человѣчество въ нашъ, такъ называемый, «просвѣщенный» вѣкъ. А такъ какъ кланяться деревяннымъ и каменнымъ богамъ ужъ было бы слишкомъ безумно, да и толку отъ нихъ никакого нѣтъ, то онъ самъ придумываетъ себѣ божковъ «идейныхъ», а чтобы и этимъ божкамъ было незазорно кланяться, то беретъ для названія ихъ очень почтенныя въ языкѣ человѣческомъ слова, мудро придуманныя въ глубокой, незапамятной древности для обозначенія высокихъ и святыхъ понятій. Вотъ эти-то слова современный «просвѣщенный» человѣкъ и треплетъ для прикрытія ими своихъ идольчиковъ. И это заблужденіе иногда бываетъ такъ искренно, такъ безсознательно, что со стороны просто жаль становится такихъ людей. Я сейчасъ назову одного такого божка, предъ коимъ преклоняютъ колѣна всѣ интеллигентные люди, не исключая даже насъ, пастырей, которыхъ имя этого божка вводитъ въ заблужденіе: думаемъ, что служимъ тому святому идеалу, который нѣкогда разумѣли подъ этимъ словомъ наши предки, а на дѣлѣ-то выходитъ, что насъ заставляютъ служить просто—идолу...

Слушайте же, мои дорогіе читатели: этого современнаго божка зовутъ двумя очень простыми словами: «образованіе» и «просвѣщеніе».

— Какъ!—воскликните вы: образованіе, просвѣщеніе—нашъ идолъ, современный божокъ?

Да, я повторяю свое обвиненіе современныхъ интеллигентовъ въ идолопоклонствѣ: то, что они называютъ теперь «просвѣщеніемъ» и «образованіемъ», вовсе не заслуживаетъ этихъ великихъ словъ. Подумайте только: что хотѣли сказать наши предки, изобрѣтая эти слова? «Образованіе»... Человѣкъ, думали они, созданъ по *образу* и подобію Божію: всякое приближеніе къ сему образу, всякое *преображеніе* духовной личности по образу Создателя и есть *образованіе*. Образъ Божій въ душѣ нашей потемнѣлъ отъ грѣха: просвѣтлить его, насквозь высвѣтлить, какъ говорилъ Гоголь, душу человѣка—вотъ это и есть истинное «просвѣщеніе». Надобно, чтобъ духовная личность вся сіяла богоподобіемъ, свѣтилась насквозь, какъ чистый кристаллъ: вотъ настоящая задача

самой жизни хрістіанина на землѣ. Такъ высоки, такъ святы эти понятія — просвѣщеніе, образованіе! Въ нихъ звучитъ слово Хрістово: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*.

А у насъ что разумѣютъ подъ этими святыми словами: «просвѣщеніе», «образованіе?»—Начинить голову всякими знаніями, да притомъ не знаніями того, что едино на потребу для вѣрующей души, а знаніями земными, утилитарными, а въ послѣднее время и не знаніями даже, а фальсификаціей научныхъ знаній, поддѣлкой ихъ, какимъ-то суррогатомъ знаній—это называется образованіемъ. Начитаться вдоволь разныхъ книгъ и книжекъ, газетъ и журналовъ, и непремѣнно въ духѣ всяческихъ свободъ, хотя бы то было и свобода отъ здраваго смысла, прослушать курсъ лекцій іудея-профессора, съ высоты своего величія не допускающаго и мысли о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ, считающаго религію пережиткомъ старыхъ временъ, поѣздить по Европѣ, поклониться графу богоотступнику Толстому — вотъ нынѣ признаки просвѣщенія... Ну, скажите по совѣсти: развѣ это не подмѣна понятій подъ святыми словами «просвѣщеніе», «образованіе?». А вѣдь у большинства нашей интеллигенціи это такъ. Правда, какимъ-то чудомъ уцѣлѣли еще люди старыхъ понятій, они тоскуютъ по старомъ идеалѣ, душою стремятся къ нему, но масса, толпа интеллигенціи ихъ душитъ, заграждая имъ пути, полагая всюду препятствія, обзывая ихъ отсталыми (если понимать, что величающіе себя передовыми идутъ къ вратамъ адовымъ, то, конечно, всѣ мы, вѣрные завѣтамъ былыхъ добрыхъ временъ—люди *отсталые*: за ними вѣдь мы и не желаемъ слѣдовать); обскурантами, фанатиками, суевѣрами и даже мракобѣсами... И вѣдь вотъ что особенно прискорбно, вотъ что составляетъ своего рода знаменіе времени: даже служители Церкви, даже благонамѣренные руководители юношества идеаломъ воспитанія все же считаютъ почти исключительно одно умственное развитіе: кончить блистательно курсъ наукъ, получить аттестатъ, проще сказать—ярлыкъ, гарантирующій извѣстныя права—вотъ то, о чемъ мечтаютъ они для своихъ дѣтей. Воспитаніе сердца, если нужда въ этомъ и не отрицается, но какъ будто должно совершиться какъ-то само собою, безъ участія воспитателей и родителей... И растетъ наше молодое поколѣніе въ условіяхъ, которыя дѣлаютъ изъ нихъ уродовъ въ духовномъ смыслѣ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не уродъ человѣкъ, умственно развитый, а нравственно—дикарь? Развѣ не дикари въ духовномъ смыслѣ сіи господа законодатели наши, вызывающіе другъ друга на дуэль? Развѣ не уроды духовные всѣ эти интеллигенты, вопіющіе о просвѣщеніи и въ то же время развращающіе народъ порнографіей и іудейской, съ позволенія сказать, литературой.?. [1]) Но стоитъ ли говорить объ этихъ «просвѣщенныхъ» интеллигентахъ? Зло пустило корни гораздо глубже, проникло, хотя кажется, безсознательно, даже въ нѣдра Церкви, въ лицѣ ея служителей,

---

[1]) Невольно вспоминается при этомъ горькая иронія одного почтеннаго стараго педагога, который слово „образованіе“ произносилъ съ перестановкою буквъ: *оборзованіе* и производилъ его не отъ корня *образъ*, а отъ слова *борзой*...

какъ я сказалъ выше. О чемъ мечтаетъ теперь духовенство? О томъ, чтобы его дочери получили «образованіе»... даже на высшихъ женскихъ курсахъ! А о томъ, чтобы вышли изъ нихъ добрыя матери-хрістіанки, помощницы пастырямъ въ ихъ многотрудномъ служеніи, чтобы были онѣ въ своей семьѣ, а матушки и въ цѣломъ приходѣ—носительницами святыхъ завѣтовъ Церкви Православной, чтобы хоть сколько-нибудь напоминали—не говорю уже Ноннъ, Моникъ, Анѳусъ и другихъ святыхъ женъ древности, а хотя бы нашихъ покойныхъ матерей—простыхъ, безграмотныхъ дьячихъ, умѣвшихъ воспитать въ своихъ сыновьяхъ пастырей и архипастырей — объ этомъ заботы что-то не слышно... Вотъ кончила бы курсъ въ гимназіи да пошла на высшіе женскіе курсы, а не то—и въ университетъ, получила бы дипломъ на учительницу, притомъ съ умѣньемъ танцевать и болтать на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, поражала бы всѣхъ своимъ «образованіемъ»—вотъ мечта многихъ и многихъ родителей, не исключая батюшекъ и матушекъ. А если батюшка и матушка до этой мечты не додумаются, то сама дочка принесетъ имъ эту мечту изъ того свѣтскаго учебнаго заведенія, гдѣ она учится: тамъ вѣдь много барышень даже іудейскаго происхожденія (разумѣю наши женскія гимназіи). Таково нынѣ понятіе объ образованіи. Семинаристъ не хочетъ быть пастыремъ Церкви: это, видите ли, для него какъ-то унизительно, условія де жизни «невозможныя». А за семинаристомъ потянулся и простой мужикъ: предо мною прошеніе простого крестьянина Тамбовской губерніи, гдѣ онъ, сообщая, что у него три сына въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учатся, проситъ помощи на ихъ «образованіе». А въ концѣ-концовъ, идеалъ всѣхъ идеаловъ—это ярлыкъ, именуемый аттестатомъ, дипломомъ или чѣмъ-то еще тамъ... Сей ярлыкъ поднимаетъ юнца на высоту, для его отца недостижимую, «отколупываетъ его отъ народа», какъ говорилъ покойный С. А. Рачинскій, и дѣлаетъ его интеллигентомъ... А сынокъ интеллигентъ—гордость для отца, хотя бы отецъ отъ него и плакалъ! Мужичекъ и слова этого произнести не умѣетъ, а съ благоговѣніемъ прислушивается только, какъ сынокъ себя величаетъ этимъ словечкомъ — образованный-де человѣкъ! Всѣ пути ему открыты, хотя бы эти пути простирались многомного до сельскаго учителя да волостного писаря... Это ли—просвѣщеніе?!

Слышу, мнѣ возражаютъ: такъ что же, ужели никакой школы не нужно?

Но я и не говорю этого. Я только подчеркиваю, что не слѣдуетъ такъ преувеличивать понятія, не слѣдуетъ увлекаться умственнымъ развитіемъ молодежи какъ чѣмъ-то ужъ въ высшей степени идеальнымъ, какъ верхомъ совершенства. На дѣлѣ, особенно въ наше время, это—не совершенство, а нерѣдко—уродство. Забываютъ главное: человѣкъ живетъ вовсе не умомъ, какъ это всѣмъ кажется, а сердцемъ, а умъ-то только на послугахъ у сердца. А сердце-то и забыто въ дѣлѣ воспитанія. Поставили люди предъ собою идола—ярлыкъ, права, а для того, чтобъ не слишкомъ это было унизительно,—назвали его «образованіемъ», «просвѣщенностью», и преклоняются предъ нимъ до забвенія хрістіанскаго долга. Знаю, мнѣ скажутъ: не всѣ же учатся для ярлыка. Мно-

гіе учатся для обогащенія себя знаніями, для полезнаго потомъ служенія отечеству. Знаю и это. Но очень бы я желалъ, чтобы правительство сдѣлало такой опытъ: закономъ отмѣнило бы всякое значеніе диплома, аттестата, всѣхъ подобныхъ ярлыковъ. Пусть каждый пробиваетъ себѣ служебную дорогу не чрезъ ярлыкъ, а показаніемъ на дѣлѣ своихъ знаній и пригодности на службѣ. Развѣ мы не знаемъ людей, опытомъ и знаніемъ превосходящихъ всѣхъ патентованныхъ ученыхъ, а между тѣмъ они, напримѣръ, техники, безъ диплома не допускаются къ самостоятельной дѣятельности, хотя бы они сто разъ доказали самымъ дѣломъ свою опытность и знаніе. Это—первое. Сдѣлай правительство такой опытъ, —половина нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній опустѣла бы. Іудеи ушли бы оттуда и очистили бы мѣсто для тѣхъ, кто хочетъ учиться для науки. Затѣмъ: вѣдь я не отрицаю значенія школы и науки. Я только говорю, что школа, исключительно развивающая умъ и совсѣмъ оставляющая въ забвеніи сердце, несомнѣнно уродуетъ человѣка. Въ громадномъ большинствѣ нынѣ прошедшій школу юноша пріобрѣтаетъ только извѣстную сумму знаній; много-много, если онъ пріобрѣтетъ въ школѣ нѣкоторый лоскъ интеллигента, научится свѣтскимъ приличіямъ; а его нравственное развитіе чуть ли не искривляется въ дурную сторону: самолюбіе—невыносимое, у него голова перевѣшиваетъ сердце, самоцѣнъ—безъ мѣры и конца... Онъ несчастенъ, ибо постоянно можетъ ожидать въ жизни искушеній для этого самоцѣна. Вѣдь древніе не такъ разсуждали. Когда жилъ праведный Іовъ? Онъ былъ по древнему сказанію, пятымъ отъ Авраама, жилъ, слѣдовательно, когда евреи были еще въ Египтѣ — до Моисея. И вотъ какъ онъ опредѣляетъ мудрость: *премудрость есть благочестіе*. Въ самомъ дѣлѣ: если сердце есть главный органъ духовной жизни, откуда исходятъ, по слову Спасителя, всѣ помышленія, и благія, и злыя, если въ сердцѣ находятся исходища живота, то будь человѣкъ благочестивъ—онъ будетъ и премудръ, духовно опытенъ въ жизни, ему легко будутъ даваться и земныя науки, хотя Богъ сотворилъ человѣка не для земли, не для того, чтобъ онъ воспользовавшись здѣсь земными благами, потомъ своимъ тѣломъ только удобрилъ матъ-сыру землю, а для вѣчности..... Вѣдь, христіанину-то стыдно забывать объ этомъ, а мы, кажется, еще не отреклись отъ христіанства.

Но это тема—безконечная: мнѣ только хотѣлось обратить вниманіе моихъ читателей на одного изъ современныхъ идоловъ культурнаго человѣчества — на тотъ самообманъ, въ которомъ многіе изъ насъ находятся въ отношеніи образованія. Я былъ бы счастливъ, если бы кто-нибудь задумался надъ этимъ и, если есть у него дѣти, сумѣлъ бы и имъ внушить, что ихъ успѣхи въ ученьѣ безъ обученія наукѣ изъ наукъ, искусству изъ искусствъ, какъ называютъ св. отцы духовную жизнь,—не дадутъ имъ счастья, что если хотятъ они быть счастливы, то пусть учатся этой великой наукѣ—жить по заповѣдямъ Божьимъ и растить въ своемъ сердцѣ благодатныя сѣмена жизни вѣчной. Только тотъ на землѣ истинно счастливъ, кто опытомъ сердца знаетъ силу словесъ Господнихъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть*...

10.

Святые дни.

Кто живетъ церковною жизнію, для того тихо, среди покаянныхъ молитвъ и трогательныхъ воспоминаній проходитъ Святая Четыредесятница. Тамъ, за стѣнами церкви, бурно шумитъ море житейское, а здѣсь благодатный миръ пріосѣняетъ измученныя души кающихся грѣшниковъ. Не любитъ грѣшный міръ этого слова—«грѣшникъ», не хочетъ онъ признать существованіе грѣха: за то и рабствуетъ онъ грѣху безъ надежды на ту свободу духа, какую даетъ смиренное покаяніе у подножія креста Хрістова. Внѣ Церкви—нѣтъ истиннаго мира, нѣтъ чистой радости, нѣтъ того счастья, о коемъ не имѣютъ понятія сыны міра, но которое опытомъ сердца вѣдаютъ чада Церкви Православной. О, если бы люди знали это счастье! Если бы цѣлымъ сердцемъ возжелали его! Весь міръ тогда преобразился бы.

Къ несчастью, безполезно говорить съ сынами вѣка сего объ этомъ счастьѣ, объ этой радости, объ этой сладостной тишинѣ сердца. Это значило бы говорить съ слѣпыми о красотѣ цвѣтовъ, съ глухими — о чудной гармоніи звуковъ... Это значило бы говорить съ язычниками о сущности хрістіанства. Не по страху только мученій древніе хрістіане укрывались въ катакомбахъ: въ эти подземелья влекло ихъ непреодолимое желаніе быть наединѣ съ Богомъ, уйти отъ этого міра, всецѣло погруженнаго въ рабство грѣху. Тамъ изливали они свои пламенныя молитвы, тамъ совершали Божественную Евхаристію, тамъ переживали то, что Господь разумѣлъ, когда изрекъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть*... Тщательно оберегали они эти тайны духовныхъ настроеній отъ язычниковъ, ибо язычники не могли понять сихъ таинъ, а могли лишь осмѣять ихъ...

Ужели и мы дожили до такихъ временъ? Если еще не дожили, то не близятся ли они? Боже! А вѣдь тѣ, кто вокругъ насъ, среди кого мы живемъ, именуютъ себя хрістіанами! Страшно подумать, что это за хрістіане... И неужели сіи, глаголемые хрістіане, никогда, даже въ дѣтствѣ, въ ранней юности, не чувствовали на себѣ вѣянія Божьей благодати? Ужели ни разу въ жизни хотя бы дѣтскимъ сердцемъ не переживали они тѣхъ благодатныхъ минутъ священнаго восторга и умиленія, какими преисполняется вѣрующее сердце въ великіе дни Страстей Господнихъ и Святой Пасхи? Хотя бы въ дѣтствѣ!... Недавно въ своемъ «дневникѣ» я привелъ письмо одного молодого человѣка, котораго спасло отъ самоубійства одно мимолетное воспоминаніе пасхальной радости, испытанной когда-то имъ въ дѣтствѣ: запасаются-ли нынѣшніе дѣти такими спасительными впечатлѣніями на грядущіе дни великихъ для нихъ испытаній? Сказалъ нѣкогда Господь Своимъ ученикамъ: «не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ»... о какъ хотѣлось бы просить, умолять современныхъ глаголемыхъ хрістіанъ: не препятствуйте хотя дѣтямъ-то своимъ, если ужъ сами очерствѣли, не способны къ тому стали, имъ-то не препятствуйте воспринимать благодатныя впечатлѣнія службъ церковныхъ въ великіе дни! Не лишайте ихъ той неземной радости,

какая посѣщаетъ сердце вѣрующее въ созерцаніи великихъ дѣлъ Божіихъ въ спасеніи рода человѣческаго! Вѣдь наше православное богослуженіе не есть простое воспоминаніе событій изъ жизни Спасителя нашего: нѣтъ, оно переноситъ насъ во времена евангельскія, даетъ намъ возможность таинственнымъ образомъ переживать то, что переживали живые свидѣтели тѣхъ событій—Апостолы и вѣрующія души, о коихъ сказалъ нѣкогда Господь: *ваши же блаженны очеса, яко видятъ, и уши ваши, яко слышатъ. Аминь бо глаголю вамъ, яко мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мѳ. 13, 16). Въ самомъ дѣлѣ: мы ни на минуту не должны забывать, что всѣ мы, вѣрующіе во Христа Спасителя нашего, составляемъ живое таинственное тѣло Его—Церковь, что жизнь христіанъ минувшихъ вѣковъ есть жизнь Церкви, а слѣдовательно, и наша жизнь, что для насъ всѣ отшедшіе къ Богу изъ міра земнаго отцы и братія—*живи суть*, всѣ обрѣтаются въ благодатномъ общеніи съ нами чрезъ Церковь и главу ея—Христа Спасителя, что Господь нашъ, по безконечной любви Своей ко всякому вѣрующему въ Него, силенъ содѣлать каждаго изъ насъ причастникомъ того созерцанія, того «блаженства очесъ», о коемъ Онъ Самъ говорилъ.... И св. Церковь даетъ полную возможность къ тому—чрезъ свои чудные обряды, посредствомъ несравненной, неподражаемой поэзіи пѣснопѣній. Смотрите, напримѣръ, съ какою мудростью, съ какою постепенностью и знаніемъ души человѣческой, готовитъ онъ насъ къ величайшему торжеству живаго общенія съ небомъ: какъ иначе назвать нашъ всерадостный праздникъ Христова воскресенія? Для того, чтобы взойти на небо, надо прежде всего очиститься отъ всякой нравственной грязи: «ничто нечистое не войдетъ туда», говоритъ слово Божіе (Апок. 21, 27). И вотъ, положенъ постъ, по числу дней равный посту Христову. Не легокъ подвигъ поста для немощи человѣческой: и къ посту — приготовленіе: недѣля о Закхеѣ—урокъ беззавѣтной любви ко Христу; недѣля о мытарѣ и фарисеѣ — урокъ глубоко-смиренной покаянной молитвы; недѣля о блудномъ сынѣ—урокъ смиреннаго покаянія; недѣля о Страшномъ Судѣ — урокъ страха Божія. Затѣмъ — седмица полупоста — сырная. Затѣмъ — недѣля о паденіи Адамовомъ и—уже самый постъ во всей его строгости... Возмите хотя дома въ руки великую книгу покаянія—Тріодь постную, почитайте стихиры и каноны: особенно великій канонъ св. Андрея Критскаго: сколько слезъ пролито св. пѣснописцами при составленіи ихъ! Сколько умиленнаго чувства! Уже съ средины св. поста вѣрующіе поклоняются кресту Господню и сей крестъ созерцается ими какъ бы въ нѣкоемъ отдаленіи постепенно приближающейся священной Голгоѳы—великихъ дней страстей Господнихъ. И чѣмъ ближе сіи дни, тѣмъ больше напоминаній о покаяніи. Въ четвертое воскресенье Церковь творитъ память одного изъ великихъ учителей покаянія—преподобнаго Іоанна Лѣствичника, написавшаго свою «Лѣствицу, возводящую на небо», полную великихъ уроковъ духовнаго опыта, скопленнаго сорокалѣтнимъ подвигомъ въ уединеніи священной горы Синайской. Какъ жаль, что мало чита-

ютъ эту книгу православные хрістіане! Это—не ученый трактатъ, это скорѣе златая цѣпь изреченій, полныхъ духовной мудрости, разительныхъ примѣровъ, отеческихъ наставленій, облеченныхъ въ такую форму, что многія изъ нихъ хотѣлось бы заучить наизусть! Любятъ наши образованные, религіозно-настроенные хрістіане читать книгу Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», которая, кстати сказать, по отзыву нашихъ святителей — аскетовъ, написана «изъ мнѣнія», т.-е., въ состояніи мечтательности, неправильнаго духовнаго настроенія, а вотъ этой книги—«Лѣствицы»—вовсе не знаютъ. А св. Церковь такъ высоко цѣнитъ трудъ преподобнаго Іоанна, что уставомъ предписываетъ въ монастыряхъ читать его за богослуженіемъ во дни поста, наравнѣ съ твореніями преподобнаго Ефрема Сирина, а память самого автора чтитъ особою службою въ 4-е воскресенье Великаго Поста.

Въ четвертокъ на 5-й недѣлѣ читается великій канонъ Андрея Критскаго—этотъ покаянный плачъ грѣшника у затворенныхъ вратъ райскихъ. Предъ нами проходитъ вся исторія ветхаго и новаго завѣта какъ бы въ картинахъ: все, что можно извлечь назидательнаго для души, не только извлечено, но и примѣнено къ дѣлу въ трогательныхъ обращеніяхъ и увѣщаніяхъ: какъ будто нѣжно любящая мать съ слезами горячей любви увѣщеваетъ, умоляетъ сына-грѣшника очнуться, оглянуться на себя, познать свое бѣдственное состояніе, покаяться, обновиться душою... Въ слѣдующее пятое воскресенье представляется единственный по высотѣ подвига образецъ покаянія и духовнаго обновленія въ лицѣ преподобной Маріи Египетской. Этотъ примѣръ заставляетъ смолкнуть всѣ извиненія человѣческой немощью, обычно приводимыя грѣшниками, когда ихъ зовутъ къ покаянію: если послѣдняя изъ грѣшницъ, всецѣло, изъ страсти къ отвратительному пороку, отдавшая свою бурную молодость грѣху, оказалась, при помощи Божьей благодати, по ходатайству Матери Божіей, способною къ столь нравственному перерожденію до состоянія почти безплотной, ходившей по водамъ Іордана, яко по суху, читавшей въ душѣ старца его мысли, знавшей Писанія безъ знанія грамоты, провидѣвшей свою кончину: то кто же смѣетъ сказать въ свое оправданіе, что нѣтъ ему возможности къ покаянію и спасенію? Да смолкнетъ предъ сею святою женою всякое самооправданіе наше, всякое «непщеваніе во грѣсѣхъ!»

Съ понедѣльника вербной недѣли въ церкви уже слышится имя друга Божія Лазаря, имя благословенной Виѳаніи. Прочтите въ высшей степени поэтическій канонъ Андрея Критскаго, положенный въ пятницу, наканунѣ воскрешенія Лазаря: какіе чудные образы, какая картина плачущаго ада развернется предъ вами! Адъ плачетъ, ибо уже слышитъ голосъ грядущаго Воскресителя мертвыхъ. Плачетъ и самъ же умоляетъ Лазаря поскорѣе покинуть его мрачную темницу, ибо зоветъ его Божественный Другъ...

Пятницей вербной недѣли кончается собственно святая четыредесятница. Какъ Христу, грядущему на вольную страсть, тихая Виѳанія дала отдыхъ, такъ утомленнымъ трудникамъ св. поста облегчается сей постъ на два дня: субботу Лазареву и день ваій—вербное воскресенье.

Съ ваіями и вѣтвьми, съ пѣніемъ «осанна благословенъ Грядый» мы

встрѣчаемъ Господа, грядущаго на страданія. Особенно трогательно видѣть въ этотъ день малютокъ, съ такимъ восторгомъ, съ такимъ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ держащихъ священныя вѣтви и горящія свѣчки въ своихъ ручкахъ! Такъ живо воспоминаются тѣ дѣти, которыя, несмотря на суровые запреты книжниковъ и фарисеевъ, громко взывали Побѣдителю смерти Господу Іисусу: *осанна! осанна Сыну Давидову! Благословенъ Грядый во имя Господне!* И какъ-то стыдно становится предъ древними Евреями, которые вотъ умѣли же научить своихъ дѣтей роднымъ Давидовымъ псалмамъ, ибо эти слова прямо взяты изъ псалма,—а наши дѣти не знаютъ иногда и самыхъ необходимыхъ молитвъ... И представляется, что Кроткій и Смиренный, возсѣдающій на осляти Господь съ любовью взираетъ на этихъ дѣтокъ, внимаетъ ихъ—если не хвалебнымъ восклицаніямъ, то радостнымъ вздохамъ сердечнымъ, и благословляетъ ихъ Своимъ небеснымъ благословеніемъ.

Съ вечери недѣли ваій священнослужители уже мѣняютъ свѣтлыя священныя одежды на черныя. На утро уже трогательно звучатъ пѣснопѣнія: *Се, Женихъ грядетъ въ полунощи... Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный...* Въ стихирахъ вспоминается трогательная исторія Іосифа прекраснаго—ветхозавѣтнаго прообраза Христова и притча о безплодной смоковницѣ. Съ третьяго часа начинается чтеніе всѣхъ четырехъ Евангелистовъ подъ рядъ. Предъ нами проходитъ вся жизнь нашего Спасителя на грѣшной землѣ, всѣ Его чудеса, мы слышимъ все Его Божественное ученіе, всѣ Его завѣты... Это чтеніе длится три дня на часахъ сей седмицы. Во вторникъ Церковь напоминаетъ намъ снова Страшный Судъ Божій и притчи Христовы—о талантахъ, о десяти дѣвахъ. Въ среду вѣрующее сердце можетъ выплакать свое горе, омыть свои нечистоты грѣховныя у ногъ своего Спасителя вмѣстѣ съ женою, помазавшею Господа мѵромъ. Какъ трогательна стихира, въ среду на вечерни, составленная смиренною пѣснотворицею древней Церкви, монахинею Кассіею! Она какъ будто сама плачетъ у ногъ Христовыхъ, какъ будто сама переживаетъ эти минуты священнаго умиленія, этой отрадной скорби, этого духовнаго обновленія!

Великій четвертокъ. Тайная вечеря. Вѣрующіе причащаются Божественныхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ. Христосъ среди учениковъ Своихъ проводитъ послѣднюю вечерю, изливаетъ предъ ними Свою любящую душу. Уже на этой вечери слышится тихая грусть, глубоко сокрытая скорбь Его, но Онъ утѣшаетъ любимцевъ Своихъ, ибо видитъ, что и они предчувствуютъ грядущую разлуку. Только Іуда злочестивый является темнымъ пятномъ на этой трогательной картинѣ, и лишь вышелъ онъ изъ священной горницы, какъ отверзлись уста Божественнаго Учителя и полились Его сладостныя рѣчи въ Его прощальной бесѣдѣ съ учениками... О, если бы мы чаще повторяли себѣ эту бесѣду! Чаще вспоминали бы святые завѣты Его! Но—увы! Мы слышимъ ее развѣ только разъ въ годъ—на утрени Великаго пятка...

Пятокъ, великій пятокъ!.. Господь среди страданій. Въ 12 чтеніяхъ изъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ во всей полнотѣ и трогательности раскрывается предъ

пами великое дѣло Любви Божіей, воплотившейся и страждущей за грѣхи міра. Какія стихиры, какіе антифоны! Я не знаю ничего болѣе трогательнаго въ поэзіи, какъ эти антифоны, эти стихиры, эти сѣдальны... А напѣвы! Наши древніе церковные напѣвы! Какая музыка можетъ сравниться съ ними? Кто не смягчался сердцемъ, у кого не выступали слезы, хотя бы при пѣніи свѣтильна: *Разбойника благоразумнаго?..*

Величіе дня всемірной скорби, великаго пятка, не позволяетъ совершать въ сей день литургію: вѣрующіе довольствуются благоговѣйнымъ созерцаніемъ искупительной Жертвы, принесенной въ сей день за грѣхи всего міра. Вмѣсто литургіи совершаются Царскіе часы. Въ чтеніяхъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, чредующихся съ чтеніями изъ писаній Апостола Павла и св. Евангелій, мы можемъ видѣть, какъ Господь, по неизреченной благости Своей, постепенно готовилъ родъ человѣческій къ принятію Спасителя пророчествами и прообразами.

Наконецъ—вечерня, единственная въ году вечерня, съ выносомъ св. плащаницы, съ трогательнымъ пѣніемъ *Благообразный Іосифъ...* Мы переносимся духомъ въ Іерусалимъ, на Голгоѳу, въ садъ Аримаѳейскаго Іосифа, мы съ умиленіемъ созерцаемъ погребеніе нашего Господа, мы участвуемъ въ этомъ погребеніи своимъ сердцемъ, мы плачемъ съ Преблагословенной Матерію Господа надъ Его бездыханнымъ, но животворящимъ тѣломъ... Что можетъ быть умилительнѣе этихъ обрядовъ Христова погребенія? Какая вѣрующая душа не выронила слезу при пѣніи: *Тебе, одѣющагося свѣтомъ, яко ризою* или: *Пріидите, ублажимъ Іосифа пріснопамятнаго?..* А канонъ на плачъ Пресвятыя Богородицы? Да это такая поэзія, съ какою не сравнится ничто изъ твореній всемірно-прославленныхъ поэтовъ!

Я не буду говорить объ утрени Великой Субботы: эта таинственная глубокопоэтическая каѳисма съ ея похвалами Господу, почивающему во гробѣ, похвалами, полными духовныхъ созерцаній того, что творилось въ загробномъ мірѣ и въ самой преисподней въ то время, когда Творецъ міра тѣломъ почивалъ во гробѣ, при чемъ неподражаемо художественно изображается настроеніе всей природы, даже бездушной природы, въ эти великіе дни искупленія міра его Творцомъ,—этотъ также полный поэзіи и вмѣстѣ глубокаго богословствованія канонъ: *Волною морскою*, ирмосы котораго наполовину написаны тою же инокинею поэтессою Кассіею, наконецъ—крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницею въ полумракѣ глубокаго утра—все это такъ благодатно дѣйствуетъ на душу вѣрующую, что не вышелъ бы изъ церкви, все стоялъ бы колѣнопреклоненный у гроба своего возлюбленнаго Господа Іисуса и плакалъ бы о грѣхахъ своихъ сладкими слезами умиленія!...

Литургія, въ своей первой части, то есть, собственно вечерня есть тоже какъ бы «присѣдѣніе прямо гроба» съ Маріею Магдалиною и другою Маріею и благоговѣйное размышленіе о великихъ судьбахъ промысла Божія въ искупленіи грѣшнаго человѣчества, при свѣтѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и прообразованій. Въ 15-ти пареміяхъ или чтеніяхъ изъ Ветхаго Завѣта, раскрывается вся исторія домостроительства нашего спасенія, отъ сотворенія міра до самаго прише-

ствія Христова. Какъ глубоко не пожалѣть нашихъ собратій, которые проводятъ этотъ день въ суетѣ предпраздничныхъ приготовленій и не заглядываютъ въ храмъ Божій! Подумать только: чего сами себя лишаютъ они! Какою дорогою цѣною окупаютъ свою суету!

И, вѣдь, вотъ что особенно прискорбно: ну—пусть бы мірянинъ-простецъ, въ потѣ лица своего достающій себѣ хлѣбъ насущный, такъ погружался въ эту суету—было бы хоть понятно; но—люди обезпеченные, люди, имѣющіе полную возможность быть въ церкви въ эти великіе дни, ихъ-то почему мы не видимъ въ церкви Божіей? Они-то куда ушли отъ гроба Жизнодавца? Мало того, что сами ушли: и дѣтокъ ихъ вовсе не видно тутъ, у подножія Христовой плащаницы! Господи! Коснись ихъ сердца, дай имъ хотя мало восчувствовать сладость благодати Твоей, столь преизобильно вѣющей въ святомъ храмѣ Твоемъ въ эти дни: быть можетъ, если не сознаніе долга—быть при гробѣ Твоемъ, то хотя это благодатное настроеніе, это духовное блаженство вѣрующаго сердца привлечетъ ихъ сюда, чтобы съ нами, служителями Твоими, лобызать раны Твои, поклоняться священному изображенію измученнаго тѣла Твоего, почивающаго на ложѣ тридневномъ, и встрѣтить потомъ въ свѣтлой радости преславное Твое воскресеніе!...

11.

Пасхальная радость и пастырская скорбь.

Христосъ воскресе, мои дорогіе читатели! И да воскреситъ Онъ и наши сердца, да согрѣетъ ихъ любовью къ Себѣ, да вдохнетъ духъ жизни въ наши измученныя, какъ бы замершія души!..

Нѣтъ въ человѣческомъ языкѣ словъ болѣе сладостныхъ, болѣе животворящихъ, болѣе чудодѣйственныхъ, какъ эти два слова: Христосъ воскресе! Когда произносишь ихъ—чувствуешь, будто и солнце тебя ласкаетъ, и радость вокругъ тебя всюду разливается. А когда представишь себѣ, что, вѣдь, эта радость, это ликованіе жизни надъ смертью, это живое общеніе съ землею и земли съ небомъ въ сей нареченный и святой день идетъ по всей Руси, отъ востока до запада, отъ пустынной Камчатки до тѣхъ русскихъ областей, которыя уже соприкасаются съ Западной Европой: то невольно воскликнешь: о, какъ счастливы мы, Русскіе, что и родились, и пребываемъ неизмѣнно въ нѣдрахъ святой нашей матери-Православной Церкви! Тамъ, у западныхъ христіанъ, торжественнѣйшимъ праздникомъ христіанства почитается праздникъ Рождества Христова; великъ сей праздникъ и въ нашей Церкви, и называется онъ тоже *Пасхою* въ книгахъ богослужебныхъ, но, вѣдь, рожденіе Спасителя есть только начало нашего спасенія, а воскресеніе—завершеніе его, полное торжество Господа нашего надъ адомъ и смертью, надъ человѣкоубійцею исконнымъ—сатаною. А, вѣдь, *Его* торжество есть торжество *наше*—торжество всего искупленнаго Имъ человѣчества. Есть вѣрованіе, что

кто умретъ среди свѣтлыхъ дней Пасхи, для того отверсты врата райскія. Вѣрованіе это сложилось подъ впечатлѣніемъ пасхальнаго богослуженія. Въ самомъ дѣлѣ: въ теченіе всей пасхальной седмицы въ церкви усопшихъ не поминаютъ; аще случится кому отъити ко Господу въ сіи святые дни, то вмѣсто обычнаго отпѣванія поется пасхальный канонъ, вмѣсто: *Со святыми упокой* поется: *Аще и во гробъ снизшелъ еси Безсмертне*, вмѣсто *вѣчной памяти* поютъ все то же всерадостное *Христосъ воскресе*... Какъ будто смерти вовсе нѣтъ, ея Церковь не замѣчаетъ, какъ бы презираетъ, восклицая съ пророкомъ: «смерть, гдѣ же твое жало?» И это несчётное число разъ поемое *Христосъ воскресе*, и этотъ полный священнаго восторга канонъ, и эти цѣлую недѣлю незакрываемыя царскія врата во всѣхъ храмахъ православныхъ, и этотъ цѣлодневный, въ продолженіе всей недѣли звонъ на всѣхъ колокольняхъ святой Руси, и эти радостныя привѣтствія и братскія лобзанія: *Христосъ воскресе—воистину воскресе!*.. все это какъ бы свидѣтельствуетъ, что небо соединилось съ землею въ великомъ торжествѣ всемірнаго обновленія, и въ этомъ торжествѣ участвуетъ даже бездушная природа: ярко свѣтитъ и будто играетъ весеннее солнце, теплomъ вѣютъ южные вѣтерки, повсюду пробуждается растительность, весело скачутъ горные потоки,—рѣки поспѣшно сбрасываютъ свои ледяные покровы; шумно и весело встрѣчаютъ грядущую весну не только пернатыя гостьи-пѣвуньи, къ этому времени возвращающіяся изъ далекихъ южныхъ странъ, но и домашнія животныя, выпускаемыя на пажити... Воистину, всемірный пиръ вѣры, торжество въ честь Воскресшаго Жизнодавца! Христосъ воскресе, Христосъ воскресе!!!

Простите мнѣ, добрые христіане-читатели мои... Я хотѣлъ на сихъ словахъ и кончить свой нынѣшній «дневникъ». Мнѣ не хотѣлось омрачать вашу свѣтлую радость воскресенія словомъ обличенія тѣхъ, кто заслуживаетъ обличенія; но въ моей пастырской совѣсти я слышу голосъ Божій, въ глубокой, еще ветхозавѣтной, древности глаголавшій пророку: «если стражъ видѣлъ идущій мечъ, и не затрубилъ въ трубу, и народъ не былъ предостереженъ: то, когда придетъ мечъ и отниметъ у кого изъ нихъ жизнь, сей схваченъ будетъ за грѣхъ свой, но кровь его взыщу отъ руки стража. И тебя, сынъ человѣческій, Я поставилъ стражемъ дому Израилеву; и ты будешь слышать изъ устъ Моихъ слово и вразумлять ихъ отъ Меня»... (Іез. 33, 6. 7). Такъ глаголетъ Господь и въ совѣсти каждаго пастыря Церкви Своей. Вотъ почему великій Апостолъ взывалъ: *горе мнѣ, аще не благовѣствую!* (1 Кор. 9, 16). Вотъ почему и я долгъ имѣю сказать правду, по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто принадлежитъ къ моей паствѣ, чтобы не отвѣчать Богу, по реченному: «кровь ихъ отъ твоей руки взыщу!..» (Іез. 33, 8).

Ликуетъ душа пастыря, совершающаго богослуженіе въ первый день Пасхи, облаченнаго во весь свѣтлѣйшій, по выраженію устава церковнаго, санъ, обходящаго многократно весь храмъ съ сладостнымъ и радостнымъ благовѣстіемъ—*Христосъ воскресе!* Будто шумъ водъ многихъ слышитъ онъ въ отвѣтъ на этотъ привѣтъ: *во-*

истину, воскресе! Свѣтлая утреня подходитъ къ концу. Уже поютъ чудныя стхиры Пасхи. Наступаетъ моментъ трогательнаго выраженія взаимной любви, взаимнаго прощенія: простимъ вся воскресеніемъ! Выходятъ священнослужители изъ алтаря, будто ангелы Божіи, съ неба, и начинается «хрістосованіе». Въ эти минуты каждому хотѣлось бы весь міръ обнять и прижать къ своему сердцу, полному радости и счастья, и вотъ Церковь Хрістова даетъ исходъ этому чувству сердца въ прекрасномъ обрядѣ хрістосованія. Всѣ ликуютъ, всѣ лобзаются другъ съ другомъ, повторяя ангельское *Христосъ воскресе!* и отвѣчая на него апостольскимъ — *воистину, воскресе!*...

Но—что это значитъ? Церковь пачинаетъ пустѣть... Служба еще не кончилась, а богомольцы, особенно люди чиновные, уже куда-то спѣшатъ... Что случилось?...

Тридцать лѣтъ жилъ я во святой обители, а раньше всегда встрѣчалъ св. Пасху въ родномъ сельскомъ храмѣ, и никогда не приходилось наблюдать того, что замѣтилъ въ городскихъ соборахъ, когда сталъ архіереемъ. Половина храма до сего момента обычно наполнена блестящими мундирами, а съ этой минуты, какъ только сіи мундиры похрістосуются съ архіереемъ и представителями высшей гражданской власти, такъ всѣ уходятъ и ихъ мѣсто во время Божественной литургіи — пустуетъ... Я былъ грустно пораженъ, когда увидѣлъ это въ первый разъ: и омрачилась для меня радость свѣтлаго праздника грѣшною, можетъ быть въ такой день, но тяжелою скорбью. Куда такъ спѣшатъ эти чиновные мундиры? Ужели ужъ такъ утомились, что не въ силахъ достоять литургію?.. Нѣтъ, но они спѣшатъ — на разговѣнье... Позвольте же: да развѣ можно «разговляться»—до обѣдни? Спросите любую безграмотную старушку и она вамъ скажетъ, что это—грѣхъ, что это оскорбленіе праздника Господня... Вѣдь, что такое литургія? Это воспоминаніе всего великаго искупительнаго подвига нашего Господа, это великое, установленное Имъ, таинство, чрезъ которое мы можемъ имѣть съ Нимъ живое благодатное общеніе — въ причащеніи Его Божественныхъ Таинъ пріискреннѣ соединяться съ Воскресшимъ, становиться—не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ - членами Его таинственнаго тѣла—Церкви, по реченному; *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56), и: *единъ хлѣбъ—едино тѣло есмы мнози, вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17). Вотъ почему въ доброе старое время, а въ благоустроенныхъ обителяхъ и на св. горѣ Аѳонской еще и теперь, въ этотъ день всѣ присутствующіе, всѣ молящіеся въ храмѣ причащаются Тѣла и Крови Господнихъ.—Увы! У насъ дошло до того, что одинъ «образованный» мундиръ спрашиваетъ архіерея: «а что, владыко, важнѣе: утреня или литургія?»... И вотъ, бѣгутъ отъ литургіи, чтобъ скорѣе выпить—да, именно выпить прежде-всего, и закусить (позволительно спросить еще: всѣ ли разговляются въ этотъ день? Вѣдь, многіе и не нуждаются въ «разговѣньи», ибо и не «заговлялись» вовсе...), закусить и прилечь уснуть—пока до визитовъ... И грустно становится пастырю—о, какъ грустно, когда онъ видитъ во время литургіи половину храма пу-

стующею, и только вѣрные молятся съ нимъ, молятся о всемъ мірѣ и вотъ объ этихъ неразумныхъ «интеллигентахъ», что ушли изъ храма Божія прежде времени [1])...

Но скорбь пастыря симъ не оканчивается, а только начинается. Какъ проводятъ русскіе люди великіе дни?

Все празднованіе полагается въ праздности, въ служеніи чреву, въ празднословіи и забавахъ. Работать во славу Божію почитаютъ грѣхомъ, а проводить время въ праздности, и предаваться игрищамъ, не всегда безукоризненнымъ, а—что хуже всего — пьянствовать, сквернословить, буйствовать, это — не грѣхъ, это можно—вѣдь, «кто празднику радъ, тотъ-де до свѣту пьянъ!»... Мнящіе себя быть цвѣтомъ народа, люди «общества», интеллигенты, съ утра до вечера визитируютъ, а вечеромъ, вмѣсто того, чтобы пойти въ храмъ Божій, спѣшатъ въ театръ, на вечера, балы, гдѣ предаются танцамъ, картежной игрѣ, пустословію и нерѣдко тому же пьянству, какъ и простой народъ, только прикрытому приличіями... А простой народъ—на гульбищахъ, на базарахъ, около винныхъ лавокъ и—да не возглаголютъ уста мои грѣшныхъ дѣлъ человѣческихъ, что творятся въ великіе и святые дни праздничные, особенно же въ дни св. Пасхи!... И томится болью сердце добраго пастыря, и молится онъ: Господи, не постави имъ грѣха сего! И желаетъ онъ только бы скорѣе миновали эти дни...

И вспоминается завѣтъ великаго Апостола Христова Павла христіанамъ: «Развѣ не знаете, что малая закваска кваситъ все тѣсто? Итакъ, очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ.... ибо Пасха наша Христосъ закланъ за насъ. Посему станемъ праздновать не со старою закваскою, не съ закваскою порока и лукавства, но съ опрѣсноками чистоты и истины»! (1 Кор. 5, 6—8).

12.

Сердце очерствѣло...

«Сердце наше окаменѣло», пишетъ мнѣ одинъ изъ простецовъ-читателей: «душа стала какъ воскъ на морозѣ; а царь Давидъ говоритъ, что воскъ таетъ отъ лица огня. Такъ и душа наша нуждается въ солнцѣ, чтобы согрѣться и умягчиться. Но лучи солнца мало проникаютъ сквозь житейской суеты... Вотъ наступаетъ праздниковъ праздникъ — Свѣтлое Воскресеніе Христово; какая радость для христіанина, какое торжество, какъ душа волнуется!.. Мнѣ уже 60 лѣтъ отъ роду; значитъ, я встрѣчаю сознательно этотъ праздникъ, по крайней мѣрѣ, въ 50-й разъ, и все одно и то же,—та же радость, то же душевное волненіе, какъ и 50 лѣтъ назадъ! Съ нетерпѣніемъ ждешь удара въ колоколъ къ свѣтлой заутрени, съ трепетомъ сердечнымъ идешь въ Божій храмъ, а при пѣніи радостнаго *Христосъ воскресе*—отъ умиленія слезы текутъ... А потомъ что? Иду домой,

[1]) Съ прошлаго года, чтобы удержать богомольцевъ въ соборѣ до конца литургіи, я перенесъ обрядъ христосованія съ конца утрени на конецъ литургіи. Спасибо: многіе остались...

хрістосуюсь съ домочадцами, и всѣ садимся за столъ, уставленный яствами и питьями...: съ *спокойной совѣстью!* А тамъ, гдѣ-то далеко отъ насъ, слышится жалобный голосъ: «мама! мнѣ холодно!.. Мама! я ѣсть хочу!» А эта несчастная мама въ нетопленной хатѣ крѣпко прижимаетъ къ себѣ своихъ малютокъ, какъ птица птенчиковъ, чтобы согрѣть ихъ, и слышитъ она торжественный звонъ, и заливается для праздника горючими слезами... А дѣтки опять свое: «мама, я ѣсть хочу, мнѣ холодно!»... — «Да обождите, родные мои! Вотъ Богъ пошлетъ»...

«А мы съ спокойной совѣстью разговляемся, мы не слышимъ этихъ горькихъ жалобъ вдовъ и сиротокъ, и мы *смѣемъ* называть себя хрістіанами!.. Св. Евангеліе всегда предъ нами; раскроемъ его, и прочтемъ,—вотъ что говоритъ Хрістосъ грѣшникамъ: «алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и вы не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня... Идите же отъ Меня, проклятые, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его!» (Мѳ. 25, 42. 43. 41)... О, какъ страшно! Такъ ли ты поступаешь, душа моя? Такъ ли, какъ велитъ Хрістосъ? О, какъ хотѣлось бы, хотя въ этотъ великій торжественный праздникъ, обогрѣть и накормить этихъ несчастныхъ сиротокъ, согрѣть ихъ теплымъ отеческимъ словомъ,—какую радость мы принесли бы этимъ вдовицамъ, этимъ сироткамъ, въ этотъ великій и пресвѣтлый день Хрістовъ! А какая радость была бы для насъ самихъ, для нашей души: мы сказали бы: слава Богу! Хотя разъ въ году, мы исполнили завѣтъ Христа!»

Съ удовольствіемъ я дѣлаю выписки изъ этого письма, и радуюсь, что есть еще добрыя хрістіанскія души, которыя не совсѣмъ забыли завѣты Хрістовы, что еще тоскуютъ сердцемъ по этимъ завѣтамъ. Далѣе въ письмѣ авторъ скорбитъ, что онъ одинокъ, что одинъ онъ не въ силахъ этого сдѣлать—на это у него средствъ нѣтъ... Не скорби, добрая, православная душа! Не можешь ты сдѣлать многаго—сдѣлай хотя немногое; не можешь согрѣть и напитать всѣхъ сиротокъ, которыхъ видишь—пригрѣй и накорми хоть одного изъ нихъ, приласкай и добрымъ словомъ утѣшь остальныхъ: это-то ты ужъ, конечно, можешь, а Богъ, видя твое доброе пропзволеніе, пошлетъ тебѣ невидимо средства и на другихъ сиротокъ... Вѣдь, не мы дѣлаемъ добро, а Богъ въ насъ и чрезъ насъ творитъ его, — мы же только орудіе Его жизнедѣятельности на землѣ... Хрістосъ ищетъ среди людей, среди вѣрныхъ Его завѣтамъ душъ, такихъ, у коихъ сердце открыто для добра, и творитъ чрезъ нихъ это добро, и дѣлаетъ ихъ счастливцами, живыми членами Своего таинственнаго тѣла—Церкви Православной... Не знаютъ этого счастья сыны міра, служащіе богу вѣка сего—мамонѣ; не знаютъ еретики, высоко о себѣ думающіе: это счастье доступно только смиреннымъ душамъ, внимающимъ слову Хрістову: *егда твориши милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. 5, 3). И когда же мірянину творить такое животворящее для души добро, какъ не въ праздники Господни, какъ не въ свѣтлые дни Хрістова Воскресенія? Вѣдь, то, что мы дѣлаемъ ближнему — мы дѣлаемъ Самому

Господу нашему, слышите, что Онъ говоритъ: *аминь, глаголю вамъ: елика сотвористе единому братій Моихъ меньшихъ—Мнѣ сотвористе!* (Мѳ. 25, 40).

Я говорю: мірянину... А мы, пастыри, мы что должны дѣлать въ святые дни?.. О, конечно, по мѣрѣ нашихъ силъ, итти впереди своихъ пасомыхъ въ добродѣланіи, ибо сказано: *овцы по немъ идутъ* (Іоан. 10, 6); мы должны первые подавать примѣръ любви христіанской во имя Воскресшаго Христа. А затѣмъ—слышите: русская душа жалуется, что ей холодно? Такъ согрѣемъ ее благодатью Христовой! О, какъ преизобильно вѣетъ эта божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая въ нашей Церкви Православной! Одно уже богослуженіе, разумно, благоговѣйно, истово совершаемое, какъ согрѣваетъ вѣрующее сердце! И особенно богослуженіе праздничное: какая дивная поэзія въ пѣснопѣніяхъ, какая красота, выразительность, осмысленность въ обрядахъ! Привлеките къ участію въ богослуженіи молящійся народъ, введите постепенно общее церковное пѣніе: пусть дѣти поютъ и читаютъ въ церкви, а вы не опускайте ни одного богослуженія безъ живого слова проповѣди, хотя краткаго, но сердечнаго, и—вѣрьте: тогда никто не пойдетъ на эти скучнѣйшія собранія еретиковъ—пашковцевъ, штундистовъ, баптистовъ, имже нынѣ нѣсть числа. Чтобы пріучить народъ къ общему пѣнію, нынѣ издано много сборниковъ молитвъ и пѣснопѣній, цѣною въ нѣсколько копѣекъ: каждый можетъ себѣ пріобрѣсти такую книжку и по ней пѣть то, что положено и чего не знаетъ онъ наизусть. Затѣмъ, кромѣ богослуженія, открывайте внѣбогослужебныя собесѣдованія и въ храмѣ, и въ школахъ, и по деревнямъ. И здѣсь учите народъ пѣнію: онъ такъ любитъ пѣть церковныя пѣснопѣнія. И научить этому не особенно трудно: вѣдь, если онъ запомнитъ восемь напѣвовъ гласовъ, то уже можетъ и пѣть стихиры, остальное еще легче усвоить. На собесѣдованіяхъ облекайте истину Христову въ образы, приводите больше примѣровъ изъ жизни святыхъ Божіихъ, какъ они прилагали къ жизни ученіе Христово, а чтобы не сказалъ кто: то были святые, а намъ, грѣшнымъ, гдѣ же имъ подражать?—берите примѣры и изъ современной жизни... Кто хочетъ исполнить свой долгъ по совѣсти, кто любитъ сердцемъ своихъ пасомыхъ, тотъ постоянно слышитъ въ своемъ сердцѣ голосъ Христа Спасителя: *жатва убо многа, дѣлателей же мало...* И жаждущихъ слова Божія много, ахъ, какъ много! Вѣдь, почему-нибудь да идутъ къ еретикамъ, на ихъ собранія: что ихъ влечетъ туда? Простое ли только любопытство? Нѣтъ, тамъ они надѣются пить воду живую, но вмѣсто того—пьютъ ядъ вражды противъ матери Церкви... «Отчего у насъ понятія помутились, пишетъ мнѣ тотъ же простецъ: отчего мы не можемъ отличить черное отъ бѣлаго? Да оттого, что насъ не учатъ, съ нами не бесѣдуютъ по-отечески, оттого, что мы не чувствуемъ той теплоты въ нашихъ пастыряхъ, какой проситъ наша душа... Если бы наши пастыри пошли въ деревню на бесѣды, посмотрите, какъ повалилъ бы къ нимъ народъ послушать святой той проповѣди, пришли бы и мужчины, и женщины, и дѣти: какая

радость была бы для пастыря, да и для простыхъ людей! Они долго помнили бы и проповѣдь, и проповѣдника. А у насъ появились волки хищные въ овечьей шкурѣ, именуемые баптисты, и увлекаютъ изъ стада Хрістова добрыхъ овечекъ. Вездѣ, гдѣ они появляются, народъ валомъ валитъ послушать проповѣдника—баптиста о словѣ Божіемъ. Простой человѣкъ радъ хоть безбожника послушать, только бы говорилъ онъ о словѣ Божіемъ. А у насъ нѣтъ бесѣдъ у нашихъ пастырей, нѣтъ свѣта, нѣтъ тепла, и остыли наши души, и перестаютъ православные въ церковь ходить... Дайте же намъ свѣта, дайте намъ тепла, согрѣйте насъ отеческой любовью!»...

Вотъ голосъ православной народной души. Ужели мы не услышимъ его? Страшно Богу отвѣтимъ, если притворимся, будто не слышимъ его. Его нельзя не слышать. Алчущій и жаждущій народъ—смотрите—идетъ къ тѣмъ, кто даетъ ему камень вмѣсто хлѣба, змію вмѣсто рыбы: кто отвѣтитъ Богу за это, братья-сопастыри стада Хрістова?!..

13.

Мой откликъ на голосъ изъ земли забвенной.

Сегодня читатели найдутъ въ «Троицкомъ Словѣ» письмо миссіонера «Изъ земли забвенной»—изъ далекой Камчатки. Молодой проповѣдникъ Православной вѣры Хрістовой прибылъ оттуда нарочито въ Петербургъ, чтобы повѣдать духовныя нужды инородцевъ, обитающихъ въ этомъ холодномъ, пустынномъ краѣ, знакомилъ жителей Петербурга съ бытомъ и правами этихъ дѣтей природы, призывалъ православныхъ къ образованію общества или братства, чтобы вносить свѣтъ Хрістовъ въ этотъ, дѣйствительно, забытый въ духовномъ отношеніи край, гдѣ на разстояніи 943,000 квадр. верстъ нѣтъ ни одной православной церкви, гдѣ тунгусы, припявшіе св. крещеніе, видятъ священника одинъ разъ въ 20 лѣтъ... О. Несторъ разсказывалъ, какъ ему приходится объѣзжать за сотни и тысячи верстъ отстоящія одна отъ другой юрты туземцевъ: ѣхать нужно на собакахъ, въ страшную стужу, въ вѣчной тьмѣ, прорѣзываемой только иногда сѣверными сіяніями. Слушая его разсказы, невольно начинаешь стыдиться за тѣхъ, кои именуютъ себя православными, по своимъ поведеніемъ, своею дѣятельностью блазнятъ только младенчествующихъ инородцевъ, которые съ недоумѣніемъ спрашиваютъ: «а гдѣ же Свѣтлый Богъ вонъ у тѣхъ...?» Жаль, что о. миссіонеръ не написалъ тѣхъ подробностей, которыя онъ передавалъ въ устной бесѣдѣ: о томъ, какъ живутъ эти дѣти природы, какъ устроены ихъ юрты, какъ онъ пробирается въ эти юрты, спускаясь чрезъ дымовое отверстіе сверху, верхомъ по закопченному бревну, пачкаясь сажею, задыхаясь, безъ привычки, отъ дыма, разъѣдающаго до боли глаза, переполняющаго носъ и ротъ, какъ нуждаются эти дикари въ помощи медицинской, На всю Камчатку, равную 983, 520 квадр. верстъ, есть всего лишь одинъ врачъ, да и тотъ никогда

не ѣздитъ по инородцамъ. Сестры милосердія несутъ самоотверженный трудъ, но ихъ всего на Камчаткѣ—три. И вотъ въ этой юртѣ, пропитанной запахомъ гноя, миссіонера окружаютъ больные, голодные люди, среди нихъ много съ отгнивающими частями тѣла, безногихъ, безрукихъ, съ искаженными и выгнившими лицами, всякаго возраста, отъ младенца до старика. Вотъ, ползетъ десятилѣтній мальчикъ, покрытый страшными гнойными язвами и безсвязнымъ глухимъ стономъ проситъ о помощи и облегченія. Вотъ, его несчастная мать, изстрадавшаяся за него, старается облегчить страданія своего любимца—сына, но какъ? Она вырѣзаетъ его гнойные наросты рабочимъ тупымъ, иногда грязнымъ, ножомъ, вытираетъ эти раны сухой травой, и, конечно, засоряетъ ихъ еще болѣе.... Вотъ, отецъ съ отгнившими ногами, съ болѣзненнымъ стономъ ползетъ по землѣ, разлагаясь дальше, а мать и дочь, дѣтъ семи малютка, обѣ скорчены и, ходятъ, опершись руками на землю, съ опущенной всегда внизъ головою.... [1]) Сердце содрагается, когда слышишь это изъ устъ того, кто, лицомъ къ лицу, сердцемъ пережилъ все это, какъ свидѣтель неложный, какъ служитель Христа, душу свою отдавшій этимъ страдальцамъ, а когда онъ же повѣдаетъ, что эти дѣти природы встрѣчаютъ каждаго, носящаго духовную одежду неизъяснимо - трогательнымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!»—какъ будто напоминая тѣмъ, что во имя воскресшаго Спасителя міра они ожидаютъ отъ насъ помощи, какъ духовной, такъ и тѣлесной, — трудно удержать слезы состраданія, и я видѣлъ эти слезы на глазахъ даже мужчинъ, которые слушали о. Нестора... И слава Богу; дѣло, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ столицу, налаживается: братство уже представило въ С.-Синодъ свой уставъ, болѣе ста лицъ изъ высшаго круга откликнулось на его призывъ и записалось въ учредители; Самъ Благочестивѣйшій Государь изволилъ принять молодого труженика на невоздѣланной нивѣ Евангелія, и отнесся съ царскимъ благоволеніемъ къ его святому дѣлу.

Да, дѣло святое, дѣло великое, дѣло, Богомъ порученное нашей Руси Православной... Но что творится съ нашею Русью? Сама-то она не пошла ли изъ хрістіанства обратно къ язычеству? Не обратились ли многіе изъ ея сыновъ уже въ настоящихъ язычниковъ, кромѣ, можетъ быть, только наименованія? Русскіе люди будто опьянѣли отъ разныхъ «свободъ», поняли эти свободы какъ «непротивленіе злу», разрушаютъ всѣ преграды, охраняющія границы между добромъ и зломъ, стремятся проводить это «непротивленіе» въ самые законы: гдѣ ужъ тутъ говорить объ обращеніи инородцевъ изъ язычества?! Я очень боюсь, что и о. Несторъ, въ простотѣ души повѣрившій Петербургу, можетъ легко обмануться: уѣдетъ онъ, полный надеждъ, къ своимъ, дѣтски его полюбившимъ, камчадаламъ, а въ Питерѣ его дѣло пойдетъ по канцеляріямъ,—тѣ, которые съ увлеченіемъ слушали его одушевленное слово, остынутъ въ своемъ усердіи и,—чего не дай, Боже!—позабудутъ его... А онъ будетъ повѣствовать своимъ пасомымъ о той братской къ нимъ любви, какую питаютъ русскіе православные люди въ Питерѣ, и они будутъ плакать отъ радости и

[1]) См. „Новое Время“, №. 12248.

ждать... Будетъ ждать и о. Несторъ, будетъ напоминать о себѣ, но трудно воздѣйствовать на Питеръ за 10,000 верстъ. А тамо сущіе, въ Камчаткѣ живущіе «русскіе православные», что «камлаютъ за картами и шаманятъ за виномъ», что безсовѣстно грабятъ наивныхъ дѣтей природы, будутъ подсмѣиваться надъ ихъ простотою и довѣрчивостью... И горько будетъ бѣдному, одинокому труженику въ далекой, холодной Камчаткѣ, и надломятся его силы, и заболѣетъ онъ отъ непосильнаго труда... О, если бы я ошибся въ этихъ предположеніяхъ! Если бы скорѣе образовалось братство, если бы пошли къ о. Нестору добрые сотрудники-иноки, способные на великій подвигъ!.. Вѣдь, подумалъ только: эти инородцы, простые сердцемъ, какъ дѣти, тянутся къ намъ съ такою довѣрчивостью, съ такою надеждою, что, воистину, жаль ихъ и грѣшно отвергнуть; они ищутъ у насъ тепла и свѣта: Богу отвѣтимъ, если не дадимъ имъ этихъ духовныхъ благъ! Они готовы сродниться съ нами духомъ, стать русскими людьми: ужели мы отвергнемъ ихъ и согрѣшимъ предъ родною исторіей, предъ роднымъ народомъ? И много ли для сего нужно, если говорить о средствахъ матеріальныхъ? По одной копѣйкѣ съ православной души!... И ужели нѣтъ среди насъ, среди ста милліоновъ православныхъ, людей, подобныхъ о. Нестору, которые беззавѣтно отдали бы себя на святое дѣло апостольскаго служенія въ Камчаткѣ?

Правда, мы живемъ въ какомъ-то мракѣ безпросвѣтномъ. Рушатся наши завѣтные идеалы, оскверняются святыни, гаснетъ вѣра въ сердцахъ, оскудѣваетъ духъ монашества. Казалось бы: въ такое ли время говорить о подвигахъ апостольства?

Отвѣчаю: да, именно *теперь* и надо напомнить намъ завѣты предковъ нашихъ во всей ихъ чистотѣ и высотѣ; именно теперь и должно вызвать изъ среды насъ людей еще способныхъ къ подвигу... Одно ихъ появленіе уже пробудитъ нашу совѣсть, заставитъ насъ задуматься надъ тѣмъ, что мы дѣлаемъ, куда мы идемъ. Яркій лучъ солнца, падающій на глаза спящихъ, пробуждаетъ ихъ отъ сна. Свѣтлый порывъ души на подвигъ во имя Божіе, готовность на самоотреченіе во имя любви къ ближнему—уже сильны разбудить нашу спящую совѣсть. Вѣдь, вотъ одно появленіе о. Нестора въ этомъ бездушномъ, казалось, Петербургѣ пробудило совѣсть еще непотерявшихъ вѣру во Христа: хотя сто человѣкъ на полуторамилліонное населеніе столицы—капля въ морѣ, но, вѣдь, по слову Апостола Павла, «малъ квасъ все смѣшеніе киситъ», и царство небесное, по слову Христову, подобно закваскѣ, которая поднимаетъ все тѣсто... Ужели же на Руси не найдется еще, хотя бы двухъ-трехъ, ревнителей вѣры, которые пошли бы въ Камчатку на подвигъ апостольскій? Ужели то движеніе, которое проявило себя въ Петербургѣ, не отзовется въ другихъ городахъ? Да, вѣдь, оно, это движеніе, *нужно для насъ самихъ*, для собственнаго *нашего* спасенія, какъ душевнаго, такъ и государственнаго... Оттого мы и гибнемъ, что омертвѣли духовно, не проявляемъ жизни въ христіанской дѣятельности, находимся въ духовномъ параличѣ. Сдѣлаемъ усиліе, заставимъ себя пойти навстрѣчу Христу: смотрите, въ лицѣ сихъ братій нашихъ меньшихъ, Онъ про-

стираетъ къ намъ руку Свою, руку не только просящую у насъ для сихъ братій помощи, но и всемогущую; намъ же помогающую, насъ же укрѣпляющую... Вѣдь, Господь и безъ насъ можетъ найти для сихъ инородцевъ просвѣтителей и учителей вѣры, но Онъ хощетъ, чтобы *мы* исполнили сію святую миссію, чтобы намъ досталось счастье быть ихъ просвѣтителями, чтобы мы были орудіемъ Его благостнаго промышленія о сихъ, сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй сынахъ Адамовыхъ. И они чувствуютъ простымъ дѣтскимъ своимъ сердцемъ все это, они простираютъ къ намъ свои умоляющіе взоры, они съ улыбкой дѣтской радости встрѣчаютъ служителей Христовыхъ радостнымъ привѣтомъ — *Христосъ воскресе!* Ужели же мы отвергнемъ ихъ? Ужели, въ лицѣ ихъ, мы отвергнемъ Того, Кто сказалъ: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ,—Мнѣ сотвористе? (Мо. 25. 40).

Нѣтъ! Этого не будетъ. Русь еще не отреклась отъ Христа. Она проснется, она стряхнетъ съ себя эти, врагами вѣры и народа навѣянные, кошмары, она понесетъ свѣтъ Христовъ не только въ свою русскую Камчатку, но и въ Китай, и Японію, и въ Индію, и всюду, гдѣ еще не проповѣдано святое православіе, гдѣ еще не свѣтитъ свѣтъ Христовъ, просвѣтити весь міръ имѣющій. Если святое Православіе наше есть чистая истина Христова ученія, то мы должны просвѣщать симъ свѣтомъ не только язычниковъ, но и неправославныхъ христіанъ. Западные христіане въ послѣднее время шлютъ къ намъ, будто къ язычникамъ, своихъ проповѣдниковъ, разныхъ баптистовъ, штундистовъ, не говоря уже о римско-католикахъ: бѣдные! Въ своемъ самодовольствѣ они и не подозрѣваютъ, что чистое Христово ученіе— у насъ, что не имъ насъ, а намъ бы слѣдовало просвѣщать ихъ... Увы, мы не цѣнимъ, не знаемъ сокровища, какое ввѣрилъ намъ Богъ, а кто знаетъ его цѣну, тотъ не находитъ словъ, какъ благодарить Господа за него...

Проснись же, родная наша матушка—Русь! Сбрось съ себя все чужое, наносное, вспомни завѣты предковъ и то, къ чему зоветъ тебя Господь! Слышишь: даже язычники-камчадалы взываютъ къ тебѣ: *Христосъ воскресе!*..

Кому Богъ внушитъ добрую мысль помочь о. Нестору посильною лептою, тотъ можетъ послать деньги прямо во Владивостокъ, на имя Высокопреосвященнаго Евсевія, Архіепископа Владивостокскаго и Камчатскаго, для миссіонера іеромонаха Нестора. Не отказывается и наша редакція, и я лично передавать сіи лепты. Объ открытіи Общества или братства будетъ нами сообщено въ свое время.

Дневникъ сей былъ уже написанъ, когда полученъ № 12,248 «Новаго Времени», въ коемъ сообщается, что Святѣйшій Синодъ утвердилъ уставъ братства, о коемъ ходатайствовалъ о. Несторъ. Слава Богу: шагъ впередъ...

14.

„Хоръ душъ“ и Церковь.

Славу Богу: сознаніе, что нельзя жить жизнію, оторванною отъ жизни нашихъ предковъ, начинаетъ проникать въ среду такихъ искрен-

нихъ публицистовъ, какъ г. Меньшиковъ, который въ послѣдніе годы желаетъ итти впереди другихъ по пути раскрытія нашего національнаго самосознанія. Правда, о православіи, какъ первой основѣ русскаго національнаго духа, онъ еще говоритъ какъ-то робко, мимоходомъ, но и за то уже спасибо. Богъ дастъ — если онъ не устыдится быть до конца искреннимъ и глубже вдумается въ суть дѣла, то и о православной вѣрѣ нашей онъ заговоритъ съ тѣмъ же горячимъ чувствомъ любви, какъ говоритъ теперь о «національнизмѣ», проще говоря: о народности, о тѣхъ свойствахъ русской души, которыя отличаютъ Русскаго человѣка отъ всякаго инородца. Вѣдь, то, что говоритъ онъ о «жизни рода», мы постоянно повторяемъ въ отношеніи жизни Церкви. Церковь есть живой организмъ, есть тѣло Христово, коего членами пребываютъ не тѣ только, кто живетъ теперь на землѣ, а всѣ отъ вѣка отшедшіе къ Богу отцы и братія наши, матери и сестры, начиная съ первозданныхъ прародителей нашихъ и кончая тѣмъ христіаниномъ, который приметъ святое крещеніе; сочетается съ распятымъ Господомъ, предъ Его вторымъ пришествіемъ на землю. Господь Самъ говоритъ о Себѣ: «Я—лоза, а вы—вѣтви». Отломится вѣтка отъ лозы, и замираетъ: такъ—только въ живомъ общеніи съ Господомъ, съ Его тѣломъ—Церковію, возможна духовная жизнь. А поелику наши предки «жили въ Церкви», Церковь была стихіею ихъ жизни, то быть въ общеніи съ ними и жить въ Церкви значитъ одно и то же. Я говорю о жизни духа, но то же примѣнимо и къ жизни народной души, къ народной психологіи, народному міросозерцанію. Какъ жаль, что такіе талантливые писатели, какъ г. Меньшиковъ, самитo живутъ внѣ Церкви и только издали своимъ сердцемъ угадываютъ истину. Оттого она у нихъ и высказывается какъ-то туманно, общими мѣстами: читая ихъ, чувствуешь, что человѣкъ ощупью подходитъ къ ней! Оттого и сужденія ихъ иногда отзываются какимъ-то не то пантеизмомъ, не то еще какою-то туманною философіей. Но важно уже и то, что они, благодаря своей искренности, подходятъ къ церковному міровоззрѣнію въ самомъ важномъ вопросѣ жизни: «человѣкъ, говоритъ г. Меньшиковъ, лишаетъ себя жизни личной, когда выходитъ изъ источника ея—жизни рода». Подставьте здѣсь слово «родъ» словомъ «Церковь», и получится тотъ законъ, коимъ живетъ въ Церкви все вѣрующее во Христа человѣчество. «Всякое сколько-нибудь рѣзкое отклоненіе отъ жизни рода составляетъ уродство и болѣзнь». Опять замѣните слово «родъ» словомъ «Церковь», и православный богословъ охотно подпишется подъ этими словами. Вѣдь, всякая ересь, всякое сектантское мудрованіе есть именно уродство и болѣзнь. «Съ индивидуальной точки зрѣнія, говоритъ г. Меньшиковъ, родовая (по-нашему: церковная) жизнь есть жизнь вѣчная: она была до насъ; мы умремъ, а она потечетъ дальше, въ потомствѣ нашемъ». Тутъ авторъ, очевидно, говоритъ, какъ человѣкъ, чуждый жизни Церкви и по ту сторону гроба, и будемъ жить вѣчно не церковною только, но и личною жизнію въ Церкви и по ту сторону гроба и вотъ въ этомъ-то и есть то счастье, о коемъ авторъ говоритъ тутъ же: «только тогда человѣкъ и счастливъ, только тогда и чувствуетъ

въ себѣ полноту жизни, когда онъ живетъ жизнью вѣчной, жизнью всѣхъ своихъ предковъ». Вѣдь, если нѣтъ вѣчной жизни *личной*, то для меня мало «счастья» въ томъ, что и послѣ меня «жизнь потечетъ дальше». Вѣдь, «полнота жизни и счастья» именно въ томъ, чтобы, какъ я лично, такъ и всѣ мои близкіе, и весь народъ, мнѣ родной, и все вѣрующее человѣчество жило вѣчно и было счастливо, а это возможно только для того, кто вѣруетъ во Христа, и возможно только въ Церкви. И къ этому счастью «отдѣльный человѣкъ», дѣйствительно, «двигается совокупной силой всего общества», т.-е. всей Церкви; при такомъ движеніи, дѣйствительно «нельзя упасть и нельзя отстать: откуда-то берутся силы...» Только все это не въ той туманной области вѣчнаго бытія «рода», о коей говоритъ г. Меньшиковъ, а въ самой реальной области церковной жизни.

Свою статью г. Меньшиковъ пишетъ по поводу той невидимой заразы, которая губитъ теперь столько жизней—по поводу самоубійствъ среди молодежи. Онъ видитъ причину этого ужаснаго явленія въ «томъ моральномъ опустошеніи, которое вноситъ въ міръ дезорганизація общества, разобщеніе людей». «Старое общество, говоритъ онъ, носило это имя (имя «общества») потому, что толпа людей, дѣйствительно, была пропикнута общими началами, общей вѣрой, общимъ разумомъ, общимъ одушевленіемъ. Теперешнее же населеніе утратило эту общность—не вполнѣ, конечно, но въ значительной степени. Оно перестало быть живой гармоніей, хоромъ душъ, т.-е. перестало быть обществомъ. Отцы и матери еще вѣруютъ въ Бога, хотя и охлажденнымъ сердцемъ,—но сами самоубійцы едва ли имѣютъ эту вѣру—по крайней мѣрѣ, въ движущемъ, поднимающемъ духъ состояніи. Искренняя вѣра есть вѣдь искренняя надежда, самоубійцы же, очевидно, тѣ несчастные, что потеряли всякую надежду». Такъ говоритъ г. Меньшиковъ. Чувствуете ли, какъ почтенный публицистъ близко подходитъ къ рѣшенію вопроса? «Моральное опустошеніе»—развѣ это не то, что мы называемъ духовнымъ одичаніемъ, утратою христіанскихъ идеаловъ? «Утрата общности...» да не есть ли это, по-нашему, оторванность, отчужденіе отъ Церкви, духовное одиночество, весь ужасъ удаленія души отъ Бога? «Живая гармонія, хоръ душъ»—въ наилучшемъ смыслѣ не есть ли это то, что мы называемъ жизнью въ Церкви, въ общеніи съ Христомъ и всѣми во Христа вѣрующими?—«Мнѣ извѣстные самоубійцы, пишетъ г. Меньшиковъ, всѣ принадлежали къ современной русской интеллигенціи, охваченной со всѣхъ сторонъ растлѣвающимъ еврейско-масонскимъ нигилизмомъ. Суть нигилизма состоитъ въ отрицаніи вѣчной жизни, въ презрѣніи къ жизни рода, въ постановкѣ индивидуальнаго «я» выше всего».—Вѣрно, но потрудитесь подставить вмѣсто слова «родъ» опять все то же слово «Церковь», и будетъ то, что мы, служители Церкви, твердимъ изо-дня въ день. «И на верхахъ, и въ низахъ идетъ крушеніе человѣческаго общества; исчезаетъ общая сила, поддерживающая отдѣльную слабость». Да, идетъ крушеніе церковныхъ идеаловъ; люди бѣгутъ отъ Церкви, не хотятъ слышать о ней и, дѣйствительно, исчезаетъ общая сила — любовь, поддерживающая отдѣльную слабость. «Самоубійства неизбѣжно

должны расти, они будутъ расти и, можетъ быть, въ степени ужасающей и невѣроятной для насъ», пророчествуетъ г. Меньшиковъ. Онъ горячо призываетъ беречь юношей и дѣвицъ отъ грозящей имъ опасности. «Помогите имъ,' взываетъ онъ, опять войти въ родовой потокъ, придвиньте ихъ къ единодушію съ предками, верните, хоть немного, къ древней вѣрѣ въ жизнь...» Красивыя фразы, Михаилъ Осиповичъ,— хочется крикнуть ему;—но скажите положа руку на сердце: вы-то сами знаете секретъ, какъ выполнить вашъ же собственный совѣтъ? Такъ научите же! А мы, увѣрены, что сами вы ничего не придумаете для выполненія вашего совѣта, кромѣ все тѣхъ же громкихъ, красивыхъ, но—увы!—пустыхъ фразъ. Если хотите—онѣ и не пустыя, но вы не видите, по крайней мѣрѣ, вы не указываете той силы, которая повлекла бы властно въ этотъ «родовой потокъ», придвинула бы нашу несчастную, зараженную духомъ глупѣйшей гордыни молодежь къ «единодушію съ предками», отогнала бы отъ нея того бѣса—опустошителя, который, по вашимъ же словамъ, вошелъ въ ихъ душу и откололъ ее отъ вѣчной жизни... А эта сила *есть*: она въ Церкви, въ вѣрѣ православной, въ благодати Хрістовой, которою столь обильно располагаетъ Церковь. Къ несчастью, въ нашей интеллигенціи есть непреодолимое препятствіе къ тому, чтобы использовать эту силу: нашъ интеллигентъ смотритъ на Церковь глазами западнаго полуинтеллигента, въ Православіи видитъ какое-то жалкое подобіе римскаго католицизма, въ духовенствѣ —невѣжественныхъ фанатиковъ и корыстолюбцевъ, по подобію іезуитовъ, и, съ высоты какого-то величія просвѣщеннаго человѣка, судитъ о томъ, чего не знаетъ и знать не хочетъ... Слѣды такого отношенія къ Церкви и нашему духовенству мы могли бы указать въ статьяхъ того же г. Меньшикова, но думаемъ, что онъ отдаетъ въ этомъ дань вѣку сему лукавому безсознательно, а потому и винить его въ этомъ не слѣдуетъ строго... Если онъ будетъ искренен въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ духовной жизни народа Русскаго, если будетъ мужественно высказывать плоды своихъ честныхъ изслѣдованій, не боясь того, что скажутъ о немъ іудействующіе органы печати, то, Богъ дастъ, онъ и самъ познаетъ свои ошибки, и сознается въ нихъ.

15.

Дѣти и Церковь.

Утро. Прохожу мимо собора, гдѣ почиваютъ мощи одного изъ великихъ тружениковъ для родной земли—благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Мимо меня, обгоняя другъ друга, бѣгутъ школьники съ сумками за плечами. Они заходятъ въ соборъ, быстро подходятъ къ художественной ракѣ угодника Божія дѣлаютъ поклоны и прикладываются.

У нихъ—экзаменъ сегодня. Они просятъ благодатной помощи у небеснаго покровителя.

Смотрю на нихъ, и думаю: что влечетъ дѣтскія сердца въ трудную минуту ихъ дѣтской жизни? Конечно, вѣра, чистая, простая вѣ-

ра, которою вѣруютъ только дѣти да дѣтски Богу преданныя души такихъ праведниковъ, какъ преподобные Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій. О, если бы эта вѣра сохранилась въ нихъ навсегда! Если бы не гасла никогда!

Вспоминаю свое дѣтство. Съ первыхъ дней сознательной жизни, какъ только я себя запомню, я вижу себя на рукахъ родителя, который носилъ меня чрезъ сугробы снѣжные въ Божій храмъ; я любилъ ходить туда не только въ праздникъ, но и въ будни, не только на службу Божію, но и въ то время, когда мой родитель—дьячекъ топилъ церковныя печи. Со стѣнъ церковныхъ смотрѣли на меня лики угодниковъ Божіихъ, лики серьезные, благоговѣйные, съ молитвеннымъ выраженіемъ. Въ воздухѣ ощущался запахъ ладана и воска. Казалось, что въ этой священной тишинѣ незримо, но сердцу ощутимо, носились Ангелы Божіи. Таинственная завѣса въ царскихъ дверяхъ, святая плащаница за клиросомъ, старыя, потемнѣвшія хоругви, ряды иконъ, уходящіе къ сводамъ храма, въ иконостасѣ—все говорило дѣтскому сердцу: это—не простое мѣсто, это—домъ Божій...

Я не говорю объ участіи въ Богослуженіи прислуживаніемъ въ алтарѣ, пѣніемъ и чтеніемъ на клиросѣ: скажу только, что помню себя на рукахъ родителя съ часословомъ въ рукахъ; помню, какъ, получивъ эту священную книгу въ первый разъ, я цѣловалъ ее, дѣтски радуясь ея «красной прописи», киноварью напечатаннымъ строкамъ. Помню, что, подъ вліяніемъ этой радости, тутъ же далъ обѣщаніе—стать на клиросъ съ отцомъ, а затѣмъ и—прочитать шестопсалміе. Шестилѣтнимъ мальчикомъ я уже сдѣлалъ попытку къ сему—увы!—на первый разъ неудавшуюся: тоненькимъ голосомъ прочиталъ я 5—6 строкъ, и смутился, струсилъ, заплакалъ... А старичекъ-батюшка изъ алтаря уже возглашаетъ отцу моему: «читай самъ!»... Но чрезъ недѣлю я уже побѣдилъ себя и ликовалъ дѣтскимъ сердцемъ: я прочиталъ все шестопсалміе!..

Простите мнѣ, дорогіе читатели, это уклоненіе въ сторону личныхъ воспоминаній дѣтства: вѣдь, это маленькая иллюстрація къ исторіи нашего духовнаго воспитанія въ нѣдрахъ Церкви родной. Вѣдь, вотъ этою любовью къ храму, къ службѣ Божіей и объясняется та устойчивость церковныхъ воззрѣній, коею живетъ наше духовное сословіе. Насъ тянула въ храмъ Божій невѣдомая, но сердцу ощутимая сила. Вотъ я уже въ Законоспасскомъ духовномъ училищѣ. Раннее утро жаркаго лѣтняго дня (экзамены кончались тогда въ половинѣ іюля). Мы, дѣти, поднялись рано, чтобы до экзамена успѣть и соборы обойти, и слабо подготовленное подучитать, и кусокъ чернаго хлѣба съѣсть (о чаѣ мы тогда понятія еще не имѣли). И вотъ, группами выходимъ изъ низкихъ воротъ съ училищнаго двора, направляемся въ Казанскій соборъ, прикладываемся къ чудотворнымъ иконамъ Казанской и Млекопитательницы, идемъ къ Иверской, оттуда въ Успенскій соборъ, чтобы поклониться мощамъ святителей всероссійскихъ, ризѣ Господней и Владимірской иконѣ Владычицы. Вотъ и Архангельскій соборъ, а въ немъ—мощи царственнаго младенца—Димитрія, который—это мы слышали—и теперь держитъ въ ручкѣ своей тѣ орѣшки, коими игралъ онъ въ моментъ нападенія на него убійцъ... О, малютка-мученикъ,—

мы крѣпко вѣримъ,—поможетъ намъ, дѣтямъ, на экзаменѣ! А вотъ и Чудовъ монастырь, съ его серебрянымъ иконостасомъ и нетлѣнными мощами великаго печальника Святой Руси, друга преподобнаго Сергія, Святителя Алексія. Ему непремѣнно нужно положить, по нашимъ дѣтскимъ понятіямъ, три земныхъ поклона. Изъ Чудова —чрезъ святыя Спасскія ворота, непремѣнно, съ обнаженными головами,—мы идемъ въ тотъ Покровскій Василія Блаженнаго соборъ, который своею оригинальною архитектурою останавливаетъ на себѣ вниманіе не только всякаго русскаго человѣка, но и всѣхъ иностранцевъ. Здѣсь, поклонившись св. мощамъ блаженныхъ Василія и Іоанна, мы непремѣнно выпьемъ глоточка три (конечно, натощакъ) св. водицы... Такъ готовились мы къ экзаменамъ. Такъ по-дѣтски льнули мы къ Церкви-матери. И не мы одни: мы видѣли и гимназистовъ, и семинаристовъ, и другихъ учащихся, паломничающихъ ко святынямъ въ дни экзаменовъ. Обходили святыни, запасались духовными силами, укрѣпляли въ себѣ вѣру...

То ли теперь?!

Еще недавно, еще десять лѣтъ назадъ было нѣчто подобное. Жилъ я около 30 лѣтъ въ Лаврѣ Преподобнаго Сергія. Въ послѣдніе годы моего тамъ пребыванія моимъ послушаніемъ было, между прочимъ, руководить учащихся юныхъ паломниковъ. Отрадно было видѣть школьную дѣтвору, утомленную непривычнымъ пѣшимъ хожденіемъ, но бодрую духомъ при видѣ завѣтныхъ святынь. И невольно вспоминалось мнѣ свое *первое* путешествіе въ эту самую обитель съ моими родителями, въ 1863 или 1864 году. Я скопилъ тогда три-четыре рубля на дорогу, отказавшись отъ чая, но откладывая кусочки сахара и продавая ихъ, чтобы помочь родителямъ для этого путешествія. Когда настало благопріятное время, я сталъ просить отца и мать, чтобы отправиться въ столь желанное странствованіе. Когда я услышалъ: «знаемъ, сынокъ, что это дѣло доброе, да какъ же быть-то: вѣдь, денегъ нѣтъ!»—я съ торжествомъ выложилъ тогда предъ ними свой «сахарный» капиталъ, и о, радость!—я обезоружилъ ихъ! На утро мы были уже въ пути. 60 верстъ сдѣлано въ полтора сутокъ. Вотъ предъ нами открылась и святая Лавра во всей ея красѣ. Вотъ поле, которое, по незнанію исторіи, конечно, родители мнѣ назвали «Мамаевымъ». И въ моемъ воображеніи уже пронеслась картина исторической битвы, о коей уже читалъ въ житіи угодника Божія. Вотъ соборъ—то покоище Сергіево, гдѣ почиваетъ онъ въ благоуханіи святыни. Что пережило тогда дѣтское сердце—не перескажешь. Но потому-то я и понималъ этихъ юныхъ паломниковъ, что когда-то самъ пережилъ, что они, казалось мнѣ, сердцемъ переживали на моихъ глазахъ. Въ теченіе одного лѣта 1903 года я насчиталъ учащихся паломниковъ до 5000. Тутъ были не одни дѣти: много было и юношей и дѣвицъ, студентовъ и курсистокъ и —въ то время, семь, только семь лѣтъ назадъ—они приходили ко гробу Сергіеву, чтобы у этого источника животворящаго, русскую душу напояющаго, зачерпнуть благодатной силы, какою крѣпка была доселѣ наша Святая Русь.

То ли теперь?!

Какой-то буранъ пронесся надъ нашею родиной. Онъ ослѣпилъ глаза, закружилъ головы, свелъ

многихъ съ ума. На нашихъ глазахъ произошло крушеніе духовныхъ основъ нашего историческаго бытія. Будто сатана вышелъ изъ глубинъ преисподнихъ и, Божьимъ попущеніемъ, пустилъ струю смертоносныхъ вѣяній по Русской землѣ. Разгонитъ ли Господь духомъ устъ Своихъ эти сатанинскія вѣянія? Отрезвятся ли Русскіе люди отъ этого губительнаго удара? Спасется ли Русь?..

Отвѣтъ на этотъ вопросъ всецѣло зависитъ отъ насъ. Дѣти чуткимъ, чистымъ сердцемъ уже предрѣшаютъ его. Они самымъ дѣломъ уже показываютъ, что если и обломались вѣтви отъ этого адскаго бурана, но корни древа цѣлы: они сильны пустить новые ростки, сильны дать новыя крѣпкія вѣтви. Только бы поддержать эти ростки, дать укрѣпиться вѣтвямъ. Только бы сберечь эти свѣтлые, чистые порывы юныхъ душъ отъ тѣхъ міазмовъ, которыми еще пропитана окружающая насъ духовная атмосфера.

Дай-то, Господи!

16.

Ходатайство любви.

Плачетъ — не горькими слезами обиды, а сладкими слезами любви — матерь городовъ Русскихъ, славный градъ Кіевъ, ликуетъ, торжествуя, смиренный градъ Полоцкъ: святая благовѣрная княгиня инокиня Евфросинія, нѣсколько столѣтій почивавшая своими святыми мощами въ пещерахъ Кіевскихъ на обратномъ пути изъ святаго града Іерусалима, нынѣ грядетъ, изволеніемъ Божіимъ, въ свой родной градъ Полоцкъ... Десятки и сотни тысячъ православнаго народа склоняютъ колѣна по берегамъ сѣдаго Днѣпра, несущаго священные останки на своихъ волнахъ; всколыхнулось русское море народное, загорѣлись русскія сердца. Невольно вспоминается то, что творилось семь лѣтъ тому назадъ въ Саровѣ, съ тою лишь разницей, что тамъ море народное сосредоточивалось около святой обители преподобнаго Серафима, а тутъ оно переливается изъ области въ область, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. По разсказамъ участниковъ торжества, описывающихъ свои впечатлѣнія, чувствуется, что святая угодница Божія незримо шествуетъ съ своими мощами, всѣхъ благословляя, на всѣхъ съ любовію призирая... Вотъ такъ же чувствовалось и въ тѣ незабвенные дни, когда преподобный Серафимъ, какъ будто, ходилъ между нами, всѣхъ утѣшая, всѣхъ исцѣляя и благословляя.

Уляжется море въ свои берега. Разойдутся русскіе люди по своимъ мѣстамъ. Принесутъ они въ свои домы трогательные разсказы о томъ, что видѣли и слышали. Не разъ, не два, а сотни разъ повторять будутъ они эти сказанія своимъ дѣтямъ и внукамъ. Имя угодницы Божіей будетъ обноситься по лицу родной земли, яко благоуханіе святыни. «Муро изліянное — имя Твое», изрекъ нѣкогда мудрый Соломонъ въ «Пѣсни пѣсней», отъ лица невѣсты-Церкви ея таинственному Женіху-Христу. Муро изліянное — имена угодниковъ Божіихъ въ Церкви нашей православной! Какъ

счастливы мы, православные, что всегда можемъ быть съ ними въ непосредственномъ благодатномъ общеніи чрезъ молитвы Церкви! Какъ сиротливо должны чувствовать себя тѣ хрістіане, которые въ гордости своей отвергаютъ почитаніе святыхъ и молитвенное общеніе съ ними! Церковь Божія—небесная и земная—есть единая Божія семья: наши братья и сестры во Христѣ, скончавшіе свое земное поприще, отошли ко Господу —въ Церковь торжествующую на небеси. Перестали ли они любить насъ? Ужели забыли своихъ братьевъ, оставленныхъ ими въ юдоли плача и слезъ? Но любовь не умираетъ,—по слову Апостола—николиже отпадаетъ. Любовь вѣчна, ибо Самъ Богъ есть любовь. И намъ—кто запретитъ любить ихъ, входить съ ними въ общеніе посредствомъ молитвы, повѣдать имъ наши скорби, наши печали и заботы? Ужели Богъ, Который есть весь благость, весь любовь, положитъ сему препятствіе? Ужели единъ Ходатай Бога и человѣковъ, Человѣкъ Іисусъ Христосъ, давшій Себе избавленіе за всѣхъ, — скажемъ языкомъ человѣческимъ— возревнуетъ къ любимцамъ Своимъ, Его же кровію искупленнымъ, и не приметъ ихъ молитвъ за насъ грѣшныхъ только по тому юридическому основанію, что Онъ есть *одинъ ходатай* и не должно быть другихъ, какъ учатъ лютеране, непонимающіе смысла *ходатайства любви?* Иное, вѣдь, ходатайство *Его*, яко Искупителя міра, иное же — ходатайство святыхъ, какъ изліяніе ихъ любви къ намъ, на земли сущимъ. Ужели добрый отецъ отринетъ просьбу любимаго сына за другого провинившагося сына, и скажетъ ему: не твое дѣло!—Не наоборотъ ли! Не будетъ ли ему пріятно, что братъ любитъ брата и изъ любви къ нему ходатайствуетъ за него предъ отцомъ? И не пріятнѣе ли будетъ самому отцу оказать милость провинившемуся именно чрезъ того, кто не провинился, дабы доставить и сему радость? Перенесите сіи человѣческія отношенія въ область любви Божественной и вамъ станетъ понятно, что сама безконечная любовь Божія, возжигающая въ сердцахъ человѣческихъ искры любви, законами сей любви какъ бы требуетъ ходатайства святыхъ за насъ грѣшныхъ. Для братій нашихъ, къ Богу отшедшихъ и престолу Его предстоящихъ, было бы не полно самое блаженство, если бы любовь Божія отвергала молитву ихъ любви. И любовь Божія, внимая ихъ молитвамъ, исполняя ихъ прошенія, ихъ ходатайство за насъ, тѣмъ самымъ восполняетъ ихъ блаженство. Дивны пути любви Божіей въ спасеніи людей! Любовь Божія, воплотившись, распялась за насъ на крестѣ, она же и содѣваетъ наше спасеніе, возжигая искры свои въ сердцахъ святыхъ, возбуждая ихъ къ молитвѣ, пріемля ихъ молитвы и исполняя ихъ прошенія... Все въ любви и любовію, все — во имя любви! Нѣтъ мѣста никакому правовому началу—тому началу, которое служитъ основаніемъ латинскаго ученія о спасеніи и отъ котораго не могло отрѣшиться протестанство.

И такъ мы со всѣхъ сторонъ объемлемся, такъ сказать, любовію. Мы и сами должны дышать ею, жить для нея, содѣлывать свое сердце жилищемъ любви. О, если бы мы это сознавали, сею мыслію проникались, симъ правиломъ жили! Увы, все это отъ насъ отлетаетъ, удаляется: мы все больше и боль-

ше проникаемся правовымъ началомъ въ общественной и государственной жизни, все дальше и дальше уходимъ отъ нравственнаго начала — начала любви! Но объ этомъ—поговоримъ послѣ.

Теперь же, обращаясь къ великому событію—перенесенію св. мощей преподобной Евфросиніи, не могу не высказать и того скорбнаго наблюденія, что подобныя событія у насъ какъ-то скоро блѣднѣютъ въ общецерковномъ и народномъ сознаніи: свѣтлое воспоминаніе о нихъ, доставляя отраду душѣ того, кто ихъ пережилъ, не оставляетъ глубокаго слѣда въ духовной жизни общественной и государственной. Вспомнимъ то, что пережила Россія во дни открытія св. мощей преподобнаго Серафима. Будто само небо отверзлось тогда надъ Русью святой и—казалось—эта Русь не способна измѣнить своей вѣрѣ, своимъ упованіямъ, но прошолъ годъ и что сталось съ нею? Правда, чудеса Божіи видѣлъ простой народъ, — интеллигенція, созидающая теперь исторію нашу, не хотѣла видѣть ихъ, полуинтеллигенція издѣвалась надъ ними, но вѣдь если бы темныя массы народныя цѣлымъ сердцемъ восприняли знаменія, свыше тогда совершившіяся, то не было бы и этихъ смутъ, этихъ пожарищъ, этихъ ужасовъ, нами пережитыхъ тогда... Нельзя скрывать отъ себя, что мы остаемся глухи къ тѣмъ урокамъ, какіе даются намъ такими событіями. Вѣдь, въ нихъ слышится голосъ свыше, призывающій насъ къ жизни по заповѣдямъ Божіимъ, мы видимъ въ нихъ только знаменія силы Божіей... Правда, умиляемся сердцемъ, радуемся, какъ дѣти, но не поучаемся ими, не заботимся о томъ, чтобы быть достойными ихъ. И знаменіе Божіе становится для насъ предметомъ любопытства, можетъ быть и благочестиваго, но все же только любопытства, а не истиннымъ знаменіемъ—вразумленіемъ, поученіемъ къ духовному обновленію. И невольно вспоминается то, что сказалъ, нѣкогда Господь іудеямъ: *ищете Мене не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы и насытистеся.* (Іоан. 6, 26). Іудеи видѣли въ Спасителѣ только питателя-чудотворца: мы хотѣли бы видѣть въ святыхъ Божіихъ только нашихъ цѣлителей и молитвенниковъ, но не думаемъ вовсе о томъ, что вѣдь они и наши *учители*... Посему и къ намъ приложимо слово Христово: дѣлайте не брашно гибнущее, старайтесь не о пищѣ тлѣнной, хотя и о семъ не воспрещено молиться, больше заботьтесь о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную; ищите исцѣленія не столько недуговъ тѣлесныхъ, сколько исцѣленія души своей, грѣхомъ недугующей. Но сего-то мы и не ищемъ, ...и возвратившись изъ мѣстъ, освященныхъ явленіями благодати Божіей, паки начинаемъ попрежнему, ходить привычными грѣховными путями... И невольно вспоминается извѣстная притча, которую читаемъ во 2 посланіи Апостола Петра гл. 2, ст. 22.

17.

Отрава „правовымъ“ началомъ.

Предо мною прошеніе одного городского обывателя не изъ интеллигентныхъ, (а есть, къ глубокому сожалѣнію, много такихъ и изъ

интеллигентовъ и даже высшаго круга). Въ этомъ прошеніи онъ повѣтствуетъ, что въ день причащенія св. Таинъ онъ пришолъ въ монастырскую церковь къ литургіи и попросилъ позволенія самому прочитать правило ко св. причащенію. Служащій іеромонахъ отказалъ и отсюда вышла цѣлая исторія. Говѣльщикъ заспорилъ, бросилъ фразу: «можетъ быть, я недостоинъ читать и правило?» На что іеромонахъ отвѣтилъ односложнымъ «да», и тогда говѣющій сказалъ: «значитъ я недостоинъ и слушать», и вышелъ изъ церкви, чтобы итти причащаться въ другой храмъ. Но, вспомнивъ, что безъ записки объ исповѣди его не причастятъ, онъ вернулся въ церковь, подошелъ къ сѣвернымъ дверямъ алтаря и «громко», какъ самъ пишетъ, сталъ просить «записочки»... Понятно, что іеромонахъ ему отказалъ въ просьбѣ, ибо въ это время совершалъ уже проскомидію. И вотъ сей говѣльщикъ подаетъ мнѣ прошеніе о томъ, чтобы я «уполномочилъ его помогать псаломщику» въ служеніи, по «при другомъ іеромонахѣ». При этомъ говоритъ, что вотъ уже 5-й часъ утра слѣдующаго за симъ дня, а онъ не можетъ успокоиться»...

Простите, читатели мои, что остановилъ ваше вниманіе на этомъ прошеніи, оно очень характерно. Въ немъ такъ и сквозитъ какой-то уродливый правовой взглядъ на такія отношенія, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго мѣста для «правовыхъ» отношеній... А вѣдь этимъ взглядомъ пропитана почти вся наша интеллигенція, не только отколовшаяся отъ Церкви, но и мнящаяся пребывать въ нѣдрахъ Церкви, разумѣется, исключая немногихъ вѣрныхъ Церкви сыновъ. Наши предки оставили намъ въ наслѣдство мудрую пословицу: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся», а нынѣ наоборотъ: всякій хочетъ быть хозяиномъ и распорядителемъ въ церкви. Человѣкъ говѣлъ, исповѣдался, готовится къ причащенію Божественныхъ Таинъ Христовыхъ: казалось бы, долженъ быть настроенъ смиренно, проникнутъ чувствомъ покаянія, долженъ бы хранить миръ въ себѣ самомъ, миръ со всѣми, и ради сего мира смириться, не требовать того, что не въ его власти, уступать во всемъ, не смутить своей кающейся души... Но вотъ, не исполнили его просьбу, и онъ заводитъ скандалъ, жалуется архіерею... Да скажите Бога ради: гдѣ же христіанство его? Ужели это ученикъ Христовъ? Страшно становится за такихъ мнящихъ себя быть вѣрными сынами Церкви. Я не оправдываю іеромонаха, но какъ пастырь, не могу же стать на эту правовую точку зрѣнія мірянина, во гнѣвѣ на служителя Церкви желающаго приступить къ Божественнымъ Тайнамъ и не замѣчающаго за собою такого страшнаго порока... Чтобы вразумить его я положилъ такую резолюцію: «Соборный протоіерей разъяснитъ просителю, что и самъ архіерей не допустилъ бы его къ св. Тайнамъ въ такомъ немирномъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, ибо св. причащеніе было бы ему во осужденіе. Апостолъ Павелъ говоритъ, что такіе недостойные причастники даже внезапно умирали за это. Но и іеромонахъ, повидимому, грубо обошедшійся съ просителемъ, не правъ: яко инокъ, онъ долженъ первый подать примѣръ смиренія. О. протоіерей объяснитъ обоимъ, что взаимное прощеніе и примиреніе,

особенно ради свѣтлаго Христова праздника, обоимъ враждующимъ доставить счастіе и радость»...

Не знаю, правъ ли я въ данномъ случаѣ. Но право же больно читать такія прошенія! И такого рода жалобы идутъ къ архіерею не только отъ мірянъ, но иногда и отъ духовенства. Христово ученіе о всепрощеніи, о мирѣ со всѣми, забывается; точно по векселю требуютъ возмездія—за всякое слово обидное, за всякую, иногда ненамѣренную рѣзкость... Если дѣло не стоитъ разсмотрѣнія, то священнослужителямъ просто запрещаешь священнослуженіе до примиренія и дѣло гаснетъ. Но что дѣлать съ мірянами? Запрещать причащеніе св. Таинъ? Да они по годамъ не говѣютъ. Священнослужители еще не вытравили въ себѣ сознаніе христіанскаго долга и понятія объ архіереѣ, какъ примирителѣ и представителѣ Христа, и признаютъ за нимъ хоть право писать такія примиряющія резолюціи: ну а міряне готовы жаловаться выше за такую попытку коснуться ихъ совѣсти, вразумить ихъ ученіемъ Христовымъ. Для нихъ архіерей не больше какъ мировой судья въ такихъ случаяхъ: онъ долженъ ихъ удовлетворить. Такъ и пишетъ упомянутый выше проситель: «вотъ мой финалъ и я буду удовлетворенъ за оскорбленіе, нанесенное мнѣ іеромонахомъ»... И выходитъ, что истиннаго то христіанства остается одна скорлупка, а духъ улетаетъ... Больно быть непосредственнымъ свидѣтелемъ всего этого! Говорите такимъ о заповѣдяхъ Божіихъ: они отвѣтятъ вамъ: «заповѣди-то мы знаемъ и безъ васъ, а вы—архіерей, вы—начальникъ: мы вотъ жалуемся вамъ и вы дѣлайте свое дѣло—наказывайте виновныхъ. А учить-то насъ ужъ подождите». И не рѣдко приходится «давать ходъ дѣлу», назначать дознаніе, а затѣмъ слѣдствіе и виновный долженъ нести наказаніе. Недавно былъ случай, возмутившій меня до глубины души: священникъ 41 годъ служилъ на одномъ мѣстѣ; по подговору одного кулака противъ него возбуждено было дѣло, взведено ровно 25 обвиненій, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли 35-лѣтнюю давность, и въ силу существующаго закона, въ виду доказанности обвиненій, (а обвинялся онъ напримѣръ, въ томъ, что опоздалъ причастить умирающаго, что требовалъ 5 р. вмѣсто 2 р. за совершеніе брака и под., причемъ брачущіеся уже успѣли съ тѣхъ поръ поженить своихъ дѣтей), пришлось уволить въ заштатъ, смягчивъ наказаніе тѣмъ, что считать его уволеннымъ по прошенію и замѣнивъ «исключеніе въ заштатъ» монастырскимъ послушаніемъ на двѣ недѣли.

Когда подумаешь, что такія явленія годъ отъ году становятся все чаще и чаще, все грубѣе и уродливѣе, то невольно задумываешься: куда же мы, наконецъ, идемъ? Вѣдь, на нашихъ глазахъ совершается очевидная подмѣна нравственнаго міросозерцанія: идеаломъ прежняго Русскаго человѣка былъ подвигъ смиренія, послушанія завѣтамъ Церкви, исполненія въ возможномъ для человѣка совершенствѣ заповѣдей Христа, проникновенія ихъ духомъ... Исполненіе долга, велѣній совѣсти—вотъ къ чему стремился прежній Русскій человѣкъ, если онъ еще не погашалъ въ себѣ искры Божіей, если не заглушалъ въ себѣ голоса Божія. Онъ шелъ на врага съ завѣтнымъ кличемъ: «съ нами Богъ!» Но онъ же и умѣлъ отъ сердца прощать лич-

нымъ врагамъ съ словами: «Богъ съ вами!»

То ли теперь?! Не говорю уже объ интеллигентахъ: они откололись отъ тѣла народнаго, ушли въ сторону запада, мыслятъ по-зазадному, не въ состояніи понять народнаго міросозерцанія и идеаловъ народныхъ (разумѣю, конечно, большинство, зная, что еще есть и исключенія отрадныя). Говорю о народной массѣ: она отравлена какимъ-то ядомъ самоцѣна, заражена самомнѣніемъ, вездѣ ищетъ своихъ какихъ-то *правъ*, готова требовать исполненія своихъ мірскихъ приговоровъ даже въ той области, гдѣ ужъ положительно не имѣетъ и тѣни такихъ правъ... Бывало ли когда-нибудь въ старыя времена, чтобы крестьяне всѣ поголовно подписывали приговоръ: смѣнить двухъ іереевъ, дьякона и псаломщика, и присылали архіерею такой дерзкій приговоръ просто—къ исполненію? А нынѣ стало и это возможно. И вотъ архіерею приходится вразумлять такихъ пасомыхъ, что «овцы не судятъ своихъ пастырей», что такой приговоръ не можетъ быть принятъ не только къ исполненію, но и къ разсмотрѣнію, какъ беззаконный и т. п. Слѣдовательно: не только въ личной жизни проявляется этотъ «правовой» принципъ, но и въ общественной и даже въ церковной жизни. Вчера они исповѣдались у своего батюшки, сегодня приговариваютъ его къ удаленію, даже не объясняя его вины, готовы бойкотировать его, готовы судиться съ самимъ архіереемъ... Да, вѣдь это—искаженіе уже народной русской души! Это начало разложенія не только церковной, но и вообще религіозной народной жизни! Пусть пока еще немного такихъ уродливыхъ явленій: но и то, что есть, есть уже страшное знаменіе времени.

Еще немного и мы, архіереи, будемъ получать приговоры съ угрозами, что если откажемъ прихожанамъ въ исполненіи такихъ приговоровъ, то они не задумаются измѣнить вѣрѣ православной, перейдутъ въ расколъ или штунду, во всякую ересь: вѣдь нельзя не признаться, что масса народная еще слишкомъ темна и если держится вѣры своихъ предковъ, то безсознательно, не умѣя дать отчета вопрошающимъ о ея упованіи, будучи не въ состояніи дать отпоръ лжеучителямъ сектантамъ и раскольникамъ, а эти волки нынѣ рыщутъ по всему лицу родной нашей земли... Народъ любитъ вѣру православную, пока еще не выходитъ изъ-подъ благодатнаго вліянія своей родной Церкви—матери, но это вліяніе, вслѣдствіе разныхъ причинъ, становится въ наши дни все слабѣе и слабѣе: его стараются всячески ослабить враги Церкви и посредствомъ печати, и чрезъ либеральные законы, и чрезъ проповѣдь соціализма, правовыхъ началъ, и чрезъ школы, и зараженіемъ пороками самыми грубыми... Грозное время мы переживаемъ, еще болѣе грозныя времена наступаютъ: пастыри Церкви! Готовьтесь отражать волковъ! Вамъ предстоитъ подвигъ—можетъ быть, до пролитія крови! Мужайтесь! Подвигомъ очищайтесь! Силами благодатными запасайтесь! Врагъ у дверей вашей ограды... онъ уже вторгается въ сію ограду! Горе намъ, если, намъ спящимъ, онъ начнетъ свое гибельное дѣло совращенія и расхищенія нашихъ овецъ!..

18 и 19.

Свобода совѣсти имѣетъ свои границы. [1])

Цѣлую зиму работала особая комиссія Г. Совѣта надъ законопроэктомъ о старообрядческихъ общинахъ, 30 засѣданій посвятила на это дѣло и, наконецъ, представила свою работу въ общее собраніе Г. Совѣта. Думскій законопроектъ, столь смутившій въ прошломъ году совѣсть вѣрныхъ чадъ Церкви своимъ противоцерковнымъ характеромъ, подвергся коренной переработкѣ и сталъ, кажется, удобопріемлемымъ.

Удивительное время мы живемъ: время грозныхъ фразъ и туманныхъ, расплывчатыхъ понятій. Отъ того мы нерѣдко обманываемъ самихъ себя. Дѣло въ томъ, что чѣмъ шире извѣстное понятіе, чѣмъ оно отвлеченнѣе, тѣмъ легче подмѣнить въ немъ признаки. И это дѣлается тѣмъ скорѣе, что нынѣ мы отвыкли строго вдумываться въ то, что читаемъ, что пишемъ и говоримъ. Вѣдь, мы живемъ въ вѣкъ газетнаго легкомыслія: многіе ли изъ интеллигентовъ нынѣ читаютъ строго научныя, зрѣло обдуманныя книги? А вотъ пуститъ газетный писака какое-нибудь модное словечко: его и подхватываютъ, съ нимъ и носятся, какъ съ послѣднимъ словомъ науки и мысли человѣческой. Наши предки любили глубоко вдумываться въ каждое слово, особенно честно относясь къ слову печатному, и памятовали строгій завѣтъ нашего Спасителя: *всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36). Памятникомъ такого честнаго отношенія къ слову служитъ нашъ родной языкъ: какая точность признаковъ понятія въ каждомъ словѣ! Мы не умѣемъ своего слова найти въ родномъ языкѣ для обозначенія новаго понятія и часто заимствуемъ готовыя слова изъ чужихъ языковъ, и такъ испестрили печатное слово этими заимствованіями, что простой человѣкъ безъ словаря иногда не можетъ читать нашихъ писаній. А наши предки созидали языкъ воистину творчески: что ни слово—то чистый алмазъ! Вотъ почему изучать корни родныхъ словъ — истинное наслажденіе. Возьмите напримѣръ слова: «человѣкъ», «книга», «соловей», «крещеніе»... многіе ли изъ насъ знаютъ корни этихъ словъ? А между тѣмъ въ этихъ корняхъ указаны самые существенные признаки понятій, ими обозначаемыхъ. Мы воображаемъ, что предки наши были круглые невѣжды, а на самомъ-то дѣлѣ не они, а мы — воистину являемся въ сравненіи съ ними такими невѣждами. Мы треплемъ языкомъ слова, оставленныя ими намъ въ наслѣдство какъ завѣтное сокровище, а смысла ихъ, истиннаго смысла часто и не подозрѣваемъ. Мы воображаемъ себя такими умниками, такими передовыми людьми, что куда нашимъ предкамъ до насъ! Рукою не достать. А если бы наши предки встали изъ гробовъ своихъ да произвели бы намъ экзаменъ по родному языку: смотришь—и стыдно бы стало намъ, такимъ «образованнымъ» ихъ потомкамъ. И этимъ легкомысліемъ, этимъ — простите — нашимъ невѣжествомъ, пользуются тѣ, кому выгодно воду мутить, чтобъ въ мутной водѣ рыбку, по пословицѣ, ловить. Пустятъ гулять среди насъ

[1]) Сей дневникъ розданъ членамъ Г. Совѣта предъ разсмотрѣніемъ законопроэкта о „старообрядческихъ общинахъ“.

какое-нибудь крылатое словечко, по своему смыслу такое широкое, что подъ него можно подставлять какіе угодно признаки, а мы поймаемъ его и носимся съ нимъ... Въ послѣднее время много напущено такихъ словъ не только въ газеты, но и въ законопроэкты. Послѣднее уже представляетъ немалую опасность, потому что, проникнувъ въ законы, неточныя, недостаточно опредѣленныя и растяжимыя понятія могутъ замутить жизнь. Таково напримѣръ слово: «свобода совѣсти». Что такое *совѣсть?* Это—вложенный Богомъ въ духовную природу человѣка законъ для нравственной и религіозной жизни разумнаго существа. А что такое *свобода?* Само по себѣ это слово представляетъ какую-то пустоту, которую надобно наполнить. Въ самомъ дѣлѣ оно означаетъ просто—отсутствіе ограниченій для дѣятельности и только. Какой дѣятельности—изъ этого слова еще ничего не видно. Между тѣмъ совѣсть, потемненная грѣхопаденіемъ первозданнаго человѣка, вовсе не одинакова у людей. Совѣсть христіанина православнаго требуетъ, чтобъ мы желали добра даже нашимъ врагамъ, чтобъ мы не привлекали насиліемъ и преслѣдованіями даже къ нашей святой, спасающей вѣрѣ, людей инако мыслящихъ, чтобы ко всѣмъ относились съ любовью и доброжелательностью. Совѣсть талмудиста—наоборотъ считаетъ добродѣтелью убить «гоя», позволяетъ спокойно обирать его, причинять ему всякое зло. Совѣсть исповѣдника корана требуетъ истреблять «гяуровъ», распространять лжеученіе Магомета огнемъ и мечемъ. Совѣсть языческихъ царей требовала суровыхъ мѣръ борьбы съ христіанствомъ. Да и у христіанъ не всегда и не у всѣхъ одинакова совѣсть: совѣсть іезуита признаетъ правило, что цѣль оправдываетъ средства, совѣсть римско-католика не препятствуетъ преслѣдовать лютеранъ и православныхъ; то же допускаетъ, хотя не столь открыто, какъ у римско-католиковъ, и совѣсть лютеранина, протестанта, баптиста, молоканина: по крайней мѣрѣ обманъ, такъ называемый «благочестивый обманъ», практикуется и у нихъ не рѣдко. Но и наша православная совѣсть бываетъ не у всѣхъ одна: есть совѣсть щепетильная, скрупулезная, есть совѣсть сожженная и т. д. Теперь, если ужъ говорить въ законѣ, требующемъ особенной точности выраженій, о свободѣ совѣсти, то позволительно спросить: да, какой же совѣсти? Религіозной? Но выше я уже сказалъ, что она иногда, по нашимъ христіанскимъ понятіямъ, у талмудистовъ и магометанъ какъ разъ требуетъ того, что недопустимо самыми элементарными законами человѣческаго общежитія и здраваго смысла. Итакъ, понятіе «свободы совѣсти» приходится уже ограничить. Нельзя же допустить, чтобъ талмудистъ и магометанинъ, во имя своихъ религіозныхъ убѣжденій, истребляли «гяуръ» и «гоевъ», проще говоря—насъ, христіанъ. Пусть ихъ вѣруютъ, какъ знаютъ; за ихъ внутреннія убѣжденія мы ихъ не станемъ преслѣдовать, но если они станутъ проводить въ жизнь свои убѣжденія, будутъ касаться нашей христіанской свободы — пусть извинятъ насъ: мы не можемъ этого допустить, хотя бы этого и требовала ихъ «свободная совѣсть». Мы должны лишить ихъ свободы, связать имъ руки. Не стать же намъ слѣдовать теоріи Толстого о непротивленіи злу.

Но касаться можно не одного только тѣла: иномыслящій можетъ касаться и завѣтныхъ святынь человѣческаго сердца, можетъ оскорблять ихъ, можетъ похищать эти святыни изъ сердца не насиліемъ только, но и пропагандою лжеученій. Намъ говорятъ: «исповѣдываніе вѣры естественнымъ образомъ выражается не только въ явномъ и осязательномъ проявленіи своихъ религіозныхъ убѣжденій, но и въ стремленіи повести другихъ тѣмъ путемъ спасенія души, который вѣрующій находитъ единственно правымъ». Это—правда. Если я вѣрую, что моя вѣра одна только и есть святая и спасающая, то конечно, я долженъ ее распространять всѣми мѣрами, какія моя совѣсть мнѣ предписываетъ. Но въ томъ-то и дѣло: какая совѣсть? Совѣсть раскольника, принадлежащаго къ страннической сектѣ, предписываетъ ему проповѣдывать, что теперь царствуетъ антихристъ; совѣсть безпоповца повелѣваетъ ему проповѣдывать, что нѣтъ священства, нѣтъ и таинствъ и слѣдовательно можно жить блудно; совѣсть каждаго раскольника требуетъ, чтобы онъ хулилъ святую нашу матерь Церковь православную: вѣдь вся проповѣдь раскольничьихъ лжеучителей въ томъ и состоитъ, чтобы всячески поносить Церковь и ея таинства, ея служителей: что-жъ, во имя либеральнаго принципа свободы совѣсти и слѣдуетъ допустить такую проповѣдь? — Самый опасный обманъ есть обманъ посредствомъ правды. Намъ говорятъ, что раскольники имѣютъ стремленіе повести и насъ тѣмъ же путемъ спасенія, какимъ они сами мнятся спасаться. Это естественно, это—правда. Но мало ли чего они хотятъ и захотятъ во имя такой правды и свободы своей совѣсти? Они захотятъ требовать, чтобъ имъ отдали всѣ святыни наши историческія: наприм., кремлевскіе соборы; они захотятъ и, конечно, дайте имъ такую свободу хотѣть—уже и хотѣли бы, чтобы нашъ Государь перешелъ въ ихъ согласіе; вѣдь этого требуетъ ихъ совѣсть, а она вѣдь свободна.... Но кто же скажетъ, что ихъ желаніе, ихъ требованіе слѣдуетъ удовлетворить? Такъ и въ отношеніи свободы проповѣди: они хотѣли бы всѣхъ православныхъ сдѣлать такими же раскольниками, какъ и они сами: такъ ужели же давать имъ свободу привлекать къ себѣ въ расколъ всю Русь православную? Слава Богу: основные законы предоставляютъ это право исключительно только Церкви православной. Слава Богу: наше государство еще не отдѣлилось отъ своей родной Церкви, еще цѣнитъ ея животворную для себя дѣятельность, еще умѣетъ различать въ своихъ законахъ истину отъ лжи, не ставитъ на одну доску раскольническія мудрованія съ церковнымъ ученіемъ. Слава Богу: наше правительство, какъ благопопечительный отецъ, не допуститъ развращать своихъ дѣтей, вѣрноподданныхъ Православнаго Царя Самодержца, ересями и лжеученіями. Было бы безуміемъ допускать все это во имя какой-то ложно понимаемой свободы совѣсти раскольниковъ. Надо же поберечь и охранить и свободу православныхъ простецовъ нашихъ, неумѣющихъ въ вопросахъ вѣры отличить правой руки отъ лѣвой—лжи отъ истины, пагубнаго обмана отъ спасительнаго ученія. Намъ говорятъ, что нашъ «многомилліонный народъ убѣжденъ, что для торжества Православной Церкви не нужны никакія стѣсненія

религіозной свободы иновѣрцевъ». Можетъ быть это отчасти и правда, но вопросъ въ томъ, какъ и что понимать подъ этой религіозной свободой? Если разумѣть, что «пусть каждый по своему Богу молится», то и это едвали будетъ полная правда: несомнѣнно, что православный желалъ бы, чтобы обратились къ вѣрѣ православной не только раскольники, но и всѣ магометане, іудеи и язычники: вѣдь логика сердца, логика убѣжденій у всѣхъ одна и та же; если раскольникъ «стремится повести на путь своего спасенія» православныхъ, то ужели не желаетъ того же для всѣхъ раскольниковъ и православный? Зачѣмъ тутъ хотятъ имѣть двѣ мѣрки? Это первое. А второе: нашъ православный народъ, благодушно допуская, чтобъ каждый по своему Богу молился, вовсе ужъ не такъ равнодушно смотритъ на то, если станутъ его братьевъ совращать въ другую, хотя бы и «старую» вѣру. Онъ глубоко возмущается, когда слышитъ хулы на родную Церковь; не умѣя защитить словесно свои, дорогіе ему вѣрованія, онъ не рѣдко пускаетъ въ дѣло физическое воздѣйствіе противъ совратителей. Ужели православное правительство можетъ равнодушно смотрѣть на совращенія въ расколъ, не говорю уже о сектахъ и иновѣріяхъ, своихъ православныхъ подданныхъ? Ужели не оградить ихъ отъ всякаго рода совратителей? И ради чего бы оно стало устранять себя отъ такого огражденія? Во имя чего дало бы открытый листъ всякому лжеучителю хулить Церковь и совращать православныхъ? Во имя свободы? Но ради Бога разсудите: вѣдь вопросъ не о томъ, возможна ли или не возможна безграничная свобода проповѣди, — кажется несомнѣнно, что границы необходимы,—вопросъ лишь въ томъ: гдѣ проложить эти границы? Вѣдь не допуститъ же правительство проповѣдывать, что Царь есть антихристъ, что не слѣдуетъ платить антихристу подати и давать ему солдатъ, что бракъ церковный есть блудъ, а блудъ — простительный грѣхъ: «семь разъ роди, а за мужъ не выходи» и под. нелѣпости. Значитъ, граница есть. Говорятъ: эта граница—опасность государства и общественной нравственности. Но —во первыхъ: государство у насъ въ союзѣ съ Церковію, опасность для Церкви развѣ не есть опасность и для государства? Церковныя смуты развѣ полезны для государства? Хула на Церковь, поруганіе православныхъ святынь—развѣ не безчеститъ государства? Не думайте, что раскольники такіе кроткіе агнцы: они способны не только издѣваться надъ Церковью и ея служителями, но и надъ каждымъ православнымъ, лишь бы почувствовали свою свободу. И ужели все это будетъ отвѣчать той цѣли, какую поставилъ законодатель для законовъ о свободѣ исповѣданій: «возвеличеніе Церкви православной?». Хорошо возвеличеніе, когда на всѣхъ перекресткахъ ее будутъ поносить и злословить, когда ея вѣрнымъ чадамъ и служителямъ не будутъ давать прохода издѣвательствами! Во-вторыхъ, свобода распространенія раскольничьихъ лжеученій несомнѣнно будетъ подрывать и общую нравственность. Помнить надо, что всякое лжеученіе, въ томъ числѣ и расколъ, заражены страшною гордынею: просимъ мы, служители Церкви, повѣрить намъ въ этомъ на слово,—вся ихъ религіозная жизнь въ ея проявленіи, въ дѣлахъ, зиждется на безсознательномъ лицемѣріи; «нѣсмы якоже про-

чіи человѣцы»... Эта подмѣна нравственныхъ идеаловъ ужели полезна для государства? И во имя чего? Во имя какого-то отвлеченнаго принципа: давайте свободу лжи и не препятствуйте ея пропагандѣ! Да ужели это ужъ такой священный принципъ, что нельзя отъ него отказаться? Ужели можно желать, чтобы проповѣдники его испытали сладость его плодовъ на своихъ дѣтяхъ? Если бы ихъ дѣти совратились въ расколъ и стали хулить святую Церковь, стали поносить ихъ, своихъ родителей, за то, что они не идутъ по ихъ стопамъ: что бы они сказали о такой свободѣ?—И въ этомъ вопросѣ дѣлается подмѣнъ понятій у сторонниковъ свободы проповѣданія или пропаганды: вмѣсто откровеннаго слова «распространеніе лжеученій», они говорятъ—изложеніе и изъясненіе ученія. Но въ томъ-то и дѣло: послушайте, если не вѣрите миссіонерамъ, въ чемъ состоитъ все это «изложеніе и изъясненіе?».—Въ однихъ только хулахъ на церковное ученіе. Намъ говорятъ, что на «собесѣдованіяхъ» уже давно допускается такая свобода проповѣди. Опять подмѣна понятій: собесѣдованіе и проповѣданіе лжеученія съ цѣлію его распространенія вовсе не одно и то же. При собесѣдованіи хулы расколоучителя тутъ же изобличаются, ихъ дѣйствіе на слушателей православныхъ тутъ же парализуется. Такою же подмѣною понятій можно назвать и слово «проповѣданіе». Что хотятъ разумѣть подъ этимъ словомъ? Намъ говорятъ, что оно означаетъ просто изложеніе и изъясненіе ученія. Но изъ чего это видно? Почему раскольникъ не можетъ разумѣть то, что ему захочется? Онъ скажетъ: «намъ законъ даетъ право проповѣдывать, а проповѣдывать и значитъ распространять наше ученіе». И будетъ правъ, потому что онъ не можетъ иначе понимать это слово, какъ въ самомъ широкомъ его значеніи. А законъ не ограничиваетъ это значеніе.

Чтобы дать больше простора пропагандѣ раскола подъ покровомъ свободы проповѣди, защитники сей свободы хотятъ допустить ее вездѣ на основаніи общихъ узаконеній о свободѣ собраній и слова. Пріѣдетъ въ деревню расколоучитель, заявитъ полиціи, что желаетъ устроить собраніе, получитъ разрѣшеніе, соберетъ простецовъ и начнетъ ругать Церковь и ея служителей. Я уже сказалъ, что вся проповѣдь раскольничьихъ проповѣдниковъ сводится къ этой темѣ. И это будетъ твориться, по смыслу закона, якобы «къ вящшему возвеличенію Церкви Православной!». Болью будетъ отзываться такое проповѣданіе въ душахъ простецовъ—православныхъ слушателей; одни изъ нихъ поколеблются, не зная, чѣмъ отразить нападеніе на Церковь лжеучителя, другіе наоборотъ—могутъ въ негодованіи броситься на него, а что дѣлать тогда преставителю полиціи, какому-нибудь уряднику или просто сельскому старостѣ? Ему, конечно, придется защищать проповѣдника отъ насилія, но тѣмъ самымъ ставить въ глубокое недоумѣніе сихъ простецовъ, которые, вѣдь, защищаютъ свою вѣру отъ хульника-раскольника...

Насъ стращаютъ: «всякое-де ограниченіе дѣйствія льготъ, уже возвѣщенныхъ, способно вызвать въ средѣ старообрядческаго населенія недоумѣніе, готовое перейти въ разочарованіе и смущеніе, недалекое, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, отъ смуты». Опять передержка. Въ Высочайшихъ указахъ нѣтъ ни слова о свободѣ пропаганды-проповѣданія, а то, что

дала или «возвѣстила» 1). Дума, еще не Высочайшій указъ. Если по мѣстамъ свобода пропаганды уже идетъ, то, вѣдь, это совершается просто захватнымъ правомъ, помимо всякаго закона. Это слѣдуетъ пресѣчь, какъ восхищеніе недарованнаго. Что ясно и точно указано въ Высочайшихъ указахъ, то и пусть входитъ въ жизнь, но отнюдь, не больше. Всякое расширеніе закона есть уже его искаженіе. А по отношенію къ расколу, который самъ есть искаженіе истины, такое расширеніе есть намѣренное содѣйствіе распространенію лжи и заблужденій.—Насъ хотятъ утѣшить статьей 84 Уголовнаго Положенія, карающей виновныхъ въ совращеніи православныхъ въ расколоученіе посредствомъ злоупотребленія властью (каковой лжеучители, конечно, не имѣютъ, а, слѣд., къ нимъ это и не относится), принужденія, обольщенія, обѣщанія выгоды, обмана, насилія или угрозы. Но здѣсь все это, во-первыхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надобно доказать, а, во-вторыхъ, и къ дѣлу не относится. Ни одного изъ указанныхъ признаковъ не найдете въ свободной проповѣди расколоучителя, и онъ всегда останется правъ; ибо онъ вѣдь не насилуетъ, не угрожаетъ, не злоупотребляетъ властью, не принуждаетъ; правда, онъ обольщаетъ и обманываетъ, обѣщая царство небесное тому, кто за нимъ пойдетъ, но, вѣдь, онъ самъ убѣжденъ, что онъ правъ, что такъ и слѣдуетъ дѣлать... Слѣдовательно, статью эту никогда не придется и примѣнять въ отношеніи къ пропагандистамъ раскола.

Свожу все къ краткимъ положеніямъ. Совѣсть — есть, внутренній законъ, законъ, Богомъ вложенный въ сердце человѣка, законъ, сокровенный въ этомъ сердцѣ такъ глубоко, что ни стѣснить его, ни ограничить въ его *внутреннемъ* дѣйствіи никто со внѣ не можетъ, кромѣ самого носителя сего закона—человѣка. Другое дѣло—проявленіе сего закона *во внѣ*, въ словѣ, въ дѣлѣ. Но вѣдь это будетъ уже не свобода совѣсти, а свобода слова, свобода дѣйствій въ отношеніи къ другимъ. Смѣшивать эти понятія значитъ подмѣнивать ихъ одно другимъ. Свобода слова, свобода дѣйствій одной личности всегда непремѣнно ограничивается такою же свободою другихъ, соприкасающихся съ нею. Когда лжеучитель распространяетъ свое лжеученіе, онъ касается уже совѣсти другихъ, часто немощныхъ, которые не въ состояніи, по своей простотѣ, возражать ему. Съ его точки зрѣнія, по суду его искаженной совѣсти, онъ творитъ благо. Но если законъ отличаетъ истину отъ лжи, если для него не безразлично: распространяется ли истинное ученіе или зловредная ложь, просвѣщаются ли русскіе люди благодатнымъ, воспитывающимъ народный духъ, ученіемъ православія или заражаются непримиримою враждою къ нему, враждою къ Церкви—союзницѣ государства: то онъ долженъ стать на стражѣ истины и сказать твердо лжеучителю: доселѣ прейдеши и ни шагу далѣе! Не смѣй касаться чужой совѣсти! Тутъ предѣлъ свободѣ лжеучителя, предѣлъ—не свободѣ его совѣсти—пусть его вѣруетъ, какъ хочетъ, молится, какъ ему угодно,—а предѣлъ свободѣ его слова, его дѣйствій (ибо, допустивъ свободу слова, нельзя логически отрицать уже и свободу дѣйствій). Необходимость полагать такіе предѣлы естественно вытекаетъ—во-первыхъ, изъ чувства государственнаго самосохраненія: доколѣ Россія живетъ идеа-

лами православія, дотолѣ государство обязано, въ своихъ же интересахъ, охранять сіи идеалы отъ искаженія и разрушенія, православную совѣсть отъ оскорбленія, духовное единство русскаго народа отъ раздробленія по сектамъ, братскую любовь отъ сектанской вражды и духовнаго междоусобія. Во-вторыхъ, предѣлы свободы пропаганды нужны для государства изъ уваженія къ святой истинѣ Христовой, православнымъ государствомъ признаваемой, и во имя простой справедливости: надо же оградить простецовъ отъ вторженія въ ихъ совѣсть; не можетъ же православное государство спокойно смотрѣть, какъ беззащитныхъ младенцевъ вѣры врагъ беретъ и уводитъ въ плѣнъ заблужденій, какъ поселяетъ вражду, самую ожесточенную—религіозную вражду между русскими людьми, между членами одной и той же семьи. Наконецъ, законъ долженъ положить предѣлъ свободѣ всякой пропаганды уже для того, чтобы не противорѣчить самому себѣ. Если право привлеченія инаковѣрующихъ къ своему исповѣданію предоставлено нашими Основными законами одной только Церкви православной, то ясно, что для всѣхъ сектъ и расколовъ такого права не существуетъ, а, слѣдовательно, всякая пропаганда лжеученій должна быть закономъ воспрещена. И это тѣмъ болѣе, что Государь нашъ именуется въ законахъ защитникомъ и покровителемъ Церкви православной, каковое именованіе обратилось бы въ простой почетный титулъ, если бы законъ не ограждалъ его жизненную силу строгимъ воспрещеніемъ всякой пропаганды угрозою кары за таковую...

Сторонникамъ раскола очень хотѣлось бы, чтобы законъ называлъ ихъ духовныхъ (какіе они «духовные!» Вѣдь, въ расколѣ благодати нѣтъ) — «священнослужителями». Ссылаются на римско-католиковъ и армянъ, указывая, что вотъ-де не боятся же называть ихъ митрополитовъ, епископовъ и др. духовныхъ лицъ присвоенными имъ именами. Да, не боимся, ибо и у католиковъ, и у армянъ православная Церковь признаетъ іерархію и пріемлетъ отъ нихъ приходящихъ въ ихъ сущемъ санѣ. А раскольничьихъ лжеархіереевъ и поповъ она признаетъ простыми мірянами и принимаетъ ихъ, какъ мірянъ. Уже по одному этому нельзя заставить законъ величать ихъ такъ, какъ величаютъ раскольники. Но, кромѣ того: довольно съ нихъ и того, что законъ усвоилъ имъ вовсе на дѣлѣ имъ непринадлежащее наименованіе якобы «старообрядцевъ»: вѣдь, если ужъ прилагать сей терминъ, то позволительно было бы не къ раскольникамъ, а только къ единовѣрцамъ. И почему это такая милость къ раскольникамъ: насъ хотятъ заставить величать даже по закону ихъ лжеіерарховъ и поповъ священнослужителями, а, вотъ, намъ хотятъ запретить называть ихъ такъ, какъ велитъ намъ наша православная совѣсть? Вѣдь, ужъ если свобода и уваженіе къ совѣсти и убѣжденію, такъ и намъ дайте сію свободу! Позвольте и намъ именовать ихъ такъ, какъ велитъ намъ Церковь своими канонами, а не мірская власть ея законами. Я уже не говорю о томъ, что наименованіе священнослужителями раскольничьихъ лжепоповъ и лжеархіереевъ будетъ великимъ соблазномъ для простецовъ православныхъ. Вѣдь, наша простота доходитъ до того, что въ пребываніе армянскаго католикоса въ Петербургѣ простецы подходили къ нему

подъ благословеніе, хотя по канонамъ церковнымъ онъ и есть еретикъ. Надо же ограждать младенчествующихъ въ вѣрѣ отъ соблазна, а для сего гражданскій законъ долженъ держаться, по крайней мѣрѣ, въ семъ отношеніи воззрѣній православной Церкви, и не угодничать предъ расколомъ. Во имя терпимости къ расколу не оскорбляйте православныхъ. Не забывайте, что и правительство наше должно быть по духу только православное...

20.

„Идите и вы въ виноградникъ Мой“!

Сегодня вмѣсто обычнаго дневника я печатаю въ «Троицкомъ Словѣ» свое слово къ семинаристамъ, оканчивающимъ курсъ въ этомъ году. Нѣтъ на землѣ болѣе отвѣтственнаго званія, какъ званіе епископское, и нѣтъ для епископа болѣе затруднительнаго положенія, въ наше время, какъ пріисканіе достойныхъ кандидатовъ священства. И это—особенно въ епархіяхъ многолюдныхъ и разбросанныхъ, въ коихъ служеніе пастырское есть сугубый подвигъ. У меня въ епархіи полтора милліона православныхъ; они разселены на пространствѣ до 2,000 верстъ въ длину и около 500 верстъ въ ширину. Есть на Руси епархіи въ нѣсколько разъ больше моей, особенно въ Сибири. Есть приходы въ моей епархіи, въ коихъ деревни отстоятъ отъ приходской церкви на полтораста, на двѣсти верстъ. Въ Сибири версты считаются сотнями. Служеніе въ такихъ приходахъ уже по одному этому, по огромнымъ разстояніямъ, есть подвигъ. Но не всякій способенъ на подвигъ. А нынѣшнія семинаріи,—этого не слѣдуетъ скрывать,—не воспитываютъ подвижниковъ. И вотъ, по нѣсколько мѣсяцевъ, по цѣлымъ годамъ не находится кандидата во священника въ такіе приходы. Что дѣлать архіерею? Помнить надо, что священникъ—не наемникъ, не чиновникъ. Найти подходящаго чиновника не такъ трудно: дайте ему побольше жалованья и къ вамъ пойдетъ съ менѣе обезпеченной должности надежный человѣкъ. Но... во-первыхъ: у насъ вообще—то положеніе священника не обезпечено матеріально, да если бы и было обезпечено оно—это еще не ручательство, что вы найдете такого, какой нуженъ. Бываетъ напротивъ: на мѣсто болѣе обезпеченное польстится и такой, который пойдетъ только ради сквернаго прибытка, а потому о дѣлѣ Христовомъ ему не будетъ никакого дѣла, никакой заботы. Для пастырства нужно нѣчто большее образованія, нужна готовность всего себя отдать своему служенію. Хорошо тамъ, гдѣ небольшая епархія, гдѣ епископъ можетъ каждый годъ видѣть лично всѣхъ своихъ священниковъ, гдѣ онъ можетъ лично руководить ими. Но много ли у насъ на Руси такихъ епархій, да и есть ли еще? Съ теченіемъ времени требованія, предъявляемыя къ священнику, все повышаются: отъ него требуютъ и болѣе образованности, и большей строгости къ себѣ самому въ поведеніи, и полнаго безкорыстія, и чуть ли не евангельскаго совершенства. А на дѣлѣ является все наоборотъ: всѣ эти качества въ кандидатахъ священства идутъ на убыль. Съ болью

сердца приходится отмѣчать это явленіе, тѣмъ болѣе прискорбное, что на него какъ-то мало обращается вниманія... какъ-будто это явленіе совершенно естественное. А между тѣмъ, вѣдь, оно—въ высшей степени тревожное. Кому дороги интересы Церкви, интересы Русскаго народа, тотъ не можетъ не болѣть душою, размышляя объ этомъ. Въ слѣд. № нашего изданія я поговорю подробнѣе по сему поводу. А теперь привожу здѣсь свое привѣтственное слово семинаристамъ въ желаніи, чтобы оно дошло до ихъ сердца, чтобы хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ повлекло на путь служенія родной Церкви.

Привѣтствую васъ, добрые юноши—любимые питомцы Церкви Божіей, съ окончаніемъ курса ученія въ духовной семинаріи и призываю Божіе благословеніе на вашъ жизненный путь! Сожалѣю, что удерживаемый вдали отъ града Вологды долгомъ служенія Церкви и отечеству, не могу лично сего сдѣлать, но утѣшаю себя тѣмъ, что могу поручить это моему доброму сотруднику во Христѣ—преосвященному Антонію.

И въ васъ, юные друзья мои, я хотѣлъ бы видѣть будущихъ нашихъ сотрудниковъ—сослужителей Церкви Вологодской; и васъ ждетъ къ себѣ на служеніе наша матерь Церковь Православная; и васъ съ ранняго утра жизни зоветъ къ Себѣ на святой трудъ Небесный Домовладыка: «идите и вы въ виноградникъ Мой, и что будетъ слѣдовать, дамъ вамъ» (Мѳ. 20, 4). Возведите очи ваши, глаголетъ Онъ, и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ (Іоан. 4, 35). Жатвы много, а дѣлателей мало... (Лк. 4, 2). Эти словеса Господни особенно властно должны звучать въ сердцахъ вашихъ сегодня, въ знаменательный для васъ день, когда открываются предъ вами двери изъ школы въ жизнь. Зоветъ Христосъ, зовемъ и мы: выходите на ниву Божію, вступайте во дворъ овчій, становитесь на стражбу Господню, чтобы спасти словесныхъ овецъ Христовыхъ на пажитяхъ словесъ Божіихъ! Церковь Божія переживаетъ дни великихъ испытаній. Съ одной стороны просыпается совѣсть народная, измученная позорными явленіями послѣдняго времени въ общественной и государственной жизни: народъ жаждетъ слышанія слова Божія, онъ ищетъ Бога, толпами стремится туда, гдѣ чаетъ утолить эту жажду; съ другой стороны, въ народную душу отовсюду грязными потоками врываются разныя, отравленныя ядомъ сатанинской гордыни лжеученія. Народъ ищетъ Божіей правды, а современные книжники и фарисеи проходятъ море и сушу, чтобы обратить хотя одного простеца, а когда это случится, дѣлаютъ его сыномъ геенны, худшимъ, чѣмъ они сами (Мѳ. 23, 15). Противъ святой нашей вѣры, противъ Церкви православной возстали всѣ силы адовы: нѣтъ ереси, нѣтъ раскола, которые не ополчались бы на Церковь Божію, которые не пытались бы расхищать Божіе стадо. И всѣ они стремятся подмѣнить основу нашего святаго православія—христоподражательное смиреніе — сатанинскою гордынею, любовь въ простотѣ сердца—лицемѣріемъ и ненавистію, послушаніе сыновнее—самочиніемъ, апостольское и святоотеческое преданіе собственнымъ смышленіемъ и мудрованіемъ. Для насъ, пастырей, очевидно, что кому-то—а кому, какъ не сатанѣ и слугамъ его?—нужно подмѣнить самое міросозерцаніе народное, исказить народную душу, похитить ея завѣтныя сокровища.

Уже появляются лжехристы и лжепророки, и, хотя еще и не творятъ знаменій и чудесъ, но уже прельщаютъ многихъ, дерзая говорить: «я—хрістосъ!» (Мѳ. 24, 24. 5). И находятся невѣжды—увы!—таковыхъ невѣждъ немало и среди такъ называемыхъ образованныхъ, которые вѣрятъ имъ... Да, какъ это ни странно, какъ ни прискорбно, друзья мои, но приходится признать, что въ духовномъ отношеніи наши «интеллигенты» иногда стоятъ несравненно ниже простыхъ безграмотныхъ женщинъ: въ гордынѣ своей они не видятъ своей духовной слѣпоты и подобно древнимъ фарисеямъ всегда готовы говорить о себѣ: «ужели и мы слѣпы?» (Іоан. 9, 40), тогда какъ простая женщина всегда готова сознаться, что она—темный человѣкъ.—Вотъ скорби, какія нынѣ переживаетъ Хрістова невѣста—Церковь. Но—съ нею—Хрістосъ! Онъ обѣтовалъ, что врата адовы не одолѣютъ ея (Мѳ. 16, 18). Онъ изрекъ Своимъ Апостоламъ: се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка (Мѳ. 28, 20). И вѣрно слово Его! Всѣ еретики и раскольники являлись и исчезали, а Церковь Божія пребываетъ вовѣки. Выходите же бодро на служеніе ей! Исходите въ срѣтеніе Небесному Пастыреначальнику съ горящими сердцами, какъ мудрыя дѣвы исходили съ горящими свѣтильниками! Онъ ждетъ васъ, Онъ говоритъ: «идите и вы въ виноградникъ Мой и что будетъ слѣдовать—получите!» Онъ стоитъ у дверей сердца вашего: «се стою, глаголетъ, у двери и стучу»... (Апок. 3, 20). Онъ Самъ будетъ въ васъ и чрезъ васъ дѣлать въ винограднѣ Своемъ: только отдайте Ему свое юное сердце, свою волю! Воистину иго Его благо и бремя Его легко (Мѳ. 11, 30). Воистинну блаженны всѣ входящіе въ трудъ Его! Господь васъ да благословитъ. Аминь.

Это обращеніе было прочитано преосвященнымъ Викаріемъ послѣ благодарственнаго молебна въ день выпуска окончившихъ курсъ 9 іюня и роздано имъ въ видѣ отдѣльнаго листка.

21.

Питомцы Церкви бѣгутъ отъ Церкви!

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Въ Россіи имѣется 56 духовныхъ семинарій для приготовленія пастырей, а епископы озабочены недостаткомъ кандидатовъ священства. Семинаріи выпускаютъ студентовъ для высшихъ учебныхъ заведеній, акцизныхъ чиновниковъ, даже ветеринаровъ, а во священники въ нѣкоторыхъ епархіяхъ изъ ихъ питомцевъ едва ли идетъ одинъ изъ десяти. Приходится архіереямъ подбирать старичковъ діаконовъ, неокончившихъ курса, псаломщиковъ, едва дотянувшихъ до 2-го класса семинаріи, а въ приходы съ единовѣрческимъ населеніемъ и начетчиковъ, и ими замѣщать мѣста священниковъ по селамъ. Между тѣмъ семинаріи выпускаютъ въ каждой епархіи столько «кончалыхъ», что ими можно бы замѣщать сполна вакансіи не только въ своей, но и въ другихъ, еще не имѣющихъ семинарій, епархіяхъ. Что же это значитъ? Можно ли мириться съ такимъ явленіемъ?

Благовременно подумать объ

этомъ. Въ синодальныхъ канцеляріяхъ работаетъ 16 комиссій, составляющихъ программы для будущаго устава духовныхъ семинарій; работаютъ спѣшно, а главное—какъ бы тайно: по крайней мѣрѣ въ печати ничего не встрѣчаемъ мы о сихъ работахъ. Не я одинъ опасаюсь, — отъ многихъ епископовъ слышалъ я тревожное опасеніе, какъ бы не опустили изъ виду самаго главнаго — чтобы семинаріи прежде всего давали намъ достойныхъ кандидатовъ священства. Не тревожное ли, въ самомъ дѣлѣ, явленіе: на Церковь Божію надвигаются со всѣхъ сторонъ полчища враговъ-еретиковъ, а ея духовныя силы падаютъ, ея пастыри понижаются въ своемъ образовательномъ цензѣ, и, что особенно тревожно, въ нихъ постепенно гаснетъ та благодатная искорка ревности о служеніи спасенію ближняго, которой одной и жива Церковь Божія. Идеализмъ духовныхъ юношей куда-то улетаетъ. Помню, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, мои братья-семинаристы привозили съ собою изъ семинаріи пачки тетрадей—запасъ проповѣдей, на случай, когда будутъ они священниками; помню, самъ я, учась еще въ духовномъ училищѣ, списывалъ себѣ цѣлые томы лучшихъ словъ и поученій, которые мнѣ особенно ложились на сердце. У каждаго изъ насъ была тайная мечта: «буду священникомъ—пригодятся». Конечно, мечта—ребяческая: нельзя же вѣкъ жить списанными проповѣдками священнику, надо же и самому—и это главное—умѣть сказать слово. Но тутъ важенъ не практическій результатъ, а то настроеніе, какое выливалось въ этомъ стремленіи запасаться проповѣдками. Въ душѣ питомца духовной школы жила мечта быть пастыремъ, въ его внутреннемъ человѣкѣ уже слагался идеалъ служенія Церкви. Да въ юношѣ ли только? Не носили ли мы эту завѣтную мечту еще въ раннемъ дѣтствѣ, еще безсознательно? Не отражалась ли она еще въ нашихъ дѣтскихъ играхъ? Да проститъ намъ святая матерь наша Церковь наши дѣтскія крестныя хожденія съ досками и лопатами вмѣсто иконъ, и съ пѣніемъ «Христосъ воскресе»: то не было кощунство, то было невинное въ сущности стремленіе скорѣе быть тѣмъ, чѣмъ были отцы наши... О томъ ли теперь мечтаетъ духовный юноша? Тотъ ли идеалъ носитъ въ себѣ его душа? Увы, для семинариста стала болѣе привлекательною мечта быть «лошадинымъ докторомъ», ветеринаромъ, чѣмъ пастыремъ и врачемъ душъ! Духовенство отдаетъ своихъ дѣтей въ духовныя семинаріи теперь больше потому, что это—даровая средняя школа, подготовляющая на всѣ пути жизни, а не потому, что оно желаетъ повести дѣтей по своему пути служенія Церкви. Забываютъ отцы, что сами питаются отъ Церкви, у Церкви же хотятъ взять средства и для образованія своихъ дѣтей, но отдать ихъ на служеніе ей — у нихъ и мысли нѣтъ... Развѣ неудачникъ выйдетъ—дѣваться будетъ некуда. Я зналъ немало почтеннѣйшихъ протоіереевъ столичныхъ, которые отдавали дѣтей своихъ въ гимназіи, оттуда вели ихъ въ университеты, но не пускали ихъ по своей дорогѣ. Какъ будто духовная школа — это что-то низшее противъ свѣтской, нѣчто плебейское... А отъ столичныхъ батюшекъ заражались такимъ взглядомъ какъ-то безсознательно и сельскіе, но, не имѣя средствъ воспитывать дѣтей въ гимназіяхъ, скрѣпя сердце посылали ихъ въ семинаріи, внушая все же,

мовольно уходитъ изъ жизни. Такова психологія большинства случаевъ самоубійствъ. Въ ея основѣ лежитъ невѣріе въ промыслъ Божій, хула на благость Божію, отчаяніе—смертные грѣхи. Смертные потому, что не даютъ мѣста покаянію, убиваютъ духъ, удаляютъ, гонятъ отъ человѣка спасающую Божію благодать. Человѣкъ добровольно и всецѣло отдаетъ себя во власть врага рода человѣческаго, врага Божія, преграждаетъ къ себѣ всѣ пути для благодати: какъ же возможно будетъ для него воздѣйствіе сей благодати? Когда идетъ рѣчь о спасеніи, мы должны всегда помнить, что Богъ не спасаетъ насъ насильно: создать насъ безъ насъ Онъ могъ, а спасти, насъ безъ насъ—не хощетъ и, безъ нарушенія правды Своей, потому—не можетъ. Необходимо, чтобы человѣкъ при исходѣ изъ сей жизни имѣлъ бы хотя зачатки произволенія ко спасенію, чтобы, по крайней мѣрѣ, не отрицалъ возможности своего спасенія, а слѣдовательно—не терялъ надежды: мы молимся о тѣхъ, кто почилъ въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя, въ комъ осталась хотя бы искра надежды на Искупителя міра. Тогда Церковь молится и „о иже во адѣ держимыхъ“, по слову Василія Великаго. Общій законъ спасенія выраженъ въ словахъ: „въ чемъ застану, въ томъ и сужу“, глаголетъ Господь.

Что сказалъ я о самоубійцахъ; то же можно сказать и объ отлученныхъ отъ Церкви еретикахъ, не примирившихся съ Церковію, умершихъ во враждѣ съ нею, въ отлученіи отъ нея. Внѣ Церкви нѣтъ пути къ единенію со Христомъ, а слѣдовательно нѣтъ и спасенія. Спасаются только живые члены Церкви, живущіе ея жизнію, въ единеніи съ нею посредствомъ таинствъ, наипаче же святѣйшаго таинства Причащенія Тѣла и Крови Христа Спасителя, какъ Онъ Самъ изрекъ: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ*. А сіе величайшее таинство существуетъ только въ Церкви. И относительно еретиковъ надо сказать, что если они умерли безъ примиренія съ Церковію, если они унесли въ душѣ своей вражду къ ней туда, въ другой міръ, то для нихъ невозможно превратить эту вражду въ любовь, потому что вообще для души въ загробномъ мірѣ уже невозможно измѣненіе настроеній: какое направленіе получила душа въ сей жизни, въ такомъ она продолжаетъ жить и въ загробной. Тамъ живетъ уже неполный человѣкъ, а только душа его, и что преобладало въ душѣ въ сей жизни, то продолжаетъ обладать ею и въ будущей. Перемѣна для душъ отошедшихъ изъ сего міра въ другой возможна лишь по молитвамъ Церкви, но при томъ условіи, если душа отошла въ мирѣ съ Церковію, если въ произволеніи усопшаго были зачатки искренняго желанія спасенія, если онъ былъ хотя и немощнымъ, но не совсѣмъ мертвымъ, не отпадшимъ отъ цѣлаго членомъ тѣла Церкви.

Таковы общія основанія для сужденія о томъ: можно ли молиться за души самоубійцъ и еретиковъ. Но относительно самоубійцъ святый Тимоѳей, епископъ Александрійскій, на вопросъ: „аще кто, будучи внѣ себя, подыметъ на себя руки, или повержетъ себя съ высоты, за таковаго должно ли быти приношеніе (литургія), или нѣтъ?“—отвѣчаетъ: „о таковомъ священнослужитель долженъ разсудити, подлинно ли будучи внѣ ума содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнути, да будетъ приношеніе и молитва за

него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быти, яко содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческія, или по иному какому случаю, отъ малодушія: и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывати, да не подпадетъ осужденію".— Вотъ единственное исключеніе, допускающее молитву церковную за самоубійцъ! Человѣкъ совершилъ страшное преступленіе въ состояніи невмѣняемости: ясно, что нельзя его строго и судить за это. Богъ, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своего промысла, попустилъ такое несчастіе, такое насиліе со стороны врага рода человѣческаго въ отношеніи къ человѣку, лишенному разума: Богъ пусть и будетъ единственнымъ его судіею... Церковь, въ смиреніи склоняясь предъ непостижимыми судьбами Божіими, предаетъ сего человѣка въ руцѣ милосердія Божія, какъ лишеннаго возможности бороться съ насиліемъ діавольскимъ. Впрочемъ, повторяю: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о томъ, можно ли допускать церковное поминовеніе самоубійцы, должна рѣшать церковная власть, которая и беретъ за себя отвѣтственность предъ Богомъ за разрѣшеніе или запрещеніе такого поминовенія. И это представляетъ тяжелое бремя для каждаго епископа. Самоубійства участились въ послѣднее время до крайности, особенно среди молодежи. Полагаться на рѣшеніе врачей, нерѣдко и въ Бога не вѣрующихъ, и принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, не признающимъ молитвы за умершихъ вообще, нельзя: вѣдь, такіе врачи вовсе не обязаны входить въ сужденіе по существу съ *духовной* точки зрѣнія о томъ, былъ ли самоубійца въ состояніи остраго помѣшательства и внѣ ума въ моментъ совершенія преступленія; ихъ забота, хотя нѣсколько, успокоить живыхъ, скорбящихъ родственниковъ покойника, и вотъ обычно они всѣ самоубійства съ легкимъ сердцемъ приписываютъ острому помѣшательству. А въ глухомъ, отдаленномъ отъ епархіальнаго города углу, этотъ вопросъ приходится рѣшать мѣстному священнику, у котораго иногда и мужества недостаетъ отказать въ хрістіанскомъ погребеніи и поминовеніи самоубійцы, въ виду возможныхъ жалобъ архіерею за отказъ въ этомъ, со стороны родственниковъ покойника. Вѣдь, въ наше время міряне забываютъ совсѣмъ церковное правило о подчиненіи своего смышленія авторитету своего пастыря и духовнаго отца: они смотрятъ на него просто какъ на требоисправителя, который обязанъ непремѣнно, безъ всякихъ разсужденій, исполнить ихъ требованіе. Забываютъ извѣстное еще въ ветхомъ завѣтѣ правило: послушаніе выше поста и молитвы, выше приношеній и жертвъ. Когда имъ напоминаютъ о церковныхъ правилахъ, они обычно ссылаются на бывшіе примѣры разрѣшенія, и больше не хотятъ разсуждать... И совѣсть священника нерѣдко насилуется мірянами, и священникъ, вопреки совѣсти, во избѣжаніе жалобъ и дознаній, исполняетъ ихъ требованіе. Невольно думаешь: какъ же наша жизнь далеко уклонилась отъ того пути, какой ей указуется Церковію! Вѣдь, выходитъ, что родственники самоубійцы какъ будто насильно, вопреки волѣ Самого Господа, Который управляетъ Церковію и чрезъ іерархію указуетъ ей правила жизни, хотятъ—да будетъ позволено такъ выразиться—втолкнуть несчастнаго въ царство небесное!... И особенно это надо сказать о панихидахъ по

еретикамъ и богохульникамъ: тутъ уже бываетъ прямое кощунство, превращеніе молитвы церковной въ какое-то насиліе надъ Церковію, издѣвательство надъ ея служителями. Такъ было въ отношеніи Толстого, такъ теперь творится въ отношеніи другого богохульника—Шевченко, такъ постоянно творится невѣрами-интеллигентами въ отношеніи разныхъ хулителей Церкви, ея враговъ, если только они носили имена хрістіанскія... Но относительно еретиковъ св. Церковь не допускаетъ даже и такихъ исключеній, какія бываютъ въ отношеніи къ самоубійцамъ: разъ еретикъ или богохульникъ умеръ непримирившимся съ Церковію, умеръ въ отлученіи отъ нея—Церковь не можетъ допустить и молитвы о немъ. Ересь есть духовное самоубійство, а о мертвомъ членѣ, отсѣченномъ отъ цѣлаго тѣла Церкви, безполезно и заботиться, безполезно и молиться.

Есть еще одна сторона вопроса о молитвѣ за еретиковъ и самоубійцъ, которую, обыкновенно, упускаютъ изъ виду, хотя она едва ли не важнѣе всѣхъ теоретическихъ сужденій, которыя, можетъ быть, въ самой основѣ-то своей на нее и опираются. Это сторона, такъ сказать, мистическая. Помнить надо: что такое Церковь въ своей сущности? По ученію великаго Апостола Павла, она есть—живое тѣло Христа Спасителя, коего Онъ Самъ и есть Глава, а всѣ вѣрующіе—члены, такъ сказать—живые клѣточки сего великаго организма любви, одушевляемаго Духомъ Божіимъ; молитва, по выраженію покойнаго А. С. Хомякова, есть кровь Церкви, своимъ обращеніемъ привлекающая благодатныя силы къ обновленію всего организма. Она есть и дыханіе любви, объединяющей всѣхъ вѣрующихъ со Христомъ и во Христѣ. Любовь движетъ молитву, приводитъ ее въ дѣйствіе. Любовь приводитъ въ соприкосновеніе душу молящагося съ душою того, за кого онъ молится. Но сіе соприкосновеніе бываетъ цѣлительно для послѣдняго только тогда, когда онъ еще не умеръ для тѣла Христова, когда онъ составляетъ еще живую клѣточку сего тѣла, то есть, не потерялъ общенія со Христомъ; хотя онъ и болѣетъ, хотя и не очищенъ отъ грѣховной нечистоты, но ушелъ отсюда съ вѣрою въ молитвы Церкви, съ надеждою воскресенія во Христѣ. Тогда молитва любви, восходя къ Искупителю міра, несетъ отъ Него исцѣляющую благодать душѣ почившаго, благодать, изливаемую любовію Христовой къ тому, кто не потерялъ еще вѣры въ искупительную силу крови, проліянной за него на крестѣ. Такая молитва и Господу угодна, какъ жертва любви за почившаго, и для молящагося полезна, какъ животворящее дѣло его любви, какъ исполненіе заповѣди Господней. Такая молитва сливается съ молитвою всей Церкви, становится уже молитвою самой Церкви, молитвою — дерзну сказать—Самого Господа, яко Ходатая Новаго Завѣта, яко Главы Церкви. Соединенная съ таинствомъ Евхаристіи, она проникаетъ небеса и отверзаетъ двери милосердія Божія къ почившимъ въ вѣрѣ нашимъ братіямъ и кровію Господа омываетъ ихъ грѣхи. *Отмый, Господи, грѣхи здѣ поминавшихся кровію Твоего честною, молитвами святыхъ Твоихъ*, молится Церковь, когда опускаются частицы, вынутыя за живыхъ и умершихъ, въ кровь Господню. Теперь примѣните сію мысль къ тому несчастному, кто, какъ еретикъ, отпалъ отъ Церкви, мертвъ для нея въ качествѣ члена, или же отсѣченъ отъ Церкви невидимымъ

судомъ Божіимъ за смертный грѣхъ отчаянія, въ какомъ онъ умеръ, какъ самоубійца. Можетъ ли принести пользу такому, уже мертвому, члену Церкви, уже отсѣченному отъ нея, молитва за него, хотя бы это была молитва всей Церкви? Конечно, не можетъ. И причина тому не внѣ сего несчастнаго, а въ немъ самомъ, въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ перешелъ въ другую жизнь. Это—настроеніе упорнаго сопротивленія Богу и святой Церкви. Онъ самъ не хочетъ себѣ спасенія: *не восхотѣ благословенія и удалится отъ него*, какъ сказано въ Писаніи. А перемѣна настроенія, какъ я уже сказалъ выше, тамъ, въ другомъ мірѣ, невозможна, если не было зачатка такой перемѣны въ сей жизни. Богъ насильно не спасаетъ. Это—первое. Второе: невыносимъ свѣтъ для глазъ болѣющихъ. Невыносимо приближеніе къ Богу для души, умершей въ грѣхѣ нераскаянномъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, наша молитва о человѣкѣ, умершемъ въ состояніи ожесточенія, будетъ только еще больше тревожить и усиливать въ немъ враждебныя чувства къ Богу... По крайней мѣрѣ, относительно злыхъ духовъ извѣстно, что и сихъ отверженцевъ Господь готовъ былъ бы принять, но они сами того не желаютъ въ ожесточеніи своей гордыни. Посему вмѣсто пользы молитва за того, кто ушелъ отсюда въ нераскаянномъ грѣхѣ отчаянія и хулы на Бога, можетъ и ему принести вредъ, и тому, кто за него молится.

Вредъ такому молитвеннику возможенъ еще и съ другой стороны. Молитва не есть простое словесное ходатайство за другаго, какъ это иногда бываетъ между людьми. Нѣтъ. Когда мы молимся за ближняго, молимся не языкомъ только, не словами, а и сердцемъ, то воспринимаемъ память о душѣ его въ свою душу, въ свое сердце; воспринимаемъ, по любви къ нему, и тѣ скорби, тѣ грѣхи, какими онъ отягощенъ и уже какъ бы отъ своего лица вознося ихъ ко Господу, умоляемъ Его благость о помилованіи или ниспосланіи ему спасающей благодати. Чѣмъ сердечнѣе и искреннѣе такая молитва, тѣмъ большую милость Господню она можетъ низвести душѣ того, за кого молимся. И чѣмъ ближе намъ человѣкъ этотъ, чѣмъ больше питаемъ къ нему чувства любви, тѣмъ сердечнѣе бываетъ и молитва наша о немъ. И если онъ жилъ на землѣ благочестиво и богоугодно, то, воспоминая въ молитвѣ его душу, тѣсно соприкасаясь, объединяясь съ нею, мы незамѣтно дѣлаемся какъ бы причастниками и той благодати, какая присуща была этой душѣ при жизни на землѣ, и тѣмъ добрымъ свойствамъ, коими она была украшена. Посему-то молитва за почившихъ праведныхъ людей весьма душеполезна и для насъ самихъ спасительна. Не столько они получаютъ отъ насъ пользы, сколько мы воспринимаемъ отъ нихъ духовной отрады и утѣшенія. Надъ нами сбывается слово писанія: *молитва его въ нѣдро его возвратится.* Съ одной стороны, при одномъ простомъ воспоминаніи о лицѣ, извѣстномъ намъ доброю жизнію, наша благоговѣйная мысль о немъ уже услаждается красотою его духовнаго облика; съ другой—онъ видитъ любовь нашу къ себѣ и, конечно, въ долгу у насъ не остается: онъ, такъ сказать, показуетъ Богу любовь нашу и, по любви своей къ намъ, приноситъ Богу теплую, чистую свою молитву за насъ.

Но совсѣмъ другое дѣло, когда молишься за человѣка, который всю жизнь свою грѣшилъ тяжкими смертными грѣхами и не подумалъ объ

очищеніи ихъ покаяніемъ. Тутъ уже не отраду вливаетъ молитва, а, напротивъ, сообщаетъ молящемуся тягость, смущеніе, безпокойство. Да такъ оно и должно быть. Воспринимая образъ души усопшаго, молящійся вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается какъ бы общникомъ и его душевнаго состоянія, входитъ въ область его душевныхъ томленій, соприкасается его грѣхамъ, не очищеннымъ покаяніемъ, беретъ на себя и долю его душевныхъ страданій. И сіе-то томленіе и страданіе душою во время молитвы за умершаго грѣшника, если онъ еще не погибъ грѣхомъ отчаянія, доставляетъ ему отраду и облегченіе, приклоняя къ нему Божіе милосердіе молитвою любви. Но если его душа перешла въ иной міръ въ настроеніи враждебномъ къ Церкви, если она отвергла искупительныя заслуги Господа Спасителя міра, какъ это было съ несчастнымъ графомъ Толстымъ, то какъ молиться за такихъ? Какъ можно допустить себя до нѣкотораго прикосновенія тому богоборному настроенію, коимъ душа его была заражена? Какъ воспріять въ свою душу всѣ тѣ хулы и безумныя рѣчи, и даже помыслы, коими была полна его душа, можетъ быть, даже въ самый моментъ смерти?... Не значитъ ли это—подвергать свою душу опасности зараженія такимъ настроеніемъ? Не напрасно же говорятъ, что, напримѣръ, самоубійство заразительно: при одномъ имени самоубійцы въ душѣ возникаетъ его образъ, а съ образомъ симъ рисуется и то, какъ онъ окончилъ жизнь... Спросите любаго психіатра, и онъ вамъ скажетъ, что при разговорахъ о самоубійцахъ, о способахъ ихъ самоубійства у впечатлительныхъ людей не рѣдко появляются, такъ называемыя, „навязчивыя мысли“, а по-нашему, православному, просто вражескія искушенія, влекущія слабыхъ людей къ тому же преступленію... Какъ у человѣка, смотрящаго внизъ съ вершины высокой скалы или колокольни, откуда-то появляется мимолетная мысль—броситься внизъ, такъ нѣчто подобное бываетъ и при воспоминаніи о самоубійствѣ человѣка, особенно извѣстнаго тому, кто вспоминаетъ о немъ и имѣлъ къ нему отношенія. Говорю о людяхъ впечатлительныхъ и слабыхъ. А, вѣдь, въ молитвѣ, какъ я сказалъ, мы какъ бы соприкасаемся своею душою душѣ того, за кого молимся... Что если молитва о самоубійцѣ, вообще Церковію воспрещенная, будетъ неугодна Богу?.. Если благодать Божія отступитъ отъ насъ за нарушеніе заповѣди о послушаніи Церкви? За то, что мы свое мнѣніе ставимъ выше ученія и правилъ Церкви?

О всемъ этомъ пусть подумаютъ тѣ, которые требуютъ отъ служителей Церкви молитвъ объ еретикахъ и самоубійцахъ.

А можно ли, скажутъ мнѣ, молиться за самоубійцъ и еретиковъ на молитвѣ домашней, частной, не церковной?

Отвѣчаю: молитва домашняя не можетъ стоять въ противорѣчіи съ церковною, тѣмъ болѣе, что церковная молитва несравненно выше частной, домашней. Что такое моя одинокая, грѣшная, слабая молитва въ сравненіи съ церковною?.. Въ церковной молитвѣ моя немощная и, можетъ быть, нечистая молитва очищается и несется къ Богу на крыльяхъ молитвы всей Церкви, всего сонма вѣрующихъ, сонма всѣхъ святыхъ Божіихъ. Не имѣю я дерзновенія за премногіе грѣхи мои къ Господу Богу моему, тѣмъ паче дерзновенія молиться о томъ, кто премного прогнѣвалъ Его смертнымъ

грѣхомъ отчаянія; и какъ дерзну я дѣлать то, чего не дерзаетъ дѣлать Церковь? Ибо если бы она дерзала, то не воспрещала бы такой молитвы...

Таково общее сужденіе о молитвѣ частной, домашней.

Но мнѣ скажутъ: какъ удержаться отъ такой молитвы особенно человѣку, который былъ связанъ—не говорю уже съ отлученнымъ отъ Церкви явнымъ еретикомъ: о таковомъ не позволитъ молиться чувство уваженія къ Церкви, которую онъ оскорблялъ и отъ которой отпалъ,—но съ самоубійцей узами кровнаго родства, или былъ очень близокъ къ нему по духу любви,—какъ удержаться отъ того, чтобы излить свою душу предъ Отцемъ небеснымъ? какъ не возвѣстить Ему печали своего сердца?...

Но это—совсѣмъ другое дѣло. Никто не можетъ запретить лично каждому изъ насъ „изливать свою душу“ въ молитвѣ предъ Господомъ, „повѣдать Ему печали свои“. Это—не одно и то же съ молитвеннымъ ходатайствомъ за покойника. Мудрые, духовно опытные и обладавшіе даромъ разсужденія старцы-подвижники удовлетворительно даютъ на это отвѣтъ. Такъ извѣстный Оптинскій старецъ Леонидъ, скончавшійся въ 1841 году, далъ такое наставленіе своему ученику, обратившемуся къ нему за утѣшеніемъ, по случаю полученнаго имъ извѣстія о смерти отца, послѣдовавшей отъ самоубійства: „Вручай какъ себя, такъ и участь своего родителя волѣ Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышняго чудесъ. Тщися смиренномудріемъ укрѣплять себя въ предѣлахъ умѣренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя долгъ любви и обязанности сыновней“.

— Но какимъ образомъ молиться за таковыхъ? спросилъ послушникъ.

— „По духу добродѣтельныхъ и мудрыхъ такъ: „*Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, и, аще возможно есть, помилуй! Неизслѣдимы судьбы Твои. Не постави мнѣ въ грѣхъ сей молитвы. Но да будетъ святая воля Твоя!*“

Такъ училъ и утѣшалъ богомудрый старецъ своего ученика, бывшаго въ печали и скорби великой.

Въ этомъ наставленіи и для каждаго хрістіанина, находящагося въ подобномъ положеніи, есть много утѣшительнаго, успокоивающаго скорбную душу въ преданіи и себя и покойника въ волю Божію, всегда благую и премудрую... И вѣрный, смиренный сынъ Церкви не станетъ требовать отъ Церкви большаго.

218—219.

Церковная дисциплина и свобода печати.

Когда истина столь очевидна, что ложь не можетъ ее затмить, несмотря ни на какія усилія, тогда ложь начинаетъ притворяться, будто она давно побѣдила истину, давно доказала, что ея нѣтъ, что если и есть что-то, то, вѣдь, это только легенда, вымыселъ, съ коимъ умнымъ, образованнымъ людямъ и считаться-то стыдно... А толпа невѣждъ, коимъ хочется казаться „интеллигентами“, идущими въ ногу съ людьми „передовыми“, охотно вторитъ глашатаямъ лжи, шумными криками стараясь заглушить скромный голосъ святой истины.

Такимъ образомъ въ наше время создается такъ, называемое, „общественное мнѣніе“, такъ насаждаются лживыя теоріи, построяются и укореняются лженаучныя гипотезы. И чѣмъ больше льститъ страстямъ человѣческимъ какая-нибудь теорія или гипотеза, тѣмъ она больше имѣетъ вѣроятія на распространеніе. Увы! Все меньше становится число самоотверженныхъ, безпристрастныхъ, а главное—смиренныхъ служителей истинной науки, все больше сгущается туманъ лжи вокругъ истины и его ядъ впитывается въ массы: чѣмъ незамѣтнѣе, тѣмъ глубже, отравляя міросозерцаніе православнаго человѣка.

Откуда это?—Не приходится долго задумываться надъ этимъ вопросомъ: прочтите „Протоколы“ семи мудрецовъ въ книгѣ С. А. Нилуса и увидите, что все это дѣлается очень планомѣрно, обдуманно, тѣми, кому нужно превратить все человѣчество въ свой рабочій скотъ... А факты, поразительнѣйшіе факты налицо.

Прислушайтесь къ тому, какъ относится наша печать, наши газеты,—да, газеты: увы, вѣдь, мы теперь книгъ почти не читаемъ, а все только газеты: поневолѣ приходится къ нимъ прислушиваться, —такъ вотъ и прислушайтесь, какъ онѣ относятся къ Церкви, къ Евангелію, къ самому хрістіанству...Вѣдь, если еще не отрицаютъ прямо, то въ общемъ знать ихъ не хотятъ! Церковь учитъ святой истинѣ, газеты—проповѣдуютъ служеніе плоти и похотямъ ея: Церковь объявляетъ постъ, газеты преподносятъ читателямъ, какъ нарочито, веселые фельетоны и новости по части увеселеній... Настаетъ великій праздникъ Пасхи или Рождества Хрістова; въ газетахъ появляются разсказы и статейки на темы, какъ будто, религіозныя, но увы—лучше бы ихъ не появлялось! При этомъ-то случаѣ и снимаютъ съ себя маску лицемѣрнаго хрістіанства разные авторы: они даютъ разные вымыслы, подкладкою коихъ служатъ якобы научныя открытія, разныя сказанія, предавія, легенды, и все это сводится, въ сущности, къ подрыву вѣры въ сердцахъ православныхъ читателей, все — сознательно или безсознательно — служитъ цѣлямъ все тѣхъ же враговъ хрістіанства, враговъ Бога и людей...

Газетные листы создаютъ, такъ сказать, настроеніе, а мелкія брошюрки для народа, якобы научныя популярныя книжки для полуинтеллигенціи, для школъ, для молодежи питаютъ это настроеніе уже открытою ложью, обманывая читателей и выдавая разныя хитроумныя гипотезы за научно доказанные факты. Печати теперь дана полная свобода: лги, сколько хочешь, подкапывайся подъ вѣру Хрістову, расхищай душу народную, сѣй отраву полною рукою—все позволено! Правда, есть статьи закона, коихъ нарушеніе влечетъ иногда наказаніе, но эти статьи такъ легко обойти, что не стоитъ много и думать о томъ. Переводятъ на русскій языкъ всякую гниль, направленную противъ хрістіанства, хотя бы эта гниль давнымъ давно обличена тамъ же, гдѣ она появилась, и уже давно заброшена и забыта людьми, честно мыслящими: а у насъ ее распространяютъ какъ новинку, обманывая простой народъ заглавіями. За примѣромъ ходить недалеко: на сельскихъ ярмаркахъ, въ отдаленныхъ уголкахъ Руси, гдѣ-нибудь въ Царевококшайскѣ или Устьсысольскѣ, можно найти на рынкѣ сочиненіе богохульника Ренана, подъ заголовкомъ: „Жизнь Іисуса“, и благочестивый простецъ покупаетъ книж-

ку, воображая, что это книжка „божественная“ и вовсе не допуская мысли, что этой книжкой ему подносятъ „ножъ, медомъ помазанный“...

Само собою понятно, что тутъ уже не можетъ быть рѣчи о „безсознательномъ“ отравленіи народной души: тутъ ясно, какъ Божій день, что отрава подносится сознательно, намѣренно, чтобъ развратить вѣрующую душу русскаго простеца. Только хотѣлось бы спросить: что лучше: оставлять ли этихъ отравителей въ спискѣ хрістіанъ, да еще—чего добраго—православныхъ, или же открыто выбросить ихъ за бортъ корабля церковнаго? А, можетъ быть, они и сами предпочли бы такую свободу—считаться не людьми, а скотами или человѣкообразными животными? Вѣдь, въ душѣ то они уже не отличаютъ себя отъ животныхъ: такъ къ чему ужъ и лицемѣріе это? Зачѣмъ обманывать добрыхъ людей: носить имя хрістіанское, а въ душѣ быть просто скотомъ?...

Знаю, что сіи „носители якобы культуры“, глаголемые „передовые“ люди, якобы „просвѣщенные научными послѣдними словами“, запротестуютъ противъ такого прямолинейнаго рѣшенія. Какъ? Лишать ихъ права носить имена хрістіанскія? что за варварство, что за насиліе!.. Но позвольте, господа: вѣдь, имена хрістіанскія, православныя принадлежатъ чтимымъ нами святымъ угодникамъ Божіимъ; для насъ носители сихъ именъ не умирали, они живы, мы съ ними въ благодатномъ общеніи, и это для насъ живой фактъ, а не легенда, не мечта... Вы просто не имѣете права носить ихъ имена, потому что для васъ эти имена не больше, какъ клички для животныхъ, а для насъ—символы близкихъ намъ, чтимыхъ нами существъ. Вамъ все равно, казалось бы, называться Иваномъ ли Ивановичемъ или Дубомъ Дубовичемъ, а для насъ было бы важно знать: съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ человѣкомъ ли хрістіаниномъ, или съ человѣкообразнымъ существомъ, правда, можетъ быть, и очень умнымъ, но такимъ, у котораго вытравлено изъ души все, чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго, а сношеніе съ такимъ лжечеловѣкомъ не всегда можетъ быть безопасно, не говоря уже о всемъ прочемъ...

Не будемъ оправдываться: плохіе мы хрістіане, не стоимъ и сами имени хрістіанскаго; но все же, вѣдь, больно становится на душѣ, когда не видишь отпора соблазну безбожія, когда широкою волною разливаются противохрістіанскія лжеученія, когда люди открыто Бога знать не хотятъ, а въ то же время именуютъ себя еще хрістіанами... Великая разница: хрістіанинъ—простой грѣшникъ, и хрістіанинъ—безбожникъ. Грѣшникъ всегда покаяться можетъ: пока Богъ терпитъ грѣхамъ, пока грѣшникъ называетъ грѣхъ—грѣхомъ и себя—грѣшникомъ, дотолѣ для него возможно обращеніе. Но безбожникъ никогда не признаетъ себя грѣшникомъ; что бы онъ ни дѣлалъ, какое бы зло ни чинилъ—онъ всегда правъ въ собственныхъ глазахъ, онъ грѣха не знаетъ, не признаетъ: на чемъ же тутъ основаться самой возможности покаянія? Развѣ на особой милости Божіей за молитвы чьи-нибудь или за какое-нибудь доброе дѣло, сдѣланное имъ когда-нибудь, можетъ быть, тогда, когда онъ былъ еще вѣрующимъ хрістіаниномъ: вѣдь, у меня о такихъ именно и идетъ рѣчь.

Да, плохіе мы хрістіане, а иногда думаешь: не лучше ли бы было, если бы явныхъ безбожниковъ со-

всѣмъ исключать изъ среды нашей, чтобъ не оскорбляли они, не гасили совсѣмъ наше религіозное чувство. Я спросилъ бы, напримѣръ, хотя бы этого „ученаго мужа", который такъ развязно толкуетъ о происхожденіи нашихъ каноническихъ Евангелій въ духѣ тюбингенской школы: да вѣруетъ ли онъ въ самый фактъ воскресенія Христова? Не считаетъ ли онъ его легендой второго вѣка? Знаетъ ли, то есть, вѣруетъ ли такъ, твердо, какъ онъ научно опознаетъ хотя бы самъ себя, что онъ живетъ на свѣтѣ,—*знаетъ* ли такъ же твердо, что Христосъ *живъ*, что Онъ управляетъ Своею Церковію, живетъ въ ней и она въ Немъ, что это—такой же фактъ, какъ его собственное личное существованіе? Вѣруетъ ли,—скажу опять сильнѣе: *знаетъ* ли точно, что Христосъ паки пріидетъ, непремѣнно пріидетъ со славою многою судить живымъ и мертвымъ, которые для того и изъ мертвыхъ воскреснутъ, и это—непреложная истина? Что будетъ вѣчная жизнь, для однихъ—вѣчноблаженная, для другихъ — вѣчномучительная? Вѣдь, сей многоученый мужъ все это теоретически знаетъ, конечно, съ дѣтства, но есть ли для него это знаніе — живая жизнь, безспорная аксіома, или же —только легенда, темное сказаніе, прямѣе сказать—миѳъ?.. Если послѣднее, то, вѣдь, онъ уже ушелъ изъ Церкви, онъ фактически отступилъ отъ Христа, сталъ снова язычникомъ, бродитъ внѣ ограды Христовой: такъ зачѣмъ же и держать его насильно въ Церкви, считать христіаниномъ?..

Мнѣ укажутъ на притчу о плевелахъ: *оставите расти обоя купно до жатвы*... Но, вѣдь, рѣчь идетъ не о плевелахъ, а о сѣятеляхъ этихъ плевелъ; не о лжеученіяхъ, а о тѣхъ сознательныхъ лжеучителяхъ, которые распространяютъ эти лжеученія; рѣчь идетъ не о какихъ-либо карахъ противъ нихъ, а просто о мѣрахъ предостереженія вѣрующихъ противъ ихъ лжеученій. Въ самомъ дѣлѣ; вотъ какой-нибудь лжеученый издаетъ переводъ безбожнаго сочиненія, положимъ хотя бы того же богохульника Ренана или же богохульное сочиненіе нашего, къ несчастію, соотечественника графа Толстого: ужели Церковь не въ правѣ спросить этого господина, если только онъ именуетъ себя ея чадомъ, значится въ спискахъ православныхъ христіанъ: а какъ онъ вѣруетъ? Почитаетъ ли онъ Господа нашего Іисуса Христа Богомъ воплотившимся или простымъ человѣкомъ? Вѣруетъ ли онъ въ Его воскресеніе и будущее второе пришествіе? Ну, хотя бы поставить сему господину только два—три такихъ вопроса... Ужели нельзя? Вѣдь, пастыри Церкви на то и поставлены, чтобы пасти Христовыхъ овецъ: а что если подъ одеждою-то овцы скрывается просто-таки волкъ? Ужели пастырь не въ правѣ заглянуть подъ его одежду? А дальше—заповѣдь: *повѣждь Церкви*... Скажутъ: доносъ? Но пусть говорятъ, что угодно: если моего вразумленія моя овца не слушаетъ, то я *долженъ* повѣдать о семъ Церкви! Это —мой долгъ. И никто не въ правѣ воспрепятствовать мнѣ исполнить сей долгъ. Тотъ, кто пересталъ вѣровать въ Господа Іисуса Христа, яко Бога, кто не вѣруетъ въ Его воскресеніе и будущее второе пришествіе Его, какъ въ непреложную истину,—не говоря уже о прочихъ догматахъ святой нашей вѣры,—кто открыто, печатно проповѣдуетъ свое невѣріе,—тотъ уже пересталъ быть христіаниномъ, тотъ отпалъ уже отъ Церкви, тотъ уже самъ подвелъ себя подъ анаѳему, воз-

глашаемую Церковію въ недѣлю Православія: ужели Церковь не въ правѣ удостовѣрить этотъ, уже совершившійся фактъ отпаденія отъ нея, открыто объявить вѣрующимъ, чтобъ такого человѣка боялись, какъ зараженнаго неисцѣльною духовною проказою, а потому и все, что онъ выпускаетъ изъ—подъ печатнаго станка, слѣдуетъ принимать съ крайнею осторожностью, какъ отъ богоотступника? Недавно церковная власть оповѣстила православныхъ, чтобы остерегались бесѣдъ нѣкоего хлыста Чурикова: почему она не можетъ оповѣстить вѣрующихъ, чтобы береглись изданій, руководимыхъ хотя бы только открытыми врагами Церкви и Христа—іудеями или открытыми ихъ приспѣшниками, привлекая сихъ послѣднихъ, если они еще не отреклись формально отъ православія, къ отвѣтственности предъ судомъ Церкви, яко чадъ Церкви, за распространеніе безбожныхъ и противохристіанскихъ идей и за соблазнъ вѣрующихъ? Если Церковь привлекаетъ къ своему суду, напримѣръ, имебожниковъ — вождей секты, то почему не привлечь и покровителей ихъ, разныхъ издателей и сочинителей, именующихъ себя православными? Не все ли равно: распространяется ли лжеученіе словесно или письменно, или же печатно? Ересь остается ересью и въ словесной формѣ и въ письменномъ изложеніи, да въ послѣднемъ вредъ ея грозитъ большей опасностью, что каждому ребенку извѣстно даже изъ басни Крылова: „Писатель и разбойникъ“. Само собою понятно, что не формальный, а такъ сказать—идейный судъ Церкви неминуемо простирается и на тѣхъ, кто распространяетъ или защищаетъ ересь печатно, но, къ сожалѣнію, это далеко не всѣми сознается, а разные писатели и издатели, защитники ересей, не допускаютъ о томъ и мысли, будто они подлежатъ суду Церкви за свои печатныя выступленія. Между тѣмъ, печатное слово въ защиту ереси, какой бы то ни было, есть уже дѣяніе грѣховное противъ Церкви, противъ Христовой истины, есть уже соблазнъ малыхъ сихъ, а извѣстно, какъ Господь осудилъ грѣхъ соблазна: Онъ, милосердый, призналъ, что лучше бы соблазнителю быть потоплену въ пучинѣ морской, нежели согрѣшить грѣхомъ симъ! И Церковь видитъ, какъ разные писатели и издатели грѣшатъ симъ грѣхомъ: уже ли же она не въ правѣ—скажу сильнѣе: не есть ли ея прямой долгъ обратиться къ симъ, еще именующимъ себя чадами ея, съ словомъ увѣщанія, вразумленія, а если они не слушаютъ, прекословятъ ей, то—по меньшей мѣрѣ, предостеречь послушныхъ чадъ отъ такихъ лжесловесниковъ, вносящихъ соблазнъ ереси въ души православно-вѣрующихъ?... Можетъ быть, они не пойдутъ на этотъ судъ Церкви? Но, вѣдь, это уже будетъ отпаденіе отъ Церкви и она будетъ имѣть и право и долгъ объявить объ этомъ чадамъ Церкви! Ужели положеніе церковной власти дошло до такого паралича, что она не можетъ уже, считаетъ безполезнымъ, можетъ быть, даже опаснымъ — воздѣйствовать на явныхъ соблазнителей даннымъ ей отъ Христа полномочіемъ: увѣщевать, убѣждать, грозить отлученіемъ и, наконецъ,—приводить угрозу въ исполненіе? Со стороны можетъ показаться, что церковная власть—простите слово, неудобь къ ней примѣнимое—забыла о своемъ правѣ и долгѣ! Тутъ, вѣдь, рѣчь идетъ не о какихъ-либо гражданскихъ правоограниченіяхъ: говорю просто о правѣ и долгѣ разсматривать дѣя-

тельность именуемыхъ „чадъ“ Церкви, въ ея отношеніи къ міру Церкви, къ внутренней жизни Церкви, къ чистотѣ ея ученія и святыхъ догматовъ церковныхъ. Во времена вселенскихъ соборовъ не было печатныхъ станковъ, не было журналовъ и газетъ; но и тогда на соборахъ власть церковная находила нужнымъ осуждать нѣкоторыя сочиненія неправославномыслящихъ писателей, даже умершихъ, даже и самихъ писавшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она привлекала бы къ своему суду, и суду строгому, такихъ писателей, которые стали бы защищать ереси, выпуская въ тысячахъ экземпляровъ ихъ изложенія или апологіи. Печать совсѣмъ разнуздалась въ отношеніи вопросовъ вѣры; именующіе себя православными открыто излагаютъ и проповѣдуютъ всяческія ереси и безбожныя ученія; печатаютъ нерѣдко самыя богохульныя сочиненія, а Церковь молчитъ, какъ будто она ничего не можетъ сдѣлать противъ этого зла. Но какъ же она терпитъ это зло, тогда, когда оно распространяется не іудеями, не иновѣрцами, не отпадшими отъ Церкви сектантами и раскольниками, а ея же чадами?.. Ссылаться на свободу, объявленную печати и истолкованную врагами Церкви въ смыслѣ, имъ желательномъ и Церкви явно враждебномъ, нельзя: для чадъ Церкви у матери есть свои мѣры воздѣйствія, которыя она должна привести въ дѣйствіе. Высказываются опасенія, что тогда много „писателей“ и издателей объявятъ себя отдѣлившимися отъ Церкви. Дѣло не въ томъ, сколько непослушныхъ и неразумныхъ умниковъ уйдетъ въ секту или расколъ послѣ увѣщаній и материнскаго воздѣйствія Церкви: важнѣе то, что соблазняемые теперь ими увидятъ, къ чему ведетъ самовольное мудрованіе, и отшатнутся отъ такихъ мудрователей. Важнѣе то, чтобы пробудить въ чадахъ Церкви заснувшее во многихъ сознаніе необходимости для спасенія послушанія Церкви, единенія съ нею въ мысли и словѣ. Важнѣе то, что всѣмъ, еще вѣрнымъ Церкви чадамъ ея будетъ извѣстно: кто сѣетъ и поддерживаетъ смуту, чтобы такихъ людей остерегаться и, по завѣту св. Апостоловъ, не имѣть съ ними близкаго братскаго общенія. Кто посмѣетъ сказать, что Апостолъ Іоаннъ Богословъ, сей Апостолъ любви, не имѣлъ достаточно христіанской любви, когда писалъ „избранной госпожѣ и чадомъ ея“: *всякъ преступаяй и не пребываяй во ученіи Христовѣ, Бога не имать. Аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите*, не привѣтствуйте его. *Глаголяй бо ему радоватися сообщается дѣломъ его злымъ.* (2 Іоан. 9—11). А Апостолъ Павелъ запрещаетъ съ такимъ даже вмѣстѣ принимать пищу. Такъ велика опасность отъ общенія съ противникомъ Церкви! Да и Самъ Христосъ Спаситель сказалъ: *аще и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 17). Обычно, противники власти церковной говорятъ, что архіерей и Синодъ еще не Церковь. Но всю полноту власти, всѣ обязанности блюсти чистоту ученія вѣры, всю отвѣтственность, а слѣдовательно, и права управленія Церковію возложены не на мірянъ, а на преемниковъ апостольскаго служенія—архіереевъ, а потому святые отцы требовали безусловнаго послушанія церковной власти, и въ частности носителямъ ея—архіереямъ, пока они не лишены своихъ полномочій соборомъ церковнымъ. Не мі-

рянамъ судить своихъ пастырей: такое извращеніе порядка церковной жизни въ Церкви недопустимо. Если мы не находимъ въ правилахъ соборныхъ и святоотеческихъ указанія на то, какъ относиться къ авторамъ печатныхъ произведеній еретическаго содержанія, то это понятно: тогда печати еще не было. Но, какъ я выше уже сказалъ, писанія еретическія Церковь судила и авторовъ осуждала. А нынѣ авторы и издатели вообразили себя уже какими-то судіями самой Церкви, и пусть бы ужъ это были враги Церкви, вторгающіеся въ ея жизнь внутреннюю: такъ бы и пришлось относиться къ нимъ, какъ не вмѣняемымъ, какъ къ людямъ, которые не вѣдятъ, что говорятъ и пишутъ. А когда пишутъ и печатаютъ именующіе себя сынами Церкви, да еще мнящіеся ревновать о чистотѣ ученія церковнаго, дерзающіе обвинять самую церковную власть въ ереси, поносящіе исполняющихъ свой долгъ пастырей Церкви: можетъ ли Церковь тогда молчать? Ужели во имя какой-то неопредѣленной свободы печати, свободы слова, власть церковная должна безмолвствовать? Ужели даже своимъ чадамъ, ей еще вѣрнымъ, Церковь не можетъ, не смѣетъ сказать, что такой-то писатель, или такое-то изданіе лжетъ, заблуждается, распространяетъ ересь? Ужели этого писателя или издателя власть церковная не можетъ даже вопросить: како вѣруеши? Вѣдь, ты именуешь себя православнымъ: кто же далъ тебѣ право искажать ученіе Церкви православной, да не про себя только, но и другихъ смущать, подрывая въ нихъ довѣріе къ церковной власти, стоящей на стражѣ догматовъ и ученія Церкви? Если ты самъ смущался чѣмъ-либо, то долженъ былъ обратиться къ пастырямъ Церкви за разъясненіемъ, а не выступать предъ цѣлымъ міромъ въ качествѣ ихъ обличителя и обвинителя—ты, именующій себя еще сыномъ Церкви! Данная тебѣ свобода слова еще не освобождаетъ тебя отъ обязанности послушнаго сына Церкви — почитать Самимъ Господомъ поставленную власть церковную, если только ты еще не отпалъ отъ единенія съ Церковію, ибо сказано: кто не съ епископомъ, тотъ и не въ Церкви. И пока ты именуешь себя сыномъ Церкви, дотолѣ Церковь имѣетъ и право и долгъ требовать отъ тебя послушанія, судить тебя судомъ божественнымъ, а въ случаѣ непослушанія—отказаться отъ тебя, отлучить тебя отъ себя! Судъ Церкви никакого отношенія къ законамъ гражданскимъ не имѣетъ, и что разрѣшаетъ—если только разрѣшаетъ—законъ гражданскій, то не всегда можетъ одобрить, иногда не можетъ допустить законъ церковнаго послушанія. Извѣстно, напримѣръ, что законъ разрѣшаетъ военнымъ дуэли, а Церковь называетъ ихъ тройнымъ преступленіемъ: убійствомъ, мятежемъ противъ правительства и самоубійствомъ. Конечно, судъ Церкви есть судъ любящей матери, но есть предѣлъ любви не только матерней, но и божественной. А судъ Церкви есть судъ божественный по своей сущности, ибо право сего суда дано Церкви не людьми, а Самимъ Господомъ. *Елика аще свяжете на земли, будетъ связана на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесѣхъ*—это, вѣдь, словеса Самого Господа. Нынѣ привыкли къ мысли, что Церковь, въ лицѣ ея служителей—пастырей, должна только разрѣшать и разрѣшать своихъ чадъ, въ какомъ бы грѣхѣ они ни каялись, а о правѣ „связывать“.

запрещать, даже отлучать почти всѣ забываютъ. Но бываютъ обстоятельства, когда, хотя бы во избѣжаніе соблазна, зараженія ересью, Церковь должна, хотя и съ болью сердца, провозглашать свой строгій судъ надъ непослушными своими чадами. Когда распространяется зараза, надо принимать предохранительныя мѣры. Надо предупреждать дѣтей отъ опасности зараженія. И въ этомъ судѣ никакія мірскія власти, никакіе законы о свободахъ ей не могутъ препятствовать. Это—ея небесное право. Само собою разумѣется, что для человѣка, покинувшаго Церковь, такой судъ не страшенъ: онъ будетъ смѣяться надъ нимъ, какъ несчастный Толстой смѣялся; но для вѣрующихъ приговоръ Церкви есть уже знакъ, что должно сторониться такого человѣка. А еще, слава Богу: хотя число вѣрующихъ и умалилось, все же на Руси ихъ не мало, и для нихъ голосъ Церкви будетъ имѣть всю свою силу и значеніе. Есть и такіе, которые въ недоумѣніи вопрошаютъ: почему Церковь молчитъ? Почему она не принимаетъ мѣръ къ такому или иному воздѣйствію на именуемыхъ чадъ ея, доходящихъ до такой дерзости, что они судятъ церковную власть, какъ будто она имъ подчинена, а не они —ей, какъ будто они кѣмъ-то уполномочены давать свои заключенія относительно ея дѣяній и вовсе не обязаны выслушивать ея рѣшенія и сужденія. Казалось бы: ужъ пусть будетъ лучше наоборотъ: пусть Церковь исполнитъ свой долгъ въ отношеніи сихъ заблуждающихся и, если они не раскаются и не смирятся предъ Церковію, то пусть будутъ извергнуты изъ ея нѣдръ, а затѣмъ ихъ газетные толки, ихъ критика церковной власти и ея распоряженій уже будутъ въ глазахъ вѣрныхъ сыновъ Церкви то же, что теперь сужденія какихъ-либо раскольниковъ и сектантовъ въ ихъ повременныхъ изданіяхъ, обычно преисполненныхъ клеветъ на Церковь православную и ея служителей.

Было время, когда церковная жизнь шла спокойно въ своемъ вѣковомъ руслѣ и церковная власть руководила ея теченіемъ, не имѣя крайней нужды усиливать строгость своей дисциплины. Теперь—время всякихъ свободъ, лучше же сказать —распущенности во всѣхъ областяхъ русской жизни. Эта распущенность проникла уже и въ область церковной жизни. Забывъ о необходимомъ условіи пребыванія въ нѣдрахъ Церкви, иные „чада“ Церкви позволяютъ себѣ всякое самочиніе и въ мысли, и въ печатномъ словѣ, и въ ученіи вѣры. Сама жизнь такимъ образомъ настойчиво проситъ болѣе строгой дисциплины. Сыны послушанія начинаютъ чувствовать уже гнетъ отъ сыновъ противленія. Благодаря слабости дисциплины, и для лицемѣра-жида стало легко быть, то есть считаться, православнымъ, ибо православіе на дѣлѣ, въ жизни, ничего отъ него не стало требовать, что препятствовало бы ему жить, какъ ему хочется. Съ другой стороны, распустились и исконно-православные: внѣшняя ограда закона гражданскаго снята: вѣруй, какъ знаешь, иди въ какую хочешь секту, исключая противогосударственныхъ и противообщественныхъ; пиши и говори, что хочешь; свобода слова и печати почти безграничная, а внутренней церковной дисциплины, какъ внѣшняго проявленія жизни самой Церкви, незамѣтно. И мнимые православные забыли, что есть власть церковная, что она имѣетъ и право, и долгъ наблюдать за ихъ дѣятельностію въ области вѣры православ-

ной. Въ ихъ сознаніи, какъ будто, сгладилось различіе между пастыремъ и пасомыми, между имѣющимъ право и долгъ учить, и между неимѣющими такого права, между облеченными благодатію „созиданія Церкви“, то есть благодатію священства, и между простыми міянами, коимъ разрѣшается учительство только по особому благословенію пастырей Церкви. Все спуталось, смѣшалось, и безъ возстановленія церковной дисциплины, и притомъ строго разумной, не разобраться въ этой путаницѣ. Думается, что церковная власть и должна положить начало такому великому дѣлу съ тѣхъ именуемыхъ чадъ Церкви, которые самочинно берутъ на себя судъ надъ самою властью церковною, надъ С. Синодомъ и архипастырями, надъ ихъ ученіемъ, то есть, ученіемъ самой Церкви, ибо у нихъ нѣтъ своего личнаго ученія, своего смышленія. А таковы и есть такъ называемые представители публицистики, руководители печатнаго слова...

Необычно на сей разъ мое слово. Не дерзаю сказать съ Апостоломъ „не почти кто-нибудь меня неразумнымъ“, но дерзаю повторить его дальнѣйшее слово: „примите меня, хотя какъ неразумнаго“ (2 Кор. 11, 16). Если я ошибаюсь, то вразумите меня, но все же удѣлите вниманіе симъ моимъ строкамъ...

220—221.

На опасномъ пути.

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что вождь имябожниковъ А. Булатовичъ не подаетъ надежды къ смиренному сознанію своего заблужденія. Вступивъ на путь самочиннаго мудрованія, онъ сталъ на почву полемики съ церковною властью, уже воображая себя вполнѣ правоспособнымъ богословомъ для такой полемики и для формулированія новыхъ, въ богословской наукѣ еще неизвѣстныхъ, догматовъ. Почва опасная и Церковію неблагословляемая! А что это такъ, что онъ на опасномъ пути, видно изъ того, что, вѣдь, не можетъ же онъ отказаться отъ заявленія схимонаха Иларіона, что ими открытъ „новый догматъ“, доселѣ какъ бы незамѣченный, именно—что „имя Божіе есть Самъ Богъ“. А св. отцы, учители подвижничества, Іоаннъ Лѣствичникъ, Варсанофій Великій и другіе, строго запрещаютъ рядовымъ монахамъ заниматься изслѣдованіемъ догматовъ, указывая имъ смиренный путь послушанія и предоставляя „догматствованіе“ епископамъ.

Нынѣ Булатовичъ заявляетъ въ своемъ „прошеніи“ Святѣйшему Синоду, что „по одному своему званію схимонаха будучи всегда готовъ „смириться“ (это слово онъ почему-то ставитъ во вносные знаки, что производитъ странное впечатлѣніе, какъ будто призывъ Святѣйшаго Синода къ смиренію по адресу инока носитъ какой-то специфическій характеръ), да и вообще никогда не стыдясь сознать свою ошибку, въ особенности, если эта ошибка можетъ имѣть пагубныя послѣдствія не только для него, но и для многихъ другихъ“, онъ „съ радостью готовъ и смириться и отстать отъ заблужденія, но“...

Но прежде, чѣмъ читать его условія, на какихъ онъ „готовъ“ сми-

риться, я не могу не напомнить ему нашей бесѣды въ больницѣ, въ Петербургѣ: г. Троицкій и я довели его до сознанія, что онъ неправильно перевелъ изъ греческой постной тріоди слово *θεότης* словомъ *Богъ*: для понятія „Богъ“ у грековъ есть спеціальное слово *Θεός*. Мы предложили ему немедленно, теперь же, напечатать въ „Колоколѣ“ или въ какомъ угодно изданіи, что онъ исправляетъ свою ошибку. На это онъ не согласился, сказавъ, что исправитъ во второмъ изданіи своей „Апологіи“. Правда, онъ далъ на бумагѣ нѣчто въ родѣ такой поправки для представленія Святѣйшему Суноду, но когда я прочиталъ эту поправку въ Сунодѣ, то она была признана довольно двусмысленною и недостаточной, да притомъ авторъ все же меня не уполномочилъ ее напечатать. Итакъ: мы въ правѣ сомнѣваться и теперь, что онъ дѣйствительно „готовъ“ сознаться въ своемъ заблужденіи. Однакоже, какія его условія покаянія?

„Но, говоритъ онъ, прежде нежели это сдѣлать, я долженъ знать, въ чемъ должно заключаться сіе „смиреніе“ (замѣтьте: опять какъ бы иронія—знаки вносные) и отъ какихъ заблужденій подобаетъ мнѣ отстать?“—„И затѣмъ, на 27 страницахъ въ листъ (по 62 строки!), въ 9 пунктахъ, разбираетъ, точнѣе—критикуетъ, все посланіе Святѣйшаго Сунода, доказывая несправедливость предъявленныхъ ему обвиненій, обвиняя въ свою очередь архіепископа Антонія и меня въ богохульствѣ, повторяя всѣ тѣ подмѣны и искаженія, въ коихъ онъ изобличенъ уже и мною, и С. В. Троицкимъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти изобличенія, какъ будто ихъ и не было, и въ заключеніе категорически заявляя: „судите насъ, или совсѣмъ отлучите, но отступаться отъ святоотеческой православной вѣры во имя Божіе—мы не можемъ!“ Другими словами: онъ, отъ лица своихъ единомышленниковъ, заявляетъ, что отступиться отъ лжеученія, признаннаго и Святѣйшимъ Сунодомъ, и двумя вселенскими патріархами—ересью, они не могутъ, а требуютъ—это само собою подразумѣвается, — чтобы самъ Святѣйшій Сунодъ отрекся отъ своего приговора надъ ихъ ересью, призналъ насъ, архіепископовъ Антонія и Нікона, богохульниками, а поелику Святѣйшій Сунодъ является единомысленнымъ съ нами, то и себя пусть признаетъ погрѣшившимъ, если ужъ не еретичествующимъ... Таково „смиреніе“ (вотъ, ужъ, поистинѣ, смиреніе въ вносныхъ знакахъ!) А. Булатовича!

Разбирать всѣ 1600 строкъ сего прошенія значило бы писать цѣлую книгу; а главное, сіи строки представляютъ собой не что иное, какъ пересказъ, повтореніе все той же знаменитой „Апологіи“ Булатовича, которая была тщательно разобрана уже и въ докладахъ Святѣйшему Суноду, и въ статьяхъ, и въ брошюрахъ нашихъ; авторъ съ спокойной совѣстью повторяетъ, какъ я сейчасъ сказалъ, всѣ свои ошибки, цитируетъ искаженныя мѣста изъ св. отцевъ, толкуетъ по своему смышленію тексты изъ Священнаго Писанія, при чемъ на каждой почти строкѣ, иногда даже не разъ, встрѣтъ „имя Божіе“, такъ что читатель, наконецъ, испытываетъ какой-то тяжелый гипнозъ и бросаетъ чтеніе „прошенія“ такъ же, какъ онъ вынужденъ былъ откладывать и чтеніе „Апологіи“...

Онъ обвиняетъ насъ въ нежеланіи понимать его. Въ свою очередь, мы въ правѣ обвинять его не только въ нежеланіи понимать насъ, но и

въ перетолкованіи нашихъ словъ. Напримѣръ: совершенно произвольно онъ утверждаетъ, что „подъ выраженіемъ „самое имя“ въ Сѵнодальномъ посланіи — очевидно (?) подразумѣвается имяначертаніе и имязвучіе“. Но откуда же это— „очевидно“? Посланіе разумѣетъ, конечно, не одни звуки, не однѣ буквы имени, но и мысленное умопредставленіе, или, какъ говорятъ, идею, все то, что Булатовичъ называетъ тварною оболочкою имени Божія. Впрочемъ, еще, можетъ быть, Булатовичъ именно идею то и разумѣетъ, когда говоритъ объ имени, что оно есть Богъ...

Читая его тезисы, въ коихъ онъ излагаетъ свое мудрованіе, и тѣ пространныя, но весьма туманныя объясненія, какія онъ даетъ въ своемъ „прошеніи“, лучше бы сказать—полемическомъ посланіи, на имя Святѣйшаго Сѵнода, ясно видишь, что человѣкъ путаетъ понятія, пускается въ область богословія и метафизики, и не зная, какъ выйти изъ этой путаницы, прибѣгаетъ къ высокопарнымъ выраженіямъ, смыслъ коихъ едва ли понятенъ и ему самому. Еще въ самомъ началѣ полемики моей съ нимъ, писалъ я ему, что прежде всего надобно твердо установить два понятія: что такое „имя“ и что такое „Богъ“? Какіе признаки сихъ понятій? Въ своемъ отвѣтѣ онъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта на эти два вопроса. Уклоняется и теперь. Въ самомъ дѣлѣ: на вопросъ: что такое „имя“?—Въ своемъ „прошеніи“ онъ отвѣчаетъ: „Имя Божіе, въ самомъ обширномъ и таинственномъ смыслѣ этого слова, понимается во святомъ Писаніи и у св. Отцевъ равнозначущимъ съ именемъ „Слово Божіе“, то есть, „имя Божіе“ означаетъ „Сынъ Божій“.

Хотя это и бездоказательно и не можетъ быть признано вѣрнымъ, что въ словѣ Божіемъ и у святыхъ Отцевъ подъ именемъ Божіимъ „разумѣется, означается“, именно Второе Лице Святыя Троицы—Сынъ Божій, согласимся на минуту, что это такъ: но, вѣдь, во 1-хъ, изъ сего слѣдуетъ, что подъ „именемъ Божіимъ“ уже не должно разумѣть Первое и Третіе Лица Святыя Троицы—Отца и Святаго Духа. Иначе выйдетъ само собою заключеніе, что и Отецъ и Святый Духъ — суть Сынъ Божій. Явная нелѣпость! А во 2-хъ, и мы говоримъ, что терминомъ имя Божіе мы „означаемъ“ Бога, что имя Его есть символъ, или, какъ у грековъ принято говорить — икона Бога. Казалось бы, А. Булатовичъ согласенъ съ нами? Отнюдь нѣтъ: онъ говоритъ, что „имя Божіе есть Самъ Богъ“. Но что-нибудь одно: или имя „есть“ Богъ, или же только „означаетъ“ Бога: вѣдь, это два понятія, отстоящія одно отъ другаго, какъ небо отъ земли.

А. Булатовичъ понимаетъ, что такое опредѣленіе имени Божія, какъ „Сынъ Божій“, многихъ не удовлетворитъ, а потому онъ даетъ еще другое: „имя Божіе, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, говоритъ онъ, означаетъ различныя именованія Божіи, открытыя Богомъ человѣку, коими мы именуемъ Бога по богооткровеннымъ свойствамъ Его“. Кажется, ясно, что тутъ уже разумѣть надобно имена—*слова;* да онъ далѣе и самъ говоритъ: „въ этомъ смыслѣ понимаемое имя Божіе равночестно *Глаголамъ* Божіимъ, которые таинственно заключаютъ въ себѣ Духъ и Жизнь, то есть, Божественную дѣятельность Божества, которая, будучи растворена вѣрою воспринимающихъ сіи Глаголы, освящаетъ ихъ и просвѣщаетъ ко спасенію и причащаетъ Божеству“.

говорятъ: «гдѣ же свѣтлый Богъ вотъ у этихъ православныхъ?»...

VII.

Смотрю я на міръ промышленный... Купцы, ремесленники, фабричные... Какъ въ котлѣ кипитъ ихъ жизнь. У каждаго своя забота, своя работа. Однихъ гонитъ нужда, потребность насущнаго хлѣба, другихъ — корысть, жажда богатства... Но у всѣхъ—одно на умѣ: деньги... И тѣ, и другіе, въ своихъ заботахъ, въ своей суетѣ не знаютъ мѣры и границъ. Богатому хочется быть еще богаче, и не удовлетворится онъ, аще и весь міръ пріобрящетъ; бѣдному труженику хочется, чтобъ сыта была его семья, чтобы была она всѣмъ довольна, чтобъ дѣти не нуждались такъ, какъ нуждается отецъ; а затѣмъ — отецъ мечтаетъ отложить копѣечку на черный день, а тамъ— доставить себѣ удовольствіе... И все, говорю, сводится къ тому же знаменателю—деньгамъ. Многіе ли помнятъ, зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ? А превратившись, въ духовномъ отношеніи, въ какія-то машины, и тѣ и другіе забыли, что они не животныя, не машины, что есть вѣчная жизнь, для которой эта временная есть только—нѣкая школа, преддверіе, одинъ мигъ. Все это возвѣстилъ намъ нашъ Спаситель и не только возвѣстилъ, но и трогательно зоветъ туда, въ эту блаженную вѣчность, зоветъ, и руку простираетъ и помощь обѣщаетъ, да и всѣ препятствія устраняетъ съ пути. Знаетъ Онъ, всевѣдущій и милосердый, что и хлѣбъ намъ насущный нуженъ, и говоритъ: просите, и дастся вамъ; молитесь: Отче нашъ, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь... и будете услышаны. Но ищите прежде всего царствія Божія и правды его и сія вся—все, что вамъ потребно, безъ чего жить не можете, на землѣ,—все будетъ вамъ дано въ придачу къ тому единому на потребу—царствію Божію... Казалось бы: что еще нужно хрістіанину? Чего ему недостаетъ? Опытъ показываетъ, что Хрістосъ Спаситель вѣренъ слову Своему: чудо умноженія хлѣбовъ совершается Имъ на нашихъ глазахъ постоянно. Посмотрите на бѣдняка, трудящагося не ради прибытка, а ради исполненія заповѣди Божіей, трудящагося и отъ своихъ трудовъ праведныхъ ради Бога съ ближнимъ дѣлящагося: нѣтъ у него ни капиталовъ, ни богатствъ, но за то съ нимъ всегда милость Божія, онъ всегда сытъ и доволенъ, и семья его видимо Богомъ благословляется: дѣти его радуютъ ученьемъ и поведеніемъ, выходятъ въ люди и готовятъ ему спокойную старость... Казалось бы: для тѣхъ, кто считаетъ себя хрістіаниномъ, въ комъ не погасъ еще лучъ вѣры, такой примѣръ — лучшее побужденіе къ подражанію, къ ободренію унывающаго духа, а для тѣхъ, кого Богъ надѣлилъ излишкомъ — какой просторъ жить для Бога и ближняго! Сколько можно сдѣлать добра! Какъ можно украсить, сдѣлать поистинѣ счастливою счастьемъ ближняго свою жизнь! Вѣдь, нѣтъ легче заповѣди о милосердіи, и нѣтъ добродѣтели, которая такъ скоро и такъ могущественно могла бы преображать наше сердце, дѣлая его милующимъ, какъ добродѣтель милосердія. Господь и на страшномъ судѣ Своемъ будетъ судить именно по этой добродѣтели, и потому-то и будетъ сей судъ столь строгъ, а грѣшникъ на немъ столь безотвѣтенъ, что добродѣтель милосердія такъ свойственна сердцу человѣческому, такъ

сродна ему, мила, любезна и доступна, какъ никакая другая... Вы, еще не отрекшіеся Христа, еще именующіе себя Его святымъ именемъ, вы—христіане! Останьтесь хоть на минуту наединѣ съ самими собою, загляните, при свѣтѣ Христова ученія, въ свою совѣсть... не бойтесь, люди не увидятъ васъ, ради Бога не лицемѣрьте: вѣдь, Бога не обманешь; если вѣрите еще въ Бога, то вотъ и скажите себѣ передъ Богомъ всю правду о самихъ себѣ: христіане ли вы? Не на словахъ, а по совѣсти, на дѣлѣ скажите, не обманывая самихъ себя... Христіанинъ ли ты, поденный труженикъ, не знающій для себя отдыха въ безпрерывной почти работѣ! Подумай: отчего такъ унываетъ твой духъ? Откуда эта по временамъ такая безъисходная тоска? Отчего не спорится у тебя и работа? Не покладаешь ты, кажется, рукъ, а дѣло у тебя будто уходитъ изъ-подъ рукъ. Я не говорю о тѣхъ несчастныхъ, которые заливаютъ свое горе виномъ; я къ тебѣ обращаюсь, честный труженикъ: чего недостаетъ тебѣ для полнаго счастья? Знаю, ты скажешь: средствъ къ жизни мало, недостатокъ одолѣлъ. Такъ, но въ томъ то и дѣло, что ты самъ не видишь, почему, какъ будто, нѣтъ Божія благословенія на твоемъ трудѣ. Я помогу тебѣ рѣшить этотъ вопросъ, если ты только въ Бога вѣруешь, если въ совѣсти своей лукавить не будешь. Прежде всего, спроси самого себя: такъ ли ты трудишься, какъ Богъ заповѣдалъ? Не для того ли только, чтобъ побольше денегъ достать да семью прокормить? Ты скажешь мнѣ: а то для чего же? Другъ мой, если хочешь, чтобъ на твоемъ трудѣ почивало Божіе благословеніе, то надо трудиться во исполненіе Божіей заповѣди, а не ради корысти; заповѣдано намъ: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой—это первое. Если ты это постоянно себѣ повторяешь, если говоришь себѣ: «Богъ велѣлъ мнѣ трудиться, потому и тружусь», то ты—Божій послушникъ, и въ своемъ трудѣ Божіе дѣло творишь, а не житейское только, для Божія царствія трудишься, а не для хлѣба только насущнаго. Второе: надобно помнить всегда, что безъ Божіей помощи мы ничего не сможемъ сдѣлать: *безъ Мене*, говоритъ Христосъ, *не можете творити ничесоже*. А чтобъ помощь сія пришла къ тебѣ, надо и приступая къ труду, и продолжая его, и кончая—Богу молиться. Скажи мнѣ: вотъ стоишь ты за станкомъ, руки твои работаютъ, а умъ твой чѣмъ занятъ? Кто мѣшаетъ тебѣ, хоть отъ времени до времени, умъ свой къ Богу съ молитвою обращать, краткую молитовку творить? Пусть никто не видитъ этой внутренней сердечной твоей молитвы, а Богъ то все видитъ, все слышитъ и невидимо благословитъ твой трудъ. И будетъ твой трудъ Богу угоднымъ дѣланіемъ во славу святаго имени Его, и почіетъ на немъ Божіе благословеніе, и легко будетъ тебѣ трудиться, и во всемъ будетъ тебѣ добрый успѣхъ. Есть еще и третье средство привлекать себѣ Божіе благословеніе: это—надо съ Богомъ дѣлиться отъ трудовъ своихъ праведныхъ. Положи себѣ за правило: отлагать съ каждаго рубля на первое время по копѣечкѣ на добрыя дѣла: Богу на свѣчечку, нищему или бѣдняку на помощь, сироткамъ на хлѣбъ, на рубашечку... Не нуждается Богъ въ нашемъ содѣйствіи Ему: силенъ Онъ и безъ насъ голодныхъ напитать, сиротокъ пристроить,

одѣть и обуть; но Онъ хочетъ и насъ сдѣлать участниками Своихъ благодѣяній людямъ; Онъ хочетъ являть Свои милости—чрезъ насъ, дабы сдѣлать насъ Своими вѣрными слугами, Своими повѣренными здѣсь на землѣ: не великое ли это счастіе? Подѣлись же съ Богомъ своею трудовою копѣечкой. Бѣденъ ты, много дать не можешь, а вотъ эту-то *Божью копѣечку* непремѣнно Богу отдай: повѣрь, она вернется къ тебѣ цѣлымъ рублемъ! У Бога ужъ такой законъ: Онъ ни у кого въ долгу никогда не остается. Не велика сумма копѣйка, а смотришь, Ангелъ Божій счетъ подведетъ, и щедро Господь тебѣ за все отплатитъ. Надо же, надо, братъ мой возлюбленный, понуждать себя къ исполненію хотя бы вотъ такихъ не трудныхъ заповѣдей, какъ заповѣдь о милосердіи. Вѣдь, безъ этого душа наша мертва—не живетъ тою жизнію, къ какой призвалъ насъ Господь. Что же въ томъ удивительнаго, что мы и не знаемъ этой жизни, не знаетъ наше сердце этой радости во Христѣ Спасителѣ нашемъ, и тоскуетъ наша бѣдная, голодная душа?! Вѣдь, она по природѣ своей—христіанка; вѣдь, она сотворена не для этой краткой, земной, суетной жизни: она создана для вѣчной радости у Бога: какъ же ей не тосковать, не стремиться къ чему-то такому, чего не найдешь на землѣ? Начни жить по-Божьи, храни свою совѣсть, трудись для Бога, дѣлись съ Богомъ отъ трудовъ, очищай свою совѣсть святыми таинствами Церкви, не пропускай ни одного праздника, не посѣтивъ храма Божія, и ты ощутишь въ себѣ новыя силы, почувствуешь, что началась другая жизнь, дотолѣ тебѣ незнакомая, и ты поймешь, что ты только теперь сталъ христіаниномъ, а доселѣ только именовался имъ, а на дѣлѣ еще не зналъ, что такое христіанинъ... Счастья тебѣ желаю, дорогой братъ, не отъ себя говорю тебѣ, а отъ имени Церкви-матери нашей благодатной, отъ имени Самого Христа—вотъ отъ имени Кого путь къ счастью тебѣ показую!

VIII.

Теперь обращаюсь къ тебѣ, состоятельный русскій человѣкъ,—купецъ, фабрикантъ, промышленникъ, тебя спрашиваю: христіанинъ ли ты?—Не къ тѣмъ богачамъ я слово мое обращаю, о коихъ говоритъ псалмопѣвецъ—*уты, утолстѣ, расширѣ, забы Бога, спасающаго его*—хотя, о, какъ радъ я былъ бы, если бы кто-либо и изъ нихъ преклонилъ ухо свое къ моему смиренному пастырскому слову,—но теперь я говорю тому, кто считаетъ себя православнымъ христіаниномъ... Братъ возлюбленный! Провѣрь и ты свою совѣсть! Лучше самому, ставъ предъ Богомъ, обнажить язвы души своей, чѣмъ стать предъ лицемъ всѣхъ ангеловъ, всѣхъ святыхъ Божіихъ и всего рода человѣческаго, и быть обнаженну предъ грознымъ Судіею міра... Ради Бога—не обманывай себя—пожалѣй себя! Вспомни, что ничего съ собою въ могилу не возьмешь, вспомни, что ты въ сущности не хозяинъ, а только приставникъ Божія на землѣ достоянія. И долженъ отдать отчетъ о приставленіи домовнѣмъ. Твой Домовладыка есть Христосъ, искупившій тебя кровію Своею. Онъ поручилъ тебѣ все, что имѣешь, что Онъ посылаетъ тебѣ. Своего у тебя ничего нѣтъ. Если ты считаешь себя христіаниномъ, то ты долженъ согласиться со мною въ этомъ. Вспомни того богача, которому Богъ сказалъ: *безумне, въ сію*

нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси—кому будутъ?! Прислушайся въ тиши уединенія, не говоритъ ли и тебѣ твоя совѣсть: вотъ и ты копишь злато на злато, капиталъ на капиталъ: что же, будетъ ли когда-нибудь конецъ этому скопленію? Знаю, что душа человѣческая мѣры не знаетъ въ своихъ стремленіяхъ: но вѣдь вотъ эта то ненасытимость и доказываетъ, что не тѣмъ ты ее насыщаешь, чѣмъ должно... Она жаждетъ вѣчнаго, а ты питаешь ее временнымъ, она ищетъ нетлѣннаго, а ты подносишь ей тлѣнное, она ищетъ Бога, а ты влечешь ее къ твари гибнущей... Нѣтъ, ничѣмъ тебѣ ея не насытить изъ земныхъ благъ, хотя бы всѣмъ міромъ ты овладѣлъ! И чѣмъ больше ты будешь пріобрѣтать, тѣмъ сильнѣе будетъ эта жажда. Какъ соленой водой жажды не утолить, такъ земными благами души не насытить. Вотъ настанетъ часъ твоей смерти: тоскующая, неудовлетворенная душа будетъ искать себѣ отрады, утѣшенія въ прошлой жизни, но увы! — ничего не увидитъ позади себя, кромѣ груды холоднаго металла, который будетъ для нея то же, что прахъ земной... А сколько можно бы сдѣлать добра при помощи этого металла! Какою свѣтлою радостью сіяла бы душа, если бы вмѣсто этого праха-металла она увидѣла вдовъ и сиротъ, тобою утѣшенныхъ и облагодѣтельствованныхъ, увидѣла храмы Божіи, тобою украшенные, увидѣла все то добро, какое по внушенію твоей совѣсти сдѣлалъ ты въ продолженіе своей жизни, употребивъ Богомъ тебѣ ниспосланное достояніе на это добро! И возрадовались бы сему ангелы Божіи и отнесли бы твою душу туда же, куда отнесли они душу бѣднаго Лазаря—на лоно праотца Авраама! И услышалъ бы ты гласъ Небеснаго Домовладыки: *вниди, рабе благій и вѣрный, въ радость Господа твоего: о малѣ былъ еси вѣренъ*, въ ничтожномъ и земномъ ты оказался вѣрнымъ—*надъ многими тя поставлю*, содѣлаю тебя участникомъ Моего царства небеснаго! Братъ мой возлюбленный! Оторвись хоть на минуту отъ суеты, тебя порабощающей, войди въ храминy души твоей, останься тамъ одинъ, самъ съ собою наединѣ, представь себѣ, что наступаетъ, что вотъ уже наступилъ послѣдній день, приближается послѣдній часъ твоего земнаго странствованія... Чтобы ты сдѣлалъ въ этотъ страшный послѣдній часъ? Жизнь кончена, зовутъ туда, откуда нѣтъ возврата, а тамъ потребуютъ строгаго нелицепріятнаго отчета. Нагимъ ты пришелъ сюда на землю, почти нагимъ—лишь въ погребальныхъ пеленахъ, хочешь ли, не хочешь ли, а долженъ отойти туда. Ничего-ничего съ собою не возьмешь. Все здѣсь же останется... Что бы ты сдѣлалъ тогда?.. Конечно, ты готовъ бы былъ все отдать до послѣдней копѣйки первому встрѣчному бѣдняку, только бы не связывало тебя твое богатство здѣсь въ совѣсти твоей, не тянуло бы оно тебя къ землѣ. Такъ вотъ и подумай теперь: не лучше ли, пока еще есть время, пока ты живешь на свѣтѣ, благоразумно употреблять избытки своего достоянія по Божію указанію, какъ заповѣдуетъ Господь въ Евангеліи и въ святомъ словѣ Своемъ? Понуди же себя хоть немного, начни исполненіе заповѣди Божіей, сдѣлай первый шагъ, и ты почувствуешь, что въ тебѣ, въ твоемъ дотолѣ холодномъ сердцѣ, какъ будто вспыхнула свѣтлая искорка Божія, душа

твоя увидѣла просвѣтъ, и ты начинаешь понимать, что такое добро, какъ оно животворно, какъ близко къ тебѣ счастіе, о коемъ и говоритъ Господь: *царствіе небесное внутрь васъ есть*... Ты тутъ только познаешь, что такое истинный православный хрістіанинъ, увидишь, что ты доселѣ былъ только по имени хрістіанинъ, а теперь, только теперь ты сдѣлалъ для себя самого великое открытіе...

IX.

Есть еще великая скорбь сердцу пастырскому, есть позорный порокъ и у богатыхъ, и у бѣдныхъ людей, порокъ, лишающій и тѣхъ и другихъ Божія благословенія. Это — недостатокъ честности, совѣстливости или проще—добросовѣстности. Ложь, обманъ у насъ рѣдко считаютъ за грѣхъ. Правда, на словахъ въ этомъ сознаются, но на дѣлѣ этотъ порокъ обычное явленіе. Спаситель сказалъ, что отецъ лжи — діаволъ; а вотъ, какой-то сынъ діавола, можетъ быть одинъ изъ тѣхъ, о коихъ говоритъ Господь въ Евангеліи отъ Іоанна, выдумалъ пословицу: «Не обманешь—не продашь» и гуляетъ она по Русской землѣ среди людей торговаго міра. Другой придумалъ другую пословицу: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ» и повторяютъ ее тѣ, которые трудами рукъ своихъ пріобрѣтаютъ себѣ хлѣбъ насущный. Третій кощунникъ взялъ слова пророка Давида: «ложь конь во спасеніе» — не надеженъ конь для спасенія,—и передѣлалъ ихъ по-своему: «ложь во спасеніе»... И вотъ, купецъ торгуетъ и обманываетъ, рабочій и ремесленникъ дѣлаютъ чужое дѣло и не думаютъ о его прочности, чистотѣ, добросовѣстности; чиновникъ служитъ и хитритъ, торгуетъ своею совѣстью... И всѣ они только и думаютъ, какъ бы провести день до вечера. И до того въѣлась эта нечестность въ нашу среду, что сложилось даже какъ бы присловіе: «а кто нынѣ не подлецъ»? Какъ же послѣ этого не спрашивать съ болью въ душѣ: да гдѣ нынѣ хрістіане—у насъ, въ православномъ Русскомъ государствѣ?...

Что же? Ужели такъ тому и впредь быть? Ужели ложь, обманъ, подлость, хитрость—всѣ эти мерзости и впредь будутъ сквернить нашу родную землю, лишать ее Божія благословенія? Такъ ужъ не честнѣе ли будетъ совсѣмъ отречься отъ Христа? Вѣдь есть же теперь гдѣ-то на Уралѣ секта сатанистовъ; вотъ и запишитесь, русскіе люди въ эту секту: это вамъ будетъ болѣе къ лицу! Слышите, что глаголетъ Хрістосъ: «что Мя глашаете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?! Идите отъ Мене, не вѣмъ васъ!»...

Больно писать эти строки. Но всмотритесь въ жизнь. Вотъ ищутъ въ городѣ «честнаго» дворника, прислугу, рабочаго и берутъ татарина. Почему? Да русскіе «очень пьютъ»... Не больно ли это? Не позорно ли? Нуженъ мастеръ; артельщикъ, приказчикъ—смотришь взяли нѣмца, чухонца,—они, видите ли, толковѣе русскихъ, русскіе на руку нечисты, неисполнительны, лѣнивы... Да неужели всѣ таковы? О, конечно, нѣтъ, но трудно найти, но большинство ненадежно, и радъ бы русскому кусокъ хлѣба дать, какъ своему родному, а возьмешь, говорятъ, и не радъ будешь, раскаяваться придется. Разсказывалъ мнѣ покойный протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ, извѣстный миссіонеръ и издатель народныхъ книжекъ: «если наймется нѣ-

мецъ рабочій—ему можно смѣло поручить всякое дѣло: честно выполнитъ и не нужно за нимъ смотрѣть. Если вы увидите нѣмца-работника на хозяйскомъ полѣ, и спросите его о чемъ-нибудь, то онъ отвѣтитъ вамъ на вопросъ коротко, не прерывая работы; а если вздумаете отвлечь его отъ дѣла разговоромъ, онъ вамъ скажетъ: «я нанимался работать, а не разговаривать». Такъ ли поступаютъ наши русскіе работники? Заговорите съ такимъ въ отсутствіи хозяина и онъ будетъ радъ съ вами бесѣдовать хоть цѣлый часъ. А работа будетъ стоять...».—Скажите по-совѣсти: честно ли это? По духу ли истиннаго хрістіанства?... И это, къ несчастью, повсюду: не даромъ же хозяева фабрикъ и заводовъ предпочитаютъ всякихъ инородцевъ, не исключая даже іудеевъ, своимъ, русскимъ рабочимъ, особенно на окраинахъ Россіи.

Та же нечестность, то же «несовѣстливое» отношеніе къ дѣлу, къ чужому достоянію, замѣчается у насъ и въ торговлѣ: «не обманешь—не продашь», а если продашь, то барыша не получишь—это повсюду. Извозчикъ запрашиваетъ съ васъ 70 коп. и везетъ, послѣ переговоровъ, за 40 коп.; скажите—честно ли онъ поступаетъ? Вѣдь онъ покушается обмануть васъ, взять съ васъ вдвое противъ того, что можетъ взять, и нисколько ему не стыдно: таковъ обычай. Но вѣдь этотъ обычай—скажемъ прямо—безсовѣстный! Торговецъ запрашиваетъ съ васъ рубль и отдаетъ за полтину, а иногда и дешевле: честно ли это? по-хрістіански ли? Мужичекъ продаетъ на базарѣ сѣно: и въ сѣно, для вѣса, подсыпаетъ песокъ; а если продаетъ сѣно не на вѣсъ, а возомъ, то дѣлаетъ возъ пустой; баба вливаетъ въ молоко воду, подмѣшиваетъ мѣлъ; въ масло иногда кладетъ камень;... да всего и не перечтешь: такъ многообразно проявляется безсовѣстность наша, съ которою сравнится развѣ только безсовѣстность іудеевъ: не позорно ли это? Не обидно ли для насъ, пастырей православной Церкви? Что мы скажемъ въ оправданіе своихъ чадъ духовныхъ, иновѣрцамъ, сектантамъ, тѣмъ же іудеямъ, бросающимъ въ глаза упреки: «вотъ ваши православные что дѣлаютъ! Имъ-де нельзя ничего довѣрить: все испортятъ, подмѣнятъ, сдѣлаютъ кое-какъ»!.. Какъ будто Церковь православная учитъ такой безсовѣстности! Какъ-будто она одобряетъ или хотя снисходитъ ей! Вѣдь воистину имя Церкви Божіей хулится въ насъ за нечестность и безсовѣстность нашу! И вотъ что горько: наши же православные нерѣдко смущаются такими упреками и, уходя въ ереси, оправдываютъ себя тѣмъ, что тамъ живутъ и честнѣе, и трезвѣе... Вотъ до чего мы дожили въ нерадѣніи нашемъ! Вотъ—наше хрістіанство!

X.

Теперь посмотримъ поближе на наши добрыя дѣла: всѣ ли ихъ можно назвать хрістіанскими?

Вотъ богатый человѣкъ строитъ колокольню, отливаетъ колоколъ, золотитъ главы... Кто смѣетъ сказать, что онъ дѣлаетъ не доброе дѣло?

Однако же, по долгу пастыря Церкви я долженъ предостеречь такого благотворителя отъ искушенія. Вѣдь можетъ случиться, что онъ-то будетъ увѣренъ въ себѣ, что за такое доброе дѣло ему уготована награда на небесахъ, а, между тѣмъ, на судѣ Божіемъ онъ услышитъ: «воспріялъ еси благая твоя

въ животѣ твоемъ»... И прежде всего я спросилъ бы такого добраго человѣка: съ кѣмъ онъ посовѣтовался, когда рѣшался на свое «доброе» дѣло? Не своеволіе ли это было? А можетъ быть духовный отецъ, если только онъ зналъ о начинаніи своего духовнаго сына, и не давалъ ему совѣта непремѣнно дѣлать то, что задумалъ онъ? Вотъ и первое сомнѣніе въ чистотѣ этого добраго дѣла. Сынъ православной Церкви твердо долженъ помнить, что всякое доброе дѣло можетъ быть и мѣдницей, и серебромъ, и чистымъ златомъ въ очахъ Божіихъ. Если ты дѣлаешь доброе дѣло безъ совѣта и благословенія, если дѣлаешь ради расчетовъ земныхъ, ради тщеславія, ради наградъ, орденовъ и медалей, ради похвалы людской, то твое дѣло—мѣдница, которою не стяжешь ты себѣ царствія Божія. Тебя хвалятъ, тебя прославляютъ люди: и довольно съ тебя этихъ похвалъ, этой славы человѣческой—не жди себѣ славы Божіей! Нельзя служить и Богу и мамонѣ, своему грѣшному «я». И все твое славное, по суду человѣческому, дѣло, много-много стбитъ мѣдницы въ очахъ Божіихъ, а, можетъ быть, равняется и круглому нулю. Не и язычницы ли такожде творятъ, говоритъ Господь о такихъ добрыхъ дѣлахъ. А если такъ, то оно теряетъ уже цѣну и хрістіанской добродѣтели, и напрасно себя будетъ льстить человѣкъ, указывая другимъ на такія добрыя дѣла...

Вотъ другой любитель благолѣпія храмовъ Божіихъ жертвуетъ на позолоту крашенаго иконостаса, дѣлаетъ серебряныя ризы на святыя иконы, жертвуетъ на поминовеніе родныхъ и все это, согласно заповѣди Спасителя — отъ имени неизвѣстнаго благотворителя. Это уже поистинѣ доброе дѣло, исполняемое при томъ во смиреніи, какъ сказано: да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя. Но еще единаго не докончилъ сей благотворитель: не отсѣкъ онъ воли своей, не положилъ ее вмѣстѣ съ даромъ своимъ къ подножію креста Господня. Сего ради и его дѣло—еще только сребро, но не чистое злато въ очахъ Божіихъ. Хочешь ли, о хрістіанинъ, да будетъ оно чистымъ златомъ предъ Господомъ? Сице сотвори: вмѣстѣ съ твоимъ добрымъ намѣреніемъ повергни къ стопамъ распятаго Господа и твое произволеніе; нѣтъ дара болѣе пріятнаго Господу, насъ ради смирившемуся и Отцу Своему послушливу бывшему, даже до смерти, смерти же крестныя, какъ наша воля,—это дражайшій даръ Творца Своему богоподобному созданію, эта наилучшая черта богоподобія Божія въ нашей душѣ... Отдай же ее какъ чистую жертву Господу, скажи въ твоемъ сердцѣ: «Господи! вотъ, я хочу сдѣлать такое-то доброе дѣло, но не знаю: угодно ли оно Тебѣ? Не хочу я, чтобъ непремѣнно мое желаніе исполнилось, хочу, чтобъ Твоя святая воля сказалась, а я готовъ отречься отъ своей воли и исполнить то, что повелишь Ты... Скажи мнѣ святую волю Твою чрезъ моего духовнаго отца, моего духовнаго друга, руководителя, къ коему расположена душа моя. Если онъ одобритъ мое начинаніе — слава Тебѣ: я приму его слово, какъ отвѣтъ на запросъ души моей; если же подскажетъ мнѣ другое доброе дѣло, паки—слава Тебѣ: готовъ исполнить сіе, хотя бы оно и не по сердцу было моему ветхому человѣку...» Такъ молись, такъ ищи воли Божіей, и вѣрь: никогда Господь не откажетъ рабу Своему, вопрошающему Его

о дѣлѣ; Ему благоугодномъ! Ты увидишь, какъ станутъ располагаться самыя обстоятельства, чтобъ не твоя, а Божія воля исполнилась, увидишь, какъ и сердце твое какая-то дивная сила повлечетъ къ исполненію Божіей воли... И будетъ тогда, только тогда твое дѣло доброе—чистымъ златомъ въ очахъ Божіихъ.

Аще же не тако—то можно еще сомнѣваться: дѣйствительно ли ты поступаешь какъ истинный Хрістовъ ученикъ, какъ истинный хрістіанинъ?

XI.

Изъ городовъ пойдемъ въ самую глушь деревенскую. Посмотримъ, что тамъ творится у православныхъ хрістіанъ въ праздники, напримѣръ, или когда справляются свадьбы, похороны, крестины... Нужно ли много говорить о томъ пьянствѣ, которое разливается рѣкою, о томъ распутствѣ и дракахъ, какими сопровождается это пьянство? У кого изъ людей, ревнующихъ о Церкви, о родинѣ, о славѣ Божіей, не сжималось сердце болью, не выступали слезы горькой обиды, стыда, униженія за родной народъ при видѣ всѣхъ этихъ безобразій? Какой-то пьяница придумалъ складное слово: «кто праздннку радъ, тотъ до свѣту пьянъ», а наша деревня приняла это глупое, богохульное слово какъ бы за заповѣдь, и вотъ, храмы Божіи въ праздники пусты, въ нихъ только дѣти, старики да женщины, а мужички, домохозяева, эти «труженики», какъ они себя любятъ называть, они, съ ранняго утра, минуя храмъ Божій, пошли верстъ за пять и дальше—туда, гдѣ можно водки достать, гдѣ есть винная лавка, трактиръ, харчевня: тамъ они будутъ справлять праздникъ... А къ вечеру вернутся домой, принесутъ съ собою живительной влаги, будутъ насильно поить дѣтишекъ своихъ, несчастныхъ женъ, отцовъ-стариковъ, матерей... Вѣдь, все это—столь знакомыя картины, что говорить о нихъ, право же, не хочется! Но какъ и молчать? Вѣдь, эти несчастные полагаютъ, что они тоже «хрістіане», что они въ Бога вѣруютъ, и вотъ — праздники помнятъ... Помнятъ!... О, если бы они знали и помнили грозное слово Господа противъ такого празднованія, возгремѣвшее устами великаго пророка Божія Исаіи почти три тысячи лѣтъ назадъ: «Слушайте слово Господне: праздничныхъ собраній вашихъ не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе! Праздники ваши ненавидитъ душа Моя... ваши руки полны крови: омойтесь, очиститесь, удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ, перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову... Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то мечъ пожретъ васъ, ибо уста Господни сіе говорятъ!...» (Ис., гл. I). О, если бы, говорю, эти словеса Господни постоянно звучали въ ушахъ современныхъ хрістіанъ! Если бы пастыри повторяли ихъ непрестанно и въ храмѣ, и въ домахъ вѣрующихъ, и на площадяхъ при молебствіяхъ, и въ вагонахъ, и на пароходахъ, въ пути! Но, —увы! Рѣдко слышится объ этомъ голосъ пастырей нашихъ: они, видно, уже отчаялись въ возможности что-либо сдѣлать для прекращенія пьянства народнаго въ праздники, не говорю уже о тѣхъ несчастныхъ, которые сами не отказываются принимать участіе въ такомъ богопротивномъ

празднованіи... И вотъ, смотрите, что творится на Руси: давно видѣли весь ужасъ такого празднованія народомъ дней святыхъ люди умные, задумались и пришли къ заключенію: во всемъ повинны праздники, надо ихъ уничтожить! И составили законопроектъ, и внесли въ законосоставительное учрежденіе—Государственный Совѣтъ—сократить число праздниковъ такъ, чтобы, съ воскресными днями, ихъ было не больше 66 или 67 въ году. Не подумали эти люди умные, что, вѣдь, праздники-то сами по себѣ тутъ не при чемъ, что виноваты люди, извращающіе смыслъ праздниковъ, искажающіе порядокъ ихъ празднованія; что если бы православные люди праздновали святые дни свято, такъ, какъ учитъ Церковь, то ни пьянства бы не было, ни безпутства, напротивъ: праздники вносили бы благодатную, оживляющую духовную струю въ народную жизнь, облагораживали бы народъ, умножали бы добро на родной землѣ, ибо въ праздники дѣлать добро Самъ Богъ повелѣваетъ! Праздникъ — день Божій и требуетъ Господь, чтобъ онъ посвящался на дѣла Божьи, на молитву, благотворенія, дѣла милосердія. Ужъ если писать законы, то надо бы такіе законы писать, чтобъ они полагали предѣлы пьянству въ дни праздничные, а не уничтожали бы самой идеи праздниковъ... Но, увы! Наши законосоставители посмотрѣли на дѣло глазами сыновъ вѣка сего, съ точки зрѣнія экономіи, и смѣлою рукою хотятъ зачеркнуть 25 праздниковъ изъ тѣхъ, которые отмѣчены въ законѣ. Я спрашиваю: хрістіане ли это? Дерзнутъ ли истинные сыны Церкви вторгаться въ ея порядки и законоположенія? Позволятъ ли себѣ умничать въ явное нарушеніе повелѣній своей матери-Церкви? И не выше ли ихъ стоятъ вотъ эти простецы-пьяницы, которые все же не противорѣчатъ Церкви въ томъ, что праздникъ — день Божій, что отдавать его на дѣла житейскія грѣшно, — словомъ: не зачеркиваютъ праздниковъ, не равняютъ ихъ съ будними днями въ идеѣ. Да, они оскорбляютъ ихъ, оскорбляютъ Бога недостойнымъ ихъ празднованіемъ; но, вѣдь, и это—грѣхъ невѣжества, грѣхъ, который они все же добродѣтелью не назовутъ по совѣсти. А эти люди умные, просвѣщенные, ставшіе на высотахъ законодательныхъ, они-то что дѣлаютъ? И, вѣдь, не безсознательно: вопрошали власть церковную, получили ея мнѣніе о своей затѣѣ, значитъ, нельзя сказать, что не вѣдятъ, что творятъ. Нѣтъ, они отлично знаютъ, что нарушаютъ уставы и каноны церковные, нарушаютъ «сквернаго ради прибытка», а не ради духовной пользы народа, они съ пренебреженіемъ относятся къ Церкви Хрістовой: скажите же: кто это—хрістіане? И кто лучше, ближе къ понятію хрістіанина: тѣ ли пьяницы, оскорбители праздниковъ Господнихъ, или сіи современные—пусть они простятъ насъ за рѣзкое слово,—оно изъ Евангелія,—современные фарисеи?.. Пусть судитъ сіе совѣсть православная хрістіанская! А намъ, пастырямъ, невольно приходитъ скорбная мысль: ужели у людей просвѣщенныхъ, считающихъ себя хрістіанами, до такой степени вытравлено пониманіе сути хрістіанскихъ понятій о праздникахъ, что они готовы даже въ нѣкоторые двунадесятые праздники, напримѣръ, въ Срѣтеніе Господне и Введеніе во храмъ Матери Божіей, идти съ спокойной совѣстью въ канцеляріи, лишь предварительно вычеркнувъ

изъ табели эти дни? Они говорятъ, что работа будетъ производиться не утромъ, а съ 12 часовъ дня, слѣдовательно, кому угодно—можетъ и въ церковь сходить... Но развѣ можно говорить это серьезно? Кто же не знаетъ немощей человѣческихъ? И — скажемъ откровенно: такой законопроектъ могъ появиться только подъ вліяніемъ людей, чуждыхъ Церкви и ея благодатныхъ вѣяній, по мысли или тайному подсказу враговъ Церкви, масоновъ, коихъ безсознательными слугами и явились начинатели такого законопроекта... А для насъ, служителей Церкви, несомнѣнно, что масонами руководитъ самъ князь тьмы чрезъ своихъ вѣрныхъ слугъ — враговъ Хрістовыхъ...

XII.

Такъ, вся наша жизнь полна лицемѣрія; самыя добродѣтели наши часто подъ большимъ сомнѣніемъ; невольно думается: а что если бы враги Хріста стали насъ подвергать пыткамъ, устояли бы мы или нѣтъ? Увы, на этотъ вопросъ страшно даже отвѣчать... Судите сами: многіе изъ насъ боятся оградить себя крестнымъ знаменіемъ въ общественномъ мѣстѣ: ну, какіе же мы хрістіане? Многіе боятся сказать открыто, что не могутъ пойти на балъ въ субботу вечеромъ, ибо это—*святое* время: какіе же это хрістіане? Ихъ еще не подвергаютъ пыткамъ, имъ грозитъ много-много шутливое прозвище «святоши» или «хапжи» — гораздо меньшая опасность, чѣмъ та, предъ которою устрашился Апостолъ Петръ, когда отроковица нѣкая осторожно спросила его: и ты былъ съ Іисусомъ Галилеяниномъ?.. Мы боимся іудейской газеты больше, чѣмъ суда Божія! Это ли—ученики Хріста?!

А что если бы среди насъ вдругъ явился пророкъ Божій Илія, этотъ безпощадный обличитель зла: что сказалъ бы онъ намъ? Какимъ громомъ небеснымъ прозвучало бы его грозное слово: доколѣ хромать вамъ на оба колѣна?! Если Ваалъ—міръ—есть богъ, то идите за нимъ; если же Хрістосъ, имя котораго вы носите еще на себѣ, то за Нимъ и слѣдуйте! Нельзя, никакъ нельзя служить и Богу и своей мамонѣ! Не обманывайте Господа Бога, а такъ какъ Бога не обманешь, то не обманывайте самихъ себя. Грядетъ Судія вселенной, и неумолимъ будетъ судъ Его на лицемѣровъ, прикрывавшихся Его святымъ именемъ. Опомнитесь, покайтесь!

А время пришествія сего грознаго пророка близится. Слово Божіе непреложно говоритъ, что онъ явится предъ вторымъ пришествіемъ Господа нашего Іисуса Хріста, а время сіе приближается. Мы не знаемъ ни дня ни часа сего страшнаго, но своими грѣхами приближаемъ сей часъ. Вѣдь если грѣхъ покроетъ всю землю, какъ водный потопъ, если благодати Божіей не будетъ мѣста среди людей, то чего ради Господь будетъ отлагать судъ Свой праведный? Для чего существовать еще міру грѣшному, если среди него не останется людей, способныхъ къ воспріятію спасающей благодати?...

Со страхомъ и трепетомъ повторимъ словеса Господа, Судіи живыхъ и мертвыхъ: «такъ говоритъ Аминь, Свидѣтель вѣрный и истинный: знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ»! (Откр. 3, 14—16)...

30.

Можно ли мечтать о плодахъ, не заботясь о сѣменахъ?

Еще въ маѣ въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что извѣстный патріотъ о. протоіерей Восторговъ поѣхалъ въ Сибирь, между прочимъ, съ цѣлью намѣтить тамъ мѣста для будущихъ монастырей, какъ центровъ духовно-просвѣтительнаго и культурнаго воздѣйствія на новоселовъ. Отъ времени до времени телеграммы самого о. Восторгова извѣщали, что тамъ-то онъ намѣтилъ три монастыря, въ другомъ мѣстѣ пять и т. далѣе... Слѣдовательно, газетное извѣстіе имѣло для себя основаніе. Газеты говорили далѣе, что предположено основать до 14-ти монастырей, а иныя—это число доводили до 45-ти. Говорили и то, что порученіе это идетъ отъ главы правительства—г. министра внутреннихъ дѣлъ...

Русская исторія—свидѣтельница того, какое благотворное значеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ распространеніи культуры, въ дѣлѣ благотворенія государственнаго имѣли и имѣютъ доселѣ наши монастыри. Монахи-подвижники шли впереди въ глухіе непроходимые лѣса и дебри, строили тамъ святыя обители, а за ними тянулись поселяне, искавшіе новыхъ мѣстъ, и такимъ образомъ появлялись селенія, посады, насаждались начатки культурной жизни... Поэтому нельзя не привѣтствовать мысль—имѣть побольше монастырей въ нашей отдаленной Сибири именно теперь, когда въ эту, доселѣ малонаселенную область, устремились волны переселенцевъ русскихъ православныхъ людей, которые не могутъ жить безъ святыхъ обителей, гдѣ они привыкли черпать благодатныя силы для духовной жизни. Русская душа тоскуетъ, когда не видитъ вблизи себя храма Божія, когда не знаетъ, что вотъ тамъ, хотя-бы за 200—300 верстъ, есть святая обитель, гдѣ она, православная душа, можетъ отдохнуть, сложить бремя своихъ заботъ у родныхъ святынь, получить совѣтъ въ затрудненіи, утѣшеніе въ скорби, войти въ общеніе съ небомъ... Удовлетворить этой насущной духовной потребности православнаго русскаго человѣка—есть прямой, неотложный долгъ тѣхъ, кто можетъ, а потому и обязанъ это сдѣлать.

Но привѣтствуя эту мысль, я,—да и не я одинъ, а со мною и многіе сыны Православной Церкви, и особенно монашествующіе,—мы не можемъ не высказать своихъ недоумѣній и даже опасеній по поводу того, что говорятъ газеты о способахъ осуществленія сей мысли. И прежде всего какъ-то поражаетъ насъ эта въ нѣкоторомъ родѣ таинственность, какою окружено все это дѣло съ внѣшней стороны. Кто обсуждалъ это дѣло?—Повидимому одинъ его иниціаторъ. По крайней мѣрѣ, судя по слухамъ, высшая церковная власть, Св. Синодъ, *по существу* сего дѣла не обсуждалъ, ограничившись, кажется, во исполненіе желанія министра, командировкою о. протоіерея въ Сибирь. Страннымъ кажется, что мірская власть беретъ на себя иниціативу дѣла чисто-церковнаго. Не проще ли было бы, имѣя въ виду тысячелѣтній союзъ Церкви съ государствомъ, представителямъ государственной власти просить Церковь взять все это дѣло въ свои руки, обѣщая ей всевозможное содѣйствіе. Вѣдь, мірская власть смо-

трить на монастыри со *своей*, государственной, такъ сказать,— земной, утилитарной точки зрѣнія, а церковная власть должна смотрѣть, первѣе всего,—съ духовной, церковной, такъ сказать,—небесной, идеальной. Церковь не отрицаетъ и государственной точки зрѣнія, но подчиняетъ ее всецѣло духовной—идеальной. Самая польза монастырей съ государственной точки зрѣнія всецѣло зависитъ отъ того, насколько будетъ достигнута монастырями ихъ прямая, идеальная задача: воспитаніе монаховъ для царствія Божія. Во-первыхъ,—*сіе*, а потомъ, и уже какъ прямое послѣдствіе сего—*оное*. Безъ достиженія *сего* не будетъ и *онаго*. Безъ сѣмени не выростетъ дерево и не будетъ плода.

И вотъ намъ представляется, что государственная власть, предрѣшая вопросъ безъ совѣта и руководственныхъ указаній Церкви, въ сущности мечтаетъ о плодахъ, не заботясь о сѣменахъ... О главной задачѣ монастырей какъ будто и не думаютъ, какъ будто это дѣло не важное, а если и важное, то, вѣдь, это забота Церкви, забота самихъ будущихъ монаховъ, до которой и дѣла нѣтъ мірской власти, но за то эта власть учитываетъ въ свою пользу то, что должно явиться лишь *послѣдствіемъ* выполненія первой и главной цѣли монастырей. А между тѣмъ это выполненіе обставлено такими условіями, о которыхъ мірскіе люди часто и понятія не имѣютъ. Надѣемся, почтенный о. протоіерей Восторговъ самъ сознается, что онъ не можетъ указать *всѣхъ* условій, благопріятствующихъ развитію строго-подвижнической жизни въ той или иной мѣстности, а потому и его предварительныя развѣдки могутъ имѣть лишь относительное значеніе и подлежатъ пересмотру самихъ иноковъ, коимъ Богъ благословитъ подвизаться въ новыхъ обителяхъ.

Уже изъ сказаннаго видно, что разъ возникла мысль о новыхъ монастыряхъ въ Сибири, слѣдовало бы подробное ея обсужденіе поручить инокамъ, какъ людямъ болѣе свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ. И очень жаль, что вопросъ этотъ возникъ только теперь: всего естественнѣе было бы обсудить его на бывшемъ въ прошломъ году въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ монашескомъ съѣздѣ. Въ общемъ собраніи представителей русскаго монашества тогда было бы можно выслушать мнѣнія по сему вопросу и старцевъ, носителей монашескаго духа и завѣтовъ отеческихъ.

Но, какъ видно будетъ дальше, не поздно сдѣлать это и теперь.

Мы переживаемъ странное время. Иное лѣтъ десять назадъ показалось бы кошмаромъ, отъ котораго хочется проснуться поскорѣе. А нынѣ нельзя поручиться, что этотъ кошмаръ не окажется самою реальною дѣйствительностью. Вотъ почему, несмотря на постоянное газетное лганье, иногда съ тревогою прислушиваешься къ нему: а что если въ этомъ лганьѣ есть доля правды?.. Такъ газеты говорятъ, что будто о. Восторговъ, намѣтивъ пункты, гдѣ будутъ строиться новые монастыри, отправится по старымъ русскимъ обителямъ набирать иноковъ по своему усмотрѣнію... Ужели возможно это? Не говорю уже о томъ, какъ могъ бы о. протоіерей распознать: кто пригоденъ, кто негоденъ для новыхъ монастырей: вѣдь, и въ монастыряхъ не все ангелы живутъ, хотя и носятъ ангельскій образъ. Есть люди способные на всякій трудъ, хотя бы даже и умственный, но часто бываетъ, что вотъ именно эти-то лю-

ди и не пригодны для того, чтобы строить новые монастыри... Извѣстно, что умственныя качества и житейскія способности далеко не всегда сочетаваются съ духовными качествами, столь необходимыми для жизни монашеской. Бываетъ и наоборотъ: духовно - настроенный, опытный въ духовной жизни инокъ является младенцемъ въ житейскомъ отношеніи. Такія сочетанія свойствъ, какія мы видимъ въ о. Іеронѣ, настоятелѣ Новаго Аѳона, бываютъ чрезвычайно рѣдки. И распознать такихъ иноковъ при ихъ скромности и смиреніи постороннему человѣку крайне трудно. Настоятели же обителей если и знаютъ ихъ, то берегутъ ихъ какъ зѣницу ока для своихъ обителей. Но, кромѣ сего, какой добрый инокъ признаетъ себя пригоднымъ и способнымъ къ великому подвигу,—а такимъ подвигомъ въ глазахъ таковыхъ иноковъ, безъ сомнѣнія, и будетъ казаться устроеніе новыхъ обителей. Инокъ, въ силу самыхъ обѣтовъ своихъ, не смѣетъ и помыслить распоряжаться собою: онъ—чадо послушанія и смиренія. А слушаться онъ долженъ только Богомъ поставленной надъ нимъ власти. Власть же не обязана исполнять то, въ духовной пользѣ чего она сомнѣвается. Не станетъ же о. Восторговъ предписывать епископамъ высылать намѣченныхъ имъ монаховъ въ Сибирь за «послушаніе». Не возьметъ на себя такой миссіи и самъ Св. Синодъ. Вѣдь, святыя обители не приказами, а молитвами и подвигомъ созидались... Какъ относятся добрые иноки къ такимъ назначеніямъ противъ ихъ воли, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа покойнаго намѣстника Сергіевой Лавры о. архимандрита Леонида, слышаннаго мною отъ него самого.

— «Я былъ еще офицеромъ, когда посѣтилъ Валаамъ. Тамъ, во время литургіи, за причастный стихъ вышелъ говорить проповѣдь молодой красавецъ монахъ. Онъ говорилъ живо, плавно, краснорѣчиво, такъ что я подумалъ про себя: вотъ еще какіе иноки есть здѣсь!.. Послѣ обѣдни я пошелъ полюбоваться красотами острова и вышелъ на берегъ. Смотрю—на высокой скалѣ сидитъ задумавшись о. проповѣдникъ. Я пробрался къ нему, подхожу и говорю: «Здравствуйте, батюшка! Красотами природы наслаждаетесь?»—Онъ отвѣчаетъ: «Сижу и думаю: впереди—море, позади—горе, справа—охъ, слѣва—мохъ... не утопиться ли?..»—«Господь съ вами», говорю ему и, съ его позволенія сажусь около него. Разговорились. Оказалось—это ученый монахъ, академистъ; былъ инспекторомъ семинаріи, за слабости сосланъ сюда на смиреніе... И вотъ онъ съ тоски доходитъ до отчаянія и бранитъ начальство, которое его сослало сюда. Возвращаюсь въ обитель и вижу другую картину. Горько-прегорько плачетъ старецъ-іеромонахъ, а два брата съ дружескимъ участіемъ его утѣшаютъ. Спрашиваю: что случилось? отвѣчаютъ: «да вотъ о. N назначили настоятелемъ такого-то монастыря, а онъ прожилъ здѣсь 30 лѣтъ: какъ же ему не плакать, когда надо за послушаніе покинуть родную обитель»?...

Я спрашиваю читателя: кто надежнѣе, кому Богъ поможетъ устроить обитель: краснорѣчивому ли оратору, ученому академисту, съ отчаянія помышляющему броситься въ море, или—вотъ этому простецу-старцу, горько плачущему въ разлукѣ съ своею матерью-обителью? А вѣдь сего послѣд-

няго можно было послать только за послушаніе. Но много ли найдется таковыхъ въ нашихъ обителяхъ?

Откровенно говорю: мы, монахи, боимся, какъ бы вмѣсто пользы мысль г. министра внутреннихъ дѣлъ не принесла бы вреда, какъ дѣлу культуры въ Сибири, такъ и нашимъ старымъ монастырямъ, если эта мысль будетъ проведена въ жизнь безъ опытнаго руководства лучшихъ представителей монашества. Вѣдь для того, чтобы она осуществилась, нужно, чтобы и въ средѣ нашей интеллигенціи, и въ самой толщѣ православнаго народа было много душъ, жаждущихъ подвига и подвига именно монашескаго. Стремленіе къ подвигу *внѣшняго* дѣланія, можетъ дать намъ ревностныхъ миссіонеровъ, самоотверженныхъ братьевъ милосердія, талантливыхъ проповѣдниковъ, но еще не дастъ намъ добрыхъ *иноковъ*. А для монастырей нужны именно добрые иноки. Иноковъ и будетъ искать въ монастыряхъ нашъ вѣрующій народъ. Наше монашество ослабѣло, оно таетъ, приходится мужскіе монастыри обращать въ женскіе отъ недостатка иноковъ. Наши интеллигенты почти не идутъ въ монастыри. За 30 лѣтъ моего пребыванія въ лаврѣ преп. Сергія пришелъ въ монастырь только одинъ окончившій полный курсъ семинаріи, если не считать трехъ-четырехъ вдовыхъ іереевъ. Постригать, даже производить въ санъ іеромонаха приходится полуграмотныхъ, едва умѣющихъ читать... Иначе служить некому. Міръ бранитъ монаховъ, что монастыри начинаютъ пустѣть, а того не хочетъ принять во вниманіе, что вѣдь монастыри поневолѣ довольствуются тѣмъ составомъ братіи, какой даетъ имъ тотъ же міръ... При такомъ печальномъ положеніи монашества, при стремленіи еще утилизировать его для цѣлей благотворительныхъ и просвѣтительныхъ, при недостаточномъ пониманіи истинныхъ его идеаловъ не только мірскими людьми, но даже и нѣкоторыми іерархами, есть-ли надежда вдругъ создать 45 монастырей въ далекой Сибири—такихъ, которые вполнѣ оправдывали-бы свое назначеніе?

Можно ли, разумно ли «по заказу», искуственно создавать монастыри съ такою быстротою, какъ это, повидимому, предполагается въ данномъ случаѣ? Даже если бы для ихъ основанія и нашлось достаточное количество добрыхъ иноковъ въ старыхъ монастыряхъ; если бы и послать сихъ иноковъ за послушаніе высшей церковной власти, то несомнѣннымъ послѣдствіемъ сего было бы ослабленіе и безъ того слабыхъ въ составѣ своихъ иноковъ старыхъ монастырей. Но я очень сомнѣваюсь, чтобы и это оказалось возможнымъ. Я боюсь, что скорѣе можетъ произойти нѣчто худшее. Въ составъ братіи новооткрываемыхъ монастырей войдетъ немало искателей приключеній, которые, проживъ годъ—два въ трудныхъ условіяхъ новой жизни, устремятся назадъ или, опустившись нравственно, вмѣсто духовной пользы, будутъ вносить соблазнъ... Надо помнить, что по закону и приказу, казеннымъ порядкомъ такія святыя дѣла не дѣлаются. И если уже сознана необходимость открытія монастырей среди новоселовъ, то и слѣдуетъ обратиться по сему вопросу къ монахамъ же, какъ людямъ опыта духовнаго, и ихъ просить (а не приказывать распоряженіями свѣтской власти), взять на себя это святое дѣло. Ожидать,

чтобы можно было открыть сразу большое количество монастырей, не слѣдуетъ, а постепенное открытіе ихъ и возможно и—для правительства—не особенно трудно. Весь трудъ, всѣ заботы возьмутъ на себя тѣ святыя обители, которыя будутъ созидать въ отдаленныхъ краяхъ свои отдѣленія, на подобіе того, какъ старый Аѳонъ создалъ на Кавказѣ—Новый Аѳонъ, какъ Соловецкій монастырь выдѣлилъ изъ своей братіи основателей Ульянова монастыря въ Вологодской епархіи, какъ Валаамъ далъ о. игумена Сергія съ частью братіи для Троицкаго Никольскаго Уссурійскаго монастыря...

Пусть церковная, а отнюдь не свѣтская власть обратится къ благоустроеннымъ въ духовномъ отношеніи обителямъ, начиная, пожалуй даже со стараго Аѳона, гдѣ имѣются три особенно благоустроенныя и обильныя братіей русскія обители: Пантелеимоновъ монастырь, Ильинскій и Андреевскій скиты,—а затѣмъ и къ русскимъ общежительнымъ (отнюдь не штатнымъ и не къ лаврамъ), съ предложеніемъ послать лучшихъ иноковъ въ отдаленный край для основанія тамъ св. обителей. А свѣтская власть пусть щедрою рукою только поддержитъ эти начинанія въ матеріальномъ отношеніи: пусть отведетъ достаточное количество земли и угодій тамъ, гдѣ укажутъ сами иноки, отпуститъ необходимыя средства для обзаведенія хозяйствомъ, для построекъ и т. п. Десятокъ монастырей такимъ образомъ возникнетъ въ теченіе пяти-шести лѣтъ,—и за то славу Богу,—скромно, безъ шума иноки сдѣлаютъ свое дѣло. Какъ пчелки, они «зашумятъ» развѣ только въ своихъ ульяхъ, ибо у нихъ будутъ надежныя «матки»—руководители. А власти, какъ свѣтскія, такъ и церковныя, пусть дадутъ имъ ту «свободу», безъ которой не мыслимо духовное строеніе душъ. (Благо теперь въ модѣ всякія свободы). Пусть не ждутъ отъ нихъ сейчасъ же тѣхъ плодовъ, которые являются только сами собою, или лучше сказать, какъ дѣло промысла Божія, незримо и неуловимо для нашего разума руководящаго путями человѣческой жизни и дѣятельности. Подождите мечтать о «культурѣ», о «просвѣтительной и благотворительной дѣятельности» новыхъ обителей, тѣмъ паче не толкайте ихъ искусственно на этотъ путь. Дайте имъ набраться духовными силами и не спѣшите использовать эти силы раньше того, какъ онѣ, эти силы, сами проявятъ себя, побуждаемыя къ тому промысломъ Божіимъ. Если бы даже и вовсе не было замѣтно этого проявленія—не смущайтесь, ибо сказалъ Господь: *не пріидетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. 17, 20). Этотъ законъ одинаково дѣйствуетъ какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ церковныхъ учрежденіяхъ, ибо основнымъ правиломъ христіанской жизнедѣятельности въ нашемъ святомъ православіи служитъ: помни, что ничего истинно-добраго и спасительнаго не можешь сдѣлать самъ собою, безъ благодатной помощи Спасителя, рекшаго: *безъ Мене не можете творити ничесоже.* (Іоан. 15, 5). А посему—будь *нулемъ* въ оцѣнкѣ своего добродѣланія, и тогда Тотъ, Кто изъ нуля весь міръ сотворилъ, сдѣлаетъ и тебя живымъ членомъ Своего таинственнаго тѣла — Церкви и органомъ Своей жизнедѣятельности въ мірѣ...

Не вострубя предъ собою! (Мѳ. 6, 2).

31.

Подмѣна міросозерцанія.

Читатели, конечно, обратили вниманіе въ прошломъ № 30 «Тр. Слова» на голосъ Оптинскаго инока объ опасности, грозящей святой Руси отъ того вольнодумства, какое разливается нынѣ по лицу родной земли широкою мутною волною и захватываетъ всѣ области русской жизни, не исключая—увы—и церковной. Горькое, вдохновенное слово старца, сказанное почти шестьдесятъ лѣтъ назадъ, можно бы назвать пророчествомъ, если бы простой здравый смыслъ, при вдумчивомъ, безпристрастномъ сужденіи, не говорилъ и теперь того же. Инокъ Евѳимій, съ точки зрѣнія того времени, времени еще крѣпостнаго права, времени безграничнаго своеволія помѣщиковъ, всю вину возлагаетъ на дворянское сословіе: въ то время, дѣйствительно, это сословіе было руководящимъ въ общественной и государственной жизни, но за 60 лѣтъ многое измѣнилось къ худшему. Если и теперь, къ несчастію, немало среди дворянъ гг. Долгоруковыхъ, Петрункевичей и имъ подобныхъ, оскорбляющихъ свое званіе, зато теперь развелось видимо—невидимо безсословныхъ «интеллигентовъ», какихъ 60 лѣтъ назадъ почти не было. Это люди безъ вѣры, а потому и безъ совѣсти, безъ чести, это духовные кастраты, у которыхъ все, чѣмъ человѣкъ отличается у скота, вытравлено, которые, нося образъ человѣческій, опаснѣе всякаго звѣря и способны на всякую мерзость, на всякое преступленіе, лишь бы не попасть на висѣлицу. Вотъ единственное нѣчто, ихъ сдерживающее, и они знаютъ, что дѣлаютъ, когда кричатъ о необходимости законопроекта объ уничтоженіи смертной казни для подобныхъ себѣ, а главнымъ образомъ именно — для себя самихъ. Да и всѣ «свободы», о коихъ они такъ горячо толкуютъ, въ сущности, клонятся къ свободѣ зла, къ непротивленію злу, проповѣдуемому безбожникомъ Толстымъ. И чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ больше, частью якобы на законномъ основаніи, частью же просто захватнымъ правомъ разливается это зло, а тѣ, кто Богомъ поставленъ преграждать ему путь, будто не видятъ этой духовной отравы: «нелиберально: противно свободѣ совѣсти...» О. Евѳимій жалуется на продажность тогдашнихъ дворянъ: но тогда, по крайней мѣрѣ, грѣхъ грѣхомъ называли, брали всякія взятки, но въ совѣсти своей все же это не оправдывали, а нынѣ—все вытравлено, искажено, нынѣ хотятъ жить безъ совѣсти, и это считаютъ нормою жизни, «свободою отъ предразсудковъ», нынѣ стыдятся упомянуть имя Божіе... Вдумайтесь въ это, православные русскіе люди! Вѣдь, ужасъ сжимаетъ сердце! А насъ насильно хотятъ пріучить не видѣть въ этомъ ничего ненормальнаго, какъ будто все это—самыя неважныя пожалуй, даже невинныя вещи! Сложилось какъ-то такъ: насъ, вѣрующихъ, поражаетъ какое-либо явленіе, крайне, по нашему убѣжденію, ненормальное, прямо недопустимое; оно остается ненаказаннымъ или же наказывается выговоромъ, замѣчаніемъ, ничтожнымъ штрафомъ — словомъ такъ, что цѣнность самаго зла при этомъ низводится до минимума. Само со-

бою понятно, что такое отношеніе представителей закона ведетъ къ переоцѣнкѣ нравственныхъ понятій: если то, что мы привыкли съ дѣтства считать недопустимымъ, возмутительнымъ, считали тяжкимъ грѣхомъ, преступленіемъ, теперь расцѣнено какъ неважный дисциплинарный проступокъ, то стало быть, намъ приходится волею-неволею мириться съ такою расцѣнкою: не въ нашихъ вѣдь силахъ потребовать иной расцѣнки... И слабые люди первые поддаются искушенію считать неважнымъ то, что прежде считали очень важнымъ, и начинаютъ мало-по-малу дозволять себѣ это... А за ними, точно подъ вліяніемъ какого-то гипноза, мало-по-малу и всѣ мы привыкаемъ почти такъ же смотрѣть на дѣло. Такъ перевоспитывается наше поколѣніе въ новыхъ понятіяхъ о злѣ. О молодыхъ людяхъ ужъ и говорить не приходится: они сразу какъ-то усвоиваютъ эти новыя расцѣнки нравственныхъ дѣяній: даже мы, старики, невольно чувствуемъ, какъ притупляется постепенно наше нравственное чувство, какъ сначала тоскуетъ сердце, что творится что-то не такъ, какъ подобаетъ по закону Божію и совѣсти хрістіанской, а потомъ, подъ вліяніемъ повторенія подобныхъ фактовъ, при сознаніи своей безпомощности, безполезности протеста, невозможности поправить дѣло, вернуть власть имущихъ къ прежнимъ понятіямъ, невольно сживаешься съ новыми воззрѣніями и хотя въ своей совѣсти не миришься съ ними, хотя видишь, что это ведетъ къ гибели, но по необходимости терпишь: чувство, говорю, нравственное притупляется и ты плывешь по теченію — прямо къ пропасти... Нужны ли къ сему иллюстраціи? Жизнь и печать даютъ ихъ на каждомъ шагу. Самыя возмутительныя кощунства, большею частью, остаются безнаказанными, богохульство, поруганіе завѣтныхъ святынь—чуть не ежедневно и въ газетахъ, и въ жизни; мало того: вы лишены возможности, напримѣръ, въ дорогѣ найти порядочную патріотическую газету: непремѣнно извольте читать жидовскіе листы, вы задыхаетесь отъ этой удушливой атмосферы лжи, кощунства, безбожія, и нынѣ, и завтра—все одно и то же... Но и этого мало. Для людей, которые хотѣли бы поучиться нѣ изъ газетныхъ простынь, а изъ болѣе или менѣе серьезныхъ книгъ, теперь издаются и толстыя, якобы, научныя книги—отвратительно-враждебнаго въ отношеніи къ вѣрѣ и Церкви направленія... Если попадетъ такая книга вамъ въ руки, вся душа ваша возмутится отъ негодованія, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, спокойно разсуждаютъ: «пусть издаютъ — нельзя же стѣснять свободы», якобы, «научныхъ мнѣній»... Недавно вышелъ переводъ одной такой безбожной, глубоко возмутительной ной книги Вельгаузена и книга пропущена, гуляетъ и отравляетъ молодежь... Да и издалъ-то ее нѣкій «профессоръ», очевидно, спеціалистъ по части безбожія. И ничего: сей профессоръ сидитъ на своей каѳедрѣ и продолжаетъ «просвѣщать» наше юношество, и ему все разрѣшается... Да что говорить о профессорахъ университетскихъ? Даже духовныя академіи, да, *православныя* духовныя академіи, несмотря на недавнюю ихъ ревизію, еще не свободны отъ такихъ профессоровъ. И вмѣсто того, чтобы предложить таковымъ оставить церковную школу, вмѣсто того, чтобы потребовать отъ нихъ, если они каются, *публичнаго* отреченія отъ

своихъ либеральныхъ бредней, имъ предлагаютъ, какъ слышно, только «воздержаться отъ распространенія перваго изданія» своихъ сочиненій и «исправить» ихъ для втораго изданія... Ну, а что они проповѣдуютъ и будутъ проповѣдывать съ каѳедръ духовному юношеству, будущимъ пастырямъ и учителямъ пастырскихъ православныхъ школъ? Объ этомъ кто позаботится? Кто поручится за чистоту ихъ ученія? Пусть простятъ намъ тѣ, отъ кого сіе зависитъ: душа болитъ, сердце наше изстрадалось отъ такого слишкомъ снисходительнаго отношенія къ ересямъ, если не сказать больше!.. Если, ужъ, государство не хочетъ противиться этому злу, если оно закрываетъ глаза на пропаганду всякаго безбожія и антихристовыхъ ученій, то можетъ ли терпѣть это Церковь въ своихъ нѣдрахъ? Не должна ли она всею силою своего—увы, нынѣ столько уже поколебленнаго—авторитета возстать противъ зла, пускающаго корни у самыхъ источниковъ ея православнаго вѣроученія? Если мірская власть, подъ гипнозомъ либеральныхъ масонскихъ вѣяній, «играетъ съ огнемъ», то позволительно ли это для самой Церкви? Знаю, что горькое слово пишу я, знаю, что это не по духу нашего излукавившагося времени, но силъ нѣтъ молчать, когда чувствуешь, какъ и тебя начинаетъ затягивать это болото, когда сознаешь, что и ты начинаешь *привыкать* къ безразличію, когда видишь предъ собою пропасть, куда влечетъ Россію этотъ потокъ, и нѣсть удерживающаго отъ нея...

Утвержденіе на Тя надѣющихся! Утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію!..

32.

Соблазнъ идетъ отъ интеллигенціи.

Какъ тяжко будутъ отвѣчать Богу люди, соблазняющіе ближняго! Вспомните грозное слово Спасителя: *аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне* (лучше) *есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй*...

Для невѣрующаго эти слова—пустой звукъ, а для вѣрующаго—громъ небесный. Кто—*малые сіи?* Кто—соблазнители ихъ?

Малые это—не дѣти только. Это всѣ меньшіе братія наши, это—всѣ тѣ, кто около насъ, кто меньше насъ развитъ умственно, менѣе чистокъ нравственно, кто слабѣе насъ и физически, и духовно, а, слѣдовательно, легко можетъ быть увлеченъ нашимъ словомъ, нашимъ примѣромъ. И вотъ, наша интеллигенція, именующая себя передовыми людьми, то-есть, мнящая о себѣ, будто она идетъ *впереди* народа (куда?—увы!—*назадъ*, къ духовному одичанію!), страшно отвѣтитъ Богу за тотъ соблазнъ, какой она вноситъ въ народъ,—какъ въ массы народныя, такъ и въ каждую отдѣльную душу. Если вы не соблюдаете постовъ, то вы не въ правѣ требовать и отъ своей прислуги, чтобы она неподнялa

уставъ церковный. Вы не считаете нужнымъ въ праздники неопустительно ходить въ церковь? Вы не можете посылать туда и свою прислугу. Вы не хотите, вы, какъ будто, стыдитесь перекреститься, садясь за столъ? Знайте, что прислуга видитъ это, сначала осуждаетъ васъ за это (а, вѣдь, и это— уже соблазнъ), а потомъ и сама перестанетъ молиться предъ обѣдомъ и ужиномъ. Но соблазнъ идетъ дальше. Не даромъ народъ, то-есть, простыхъ людей, сравниваютъ съ дѣтьми. Простецы зорко присматриваются къ интеллигентамъ, какъ дѣти—къ взрослымъ. Простецы такъ же прямолинейны въ своихъ сужденіяхъ, какъ и дѣти. О дѣтской наивности, прямолинейности, существуетъ не мало разсказовъ. Но и простые люди нерѣдко бываютъ такъ же прямолинейны и откровенны, какъ дѣти.

— «Я нанялъ прислугу, простую крестьянскую дѣвушку, — разсказывалъ недавно одинъ почтенный сановникъ.—Разъ, по какому-то поводу, говорю ей: побойся Бога, Анна: такъ грѣшно дѣлать.

— Э, баринъ, отвѣчаетъ она: кто же изъ ученыхъ людей нынѣ въ Бога-то вѣруетъ?»—Прошло нѣсколько времени. Приходитъ ко мнѣ пріятель. Къ слову, въ присутствіи прислуги, я говорю ему: «вонъ и моя Анна не вѣритъ въ Бога». — Но что же слышу отъ Анны?—Не правда, баринъ; я въ Бога вѣрую. Вотъ вы *«интеллигентный типъ»* (ея выраженіе), а я вижу, что и утромъ, и вечеромъ вы Богу молитесь. Значитъ Богъ есть...»

Не то же ли мы видимъ и въ массахъ рабочаго люда, который чаще, чѣмъ деревенскіе обыватели, соприкасается съ интеллигенціей? Гдѣ простые люди заражаются невѣріемъ и всякимъ вольнодумствомъ? Въ городахъ, особенно на фабрикахъ и заводахъ. Два года тому назадъ, осенью, изъ Архангельска вернулись молодые парни въ родную Сольвычегодскую глушь. Наканунѣ мѣстнаго праздника Покрова Пр. Богородицы они учинили пляску съ гармониками вокругъ храма, а когда, въ самый праздникъ, священникъ обличилъ ихъ кощунственный поступокъ, они собрались вокругъ его дома, выбили всѣ стекла, грозили убить и зажгли самый домъ... Мнѣ пришлось перевести священника въ другое село. И около года не находилось кандидата на его мѣсто. Да, такихъ случаевъ, и даже болѣе возмутительныхъ — не перечтешь: исторія послѣднихъ пяти —несчастныхъ для Россіи—лѣтъ переполнена ими. И вездѣ зараза, соблазнъ идетъ отъ тѣхъ, кто считаетъ себя интеллигентомъ. А считаютъ себя таковыми и сельскіе учителя и учительницы, и фабричная администрація, и фельдшера, и волостные писаря... Даже обидно за достоинство человѣка, когда представишь себѣ всю нищету міросозерцанія этихъ «интеллигентовъ». Весь запасъ ихъ «знаній» ограничивается газетной и брошюрной трухой, да много-много какимъ-нибудь справочникомъ изъ множества уличныхъ изданій... А каковы бываютъ эти справочники—я скажу въ другое время. И вотъ, эти-то убогенькіе, у которыхъ сердце совершенно опустошено даже отъ тѣхъ крохъ религіознаго знанія, какія запали, можетъ быть, въ дѣтствѣ, эти-то уродцы духовные и мнятъ себя быть руководителями жизни умственной, жизни народной, величаютъ себя «передовыми» людьми, судятъ и рядятъ обо всемъ, будто нѣтъ тайны, которой они не знали

бы, нѣтъ міровой загадки, которую не могли бы они рѣшить... Жаль нашъ бѣдный, несчастный народъ! Сколько зла и соблазна сѣется этими непрошенными его руководителями! А число ихъ все растетъ и растетъ: если статистика намъ показала, что только за время пресловутаго «освободительнаго» движенія сослано въ Сибирь до 25000 народныхъ учителей — только однихъ учителей изъ таковыхъ, уже отмѣченныхъ, такъ сказать, съ поличнымъ пойманныхъ: сколько же ихъ остается на мѣстахъ и продолжаетъ отравлять народъ своими бреднями! Не даромъ же враги Церкви и отечества такъ расчитываютъ на народную школу въ дѣлѣ совращенія и развращенія народа; не даромъ такъ усиленно добиваются вырвать изъ рукъ Церкви народную школу: расчетъ очевидный—не пройдетъ десятка лѣтъ, какъ все молодое поколѣніе будетъ отравлено ими, забудетъ Бога, и тогда настанетъ ихъ темное царство... Куда захотятъ, туда и направятъ они эту озлобленную, обезумѣвшую, голодную (ибо все будетъ пропито) толпу... Ужасъ беретъ, какъ подумаешь объ этомъ! А наши «верхи» такъ спокойно бесѣдуютъ о «передачѣ церковныхъ школъ въ министерство»... не въ министерство, господа, а вотъ, въ руки этихъ пропагандистовъ невѣрія и разрушенія. Въ руки вотъ этихъ соблазнителей и губителей несчастнаго народа. Не обманывайте себя, грѣшно притворяться слѣпымъ, когда дѣло столь очевидно... Кто любитъ родину, кто любитъ родной народъ, кто не хочетъ ему гибели, тотъ долженъ просить, умолять правительство—стать на стражѣ народной души, не подпускать соблазнителей близко къ святому дѣлу народнаго воспитанія, ограничить свободу развратителей—прелюбодѣевъ печатнаго слова, всякихъ пропагандистовъ—лжеучителей: самому народу не справиться съ ними... Иначе мы—на краю гибели!

33.

Язычествующая благотворительность.

Со скорбію помышляю я о современной общественной благотворительности. Въ государствѣ христіанскомъ, въ обществѣ, еще не отрекшемся отъ Христа, вся она, по самой сущности христіанства, должна бы быть сосредоточена въ нѣдрахъ самой Церкви: вѣдь, только то добро есть настоящее христіанское добродѣланіе, которое совершается во имя Христа, изъ любви ко Христу, во исполненіе Его святой заповѣди. Всякое другое добро, во имя гуманизма—не говорю уже—во имя тщеславія—не есть настоящее христіанское благотвореніе: вѣдь, и язычники тоже творятъ, какъ говоритъ Господь. Христіанинъ ни на минуту не долженъ забывать, что самъ онъ, личными своими силами никакого истинно-добраго и спасительнаго дѣла не можетъ сдѣлать безъ помощи небесной, по реченному Господомъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. А Господь совершаетъ наше спасеніе только въ Церкви и чрезъ Церковь. Чрезъ

нее же Онъ и благодатную помощь Свою подаетъ. Есть чудная книга, въ которую міряне никогда не заглядываютъ, но которую слѣдовало бы имъ знать: это—Требникъ, въ коемъ собраны молитвы и чинопослѣдованія на всякую потребу для христіанина, начиная съ совершенія св. таинствъ и кончая молитвами на сѣяніе, благословеніе плодовъ, копаніе кладезя, основаніе дому и т. п. Всѣ житейскія занятія благословляетъ для христіанина его любящая мать—Церковь молитвою и словомъ Божіимъ. Есть даже сборникъ трогательныхъ бесѣдъ знаменитаго въ свое время проповѣдника, профессора Кіевской дух. академіи Я. К. Амфитеатрова: «Объ отношеніи Церкви къ христіанамъ», въ коихъ превосходно раскрыта любовь Церкви-матери и ея попеченіе о всѣхъ нашихъ не только духовныхъ, но и земныхъ нуждахъ. Увы, о такихъ книгахъ нынѣшніе образованные христіане и не слыхивали. Знаютъ такія книги скорѣе простецы, учившіеся еще по Часослову и Псалтири. Такъ улетаетъ духъ церковности изъ среды нашего «интеллигентнаго» общества. О самомъ христіанствѣ оно сочиняетъ—именно *сочиняетъ* свои понятія или же заимствуетъ готовыя у инославныхъ... Оно и не подозрѣваетъ о томъ духовномъ сокровищѣ, какое содержитъ родная православная Церковь. Церковь въ ихъ понятіи это — архіереи и «попы». О томъ, что и сами они должны быть живыми членами этой Церкви, что въ составъ этой — *живой* Церкви входятъ и всѣ спасаемые и всѣ отъ вѣка Богу угодившіе — они и не подозрѣваютъ. Сами того не сознавая, они обрываютъ послѣднія нити, соединяющія ихъ съ Церковію, и оказываются внѣ ея, воображая, что они—добрые христіане. По своему смышленію они строятъ и свою жизнь—не только въ обычныхъ дѣлахъ житейскихъ, но и въ *добрыхъ* дѣлахъ своихъ, въ такъ называемой «благотворительности». Особенно это наглядно проявляется въ благотворительности общественной. Спектакли, балы, танцы, лотереи, гулянья въ пользу раненыхъ, въ пользу пострадавшихъ отъ пожара или землетрясенія, въ пользу вдовъ и сиротъ,—кто осмѣлится назвать все это «христіанскою» благотворительностью? Это было бы страшнымъ кощунствомъ... А между тѣмъ это устраивается у насъ даже въ пользу такихъ учрежденій, которые прикрыты знаменіемъ креста Христова въ самомъ своемъ названіи. Затѣмъ: кто является распорядителемъ жертвъ, поступающихъ на подобныя учрежденія? Есть ли, по крайней мѣрѣ, въ составѣ сихъ распорядителей служитель Церкви, который могъ бы указать добрымъ христіанамъ то направленіе въ ихъ дѣятельности, какого требуетъ духъ Евангелія Христова? Обо всемъ этомъ было бы странно и заговаривать въ наше время: закричатъ—«клерикализмъ, подчиненіе Церкви, вмѣшательство поповъ!..» Да, господа, если не хотите себя обманывать, называя себя христіанами, то это «вмѣшательство» необходимо; безъ него вотъ вы и дошли до плясокъ во имя христіанской добродѣтели... Впрочемъ, сіи господа, кажется, и не нуждаются въ томъ, чтобы ихъ благотворительность была освящена именемъ Христовымъ. Развѣ вотъ одно: безъ Церкви, безъ ея помощи грошей не соберешь. Вѣдь, сами-то они не охотники много жертвовать, а народъ православный не особенно довѣряетъ имъ... Что же тутъ дѣлать?.. Въ послѣдніе годы отча-

сти и найденъ исходъ: ходатайствовать о разрѣшеніи церковнаго сбора по всей Россіи въ какой-нибудь праздникъ. Церковная власть, обременяемая множествомъ подобныхъ ходатайствъ отъ разныхъ обществъ, поставила условіемъ: разрѣшать сборы только тѣмъ обществамъ, которыя не прибѣгаютъ къ увеселеніямъ для успѣха сбора. Но и при этомъ условіи почти всѣ праздники въ году оказались занятыми. Въ разрѣшеніи такихъ сборовъ слѣдовало бы быть какъ можно осторожнѣе. Вѣдь, тутъ весь расчетъ основанъ не столько на *сознательности* жертвующихъ, сколько на *массѣ* жертвователей. Сборъ образуется по пословицѣ: «съ міру по ниткѣ—голому рубаха». Большинство богомольцевъ опускаетъ свою лепту въ кружку, не обращая вниманія на то, куда идетъ его копѣйка. «Все—Богу», говоритъ простой человѣкъ. А, между тѣмъ, этотъ же простой человѣкъ рѣдко можетъ израсходовать лишнюю копѣйку: взялъ онъ, положимъ 5 к. съ собою въ церковь, эти 5 к. онъ и дѣлитъ по всѣмъ кружкамъ и тарелкамъ, какія мимо него проносятъ. Если несутъ двѣ кружки—онъ дѣлитъ на 2 и 3 к., если же 5 кружекъ—по неволѣ мѣняетъ по копѣйкѣ, чтобы на всѣ кружки или тарелки достало. Совершенно естественно, что отъ этихъ сборовъ церковные доходы падаютъ и старосты, обложенные на епархіальныхъ съѣздахъ разными налогами, ропщутъ, что на содержаніе и ремонтъ храма не остается ничего. Вѣдь, храмы Божіи имѣютъ свои нужды. Но пусть такъ: разъ церковная власть разрѣшаетъ тотъ или другой сборъ, пусть онъ и производится въ указанный день; по симъ общества не довольствуются: они хотятъ, чтобъ сборъ производился не тѣмъ лицомъ, кого укажетъ настоятель храма, а непремѣнно тѣмъ, кого пришлетъ само общество или его уполномоченный... Почему? Очевидно потому, что ни старостѣ, ни священнику довѣрія нѣтъ: они, видите ли, или не все покажутъ, что соберутъ, или инымъ образомъ повредятъ сбору... Скажутъ: имъ же трудъ облегчается, не все ли имъ равно, кто съ кружкой пойдетъ? Но въ такомъ случаѣ предложите имъ свои услуги, а не предписывайте имъ бумагами допустить то или другое вами избранное лицо. Но и это не все. Нѣкто М. Х. въ «Русскомъ Знаменіи» возмущается, что «вмѣсто церковнаго старосты, вмѣсто лица, извѣстнаго своимъ усердіемъ къ храму, избраннаго приходомъ и утвержденнаго архіереемъ, шествуетъ за божественной службой съ тарелкою въ рукахъ лицо, извѣстное своему начальству развѣ лишь усердною продажей водки, неимѣющее особеннаго уваженія отъ прихожанъ, неуполномоченное архіереемъ и... по неотразимой логической ассоціаціи въ представленіи прихожанъ пробуждается кабакъ и его соблазнительная торговля: «Господи!—думаютъ они,—и здѣсь, въ Твоемъ храмѣ не дадутъ оторваться мыслями отъ кабака! Экое наваждепіе!»—Но и этого мало. Нерѣдко для сбора присылаютъ женщину или дѣвицу; нерѣдко эта дѣвица, нарядившись такъ, чтобъ обращать на себя вниманіе молящихся, идетъ по церкви, какъ по бальному залу: получается впечатлѣніе вовсе ужъ не церковное... Вѣдь, храмъ Божій—не базаръ, хотя бы и благотворительный; играть въ немъ на низменныхъ чувствахъ пришедшихъ сюда помолиться Богу—значитъ тяжко оскорблять святыню

дома Божія и если Господь вервіемъ изгналъ отсюда продающихъ и кунующихъ, то какому же осужденію подвергаютъ себя эти барыни и барышни-сборщицы, улыбающіяся богомольцамъ и, иногда, видимо стремящіяся обратить на себя особенное вниманіе?.. Простите мнѣ, люди добрые, но не могу же я не сказать, что такъ творити не добрѣ есть...

Такъ вотъ до чего дошла наша общественная благотворительность. Можно ли назвать ее хрістіанскою? Не пора ли Церкви разобраться построже: кого пускать въ Божій храмъ съ кружкою, а предъ кѣмъ слѣдуетъ двери закрыть? Благотворительность ушла изъ Церкви и является теперь сюда только съ кружкою для сбора. По своему духу она все дальше и дальше уходитъ отъ духа Хрістова: не пора ли Церкви самой въ своихъ нѣдрахъ усилить истинно-хрістіанскую благотворительность въ духѣ Апостольскомъ и закрыть свои двери для всѣхъ этихъ сборовъ, о коихъ Церковь даже не знаетъ: куда и какъ они расходуются? Ужъ слишкомъ стали далеки отъ Церкви иныя общества, чтобы давать имъ права, принадлежащія по самому существу своему исключительно церковнымъ организаціямъ.

34.

Возстановленіе идолопоклонства въ нашей столицѣ.

О, свобода, свобода! Свобода для всѣхъ иновѣрцевъ и инородцевъ на каждомъ шагу оскорблять завѣтныя святыни нашего православнаго русскаго сердца, издѣваться надъ нашею святою вѣрою, бить насъ по самымъ нѣжнымъ струнамъ нашего измученнаго сердца!.. Пусть простятъ намъ власть имущіе, сію свободу дающіе: мы не понимаемъ ихъ вѣротерпимости, не можемъ постигнуть: какъ они успокоиваютъ свою совѣсть, когда допускаютъ эту свободу? Вѣдь, вотъ уже пять лѣтъ длится эта пытка для вѣрующаго сердца русскаго, и конца ей не видно! И думается иногда: лучше открытое гоненіе, чѣмъ такое попустительство!

Не буду повторять того, что такъ прекрасно, такъ горячо сказалъ «Свѣтъ» и другія патріотическія газеты по поводу того безсовѣстнаго обмана, который обнаружился въ постройкѣ буддійскаго капища въ нашемъ градѣ святаго Апостола Петра; не буду разбирать: кто кого тутъ обманулъ; предположу, что буддійцы и главное—наши измѣнники вѣрѣ обманули нашего премьеръ-министра, ибо не могу же и мысли допустить, чтобы сей министръ, вѣрный слуга Помазанника Божія и Его избранникъ, сознательно обманывалъ тѣхъ, кому говорилъ, что капище идольское, ни чѣмъ не будетъ отличаться отъ простаго дома съ внѣшней стороны и потому-де не будетъ оскорблять православнаго религіознаго чувства... Хотѣлось бы думать и вѣрить, что этотъ—повторяю—безсовѣстный обманъ высшаго сановника либеральными прислужниками современнаго язычества достойнымъ образомъ получитъ свое возмездіе. Хотѣлось бы мечтать, что зданіе, обманомъ построенное, будетъ об-

ращено... ну, хотя бы, въ какой-нибудь азіатскій музей что ли, или просто въ пассажъ для торговли китайскими чаями и даже ласточкиными гнѣздами для нашихъ вѣроотступниковъ новой формаціи... Подѣлюсь тѣми откликами, какія несутся ко мнѣ изъ глубинъ наболѣвшихъ русскихъ сердецъ. Вотъ что пишетъ мнѣ одна русская православная душа:

«Владыко святый! Что же это такое? Возстановленіе на Руси идолопоклонства? Поворотъ въ обратную сторону всей Русской исторіи—отъ временъ Владиміра снова къ язычеству?..

«Новое Время» называетъ дворецъ, стоившій, какъ слышно, до трехъ милліоновъ рублей, «скромнымъ» зданіемъ, а оффиціозная «Россія» описываетъ его какъ нѣкое чудо искусства въ азіатскомъ стилѣ. Но, вѣдь, въ этомъ «скромномъ» зданіи, конечно, будутъ собираться не одни язычники-буддисты, которыхъ едва ли можетъ быть много въ Петербургѣ, а главнымъ образомъ наши сумасшедшія великосвѣтскія барыни, готовыя бѣгать за всякой новинкой и исповѣдывать какую угодно вѣру. И это безбожное дѣло совершается на глазахъ у властей свѣтскихъ и при равнодушномъ молчаніи властей духовныхъ! Кто же прогремитъ въ обличеніе этого нечестія? Ужели нѣтъ у насъ святителей, которые не пойдутъ на компромиссъ съ духомъ вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго?! Ужели никто не возвыситъ настойчиваго голоса отъ имени самой Церкви о недопустимости такого поруганія имени Божія на святой Руси? Вѣдь, ужъ везутъ проклятаго идола изъ далекой Азіи, чтобы опоганить нашу столицу. Вѣдь, если это будетъ допущено, то наша матушка Русь потеряетъ право именоваться православною... Какъ овцы стада Христова умоляемъ васъ защитите стадо отъ вторгающихся въ него волковъ...»

Вотъ выписка изъ другаго подобнаго письма:

«Мнѣ, какъ слѣпому старику, невидѣвшему многихъ изобрѣтеній и нововведеній послѣднихъ лѣтъ, и построеніе капища въ Петербургѣ кажется какою-то сказкою, да и почему собственно Будда въ Петербургѣ, а не знакомый намъ Перунъ въ Кіевѣ? Не все ли равно; ужъ если «свобода совѣсти», такъ, по крайней мѣрѣ, во всю... Вѣдь, Перунъ могъ бы олицетворить собою негодующую народную душу, требующую выхода изъ-подъ опеки Церкви, Царя и т. д. мало ли что можно наговорить! Право, дѣло доходитъ до предѣловъ безсмыслицы и, дѣйствительно, получаются явленія мало вѣроятныя. Вы правы, удивляясь тому, что маловѣрный Меньшиковъ начинаетъ говорить такъ, какъ бы слѣдовало говорить и всѣмъ, пламенно вѣрующимъ сынамъ Церкви. Вѣдь, это уже камни вопіютъ!.. Чувствуется, охъ, какъ чувствуется напряженіе всѣхъ душевныхъ струнъ, достигающее высшей степени и обѣщающее разразиться въ скоромъ будущемъ чѣмъ-нибудь неслыханнымъ, небывалымъ. Быть можетъ оно и лучше. Жить такъ, предавая Христа пилатовымъ способомъ, невыносимо. Сколько ни умывайте рукъ, онѣ чище отъ этого не будутъ, и впереди неизбѣжно стоитъ соборъ, который казался еще преждевременнымъ годъ тому назадъ, но представляется неизбѣжнымъ и необходимымъ сегодня. Надо, наконецъ, установить нормы принадлежности къ Церкви, обязательныя для современнаго человѣка. Вѣдь, нельзя же

въ одной оградѣ, прикрывая всѣхъ единымъ именемъ хрістіанъ, держать вѣрующихъ и полувѣрующихъ, и невѣрующихъ...»

Да, пора Церкви очистить себя отъ открытыхъ измѣнниковъ. Пора сказать имъ: вы—не наши, идите прочь—анаѳема! Лѣвыя газеты, не стѣсняясь, напротивъ, съ какимъ-то злорадствомъ по адресу Церкви и съ ободрительными кивками называютъ имена этихъ измѣнниковъ, въ числѣ коихъ выдаются имена представителей высшей науки, академики (конечно, не духовныхъ академій: слава Богу, до этого еще не дошло), профессора, художники, писатели, князья... Есть даже имя одного избранника дворянства... Что жъ? Ужели и послѣ этого Церковь будетъ считать ихъ своими чадами? Ужели церковная власть будетъ безразлично относиться къ этому богоотступничеству?..

И подобныхъ писемъ получаю немало; душа болитъ, когда читаешь ихъ и въ то же время сознаешь полное безсиліе что-либо сдѣлать противъ этого поруганія нашей вѣры, чѣмъ-либо утѣшить плачущихъ православныхъ людей...

Да, плачущихъ. Сейчасъ у моего крыльца подвели ко мнѣ слѣпую старицу на благословеніе. Заливаясь слезами, она сказала мнѣ: «владыко святый! да что же это такое! Въ Питеръ идола везутъ, ему тамъ капище построено: какъ это можно?! Вѣдь, Господь за это накажетъ насъ! Молиться надо, чтобы Господь не попустилъ такого поруганія нашей вѣрѣ святой».

Что могъ сказать я въ утѣшеніе этой простой вѣрующей душѣ? Напротивъ, она сама меня утѣшила, сама подсказала, гдѣ искать намъ исхода въ этой тоскѣ, въ этой удушающей насъ атмосферѣ всякихъ непротивленій злу, всякихъ лжесвободъ, которыя гнетутъ наше вѣрующее сердце хуже всякаго рабства татарскаго или японскаго. Да, конечно, молиться надо. Царь небесный все видитъ, все слышитъ, все вѣдаетъ. Вѣдаетъ Онъ и томленіе нашего болящаго сердца, вѣдаетъ скорби вѣрующей русской души. Слышитъ Онъ стоны и воздыханія тѣхъ, кто не можетъ спокойно и равнодушно видѣть поруганіе нашихъ завѣтныхъ святынь, кто хочетъ, чтобъ Русь на вѣки оставалась православною и хранила сокровище православія съ тою святою ревностью, съ какою оберегала она его въ продолженіи почти тысячи лѣтъ своего историческаго бытія. Молиться надо, православные русскіе люди, чтобъ Господь не наказалъ всю землю нашу за грѣхи тѣхъ, кто попускаетъ поруганіе нашихъ святынь, чтобы Онъ вразумилъ власть имущихъ положить конецъ этимъ поруганіямъ... Молиться надо, чтобы поганый идолъ нашелъ себѣ мѣсто въ волнахъ Невы такъ же, какъ древній Перунъ въ волнахъ Днѣпра, и не нашлось бы во градѣ святаго Петра ни одного его почитателя, который крикнулъ бы ему на прощанье: «выдыбай, боже!» Молиться надо, чтобы его почитатели, коихъ и немного въ Петербургѣ, просвѣтились свѣтомъ Хрістовымъ и своими руками проводили своего божка въ волны прославленной именами святыхъ русскихъ князей—Александра, Бориса и Глѣба рѣки. Молиться, крѣпко молиться надобно, чтобы скорѣе разсѣялъ Господь тотъ ядовитый туманъ, которымъ окутаны умы нашихъ законосочинителей вотъ уже пять лѣтъ, чтобъ возобладалъ въ нихъ здравый историческій русскій разумъ, чтобъ поняли они, наконецъ, куда ведутъ Россію всѣ

эти либеральныя затѣи, всѣ эти лживыя свободы, всѣ эти попустительства, благодаря которымъ наша Русь стала притчею во языцѣхъ, такъ что турчата и татарчата въ старомъ Іерусалимѣ ругаются именемъ *русскаго*, какъ позорнымъ прозвищемъ... Вотъ до чего довела насъ эта политика либерализма, а если не образумимся, то доведетъ и до конечной гибели.

Да, паки и паки реку: молиться надо. Хоть разъ въ день по поклончику надо полагать за Русскую страдалицу землю. Но этого еще мало. Богъ услышитъ насъ только тогда, когда и мы будемъ слушаться Его. О, какъ мы всѣ повинны въ преслушаніи Его святымъ велѣніямъ! Мы забываемъ Его заповѣди въ нашей ежедневной практической жизни, и Онъ отступаетъ отъ насъ Своею всемощною благодатью. Мы живемъ больше языческой жизнью, чѣмъ хрістіанской, и вотъ, приходятъ язычники въ достояніе наше, въ царственный градъ нашъ, и ставятъ свое капище, и привозятъ своего пузатаго идола, и будутъ кадить ему на нашихъ глазахъ... Что-жъ? А мы развѣ не кадимъ своимъ идоламъ — нашимъ страстямъ и страстишкамъ? Развѣ не служимъ имъ цѣлымъ сердцемъ? Пусть каждый прислушается къ голосу своей совѣсти, пусть каждый взглянетъ на себя самого предъ свѣтлымъ зерцаломъ святаго Евангелія: похожъ ли онъ на хрістіанина? И тогда, можетъ быть, совѣсть скажетъ ему: «язычникъ, кланяясь своему идолу, мнится службу приносити Богу, а ты, исполняя похоти своего сердца грѣшнаго — кому думаешь служить? Того ли требуетъ отъ тебя святая вѣра твоя?» Тогда услышитъ его сердце и обличающій его голосъ Самого Хріста изъ святаго Евангелія: *Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ. Мнози рекутъ Мнѣ во онъ день*—въ послѣдній день міра—*Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествохомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ*, даже симъ чудотворцамъ — *яко никогдаже знахъ васъ: отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконія!* (Матѳ. 7, 21—23).

Слышите слово Господне, православные русскіе люди! Слышите, пастыри и архипастыри, пасомые и правители Русской земли! Испытуйте же совѣсть свою: творите ли вы волю Отца небеснаго? Если бы вы были даже чудотворцы, но не жили по заповѣдямъ Его, и тогда грозитъ вамъ страшный приговоръ Судіи нелицепріятнаго: не знаю васъ—отыдите отъ Мене!..

Тако глаголетъ Господь, и непреложно святое слово Его!

35.

Свѣтильники угасаютъ!

Свѣтильницы наши угасаютъ! (Мѳ. 25, 8). Такъ жалуются въ Хрістовой притчѣ неразумныя дѣвы, невзявшія съ собою елея въ сосуды. Невольно припоминаются эти слова при размышленіи о томъ,

что и у насъ—гаснутъ свѣтильники у алтаря Господня! Гаснетъ духъ хрістіанскаго благочестія въ народѣ, гаснетъ духъ ревности о спасеніи въ монашествѣ, гаснетъ благодатный огопекъ пастырства въ пастыряхъ Церкви, гаснетъ, наконецъ, духъ дѣятельной любви къ родной Церкви и въ духовной нашей школѣ, приготовляющей пастырей! Горько говорить это, хотѣлось бы слышать рѣшительное опроверженіе этихъ скорбныхъ думъ, но не опроверженіе, а подтвержденіе и видишь, и слышишь, и читаешь каждый день!

Говорить ли о народѣ? Въ послѣдніе годы у него будто голова пошла кругомъ: не о трудѣ у него мечта, не о благочестіи дума: даже лучшіе, трезвые мужички мечтаютъ о прибавкѣ земли, хотя и земли у нихъ достаточно, мечтаютъ о городѣ, о добычѣ легкой, а у большинства—праздность, пьянство, разгулъ и др. грубые пороки становятся стихіею ихъ жизни... Скажите: много ли мужичковъ приходитъ теперь въ храмъ Божій въ день Божій? Не большинство ли богомольцевъ—женщины и дѣти? Но и дѣтей становится все меньше и меньше: мірскіе учителя и учительницы сами не ходятъ и дѣтей не пріучаютъ къ храму Божію. А о жизни хрістіанской, объ исполненіи заповѣдей Господнихъ—нечего и говорить! О томъ, чтобъ простить обиду отъ души, забыть ее—и не напоминайте! Тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ припомнятъ бывшее и если не угоститъ батюшка злопамятныхъ—принесутъ жалобу и подъ клятвою, часто ложною, докажутъ его вину... Вотъ еще ужасъ: ни во что стали ставить присягу! Число школъ растетъ, а народъ нравственно дичаетъ. И за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ это одичаніе ушло очень и очень далеко. Знаете ли, что въ двухъ трехъ волостяхъ одного Грязовецкаго уѣзда существуетъ обычай, въ силу коего молодежь считаетъ чѣмъ-то для себя обязательнымъ въ каждый годовой праздникъ вступать въ драку, которая почти всегда кончается убійствомъ? Да иначе и не можетъ кончиться: вѣдь всѣ парни выходятъ драться не просто съ кулаками, а съ финскими ножами, съ револьверами, съ кинжалами. Въ трехъ волостяхъ этого буйнаго уѣзда насчитываютъ въ годъ не меньше *ста* такихъ убійствъ. Говорятъ, что отца роднаго не пощадятъ въ этой страшной дракѣ. А дѣло кончается обыкновенно такъ, какъ разсказано въ книгѣ Родіонова «*Наше преступленіе*»—тюрьмою отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, ибо это-де убійство «нечаянно», въ дракѣ. Парни даже смѣются надъ такимъ названіемъ, говорятъ: «важное дѣло—посидѣть въ тепломъ углу, поѣсть казенныхъ щей съ мясомъ; да это—не житье, а масляница! Вѣдь, мы не видимъ мяса-то по цѣлому году, отъ Пасхи до Пасхи»... Да, дичаетъ народъ. Все рѣже и рѣже встрѣчаются старики, старушки, Богу преданные, и любуешься на нихъ, какъ на уцѣлѣвшіе остатки родной прекрасной старины среди безобразныхъ развалинъ. Вглядитесь въ лица: много ли найдете теперь тѣхъ прекрасныхъ типовъ, съ коихъ нашъ геніальный Васнецовъ могъ бы писать своихъ богатырей? Народъ начинаетъ вырождаться не только духовно, но и физически...

Говорить ли о нашей интеллигенціи? Много ли осталось среди нея истинно-вѣрующихъ, съ истинноправославными взглядами и убѣжденіями? «Интеллигенція»! Люди яко бы живущіе умственною жизнію, «понимающіе»! Но много ли

среди нихъ знающихъ свою вѣру побольше того, что знаетъ гимназистъ 4—5 класса? Да и то улетучилось изъ головы, а послушайте, какъ свысока они разсуждаютъ о православіи, о Церкви, о духовной жизни! Подумаешь—всю мудрость богословскую исчерпали до дна... Между тѣмъ—о жизни хрістіанской въ собственномъ смыслѣ у нихъ и не спрашивай. Они столько же понимаютъ въ ней, сколько слѣпой въ красотѣ цвѣтовъ, сколько глухонѣмой въ гармоніи звуковъ. О всемъ у нихъ свои понятія и когда говоришь имъ, что если они хотятъ быть православными, то должны руководиться понятіями Церкви, то они удивляются, будто слышатъ нѣчто неудоборазумѣваемое. Что жъ: ужели ихъ можно считать истинными хрістіанами? ужели это тоже православные? Увы, давно погасъ въ нихъ свѣтильникъ вѣры истинной—во тьмѣ ходятъ они!

А иночество наше, этотъ цвѣтъ хрістіанства! Много, слишкомъ много у насъ монастырей, а иноковъ-то, настоящихъ иноковъ—много ли въ нихъ? О если бы въ каждомъ монастырѣ найти хотя по два, по три такихъ, на которыхъ можно бы было указать съ любовью: се—иноки! Се—носители завѣтовъ святоотеческихъ! Правда, есть они, но ихъ надо искать съ фонаремъ Діогена! Монастырей много, а постригать некого, рукополагать въ саны священнослужителей некого, ставить въ настоятели некого... У меня 18 монастырей, а настоятелей приходится просить въ другихъ епархіяхъ. Жизнь монастырская едва прозябаетъ, о духовной жизни въ собственномъ смыслѣ мало имѣютъ понятія. Идутъ въ обители не ради Іисуса, а ради хлѣба куска. Даже тѣ, которые, повидимому, искренно ищутъ спасенія, полагаютъ его найти въ самочинныхъ внѣшнихъ подвигахъ и уродуютъ себя такъ, что съ ними не сладишь, не сговоришь: ими овладѣваетъ погибельная гордыня. Вериги носятъ; а слова обличенія не терпятъ—это ли смиренные рабы Божіи—иноки, это ли спасаемые во Хрістѣ? Но и такихъ немного, ибо и такой подвигъ не подъ силу нынѣшнимъ насельникамъ обителей (скажу: и слава Богу, хоть немощь-то свою видѣть еще могутъ; а то совсѣмъ духовно ослѣпла бы), а большинство едва ползутъ по пути иноческому, а бываютъ и такіе, которые только позорятъ иночество. Много объ этомъ говорено было на нашемъ монашескомъ съѣздѣ, много писано и печатано, да толку не выходитъ изъ сего: огонекъ гаснетъ, свѣтильники угасаютъ въ насъ... Горько сознавать это, но что же дѣлать? Міръ гаситъ въ душахъ искорку благодатную прежде, чѣмъ она возгорится: въ интеллигентныхъ семьяхъ дѣти уже занимаются политикой, читаютъ газеты, тогда какъ не знаютъ, что такое Минея Четья; современная школа питаетъ ихъ съ азбуки побасенками и прячетъ отъ нихъ то, что можетъ питать въ душѣ «божественное желаніе»; чему же удивляться, что въ монастыри не идутъ не только изъ «интеллигентовъ», но и изъ простого народа? Знаю, есть тихія пристани духовной жизни, но—ахъ, какъ ихъ мало—всѣ на перечетъ! И сіяютъ онѣ тихимъ свѣтомъ, будто звѣздочки одинокія во мракѣ ночномъ... Отцы и братія, иноки честные! Зажигайте свои огоньки отъ этихъ, пока еще не погасшихъ источниковъ свѣта, спѣшите, пока не погасли они... Несите эти огоньки въ свои келліи, согрѣвайте ими свои души! Мракъ сгущается надъ Русью: ахъ, какъ

нужны ей, нашей многоскорбной матери эти огоньки! Ихъ ждетъ и далекая Сибирь, ихъ проситъ и языческая Японія: вѣдь, вся сущность-то хрістіанства, насколько оно проявляетъ себя въ его жизнедѣятельности, именно въ этомъ горѣніи духа любовью ко Христу, и во Христѣ къ ближнимъ нашимъ, а возгораются сіи огоньки благодатію Божіей только при условіи дѣланія заповѣдей Божіихъ. И всѣ благопріятныя условія къ тому есть въ нашихъ обителяхъ, да ревности о спасеніи нѣтъ, осуетились мы, какъ и міряне: вотъ и гаснутъ, гаснутъ наши свѣтильники!...

Моя скорбная мысль обращается къ пастырямъ Церкви. Тяжело ихъ положеніе въ наше время. Міръ, въ лицѣ іудействующей интеллигенціи, поставилъ себѣ задачею мѣшать ихъ съ грязью. Ненавистна ему Церковь Божія: можетъ ли онъ иначе отнюситься къ ея служителямъ вѣрнымъ? Говорю: вѣрнымъ, ибо—увы!—и въ средѣ ея служителей изрѣдка встрѣчаются Іуды предатели въ родѣ Гапоновъ, Григоріевъ и Михаиловъ... Не идутъ и никогда не пойдетъ наше духовенство, развѣ исключая немногихъ вотъ такихъ Гапоновъ, за врагами Христа: простятъ ли ему это враги Христа? Давно сказалъ Господь всевѣдущій и доселѣ звучитъ слово Его жизненною правдою: *аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ. Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще бы отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы; яко же отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Нѣсть рабъ болій Господа своего* (Іоан. 15, 18 — 20). Итакъ, скорби духовенства, его тяжелое положеніе, это начинающееся на него гоненіе—все это съ хрістіанской точки зрѣнія, такъ сказать, естественно; всего этого мы, пастыри, должны ожидать; ко всему этому должны быть готовы. Жизнь становится годъ отъ году дороже, а такъ называемыхъ доходовъ все меньше и меньше. Покинувъ Церковь, большинство интеллигенціи не даетъ уже ни копѣйки на содержаніе духовенства, а простой народъ, излѣнившись, больше думаетъ о кабакѣ, чѣмъ о Церкви и ея служителяхъ. Гаснетъ и въ немъ искра Божія! Двѣ тысячи лѣтъ почти, служащіе алтарю и питались отъ алтаря: теперь вѣрующіе не приходятъ или рѣдко приходятъ къ алтарю и оскудѣваютъ ихъ доброхотныя лепты на пропитаніе служителей алтаря. Все это правда и пельзя не поблагодарить С. Синодъ, что наконецъ-то онъ учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго первосвятителя для обсужденія вопроса объ обезпеченіи духовенства. Едва ли можно ожидать, чтобъ эта комиссія скоро закончила свою задачу: слишкомъ трудна она и безъ государственныхъ учрежденій ея не рѣшить. А каковы эти учрежденія, какова у насъ государственная дума—духовенство уже знаетъ. Отъ нея скорѣе можно ожидать жалованья татарскимъ мулламъ и буддійскимъ ламамъ, чѣмъ нашимъ пастырямъ. На жалованье, напримѣръ, законоучителямъ церковныхъ школъ у нея нѣтъ ни гроша, ну а вотъ татарскому «законоучителю» въ русской учительской семинаріи въ Уфѣ нашлось 600 р. Но объ этомъ къ слову. Слава Богу и за то, что вопросъ поднятъ, поставленъ, и будемъ надѣяться, что когда-нибудь и рѣшенъ будетъ. А вотъ, что должно сказать по совѣсти, вотъ что должно страшить насъ, пасты-

рей: положимъ, что жалованье духовенству дадутъ; положимъ, что его обезпечатъ въ достаточной степени: а кто поручится, что наше пастырство будетъ ревностнѣе исполнять свой долгъ, чѣмъ какъ оно исполняетъ его теперь? Не о всемъ духовенствѣ говорю, а вотъ о тѣхъ батюшкахъ, которые такъ жалуются на свое необезпеченіе. Будутъ ли они усерднѣе проповѣдывать и въ храмѣ Божіемъ, и по домамъ своихъ пасомыхъ, будутъ ли лучше готовиться къ урокамъ въ народной школѣ, будутъ ли они духомъ горѣть въ работѣ Господу? Боюсь, страшно боюсь, что они останутся тѣми же, какими были и безъ жалованья. Да не стали бы еще хуже. Знаю я многихъ батюшекъ, вполнѣ обезпеченныхъ, но потому то и нерадящихъ о пастырскомъ долгѣ своемъ. Хотите примѣры? Не далеко за ними ходить. Спросите монаховъ, живущихъ на подворьяхъ въ нашихъ обѣихъ столицахъ: они разскажутъ вамъ такіе примѣры: приходитъ человѣкъ, проситъ причастить больного.—«Идите къ своему батюшкѣ приходскому», говоритъ монахъ.—Да я былъ у него, но онъ спрашиваетъ: на какомъ этажѣ живетъ? Говорю ему: на пятомъ.—А подъемная машина, говоритъ, есть?—Говорю: нѣтъ.—Идите, говоритъ, къ монахамъ.—Такъ говоритъ «обезпеченный» священникъ въ столицѣ (понятно, не каждый, но есть такіе и ихъ немало!). Но и въ деревнѣ немало такихъ, и именно тамъ, гдѣ батюшки получаютъ хорошее жалованье.—«Нашего батюшку не допросишься пріѣхать зимою окрестить младенца; требуетъ, чтобы везли его непремѣнно въ церковь. А младенецъ слабъ»... «Обезпеченные» батюшки имѣютъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и тройку лошадокъ, у нихъ матушка и на роялѣ, на піанино играетъ, бываютъ нерѣдко и гости, грѣшнымъ дѣломъ и въ картишки перекидываются... Не въ осужденіе говорю это: пусть бы все это имѣли, да дѣло пастырское не опускали, а то вѣдь именно это-то дѣло и страдаетъ у нихъ. Проповѣди ихъ пасомые почти никогда не слышатъ, батюшки держатъ себя «барами» и съ барами только знаются, мужичка держатъ на кухнѣ по цѣлымъ часамъ. Такъ вотъ я и боюсь, чтобъ казенное жалованье не привлекло на пастырское служеніе вотъ такихъ кандидатовъ—безъ огонька, а съ холодною душою, пастырей ремеселенниковъ, ищущихъ только именно вотъ этого «обезпеченія». Я вполнѣ убѣжденъ, что въ наше время жалованье нужно, давно необходимо положить духовенству, что отъ семейныхъ людей немыслимо требовать монашескаго самоотверженія; но еще болѣе убѣжденъ, что жалованьемъ не зажжешь свѣтильника, если не горитъ онъ въ душѣ кандидата пастырства, если этотъ кандидатъ ищетъ только теплаго мѣстечка, если онъ заранѣе, можетъ быть, рѣшилъ быть наемникомъ, а не пастыремъ... А какъ много такихъ! Какъ мало теперь ищущихъ священства въ собственномъ смыслѣ—*по призванію!* Молодой человѣкъ, прямо со скамьи, самъ другъ съ женою: почему бы не пойти въ приходецъ небольшой, небогатый, почему бы тамъ не испробовать свои силы, пока молодъ, пока семья — самъ другъ, пока юношескіе идеалы, — если только они были въ душѣ—не потускнѣли? Такъ нѣтъ! Предложишь такому юношѣ, а онъ повѣситъ голову, откажется, и невольно вспоминается тотъ юноша, который отыде отъ Христа скорбя... Дайте

ему мѣсто получше—онъ съ радостью пойдетъ. Гдѣ же хотя бы только начатки того самоотверженія, какого требуетъ, какъ непремѣннаго условія, пастырское служеніе? Чего ждать отъ такого батюшки и впереди? Да, понятно чего: чрезъ года два-три онъ снова предстанетъ предъ очи архіерея, чтобъ просить себѣ мѣсто получше. И не рѣдко бываетъ, что, получивъ таковое и обманувшись въ расчетахъ, онъ не стыдится снова просить архіерея вернуть его на прежнее мѣсто. Это ли пастырство? Это ли служеніе пастырскому идеалу? Съ утра до вечера архіерею приходится принимать вотъ такихъ «идеалистовъ»; бѣдныя мѣста по цѣлому году пустуютъ, а на порядочныя, особенно на городскія десятки просителей, и все основанія одни и тѣ же: жить тяжело, нѣтъ средствъ дѣтей воспитывать, а, нерѣдко, и просто: жена больна... Рѣдко-рѣдко—и такой день считаешь для себя праздникомъ,—когда услышишь отъ священника, что пришелъ онъ не о житейскихъ дѣлахъ говорить, не мѣста лучшаго просить, не жаловаться на свои нужды, а посовѣтоваться о томъ, какъ съ пьянствомъ или расколомъ бороться, какъ лучше дѣло школьное вести при трехъ-четырехъ школахъ въ его приходѣ, какъ лучше устроить собесѣдованія съ народомъ по деревнямъ... Но, ахъ, какъ рѣдки такіе желанные посѣтители!.. Просматриваешь послужные списки или, такъ называемыя, «клировыя вѣдомости»; тамъ отцы-благочинные—вѣрно или не вѣрно—дѣло ихъ совѣсти—отмѣчаютъ, кто изъ священниковъ сколько произнесъ своего сочиненія проповѣдей:—увы! все больше отмѣтка: своихъ двѣ-три, а прочитано готовыхъ, печатныхъ 20—30. Вотъ вамъ и *живое* слово пастыря къ пасомымъ! Да и то еще подъ вопросомъ: правда ли, что пастырь двѣ-три проповѣдки въ годъ «своего сочиненія» сказалъ? И горько становится на душѣ: гдѣ же исполненіе заповѣди: проповѣдуй, настой, запрети, умоли—благовременнѣ и безвременнѣ? Да не мы ли, пастыри, виновны болѣе всѣхъ въ томъ, что всюду распространяются секты и расколы? Не наша ли обязанность и въ школѣ, и въ храмѣ, и на дому знакомить своихъ пасомыхъ съ тѣми истинами вѣры, которыя наипаче пререкаются сектантами и раскольниками? Не наше ли дѣло—прямое, неотмѣнное готовить ихъ къ встрѣчѣ этихъ хищныхъ волковъ? Да сами-то мы достаточно ли готовы къ сему? Невольно припоминается одинъ случай (слава Богу—знаю пока одинъ), когда пастыря вызывалъ на бесѣду сектантъ, а пастырь сказался, что уѣхалъ съ требой, самъ же спрятался въ сарай. Съ болью сердца приходится говорить о такихъ печальныхъ явленіяхъ. Вѣдь, все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ нашемъ пастырствѣ гаснетъ огонекъ ревности къ своему святому, высокому служенію, выше коего нѣтъ на землѣ, тому служенію, которое Апостолъ называетъ сотрудничествомъ Христу, о коемъ въ чувствѣ благоговѣнія взываетъ: *къ симъ кто доволенъ?* Кто можетъ считать себя сего достойнымъ? Горько видѣть воочію, какъ постепенно понижается понятіе о пастырствѣ въ самихъ пастыряхъ, какъ улетаетъ отъ нихъ, отъ ихъ сознанія, отъ ихъ сердца идеалъ, какъ они закапываются въ землю, съ головою погружаются въ суету, суетъ, какъ никнетъ ихъ душа и гаснетъ ихъ свѣтильникъ. Прости-

те мнѣ, отцы и братія, въ безвѣстности труждающіеся,—хочется вѣрить, что таковые еще есть на Руси,—простите мнѣ эти горькія строки о собратіяхъ вашихъ: нынѣ времена настали грозныя, нынѣ отъ насъ, пастырей, требуется произволеніе мученическое: *Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота*, глаголетъ Господь. Велико, высоко, досточестно служеніе пастырское, но если и всегда оно было подвигомъ, тѣмъ паче нынѣ. Покажите примѣръ малодушнымъ, поддержите ихъ опытнымъ совѣтомъ, дайте имъ понять и сердцемъ восчувствовать, какъ близко Господь всѣмъ призывающимъ Его, какъ отрадно сердцу—предать себя всецѣло въ Его святую волю, Ему поручить свое дѣло и себя самого. Вѣдь, это Его слово: *ищите прежде* всего *царствія Божія и правды его*, дѣлайте Мое дѣло и Я Самъ позабочусь о васъ: *сія вся*, все, что потребно вамъ, *приложатся вамъ!* Это ужъ Мое дѣло, Моя забота: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея*. Небесный Домовладыка не забудетъ напитать Своихъ соработниковъ. Слышите: не просто работниковъ, но—*соработниковъ!* Такъ пастырей Церкви называетъ великій Христовъ соработникъ — Апостолъ Павелъ. Если мы вѣруемъ слову Своего Господа, то должны вѣрить и Его обѣтованіямъ. Должны воспитывать свою вѣру всеусерднымъ исполненіемъ Его заповѣдей. Дивную силу имѣютъ эти заповѣди! Не напрасно же св. отцы называютъ ихъ *животворящими*. Что таинства Церкви со стороны Божіей благодати, то исполненіе заповѣдей Господнихъ, при помощи той же всемощной благодати,—со стороны нашего произволенія. Въ семъ взаимодѣйствіи благодати и произволенія нашего совершается наше спасеніе. Богъ сотворилъ насъ безъ насъ, но спасти насъ безъ насъ Онъ—всемогущій—не хощетъ! Таковъ законъ Его промышленія о насъ. И этотъ законъ мы, пастыри, должны опытомъ извѣдать на самихъ себѣ: только тогда мы сможемъ дѣятельно и другихъ научить сей истинѣ, только тогда и другихъ, изнемогающихъ въ вѣрѣ, можемъ поддержать, яко *сильніи, немощи немощныхъ носити* обязанные. Христіанство есть жизнь, а не теорія: только опытомъ жизни можно научиться сей великой истинѣ, сей великой наукѣ изъ наукъ, искусству изъ искусствъ. И вотъ, чтобы мы имѣли сей опытъ, Господь и попускаетъ намъ и скорби, и недостатки, а мы малодушествуемъ, мы бѣжимъ отъ скорбей и недостатковъ!.. Всегда ли это дозволительно? Вопрошайте свою совѣсть болѣе внимательно, прежде, чѣмъ итти къ архіерею съ миромъ и безъ роптанія. Вспомните, что есть много людей, бѣднѣе васъ, но терпятъ, несутъ свой крестъ, яко отъ Бога на нихъ возложенный, съ покорностью волѣ Божіей. Какъ отрадно бываетъ, когда проситель, уходя, говоритъ: «не смѣю настаивать на своей просьбѣ: въ волѣ вашей хочу видѣть волю Божію». По крайней мѣрѣ, хоть не пытается воздѣйствовать на архіерея своею просьбою, не прибѣгаетъ къ ходатайствамъ, къ посредству сильныхъ и славныхъ міра сего, которые любятъ во все вмѣшиваться, просить даже о тѣхъ, кого вовсе не знаютъ, чтобъ только прослыть людьми добрыми. Я уже не говорю о ходатайствахъ прихожанъ, которымъ, увы, меньше всего въ наше лукавое время приходится вѣрить. И все—ради выгодъ, ради того, что

Апостолъ называетъ «сквернымъ прибыткомъ»! Невольно скажешь: гаснетъ свѣтильникъ, гаснетъ идеализмъ въ душахъ пастырей... Вы скажете, что я требую подвига? великій подвигъ жить на одномъ мѣстѣ, сроднившись духомъ съ прихожанами: живутъ же нѣкоторые почтенные старцы лѣтъ по 50 и больше на одномъ и томъ же самомъ скромномъ приходѣ, и ничѣмъ ихъ не заманишь на другое, ибо они духомъ срослись съ своимъ мѣстомъ, одною душою живутъ съ своею паствою и Богъ, видимо, благословляетъ ихъ,—пожалуй,—назову и «подвигъ», но подвигъ, ими самими невидимый и неоцѣнимый. А это-то и драгоцѣнно въ очахъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Господа Іисуса. А, во-вторыхъ: ну,—да, подвигъ... Ибо повторяю: пастырское служеніе есть, воистину, подвигъ, но такой, который несетъ въ себѣ великое, ничѣмъ незамѣнимое утѣшеніе подвижнику въ сознаніи исполненнаго долга. И ни на что не промѣняетъ подвижникъ-пастырь сего утѣшенія, ни на какія блага міра сего. Кто вѣруетъ въ Господа, тотъ съ любовью отдаетъ Ему свое сердце, свою жизнь, всего себя самого. И Господь держитъ его за руку, ведетъ неисповѣдимыми путями Своими, утѣшаетъ духъ его и благословляетъ всѣ его начинанія добрымъ успѣхомъ. И исполняется надъ таковымъ обѣтованіе Господне: и *сія вся приложатся вамъ. Тако глаголетъ Аминь, Свидѣтель вѣрный и истинный!* (Апок. 3, 14).

Гаснутъ свѣтильники, сгущается мракъ въ душѣ роднаго нашего народа! Кто возжжетъ угасающія лампады? Гдѣ источникъ свѣта просвѣщающаго всякаго человѣка? О, конечно,—въ Церкви, въ Православной Церкви! Только въ ней единой еще не погасъ свѣтъ истинный, только въ ней единой благодать Божія не престаетъ согрѣвать сердца вѣрныхъ чадъ ея благодатію таинствъ и возжигать въ нихъ тотъ благодатный огнь, о коемъ нѣкогда въ божественномъ восторгѣ сказалъ Спаситель міра: *огонь пришелъ Я низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!* (Лук. 12, 49). И ниспослалъ Онъ сей благодатный огнь въ видѣ огненныхъ языковъ на Своихъ учениковъ и Апостоловъ въ день Пятидесятницы; и не престаетъ сей огнь горѣть и тихимъ свѣтомъ свѣтить во святой Церкви Православной, несмотря на то, что мы, хранители и раздаятели сего огня, нерадимъ о немъ, гасимъ его, недостойны стоять у святаго жертвенника, на которомъ горитъ онъ...

Господь зажигаетъ свѣтильникъ, а поддерживать его, вливать въ него елей — поручилъ намъ. Господь возрождаетъ вѣрующихъ въ новую благодатную жизнь въ таинствахъ, подаетъ имъ силы для борьбы съ живущимъ въ насъ грѣхомъ, но и самъ человѣкъ долженъ итти на встрѣчу Божіей благодати, долженъ беречь въ себѣ даръ Божій, не допуская въ свою душу ничего, что оскорбляетъ Духа Божія, что удаляетъ изъ души благодать Божію. Въ Церкви Божіей есть два учрежденія, которыя паипаче должны пещись о поддержаніи духовной жизни въ средѣ вѣрующихъ: это—монастыри и духовныя школы, приготовляющія пастырей Церкви. Въ монастыряхъ все основано на свободномъ произволеніи тѣхъ, которые идутъ туда, но которые разъ предавшись волѣ Божіей, уже не должны уклоняться отъ тѣхъ правилъ, какія богомудрыми наставни-

ками иночества выработаны для руководства ко спасенію. Иначе въ инокѣ погаснетъ тотъ свѣтильникъ, который такъ ярко возжигается въ его сердцѣ благодатію Божіей въ день его пострижения. Оттого и гаснетъ духъ иночества въ нашихъ обителяхъ, что иноки, предаваясь суетѣ земной, забываютъ самое главное — то, зачѣмъ они пришли въ монастырь. — Въ духовныхъ школахъ стоитъ дѣло нѣсколько иначе: поступающій туда мальчикъ еще не можетъ сознательно избирать себѣ путь жизни, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, поступающій въ монастырь; этотъ путь намѣчаютъ ему родители, или тѣ, кто ведетъ его въ школу. Уже школа должна воспитывать въ немъ то, что называется *призваніемъ*, довести до его сознанія и до его сердца тотъ великій и святой идеалъ, какой свѣтится, какъ путеводная звѣзда, въ жизненномъ подвигѣ пастыря. Питомецъ духовной школы съ первыхъ дней своего въ ней пребыванія долженъ помнить, что его готовятъ къ служенію родной Церкви, что уклоняться отъ сего служенія—значитъ грѣшить противъ матери-Церкви, которая даетъ и матеріальныя, и духовныя средства къ его воспитанію, которая именно для этой цѣли имѣетъ и свои школы. Общее образованіе, какъ и всякое другое—спеціальное для земной жизни, можно получить въ мірской школѣ, а церковная школа имѣетъ строго опредѣленную задачу — готовить пастырей и учителей Церкви. Я не говорю, что общаго образованія и не нужно пастырю Церкви: оно и ему необходимо, этого требуетъ современность. Я говорю лишь, что вся постановка образованія умственнаго должна содѣйствовать главной задачѣ духовной школы—воспитанію ревностныхъ служителей Церкви. Я учился въ семинаріи какъ разъ послѣ ея реформы графомъ Толстымъ, съ 1868 по 1874 г. Это было время расцвѣта матеріалистическихъ теорій въ свѣтской школѣ, которыя проникали и за стѣны семинарскія, а все же у насъ были наставники—царство имъ небесное—которые умѣли именно воспитывать въ насъ хрістіанское настроеніе. Съ глубокой сердечной благодарностью и любовью вспоминаемъ мы о. ректора, впослѣдствіи протопресвитера Н. В. Благоразумова. Бывало, заслушаешься его лекціи и станетъ досадно, когда прерветъ ее звонокъ. А онъ читалъ догматику, отдѣлъ о таинствахъ: кажется — не изъ поэтическихъ предметовъ. Никогда не забуду я дорогаго нашего наставника по Священному Писанію, въ первомъ еще классѣ, протоіерея С. С. Владимірскаго: его изъясненія съ каѳедры напоминали вдохновенную проповѣдь. Таковъ же былъ покойный Д. П. Боголѣповъ, читавшій намъ Евангеліе въ богословскихъ классахъ. Бывало слушаешь его и проникаешься самъ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ онъ относился къ священному тексту словесъ Господнихъ. Казалось, что онъ *самъ учится у Христа:* таково было впечатлѣніе отъ его толкованій. Не забудемъ, что мы не имѣли права брать русскаго текста Евангелія съ собою; читался греческій подлинникъ. Умѣлъ заставить насъ полюбить и греческій языкъ незабвенный нашъ преподаватель, священникъ Н. Г. Малиновскій: мы любили наставника, полюбили и его предметъ такъ, что еще въ I классѣ, безъ всякихъ приказаній, мы, лучшіе ученики, выучили наизусть половину первой пѣсни Иліады къ экзамену; каждый годъ въ день ангела

подносили своему любимцу какой-либо подарокъ, а въ 6 классѣ, при разставаньи, поднесли ему фотографическую группу и украсили каѳедру цвѣтами... И это былъ учитель греческаго языка, столь нелюбимаго обыкновенно учениками! Изъ членовъ инспекціи мы съ особенной любовью вспоминаемъ помощника инспектора, С. А. Скворцова: около сорока лѣтъ онъ исполнялъ свою скромную должность, ко всѣмъ намъ относился съ отеческой любовью, всѣмъ говорилъ родное «ты», вмѣсто оффиціальнаго холоднаго «вы» и заслужилъ среди учащихся такое уваженіе, что, бывало, въ его дежурство, въ спальняхъ, стоило кому-нибудь напомнить: «господа, нынѣ дежурный Степанъ Алексѣевичъ», какъ все приходило въ порядокъ, шумъ смолкалъ, шалости прекращались: мы не хотѣли огорчать своего любимаго воспитателя. Приходилъ онъ къ намъ и на наши литературные вечера, на которыхъ мы читали свои сочиненія, давали товарищамъ концерты изъ своихъ же стихотвореній, положенныхъ своими же композиторами на ноты. Посидитъ, бывало, нашъ добрый Степанъ Алексѣевичъ, похвалитъ насъ, скажетъ шутливое словечко, и мы довольны и провожаемъ его изъ класса, какъ почетнаго своего гостя. Вспоминая такихъ наставниковъ и воспитателей, невольно скажешь: дайте намъ вотъ такихъ и не нужно будетъ преобразовывать семинаріи, по крайней мѣрѣ, не будетъ нужды дѣлать опытовъ, которые, разрушивъ старое, не дадутъ лучшаго новаго. Мнѣ кажется, весь центръ тяжести вопроса о реформѣ именно въ томъ и заключается. Но на это слышу возраженіе: а гдѣ такихъ найдешь?—Ищите и обрящете. Преобразовывайте академіи не для вида, не на показъ: туда ищите искренно преданныхъ Церкви профессоровъ, туда назначайте самоотверженныхъ и убѣжденныхъ ректоровъ. Во всѣхъ академіяхъ еще уцѣлѣли, слава Богу, старые профессора, искренно преданные наукѣ, только наукѣ, безъ всякой политики, безъ всякаго зуда къ оригинальности, къ разрушенію старыхъ понятій: берегите этихъ мужей истинной науки, какъ сокровище; къ нимъ подбирайте и молодыхъ труженниковъ, а тѣхъ, кто готовъ продать Церковь Божію за чечевичную похлебку похвалъ іудействующихъ интеллигентовъ, тѣхъ, кто смущаетъ юный умъ модными теоріями отрицательнаго направленія, тѣхъ гоните изъ духовныхъ академій безъ всякой пощады. Довольно полумѣръ, довольно лжегуманнаго снисхожденія къ личностямъ: пора позаботиться о св. Церкви Божіей, толико бѣдствующей отъ всякихъ вѣяній духа лукаваго, отъ всякихъ лжемудрствованій ея враговъ. Настали для Церкви времена боевыя: надо и пастырей готовить для такого времени, не холодныхъ формалистовъ, не чиновниковъ, не требоисправителей, а крѣпкихъ бойцовъ, готовыхъ душу свою положить за паству свою.

Намъ говорятъ, что древніе отцы и учители Церкви, краса ея, великіе святители, изучали науки даже въ школахъ языческихъ, «хвалились» (неудачное выраженіе) не простотою своею, но многоученостью». Не споримъ противъ «многоучености», но какъ бы за нею не потерять изъ виду того «единаго на потребу», что составляетъ *душу* служенія пастырскаго и что такъ ревниво сохранили въ себѣ древніе ученые пастыри. Давно сказано, что нельзя «объять необъятное», а потому и

должно поставить дѣло такъ, чтобы, гоняясь за «необъятнымъ», не упустить неотложно необходимаго, не допустить духовнаго юношу увлечься тѣмъ, что для пастыря должно стоять на *второмъ* планѣ, что питомца духовной школы увлечетъ на иной путь и онъ будетъ потерянъ для служенія Церкви. Приметъ ли во вниманіе грядущая реформа семинарій насущныя потребности Церкви? Богослуженіе у насъ совершается на славянскомъ языкѣ: и прежде наша интеллигенція да и народъ плохо его понимали, но все же въ гимназіяхъ еще обучали юношей этому священному языку: теперь же его выбросили изъ курсовъ гимназій; народъ прежде учился еще по часослову и псалтири: теперь и этого не стало. Старые семинаристы, также учившіеся по славянскому букварю и читавшіе въ дѣтствѣ Четьи-минеи и др. церковнославянскія книги, лучше знали священный языкъ Церкви и больше понимали богослужебныя пѣснопѣнія и каноны, чѣмъ нынѣшніе. Нынѣ далеко не всякій студентъ семинаріи переведетъ вамъ на русскій языкъ *Любите убо намъ* или *Странствія Владычня*, немногіе могутъ перевести даже пасхальный канонъ: это ли не насущная нужда современнаго пастырства? Вѣдь и сектанты соблазняютъ православныхъ чаще всего указывая на неудобовразумительность богослуженія. Церковь нуждается въ томъ, чтобы каждый пастырь былъ *миссіонеромъ*, чтобы онъ не нуждался въ особомъ епархіальномъ или иномъ какомъ миссіонерѣ при встрѣчѣ съ еретикомъ, чтобы съ достоинствомъ могъ отвѣчать каждому вопрошающему о упованіи; нынѣшніе семинаристы далеко не всѣ отвѣчаютъ такому идеалу: лучше ли будутъ выходить изъ преобразованныхъ семинарій пастыри? Намъ говорятъ, что вотъ именно съ сею-то цѣлію и вводится въ семинаріяхъ обязательное преподаваніе одного изъ новыхъ языковъ «питомцамъ духовныхъ школъ, говорятъ, нужно изучать и вавилонскую, и персидскую, и индійскую премудрость, а для этого читать нѣмецкія, англійскія и французскія книги; точно также и для многихъ другихъ апологетическихъ и богословскихъ изслѣдованій, вообще, въ широкомъ смыслѣ слова, требуется знаніе новыхъ языковъ». Насъ увѣряютъ, что «часто мѣстному священнику даже захолустнаго прихода въ борьбѣ съ сектанствомъ положительно необходимо непосредственное знакомство съ нѣмецкою сектантскою литературой». Мы понимаемъ, когда рѣчь идетъ о высшей духовной школѣ, объ академіяхъ, но, простите, рѣшительно недоумѣваемъ: какъ батюшка, живущій «въ захолустномъ приходѣ», будетъ углубляться въ нѣмецкія книги и оттуда почерпать то, что ему нужно для борьбы съ сектантствомъ? Не споримъ, было бы хорошо, если бы всѣ наши батюшки сельскіе обладали даромъ вѣдѣнія всѣхъ языковъ міра и оттуда, даже съ санскрита, черпали мудрость: да мыслимо ли это? До того ли сельскому батюшкѣ, да еще «захолустному», чтобы читать нѣмецкія книги, когда ему нужно и служить, и требы справлять, и проповѣди готовить, и писать разныя таблицы для консисторіи, для земскаго статистическаго комитета и каждый день работать въ школѣ, да еще не въ одной. Не говорю уже о домашнемъ хозяйствѣ: вѣдь при 300 руб. годоваго содержанія не лишне и землю-матушку обработать, чтобы хоть свой кусокъ-то хлѣба имѣть... А тутъ ему гово-

рятъ: изучайте ереси по первоисточникамъ, читайте нѣмецкую литературу! Да онъ, живя въ селѣ, разучивается читать по-гречески и полатыни, несмотря на то, что въ училищѣ и семинаріи изучалъ эти языки чуть ли не въ продолженіи десятка лѣтъ. Онъ едва ли будетъ въ состояніи, не говорю уже обстоятельно истолковать, а хотя бы только передать въ связномъ толковомъ изложеніи порядокъ мыслей въ посланіяхъ Апостола Павла. Онъ не читалъ святыхъ отцовъ Церкви, необходимыхъ ему руководителей въ дѣлѣ учительства и пастырства. Онъ даже не слыхалъ въ семинаріи о писаніяхъ святыхъ подвижниковъ, въ родѣ аввы Дорооея, Нила Сорскаго, Іоанна Лѣствичника, а между тѣмъ, если онъ хочетъ учить своихъ пасомыхъ, да и самого себя, духовной жизни, то безъ нихъ ему трудно обойтись. Онъ мало знаетъ или вовсе не знакомъ съ писаніями даже епископа Ѳеофана-затворника, не вчитывался въ творенія родныхъ отцовъ—Тихона Задонскаго, Димитрія Ростовскаго... Вѣдь если онъ хочетъ быть добрымъ пастыремъ, то онъ долженъ все это изучить: да, *изучить*, чтобы тамъ черпать опытъ духовной жизни, чтобы ученіе Церкви о спасеніи съ его положительной стороны выяснять не на основаніи полузабытыхъ семинарскихъ учебниковъ, а по первоисточникамъ, хотя бы въ переводѣ на русскій. Вѣдь если онъ не будетъ основательно знать положительное ученіе, то какъ онъ будетъ его защищать противъ еретиковъ? Ужъ не при помощи ли нѣмецкихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ? Вѣдь додуматься до этого можно только въ петербургскомъ кабинетѣ... Я не спорю противъ «пользы» знанія новыхъ языковъ для сельскаго священника: я утверждаю только, что изъ тысячи такихъ священниковъ едва ли найдется одинъ живущій гдѣ-нибудь по сосѣдству съ нѣмецкими колонистами, который использовалъ бы это знаніе. Знаю, что нужны языки для поступающихъ въ духовную академію, но вѣдь такихъ въ каждомъ курсѣ одинъ-два много три: и вотъ, ради этихъ двухъ-трехъ счастливцевъ должны учиться *обязательно* новымъ языкамъ всѣ ихъ товарищи. Не лучше ли, не полезнѣе ли использовать часы уроковъ новыхъ языковъ на апологетику, на практическія занятія проповѣдничествомъ, на изученіе души человѣческой не по «произведеніямъ свѣтской литературы», а по ученію св. отцовъ Церкви, этихъ великихъ знатоковъ души, всю свою жизнь отдавшихъ именно на ея изученіе... Какъ жаль, что наша церковная власть въ свое время не поручила святителю Ѳеофану-затворнику составить учебникъ психологіи по твореніямъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви! Никто не могъ бы выполнить этой задачи лучше этого святителя-подвижника. А то вѣдь—что грѣхъ таить?—въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ вмѣсто психологіи преподается въ сущности *патологія* души человѣческой. Учебники психологіи составлены на основаніи западныхъ писателей, коихъ міросозерцаніе далеко отъ ученія святоотеческаго. И за что такое, можно сказать, пренебрежительное отношеніе нашихъ ученыхъ профессоровъ къ святымъ отцамъ? Наши философы, наши психологи въ ихъ писанія не заглядываютъ. Не даромъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія извѣстный ученый И. В. Кирѣевскій говорилъ, что пора намъ обратиться къ святоотеческой литературѣ и тамъ искать новыхъ, лучше сказать—старыхъ

забытыхъ путей для православной философствующей мысли, которая, совершивъ кругъ, стоитъ нынѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ была въ V вѣкѣ. Ужели и въ области богословской и философской мысли мы обречены итти въ хвостѣ западныхъ ученыхъ, рабски воспроизводя все—и доброе и худое въ ихъ научныхъ работахъ? Но объ этомъ я сказалъ лишь къ слову и кстати. Извѣстно вѣдь, что лучшіе руководители въ духовной жизни обрѣтаются въ монастыряхъ, а тамъ они воспитываются на святоотеческихъ писаніяхъ. Ясно, что въ этихъ писаніяхъ слѣдуетъ искать и лучшаго руководства при изученіи души для пастырей душъ вѣрующихъ. Тамъ—лучшій источникъ и для нравственнаго, и для пастырскаго богословія, и для гомилетики, и для психологіи, и для герменевтики и для всѣхъ прочихъ богословскихъ наукъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время изученіе греческаго языка, какъ языка Новаго Завѣта, значительно ослабѣло даже противъ того времени, когда учились мы, семинаристы 70-хъ годовъ. И въ этомъ повинно само духовно-учебное вѣдомство. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ по Св. Писанію прямо указывается, что къ греческому тексту слѣдуетъ обращаться только въ болѣе затруднительныхъ мѣстахъ. А, вѣдь, не такъ было прежде! Я боюсь, что за множествомъ предметовъ мысль учащихся не будетъ имѣть возможности углубляться въ болѣе важные для будущаго пастыря предметы: образованіе будетъ поверхностное, не глубокое, «всего по-немножку»: тутъ и медицина, и химія, и гигіена, и новые языки, не говорю уже о предметахъ, входившихъ въ кругъ семинарскаго курса и прежде. Я, напримѣръ, рѣшительно не понимаю: на что пастырю Церкви тригонометрія? Я учился этой наукѣ, имѣю по ней баллъ 5, но откровенно говорю, что въ памяти моей остались синусы и косинусы безъ всякаго примѣненія. Больше имѣло бы примѣненія художественное образованіе: рисованіе, напримѣръ, или познанія въ иконописи мнѣ и теперь оказываютъ услугу. Въ наше время хорошо бы семинариста заставить полюбить родную старину: сколько дорогихъ древностей въ сельскихъ церквахъ продается скупщикамъ за безцѣнокъ или въ обмѣнъ на рыночныя паникадила, подсвѣчники и под., и уходитъ даже за границу! А батюшки наши даже и не подозрѣваютъ ихъ цѣнности. Недавно мнѣ одинъ священникъ разсказывалъ, что староста хотѣлъ обмѣнять древнее облаченіе на два новыхъ, а облаченіе это, по мѣстному преданію, даръ царя Алексѣя Михайловича... Самъ же старьевщикъ оцѣнилъ его въ 1500 руб. Что же получилъ бы онъ за границей?! А одно такое облаченіе пошло въ могилу: въ него облачили старичка-священника, и новыхъ ризъ пожалѣли, а вотъ старое на него надѣли...

Пора, наконецъ, поставить дѣло такъ, чтобы духовныя семинаріи давали намъ добрыхъ и ревностныхъ пастырей и учителей, а не кандидатовъ въ ветеринары или адвокаты и врачи. Нельзя злоупотреблять Божьей свѣчечкой. Половина ея горитъ предъ ликомъ Божіимъ, а другую подобаетъ употреблять на возженіе свѣта духовнаго, на приготовленіе пастырей Церкви. И довольно сего назначенія. А то, вѣдь, дѣло дошло до того, что епархіальныя церкви

содержатъ нѣсколько духовныхъ училищъ, да семинарію въ 500 человѣкъ, а поевящать во іереи приходится едва окончившихъ духовное училище... Церкви остаются безъ священниковъ иногда по цѣлому году. Допустимо ли это? Вѣдь, и народъ начинаетъ говорить: «что же это? съ церквей берутъ на семинарію, а поповъ намъ не даютъ...» Слѣдуетъ помнить, что и времена для Церкви настали тяжелыя. Со всѣхъ сторонъ ей грозятъ враги. Ограда закона гражданскаго снята. Церковь представлена самой себѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше опасностей для Церкви. Можно ли думать, слѣдуетъ ли заботиться о томъ, чтобъ семинаристамъ открыта была возможность итти въ свѣтскія учебныя заведенія? Слѣдуетъ, наоборотъ, твердо сказать и имъ, и отцамъ ихъ: «можете итти куда угодно изъ любого класса, но готовить васъ для свѣтскихъ школъ семинарія не будетъ. Сами, какъ знаете, готовьтесь. Семинарія—для Церкви, и только для Церкви. Не хотите служить Церкви—идите съ Богомъ на всѣ четыре стороны». Этимъ достигнуто было бы увеличеніе кандидатовъ священства и, въ то же время, семинаріи освободились бы отъ массы учениковъ, ищущихъ только *правъ* на среднее образованіе, а чрезъ это сократились бы непосильныя обложенія церквей на духовно-учебныя заведенія. Вопреки газетнымъ сообщеніямъ по поводу предстоящей семинарской реформы съ надеждою на лучшее будущее въ нашихъ семинаріяхъ мы можемъ отмѣтить, что Св. Синодъ указалъ Учебному Комитету при реформѣ семинарій распредѣлить предметы семинарскаго курса такъ, чтобы воспитанникъ въ каждомъ классѣ чувствовалъ себя питомцемъ именно духовной школы,—чтобы главное вниманіе дѣятелей реформы было устремлено на достиженіе основной цѣли подготовленія къ пастырскому служенію,—чтобы программы по общеобразовательнымъ предметамъ никакимъ образомъ не подрывали и не смѣняли значенія богословско-церковныхъ дисциплинъ, преподаваніе которыхъ должно быть распространено и расширено существенно... Дай Богъ, чтобъ эти руководящія начала и легли въ основу реформы. Дай Богъ, чтобы разныя, враждебныя Церкви, вліянія, тонко-іезуитски въ наше время всюду проникающія, не исказили намѣреній нашей высшей церковной власти и не воспрепятствовали ей выполнить свято желаніе Царственнаго Защитника и Покровителя Церкви, Самодержца Всероссійскаго: «зародить въ духовныхъ семинаріяхъ на вѣчныя времена источникъ вдохновенія будущихъ служителей и предстоятелей алтаря Христова на святые подвиги многотруднаго пастырскаго (а не инаго какого) дѣланія». А это и значитъ—зажечь въ сердцахъ будущихъ пастырей святую ревность къ святому служенію, сдѣлать ихъ свѣтильниками, отъ которыхъ и свѣтъ, и тепло преизобильно разливалось бы не только въ нѣдрахъ самой Церкви, но и внѣ ея—среди блуждающихъ во тьмѣ ересей и лжеученій, и даже среди невѣдущихъ истиннаго Бога идолопоклонниковъ... Помоги, Боже!

39.

Скорбное письмо.

Скорбныя думы, скорбныя письма... Русь, да неужели ты перестала быть православною? Ужели все, что такъ дорого было сердцу русскихъ людей, за что они душу свою полагали, теперь дозволено попирать, осмѣивать, топтать въ грязь всякому безбожнику, считающему себя «интеллигентомъ»? Не диво, что озвѣрѣлый рабочій издѣвается надъ святыней: онъ, вѣдь, слѣдуетъ примѣру того, кого считаетъ человѣкомъ «образованнымъ»; не диво, что эти, якобы «образованные» хотятъ «образовать» по образу и подобію своему массы народныя: разъ сами потеряли Бога въ душѣ, они того же желаютъ и для всѣхъ; то достойно удивленія, то возбуждаетъ страхъ за самое бытіе государственное, что какъ будто никому до этого дѣла нѣтъ, какъ будто все это дозволено, какъ будто на нашихъ глазахъ сбывается страшное пророчество апостола Павла объ *удерживающемъ* (2 Солун. 2, 7)... По поводу моихъ «дневниковъ» я получаю много откликовъ, и вотъ послушайте, что пишетъ, напримѣръ, одинъ священникъ—не изъ центра какого-нибудь, не изъ города, а изъ самой глуши, и притомъ — не изъ окраинной губерніи, гдѣ много инородцевъ, а изъ одной изъ самыхъ центральныхъ губерній... И то, что пишетъ онъ, теперь творится почти повсюду...

«Тяжело положеніе сельскаго священника среди деревенской «интеллигенціи», да еще вышедшей изъ нѣдръ самого же духовнаго сословія. Въ селѣ, гдѣ я уже 24 года священствую, «интеллигенцію» составляютъ: врачъ, у котораго вмѣсто св. иконъ портретъ безбожника Толстаго, фельдшера, учителя, акушерки, и т. под., а лѣтомъ мѣстные и наѣзжіе «студенты», которые и «работаютъ» по уѣзду статистиками, оспопрививателями, агрономами и т. под. Для всѣхъ этихъ господъ сельскій священникъ есть представитель «реакціи», «гасильникъ просвѣщенія» и т. д., а дѣло пастыря — уже «служеніе отжившимъ предразсудкамъ»... — «Вы бы лучше своей обѣдни-то поубавили», сказалъ мнѣ врачъ *публично*, когда я въ пятокъ первой седмицы В. Поста попросилъ его отложить медицинскій осмотръ дѣтей въ школѣ, потому что они устали, да и опять скоро пойдутъ на исповѣдь. Въ воскресный день у него нарочито пріемъ въ 9 часовъ, не исключая даже Пасхи, и всѣ служащіе обязаны быть во время обѣдни въ больницѣ; а въ пятницу—день непріемный «для отдыха врача и медицинскаго персонала». Можно подумать, что у насъ большинство поклонниковъ Магомета, тогда какъ сихъ послѣднихъ нѣтъ ни единаго...»

Не удивляйтесь, почтенный батюшка: въ столицѣ и не то дѣлается, и дѣлается на глазахъ самого правительства:—тамъ іудеи-профессора назначаютъ экзамены въ двунадесятые праздники для юношей хрістіанъ, и если эти юноши не пойдутъ на экзаменъ въ святые дни, то ихъ считаютъ не выдержавшими экзамена... Плачутъ матери-хрістіанки о такомъ поруганіи надъ нашею вѣрою святой, о такомъ развращеніи ихъ дѣтей,

но что подѣлаешь? Вѣдь, теперь въ государственныхъ, якобы, «законодательныхъ» учрежденіяхъ хлопочутъ о совершенной отмѣнѣ праздниковъ Господнихъ (сначала нѣкоторыхъ, ну, а потомъ доберутся и до остальныхъ). Такъ чему же удивляться, что въ глухой провинціи нахалъ-іудей издѣвается надъ нашими святыми днями?..

«За такимъ интеллигентомъ врачемъ, продолжаетъ священникъ, тянутся и низшіе служащіе. Ранѣе до врача у насъ и послѣ литургіи успѣвали принять больныхъ, фельдшеръ успѣвалъ и въ церкви помолиться, и къ пріему поспѣть. Теперь же, въ воскресенье, именно во время обѣдни — пріемъ, а въ пятницу — праздникъ... Наканунѣ новаго года въ церкви всенощная, а въ чайной комитета трезвости — въ полночь танцы со встрѣчей новаго года. А простецы-крестьяне говорятъ: «мы помолились Богу, а *они* и бѣса не забыли». Закладываютъ зданіе больницы, крестьяне просятъ Богу помолиться, а врачъ изрекаетъ: «у васъ и дворъ закладываютъ—такъ четверть пьютъ,— вотъ, когда выстроютъ больницу— освятятъ». Выстроили и постарались сдѣлать освященіе такъ, что никто изъ народа и не зналъ.— Лѣтомъ, когда наѣзжаютъ «студенты», священнику, несочувствующему ихъ прогрессивнымъ начинаніямъ, даже на улицѣ показаться рискованно. О посѣщеніи «студентами» храма Божія и говорить не приходится. Мать-вдова собираетъ по приходу именемъ Христовымъ сыръ и яйца, а дѣтки, во главѣ съ студентомъ, бывшимъ семинаристомъ, публично, на показъ, ѣдятъ въ Успенскій постъ мясо. Имѣлъ я неосторожность посовѣтовать мальчику оборониться палкой отъ собаки, принадлежащей студенту, а сей студентъ уже кричитъ на меня: «отецъ, вы—пастырь Церкви, а проповѣдуете кровопролитіе, вамъ бы нагайку, а не мечъ духовный, въ физіономію вамъ плевать!» И это говоритъ юноша священнику, который его же училъ грамотѣ! Но и этого мало: пишетъ жалобы и земскому начальнику, и архіерею, аттестуетъ меня, какъ «презираемаго всѣми», какъ «угнетателя всѣхъ лучшихъ силъ и лицъ въ приходѣ», грязнитъ всю жизнь священника. И этого мало: собираетъ всю компанію товарищей, и объявляютъ они священнику, «оскорбившему студенчество» (читай: студенческую собаку) бойкотъ. Не забудьте, что все это—дѣти духовенства же, питомцы нашихъ духовныхъ семинарій... Вѣдайте, что по жалобамъ сего студента мнѣ пришлось перенести и «дознаніе»... Горько все это, но еще болѣе горько, еще болѣе страшно, что простые мужички все это видятъ и говорятъ: «учите вы въ своихъ семинаріяхъ на церковныя деньги своихъ дѣтей, а они не только въ пастыри, но и въ пастухи не годятся (ну, это, пожалуй, неправда: видите, какъ они заступаются за своихъ собакъ: годились бы и въ пастухи!) Лба не перекрестятъ».

Ясно, что народъ начинаетъ терять довѣріе къ нашимъ семинаріямъ, а, слѣдовательно, и къ молодымъ священникамъ. А отсюда— одинъ шагъ до сектантства.

Читаешь вотъ такое письмо,—а ихъ немало получается — и думаешь: да гдѣ мы живемъ? Уже-ли на святой Руси? Гдѣ ты, мать наша Русь православная?.. Вѣдь, въ языческой Японіи того не приходится видѣть, что творится у насъ. И тамъ не станутъ издѣваться надъ своимъ бонзою, тамъ, сколько мы знаемъ, умѣютъ упа-

жать даже чужія святыни. Идолопоклонники знаютъ правила приличій, а наши мнимые хрістіане, нерѣдко питомцы — увы! — нашихъ *духовныхъ* семинарій, поступивъ въ число какихъ-то «студентовъ», становятся фанатиками невѣрія, заклятыми врагами родной Церкви и ея служителей, не щадятъ ничего священнаго, не хотятъ просто пожалѣть старика-священника, у котораго когда-то учились грамотѣ... Ужели нѣтъ способовъ защитить сельскихъ батюшекъ отъ этихъ хулигановъ интеллигенціи? Ужели священникъ долженъ итти въ наши суды, гдѣ, нерѣдко, ахъ, какъ нерѣдко, сидятъ друзья-пріятели вотъ этихъ же хулигановъ, которые ужъ постараются выручить ихъ изъ бѣды, а бѣдному священнику еще подлить горечи въ его и безъ того горькую чашу? Нѣтъ, не подобаетъ преемнику апостольскаго служенія итти въ мірской судъ, когда его *лично* оскорбляютъ, поносятъ, издѣваются надъ нимъ. Если всякій хрістіанинъ долженъ помнить заповѣдь Господню: *блаженни есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще имене Моего ради*,—тѣмъ паче сію заповѣдь долженъ носить въ своемъ сердцѣ тотъ, кому Господь поручилъ и другихъ учить ей. Какъ онъ научитъ другихъ, если самъ не исполняетъ ее? Сказано вѣдь: *иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесномъ*. Въ дѣлѣ проповѣди только то слово и сильно, которое идетъ отъ опыта духовнаго. Св. Исаакъ Сиринъ говоритъ, что слово опыта есть живая вода, утоляющая жажду души, а слово безъ опыта— что вода писанная на стѣнахъ. Отцы и братія! Архипастыри и сопастыри словеснаго стада Христова! Настаютъ для насъ времена исповѣдничества, а можетъ быть и мученичества. Язычество грязною волною врывается въ среду хрістіанства. Кажется, будто сатана вышелъ изъ бездны, чтобы обольщать народы на четырехъ концахъ земли... Вѣра гаснетъ въ сердцахъ тѣхъ, которые считали себя вѣрующими, а на мѣсто ея входитъ сатана въ эти опустошенныя отъ всего добраго сердца и властвуетъ надъ ними. Ужасъ объемлетъ сердце, когда читаешь, что творится въ Португаліи, что еще такъ недавно творилось въ Испаніи, что грозитъ нашимъ единовѣрнымъ братіямъ хрістіанамъ въ Турціи... Съ какою безпощадною злобою враги Христа издѣваются надъ тѣми, кто не вотще носитъ имя Христово! И особенно эта злоба услаждается въ издѣвательствахъ и истязаніяхъ надъ тѣми, кто стоитъ ближе къ Церкви: надъ служителями алтаря и иночествующими. Ихъ прямо истребляютъ, какъ вредныхъ животныхъ. Да сохранитъ Господь нашу бѣдную Русь отъ такого несчастія! Вѣдайте, отцы и братія, что то, о чемъ пишетъ мнѣ священникъ, что мы всѣ видимъ воочію, о чемъ пишутъ ежедневно патріотическія газеты — все это только началу болѣзнемъ, или по народному присловію—лишь цвѣточки. Будутъ и ягодки, если попуститъ Господь по грѣхамъ нашимъ. Тайна беззаконія уже назрѣваетъ на землѣ. Заклятые враги хрістіанства ведутъ свое дѣло искусно и неутомимо. Готовьтесь къ исповѣдничеству, готовьтесь къ мученичеству. И тѣмъ горше будетъ чаша нашихъ испытаній, что намъ поднесутъ ее не язычники, не римскіе воины, а измѣнники Христу. О, они злѣе всѣхъ язычниковъ, ибо они суть «сборище сатаны», о ко-

торомъ говоритъ Тайновидецъ. Что всѣ нынѣшнія поношенія, кои намъ приходится терпѣть, предъ тѣми, какія ждутъ насъ впереди, если попуститъ Господь! Грозы Божьи ходятъ вокругъ насъ, Господь зоветъ всѣхъ насъ къ покаянію. Не у гражданскаго закона нынѣ искать намъ защиты: не тотъ духъ вѣетъ нынѣ въ тѣхъ сферахъ, откуда мы могли бы ждать этой защиты,—не внесутъ нынѣ законопроекта, который защитилъ бы насъ, безъ нашихъ жалобъ, отъ юруганій, изъ уваженія только къ нашему сану и званію... Нѣтъ! Возьмемъ свой крестъ и бодро пойдемъ за Тѣмъ, Кто Самъ впереди насъ воспелъ чрезъ крестъ на небо, крестомъ отверзъ врата небесныя, Кто и намъ заповѣдь далъ о крестоношеніи, Кто силенъ и насъ укрѣпить въ семъ подвигѣ благодатію Своею! Будемъ себѣ постоянно напоминать слово великаго труженика и страдальца за проповѣдь Христова евангелія Апостола Павла: *кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, а на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вѣчно* (2 Кор. 4, 17). Это зналъ еще Царь Давидъ: *при умноженіи скорбей моихъ въ сердцѣ моемъ*; говоритъ онъ, *утѣшенія Твои услаждаютъ душу мою* (Пс. 93, 19). А Господь—слышите, что обѣщаетъ? *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ!* (Мѳ. 5, 12).

40.

Монастырскіе „милліоны“.

Во дни оны недавніе, во дни всероссійской смуты и нашествія іудейскаго, враждебные Церкви органы печати самымъ беззастѣнчивымъ образомъ лгали о несмѣтныхъ якобы богатствахъ нашихъ монастырей и огромныхъ якобы доходахъ, получаемыхъ нашими архіереями. Помню, какъ я, бывшій казначей Троицкой Сергіевой лавры и слѣдовательно знающій всѣ ея «богатства», отъ души смѣялся, когда въ одной іудействующей газетѣ прочиталъ провокаторскую замѣтку, будто въ лаврѣ Преп. Сергія имѣется капиталовъ на 75 милліардовъ! Судите сами, какое впечатлѣніе должны были отъ такого извѣстія получить люди, завистливымъ окомъ взирающіе на монастыри! И это было въ то время, когда лавра, потративъ сполна свои капиталы на постройку больницы-богадѣльни, призаняла еще нѣсколько десятковъ тысячъ у Геѳсиманскаго скита.

Но іудейская ложь не осталась безъ послѣдствій. Г. Дума, вѣроятно, полагая, что въ сихъ сообщеніяхъ іудеевъ есть хоть малая частица правды, высказала С. Синоду пожеланіе объ «уравненіи» получаемаго архіереями содержанія. И вотъ собраны точныя свѣдѣнія, какой архіерей сколько получаетъ. Увы, оказалось, что есть епископы епархіальные, получающіе не болѣе 3000 руб. и для «уравненія» имъ содержанія, примѣрно до 6000 р., потребовалось «изыскать» до 33,000 р. изъ какихъ-нибудь источниковъ, а отъ архіереевъ затребовано мнѣніе

по сему вопросу. Скажу откровенно: намъ, монахамъ, преемникамъ апостольскаго служенія, оффиціально назначать себѣ ту или другую норму «содержанія» воспрещаетъ совѣсть... Архіерей въ силу данной имъ присяги, и уже по сущности своего служенія нравственно обязанъ строго слѣдовать примѣру святыхъ Апостоловъ, насколько видитъ къ тому возможность. А св. Апостолы въ семъ отношеніи строго держались правила, которое одинъ изъ нихъ выразилъ такъ: имуще пищу и одѣяніе, то-есть все необходимое, сими довольни будемъ. Возглавляя помѣстную Церковь, какъ свѣтильникъ на свѣщникѣ, Епископъ долженъ во всемъ быть образцомъ для своей паствы: самымъ дѣломъ, самымъ отношеніемъ къ своему матеріальному обезпеченію, онъ долженъ всѣмъ какъ бы говорить: смотрите на меня, будите якоже азъ: вѣмъ и алкати, вѣмъ и избыточествовати, вѣмъ и лишатися... Какъ Епископъ, уже на основаніи священнаго Писанія и въ силу Апостольскихъ Правилъ, онъ имѣетъ право пользоваться отъ своей епархіи всѣмъ, лично ему потребнымъ: епархія должна ему дать приличное его сану жилище, съ храмомъ Божіимъ, потребное число священнослужителей при семъ храмѣ, пѣвцовъ и чтецовъ, и всѣхъ ихъ также обезпечить въ необходимомъ; затѣмъ—дать ему возможность совершать поѣздки по епархіи, — дать столъ, отопленіе, освѣщеніе, прислугу, канцелярію, лошадей и пр. Все это онъ и можетъ получить, и въ большинствѣ случаевъ получаетъ, хотя и не всегда отъ епархіи, такъ сказать—натурою. А на одежду и обувь, равно на такъ называемые карманные расходы, было бы довольно для него и ста рублей въ мѣсяцъ. Но совсѣмъ иначе стоитъ дѣло, если принять во вниманіе необходимость для каждаго Епископа—стоять во главѣ всякаго рода благотворительности во имя Христово. Еще св. Златоустъ сказалъ: «широка заповѣдь сія», и, слѣдовательно, какъ бы ни велики были суммы, отпускаемыя въ распоряженіе Епископа на сіе дѣло, онѣ всѣ и всегда будутъ израсходованы имъ безъ остатка. Самымъ естественнымъ источникомъ для такихъ расходовъ, въ силу Апостольскаго правила 41-го, должны бы быть для Епископа доходы всѣхъ церквей его епархіи, но къ глубокому сожалѣнію, Епископъ, будучи по канонамъ полнымъ распорядителемъ церковнаго достоянія своей помѣстной Церкви, на дѣлѣ въ настоящее время лишенъ возможности быть таковымъ. Церкви несутъ часто непосильные налоги на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и на другія епархіальныя и общецерковныя нужды, причемъ сіи налоги и распредѣляются, въ силу необходимости, самими іереями на ихъ съѣздахъ и архіерею представляется только право утверждать или не утверждать таковую раскладку, облагать же церкви новыми налогами нѣтъ возможности. Такимъ образомъ, сей—первый и законнѣйшій источникъ для дѣлъ благотворенія по личному усмотрѣнію Епископа для него закрытъ. Между тѣмъ симъ исчерпываются общіе источники средствъ для благотворенія, если не считать доходовъ собственно архіерейскаго дома, каковыхъ во многихъ епархіяхъ вовсе не имѣется и архіерейскій домъ содержится, какъ, напримѣръ, въ Вологдѣ, при пособіи епархіальнаго свѣчного завода. Правда, есть еще источникъ для благотворительныхъ расходовъ по усмотрѣнію Епископа, но этотъ источникъ можетъ быть и

не быть, можетъ быть очень значителенъ и сокращаться до минимума, и даже вовсе прекращаться. Разсчитывать на него никто не смѣетъ. Я разумѣю частныя жертвы православныхъ мірянъ на дѣла благотворенія, приносимыя въ личное распоряженіе Епископа благочестивыми людьми, желающими исполнить въ совершенствѣ заповѣдь Спасителя: да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя. Слава Богу: еще есть такія добрыя души. Онѣ въ своемъ смиреніи разсуждаютъ: «Епископъ есть Богомъ поставленный пастырь и архипастырь, ему виднѣе нужды, какъ Церкви Божіей, такъ и бѣдныхъ сиротствующихъ; къ нему вся эта бѣднота стремится за помощью; онъ имѣетъ возможность чрезъ священниковъ узнать и степень нужды, и положеніе нуждающихся; да и Богу пріятнѣе, когда я дѣлаю добро не по-своему смышленію, а отсѣкая свою волю такъ, чтобы мнѣ и не знать: куда пойдетъ моя копейка, да не увѣсть о томъ моя шуйца! Такъ дѣлали и древніе христіане. Итакъ, вручу мою лепту Богу чрезъ руки архіерея Божія.»—Повторяю: такія души еще есть въ Церкви православной; расположить ихъ къ такому добродѣланію можетъ только благодать Божія. Но много значитъ въ семъ дѣлѣ и личность самого архіерея. Если онъ подвигомъ личной своей жизни, благоговѣйнымъ совершеніемъ богослуженія, отеческимъ обращеніемъ со всѣми, особенно съ дѣтьми, властнымъ, сильнымъ словомъ духовнаго опыта въ проповѣданіи слова Божія какъ въ Церкви, такъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ пасомыми всѣхъ званій и состояній, неусыпными заботами о сирыхъ и вдовицахъ, о больныхъ и несчастныхъ, — словомъ: исполненіемъ завѣта апостольскаго: всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу,—привлечетъ къ себѣ сердца пасомыхъ: то можно сказать съ увѣренностію, что пасомые съ любовію понесутъ ему свои лепты на дѣла благотворенія во имя Христово, какъ христіане временъ апостольскихъ слагали къ ногамъ Апостоловъ цѣлыя состоянія. Но если епископъ не входитъ въ близкое общеніе съ паствою, если его слово не доходитъ до сердца пасомыхъ, если онъ безучастно относится къ безпомощной бѣднотѣ, то никто не принесетъ ему и жертвы на благотворительность. Мы, Епископы, должны съ чувствомъ самоукоренія взирать на свѣтлый образъ добраго пастыря, еще такъ недавно прошедшій предъ нашими очами въ лицѣ незабвеннаго отца протоіерея Іоанна Кронштадтскаго. Если онъ, іерей, облеченный силою свыше, имѣлъ возможность творить такъ много добра: то не показываетъ ли сіе, что и въ наше скудное вѣрою, погруженное въ эгоизмъ, житейскій матеріализмъ, время упадка нравовъ, есть еще не мало живыхъ душъ, ищущихъ свѣта Божія, жаждущихъ благодати, готовыхъ нести къ стопамъ добраго пастыря нескудныя лепты, лишь бы найти таковаго пастыря, лишь бы удовлетворилъ онъ ихъ духовную жажду, утѣшилъ скорбящее сердце, примирилъ съ Богомъ смущенную совѣсть... Ищите, пастыри и архипастыри, прежде всего царствія Божія и правды его, водворяйте хотя начатки сего царствія Божія прежде всего—въ сердцахъ собственныхъ, а затѣмъ и въ сердцахъ пасомыхъ вашихъ, и вы съ благоговѣніемъ, въ умиленіи сердца, сами воочію увидите, какъ вѣрно обѣтованіе, что и матеріальныя средства для добродѣланія вашего приложатся вамъ, ибо, вѣдь, еще въ

ветхомъ завѣтѣ сказано, что рука дающаго не оскудѣетъ. Силенъ Пастыреначальникъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, и въ нашей немощи проявлять силу Свою, лишь бы мы сознали и Ему постоянно показывали эту немощь нашу, лишь бы въ глубинѣ сердца взывали къ Нему: Господи, помози нашему маловѣрію! Грядетъ часъ, и востанутъ на судъ Христовъ съ нами пастыри, подобные отцу Іоанну, и осудятъ насъ, если мы, въ предѣлахъ нашихъ епархій и приходовъ, не будемъ по мѣрѣ силъ нашихъ слѣдовать стопами ихъ.

Позволю себѣ сказать два слова по поводу предположеній особой Комиссіи при С. Синодѣ объ установленіи равномѣрности въ получаемыхъ Преосвященными по епархіямъ доходовъ привлечь, для покрытія расходовъ по увеличенію содержанія нѣкоторымъ Епископамъ архіерейскіе дома и монастыри. Таковое привлеченіе архіерейскихъ домовъ наиболѣе обезпеченныхъ каѳедръ я признаю совершенно справедливымъ, ибо полагаю, что никто изъ святителей, болѣе обезпеченныхъ, не откажется подѣлиться, по долгу братской любви, съ своими собратіями, менѣе обезпеченными, да будетъ, по выраженію св. Апостола Павла, равенство. Что же касается лавръ и поименованныхъ въ указѣ монастырей, то, не входя въ сужденіе о томъ, тяжелъ или не тяжелъ будетъ сей новый налогъ на монастыри, я полагалъ бы болѣе справедливымъ обложить симъ налогомъ всѣ церкви и монастыри имперіи въ самомъ маломъ размѣрѣ, напримѣръ, хотя бы 0,1%, дабы каждая церковь, каждый приходъ принимали участіе, хотя въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ, въ расходахъ на содержаніе Епископовъ. Это представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что подобный налогъ по 1 руб. съ каждой церкви и монастыря, уже установленъ въ видѣ увеличенія платы за «Церк. Вѣд.», для повышенія содержанія чиновниковъ центральнаго управленія. Епископы обслуживаютъ нужды церковныя несравненно болѣе, чѣмъ сіи чиновники, и ихъ попеченія и труды для приходскихъ церквей несравненно сложнѣе, чѣмъ для монастырей. Въ семъ случаѣ важно было бы установить самый принципъ такого налога, ибо бѣлое духовенство облагаетъ церкви въ размѣрахъ до 35 и болѣе процентовъ на свои сословныя нужды, (особенно если считать прибыли отъ свѣчныхъ операцій), а Епископъ, будучи по канонамъ полнымъ распорядителемъ всего церковнаго достоянія въ предѣлахъ своей епархіи, не пользуется и малымъ процентомъ на дѣла благотворенія по своему личному усмотрѣнію. Справедливо ли это?..

41.

Церковныя школы и церкви.

Церкви Божіей дано великое обѣтованіе, что врата адовы не одолѣютъ ея. Князь ада хорошо знаетъ это обѣтованіе, знаетъ, что всѣ его козни, всѣ усилія будутъ безплодны; Церковь пребудетъ до

скончанія вѣка непоколебимою. И, однакоже, въ безумной злобѣ своей, пылая ненавистью къ Главѣ Церкви Господу Іисусу, сокрушившему его главу, онъ вымѣщаетъ свое пораженіе на вѣчной враждѣ къ вѣрнымъ чадамъ Церкви и, не имѣя силы и возможности стереть съ лица земли всю Церковь Божію, строитъ козни противъ тѣхъ народовъ, гдѣ наиболѣе хранятся завѣты Христа. Таковъ милостію Божіей нашъ Русскій православный народъ. Вотъ уже около тысячи лѣтъ, какъ наша Русь просвѣтилась святымъ крещеніемъ и освятилась вѣрою православною; но за то, что она восприняла святое ученіе Христово въ самомъ чистомъ его видѣ, какъ оно вышло отъ святыхъ Апостоловъ, какъ изложено святыми отцами на вселенскихъ соборахъ, какъ выражено въ твореніяхъ духоносныхъ мужей — свѣтильниковъ Церкви вселенской,— за это врагъ ненавидитъ Русскій народъ всею ненавистію и сею ненавистію по отношенію къ намъ отравилъ всѣхъ западныхъ христіанъ. Не зная, не понимая, да и будучи не въ состояніи понять, по гордости своей, глубину смиреннаго Православія, западные народы считаютъ насъ «отсталыми», непросвѣщенными, суевѣрными, чуть не варварами. Чужды мы имъ по духу, чужды и они намъ по всему ихъ міросозерцанію. И вотъ, чрезъ нихъ-то, чрезъ ихъ послѣдователей—нашихъ интеллигентовъ, оторвавшихся отъ роднаго народа, врагъ и пытается съ корнемъ вырвать святое православіе изъ русской души. И никогда еще въ исторіи Русскаго народа не было для него столь благопріятнаго времени, какъ переживаемое нами. Никогда такъ мы, русскіе люди, не были призываемы долгомъ совѣсти и— скажу—чувствомъ самосохраненія стоять на стражѣ завѣтной святыни Православія, какъ нынѣ,—стойте же бодро, православные русскіе люди: врагъ у дверей! Онъ захватилъ въ свои цѣпкія руки нашу печать: среди гула и гама преданныхъ ему, якобы, «либеральныхъ» газетъ едва слышится слабый голосъ патріотической печати. Въ среду самой этой патріотической печати онъ вноситъ раздоръ и кружковщину: вмѣсто братскаго взаимнаго вразумленія наши патріоты позволяютъ себѣ противъ своихъ собратій, патріотовъ же, рѣчи немирныя; а извѣстно, что гдѣ немирство, тамъ и вражда, тамъ и самолюбіе, тамъ и самъ поджигатель всякой вражды—князь тьмы. Нашелъ онъ, врагъ Божій, и въ высшихъ сферахъ, въ средѣ нашихъ законосоставительныхъ учрежденій усердныхъ и вѣрныхъ себѣ слугъ, которые, не зная православія, не умѣя цѣнить этого сокровища, будучи ослѣплены ненавистію ко всякой вѣрѣ, возстаютъ наипаче противъ святой вѣры православной и воображаютъ, несчастные, будто стоятъ за прогрессъ, за просвѣщеніе, за благо человѣчества! Одинъ Богъ можетъ вразумить этихъ слѣпцовъ. Но ихъ усилія не проходятъ безъ вреда для Церкви Божіей, сущей въ предѣлахъ Русской земли. Кто изъ русскихъ людей не знаетъ, какой чудовищный, разрушительный для Церкви, законопроектъ выработали эти слѣпцы въ Г. Думѣ касательно вѣроисповѣданій неправославныхъ? Теперь подбираются къ народной школѣ. Такъ какъ открыто итти противъ церковныхъ школъ еще неудобно, а школы эти являются у нашихъ лжелибераловъ бѣльмомъ на глазу, ибо имѣютъ своею задачею главнымъ образомъ воспи-

танiе народа въ духѣ Церкви, то придумали предлогъ: надо-де объединить всѣ школы въ одномъ вѣдомствѣ. Несмотря на всю очевидную ложь самаго принципа такого объединенiя, несмотря на то, что онъ и не можетъ, и не будетъ проведенъ въ жизнь; да и сами проповѣдники его въ него не вѣрятъ,—несмотря на все это онъ выдвинутъ и въ настоящее время, вопросъ о судьбѣ церковной школы уже обсуждается въ Государственной Думѣ. А пока - что подготовляется почва къ его рѣшенiю въ желательномъ для враговъ Церкви смыслѣ. Церковную школу всячески поносятъ, клевещутъ на нее и въ печати, и въ разныхъ собранiяхъ, лишаютъ ее средствъ къ существованiю, хотятъ ее изморомъ довести до закрытiя. Министерскiя, земскiя и всякiя другiя школы—родныя дѣтки нашей Г. Думы, а церковныя—пасынки или падчерицы. Для тѣхъ—просятъ 10, даютъ 12 милiоновъ, а для церковныхъ жаль и одного. Но и этого всего мало. Данъ знакъ и началась агитацiя противъ церковныхъ школъ на мѣстахъ. Казалось бы: разъ составлены «сѣти» школъ, разграничены предѣлы зѣмскихъ и церковныхъ, какъ это ни странно, но пусть такъ: пусть каждая школа и живетъ, и дѣйствуетъ въ своихъ, ей указанныхъ, предѣлахъ. Такъ нѣтъ же: пускаются въ ходъ даже такiя мѣры, какъ явный обманъ духовенства... У меня, въ епархiи, былъ такой случай: существовала школа церковная лѣтъ 12; помѣщалась въ домѣ одного «благодѣтеля», торгующаго въ Петербургѣ чѣмъ - то; этотъ благодѣтель рѣшилъ перестроить зданiе школы, далъ средства, поручилъ дѣло завѣдующему—священнику. Тотъ и трудился, увѣренный, что трудится для церковной школы, но когда зданiе было окончено, въ немъ поселилась земская школа... Ни указанiе на сѣть, ни право давности существованiя тутъ школы—ничто не помогло. Одинъ богачъ отъ себя внесъ 500 руб. на содержанiе этой, можно сказать—украденной у Церкви, школы, пока земство ассигнуетъ на ея содержанiе средства. Тоже благодѣтель! А земства наши, извѣстно, не всегда такъ расположены къ церковнымъ школамъ, какъ наше Сольвычегодское, ассигновавшее на церковныя школы ежегодное пособiе по 10500 руб., и Яренское, въ прошломъ году ассигновавшее 13000 руб., а нынѣ 22015 р. Большею частiю земства не брезгуютъ не только тѣмъ, что плохо лежитъ, но и прямо краденымъ. Какъ иначе назвать въ самомъ дѣлѣ хотя бы вышеупомянутую школу, какъ не украденною у Церкви? Строителю-благодѣтелю надо было имѣть на мѣстѣ священника въ качествѣ наблюдателя за постройкой: онъ и повелъ дѣло такъ, что недогадливый батюшка воображалъ, что трудится для церковной школы. Но и этого мало. Врагамъ Церкви надобно создать иллюзiю, будто самъ народъ не хочетъ церковной школы. И вотъ, являются приговоры крестьянъ о передачѣ церковной школы въ земство. Составить такой приговоръ не трудно: стоитъ только внушить крестьянамъ, что на церковную школу они-де обязаны давать и сторожа, и отопленiе, обязаны ихъ ремонтировать, а земская школа — самое милое дѣло: ничего не надо, ни о чемъ не заботьтесь: все будетъ дано отъ земства. Крестьянинъ не разсуждаетъ, что земство-то съ него же беретъ на школы. И пишутъ приговоры... А чтобы приговоръ имѣлъ больше

силы, чтобы производилъ тамъ, гдѣ имъ, врагамъ Церкви, нужно, большее впечатлѣніе, дѣлаютъ такъ, что агитація ведется тайно отъ священника, агитаторы дѣйствуютъ прежде другихъ на церковнаго старосту, прельщаютъ его разными обѣщаніями, и вотъ, батюшка и во снѣ не видѣлъ, а дѣло уже совершилось на яву: приговоръ составленъ... Пока еще немного такихъ приговоровъ. Но въ такихъ дѣлахъ важно начало. Важно то, какъ отнесутся къ такимъ, несомнѣнно подстроеннымъ приговорамъ власти церковныя и гражданскія. Простой народъ не всегда можетъ по достоинству оцѣнить церковную школу и легко поддается вліянію агитаторовъ, обѣщающихъ великія и богатыя милости отъ свѣтскаго вѣдомства. Вѣдь ему дорогъ каждый грошъ; хотя онъ и рублей не жалѣетъ на водку. Но церковные старосты суть лучшіе люди прихода, по крайней мѣрѣ, это—избранники прихода. Вотъ почему я счелъ благопотребнымъ обратиться къ нимъ съ своимъ архипастырскимъ словомъ, объясняя имъ преимущества церковныхъ школъ и призывая къ помощи священнику въ заботахъ о школѣ. Напечатавъ свое обращеніе въ «Еп. Вѣд.», я распорядился, чтобы каждому церковному старостѣ былъ врученъ и отдѣльный оттискъ моего посланія.

ЦЕРКОВНЫМЪ СТАРОСТАМЪ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХІИ

отъ Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.

Призываю, братіе, на всѣхъ васъ, труждающихся для Церкви Божіей, благословеніе Божіе.

Святѣйшему Синоду благоугодно было въ послѣднее время обратить особенное вниманіе на благоустройство церковно-приходскихъ школъ: указомъ отъ 31 іюля сего года онъ предписалъ: установить ежегодные обязательные взносы со всѣхъ церквей и монастырей Имперіи на эти школы и каждый годъ производить тарелочный сборъ также во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ въ продолженіи святокъ: съ 25 декабря по 6 января. Церковныя школы имѣютъ свое начало въ глубокой древности. 900 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, нашъ равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель Руси, крестивъ кіевлянъ, повелѣлъ обучать дѣтей въ школахъ подъ руководствомъ священниковъ; въ древней Руси до Императора Петра Великаго, все школьное ученіе находилось подъ руководствомъ Церкви. Вотъ почему, вѣчно-блаженной памяти въ Бозѣ почившій Самодержавный Миротворецъ Императоръ Александръ III, въ Своихъ царственныхъ заботахъ о просвѣщеніи народа, воскресилъ замиравшую церковную школу, и по Его державному мановенію, въ теченіе послѣднихъ 26 лѣтъ, стали быстро возникать по лицу родной земли церковно-приходскія школы, и число ихъ теперь достигаетъ до 46000. И нынѣ благополучно царствующій Самодержецъ Всероссійскій, вѣрный завѣтамъ Своего Отца, Благочестивѣйшій Императоръ Николай Александровичъ много разъ высказывалъ Свое Царское благоволеніе къ церковно-приходскимъ школамъ. Кто же долженъ болѣе всѣхъ заботиться о сихъ школахъ, какъ не духовенство и тѣ православные русскіе люди, которые ближе всѣхъ

стоятъ къ духовенству—вы, церковные старосты? И мы, архіереи, съ благодарнымъ чувствомъ свидѣтельствуемъ, что церковные старосты почти вездѣ являются самыми усердными помощниками священникамъ въ ихъ заботахъ о церковныхъ школахъ. Спасибо имъ, добрымъ ктиторамъ святыхъ Божіихъ церквей, что они своимъ русскимъ сердцемъ понимаютъ, какъ эти школы дороги и полезны народу нашему, потому что ведутъ дѣтей народа подъ благодатную сѣнь храма Божія и воспитываютъ ихъ въ страхѣ Божіемъ. Къ глубокому прискорбію, находятся среди старостъ—правда, очень немногіе, такіе, которые не только не сочувствуютъ церковнымъ школамъ, но и возстаютъ противъ нихъ, говорятъ, что ихъ надо передать земству или министерству, указываютъ на то, что онѣ тягостны для церквей по расходамъ на нихъ. Забываютъ они, эти старосты, что они должны защищать все, что носитъ на себѣ имя Церкви, что принадлежитъ Церкви, забываютъ, что ихъ обязанность всѣми мѣрами помогать пастырямъ Церкви въ ихъ святыхъ заботахъ о просвѣщеніи народа, помогать и мнѣ, какъ архипастырю Церкви Вологодской, въ благоустроеніи церковныхъ школъ. Не хотятъ такіе старосты подумать, что, возставая противъ церковной школы, они возстаютъ противъ власти церковной, противъ меня, недостойнаго, но Богомъ поставленнаго ихъ архипастыря. Признаюсь: я этого не ожидалъ отъ старостъ церковныхъ въ нашей, всегда мирной, послушной своимъ архипастырямъ епархіи. Самъ я выросъ въ селѣ, съ дѣтства привыкъ уважать церковныхъ старостъ, какъ лучшихъ православныхъ людей въ приходѣ, какъ избранниковъ всего прихода, и всегда видѣлъ, съ какою любовію, съ какимъ сыновнимъ довѣріемъ относятся они не только къ распоряженіямъ церковной власти, но и къ распоряженію своего приходскаго священника. Мы живемъ, братіе, въ скорбныя для Церкви Божіей времена. Нынѣ не рѣдкость встрѣтить даже среди именующихъ себя православными людей, критикующихъ церковную власть, не желающихъ ей подчиняться. Скорбно все это видѣть. Не такъ заповѣдалъ намъ Хрістосъ Спаситель нашъ. Онъ сказалъ св. Апостоламъ: слушающій васъ, Меня слушаетъ, и отметающійся васъ, Меня отметается. Слова эти относятся и ко всѣмъ намъ, пастырямъ Церкви, яко преемникамъ апостольскаго служенія въ Церкви, облеченнымъ благодатію священства и архіерейства. И терпимъ мы, пастыри, всякія пониженія и непослушаніе отъ своихъ же словесныхъ овецъ. И вотъ что особенно скорбно. Хрістосъ сказалъ: овцы слушаютъ гласа своего пастыря, а наши овцы не рѣдко требуютъ, чтобы мы ихъ слушали. Терпимъ мы отъ неразумныхъ мірянъ такое непослушаніе, молимся, чтобы вразумилъ ихъ Господь; но вы-то, ктиторы храмовъ Божіихъ, вы — избранники приходовъ! Возможно ли допустить, чтобы среди васъ находились противники воли своего архипастыря? Если о мірской, гражданской власти, сказано: противляющійся власти, противится Божію повелѣнію, то судите сами: какъ же можно противиться власти Богомъ поставленныхъ пастырей и архипастырей? Повторяю: въ моей епархіи немного такихъ противниковъ среди церковныхъ старостъ, и я отечески призываю таковыхъ къ послушанію, я прошу

ихъ помогать мнѣ въ благоустроеніи церковныхъ школъ, я объявляю имъ, что С. Синодъ разрѣшилъ каждый годъ расходовать изъ церковныхъ суммъ на церковно-приходскія школы даже безъ всякаго разрѣшенія отъ архіерея до 50 рублей, а теперь призываетъ всѣхъ насъ и еще больше удѣлять на это святое дѣло народнаго просвѣщенія въ духѣ матери нашей св. Церкви православной. Я вынуждаюсь съ болью сердца объявить и то, что тѣ старосты, которые будутъ отказывать церковнымъ школамъ въ посильной помощи, которые будутъ вредить имъ, подговаривать прихожанъ къ передачѣ сихъ школъ въ вѣдѣніе земствъ или министерства, такіе старосты будутъ мною увольняемы отъ должностей, какъ ослушники воли Епископа, какъ нерадѣющіе о благѣ дѣтей своего прихода. Вѣдь, всякая копейка, всякая охабка дровъ, все то, что дастъ храмъ Божій на родную ему церковную школу, все это — Богу пріятная жертва на просвѣщеніе свѣтомъ Христовымъ дѣтей приходскихъ. Пусть отъ трудовой свѣчечки, которая горитъ въ храмѣ Божіемъ предъ ликомъ Божіимъ, загорится огонекъ и въ дѣтской душѣ, тотъ огонекъ свѣта Христова, который согрѣетъ душу ребенка познаніемъ заповѣдей Господнихъ. Знаю, что и храмы Божіи имѣютъ свои нужды, но, вѣдь, и священникъ, и архіерей, знаютъ эти нужды не хуже, чѣмъ старосты: они, конечно, разсудятъ, сколько какой храмъ можетъ дать на школу, не обременяя себя. Хорошее дѣло украшать храмы золочеными иконостасами, но еще лучшее дѣло украшать душу дѣтскую Христовымъ ученіемъ. Хорошее дѣло повѣсить большой колоколъ, но еще лучше и Богу пріятнѣе научить дѣтокъ хвалить Бога въ храмѣ святомъ своими нѣжными дѣтскими голосками. Не худо строить высокую колокольню, но несравненно лучше возвышать дѣтскія сердца къ Богу ученіемъ ихъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ церковнымъ. А всему этому учитъ наша церковная школа, всего этого требуйте отъ нея вы, церковные старосты, и вы будете въ правѣ этого требовать, если не будете скупиться удѣлять, конечно, съ согласія священника, нѣкоторыя лепты изъ церковныхъ суммъ на церковныя школы.

Братія! Я еще разъ повторяю: врагъ Церкви Божіей, врагъ Самого Христа незамѣтно подкрадывается къ намъ: берегите дѣтей прихода отъ его козней! Этотъ врагъ—тотъ, кто учитъ дѣтей, будто въ церковь Божію не зачѣмъ ходить, будто Царя не слѣдуетъ почитать, будто и Бога нѣтъ... Если, помилуй Боже, есть гдѣ такіе учителя или учительницы, то ни гроша не давайте на нихъ, пишите о нихъ мнѣ: я не потерплю такихъ учителей и учительницъ...

Милость Божія буди съ вами.

42.

Два русскихъ князя—защитники идолопоклонства.

Въ одномъ изъ моихъ дневниковъ я отмѣтилъ, какъ постепенно подмѣниваются наши понятія, какъ хочется кому-то подмѣнить все

наше православное міросозерцаніе, перевоспитать народную православную душу на новый ладъ... Для этой цѣли не жалѣютъ никакихъ средствъ, все пущено въ ходъ, особенно печать и школа. И дѣло идетъ быстрымъ темпомъ: даже старики, даже люди, когда-то отстаивавшіе наши завѣтные идеалы, какъ-будто подъ вліяніемъ какой-то духовной эпидеміи, постепенно заражаются новыми понятіями и притомъ хотятъ выдавать ихъ за завѣты Христа... Не хотѣлось бы думать, что это—подслуживанье кому-то изъ власть имущихъ; вѣдь, и самые благонамѣренные «власть имущіе» не безгрѣшны, могутъ ошибаться, а слѣдовательно, уже въ силу самой благонамѣренности своей и честнаго отношенія къ долгу своему, охотно признаютъ свои ошибки. Не нуждаются они въ льстецахъ, готовыхъ защищать ихъ ошибки: напротивъ, такихъ льстецовъ они гонятъ отъ себя прочь... Да тутъ, повторяю, даже и не лесть: тутъ просто признаки духовной заразы новыми понятіями, въ основѣ коихъ лежитъ толстовское непротивленіе, самый расплывчатый либерализмъ, коимъ хочется кому-то подмѣнить Христово ученіе о любви.

На эти мысли наводятъ меня многія явленія въ нашей журналистикѣ. Вотъ, напримѣръ, въ своемъ «Гражданинѣ» извѣстный когда-то патріотъ князь Мещерскій, отпѣчая «Колоколу», печатаетъ «Открытое письмо храброму борцу за православіе, спрятавшемуся подъ буквами П. К.». Князь не стыдится открыто стать на защиту постройки въ Петербургѣ идольскаго капища, причемъ слова «языческія капища» ставитъ въ знаки вносные и подчеркиваетъ, очевидно, находя такое названіе несоотвѣтствующимъ въ отношеніи буддійской молельни. Очевидно, также, что для него, какъ и для другого князя-редактора (Ухтомскаго), собиравшаго, какъ писали, пожертвованія на это капище, буддійская вѣра не есть языческая. У сихъ господъ, кажется, понятія о язычествѣ совершенно своеобразныя, и спорить съ ними безполезно. Для насъ же, православныхъ, языческіе идолы такая же скверна, какъ и древній оный Перунъ. Мы помнимъ сказанное въ словѣ Божіемъ, что—идоли языкъ—бѣсове суть. А гдѣ бѣсы, тамъ и мерзость, тамъ и великое оскорбленіе нашего православновѣрующаго сердца. Князья придутъ въ ужасъ, что я, православный архіерей, говорю это? Не взыщите, ваши сіятельства: въ сдѣлку съ совѣстью входить не умѣю и какъ учитъ меня святая Церковь, тако вѣрую и исповѣдую... Называйте меня какъ угодно—вѣрую, что вся православная Русь будетъ не на вашей, а на моей сторонѣ; ибо она еще не отреклась отъ ученія церковнаго. И ужъ, конечно, не вамъ учить Церковь Божію, и ваша брань не страшна намъ, вѣрнымъ ея чадамъ и служителямъ.

А крѣпко бранится князь Мещерскій. Онъ величаетъ всѣхъ насъ, православныхъ русскихъ людей, начиная съ высокопреосвященнаго томскаго Макарія, этого глубокочтимаго всею Русью святителя-миссіонера, меня и г. Трубникова, горячо протестовавшихъ противъ капища языческаго въ столицѣ, и кончая союзниками, величаетъ—«лицемѣрами-фанатиками», «узкомозглыми лжесынами Православной Церкви», «круглыми невѣждами», «донкихотами», даже «преступниками», обвиняетъ насъ «въ безумной, гнусной по притворству трусости» за нашу мать-Церковь, въ «бѣшеномъ фанатизмѣ», въ «жа-

ждѣ: избіенія людей и потоковъ крови во славу Церкви»; говоритъ, что мы «требуемъ небывалаго акта: насилія у Государя»... Онъ дерзаетъ обращать къ П. К., а слѣдовательно, и ко всѣмъ намъ, держащимся строго церковнаго воззрѣнія, грозныя слова Господа нашего Іисуса Христа, обращенныя Имъ нѣкогда къ книжникамъ и фарисеямъ: «горе вамъ, книжники и фарисеи лицемѣры, яко внѣуду являетесь человѣкомъ праведни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія!» И эти слова въ своемъ дневникѣ онъ повторяетъ трижды... Мы не будемъ отвѣчать ему бранью на брань, мы только напомнимъ ему, что Христосъ Спаситель былъ сердцевѣдецъ, а онъ, князь, еще не имѣетъ сего дара. Христосъ видѣлъ и читалъ въ сердцахъ книжниковъ и фарисеевъ ихъ лицемѣріе и беззаконіе, а князю еще не дано этого. Почему онъ думаетъ и на всю Россію кричитъ, что мы лицемѣримъ и фарисействуемъ, когда протестуемъ противъ осквернения идольскимъ капищемъ нашего царствующаго града, носящаго имя апостола Петра и стоящаго на мѣстахъ, нѣкогда освященныхъ стопами благовѣрнаго князя, святаго Александра Невскаго, коего и мощи здѣсь почиваютъ? Кто далъ ему право говорить о насъ, будто мы «полны беззаконія и лицемѣрія»? Вы были, князь, въ нашемъ болящемъ, измученномъ сердцѣ? Вы видѣли тамъ наши беззаконія? Стыдитесь, ваше сіятельство! Правда, и мы какъ и вы, не безъ грѣха, но не вамъ обличать насъ въ грѣхахъ нашихъ. Мы плачемъ отъ душевной боли за все то, что творится на несчастной Руси, а вы изволите говорить, будто мы лицемѣримъ, будто мы находимся «въ припадкѣ бѣшенаго фанатизма»... Вы даже клевещете на насъ, будто мы «требуемъ насилія и даже пролитія крови надъ группою буддистовъ и надъ строющеюся ихъ молельнею»—да, вѣдь это ужъ совершенная клевета, клевета непростительная въ устахъ—не іудея какого-нибудь, а благороднаго «потомка великаго Карамзина»; какъ вы часто любите себя величать! Вы даже не хотите насъ признать христіанами, вы такъ и говорите: «вы даже не христіане», и ссылаетесь на слова Христа Спасителя, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ религіи: «воздадите кесарева кесареви»... Будда—не кесарь и мы—не покоренные кесаремъ іудеи.

Что касается невѣжества, то позвольте, князь, вернуть это обвиненіе съ большимъ правомъ по вашему адресу. Вы изволите увѣрять насъ, что «буддисты не язычники, а чтущіе столѣтіями единаго Бога», а того и не подозрѣваете, что сіи буддисты никакого единаго личнаго Бога и не признаютъ. Вы увѣряете насъ, будто они «отъ своего Будды воспринимаютъ для жизни завѣты вѣры, нравственности и любви къ ближнему, совершенно одинаковые съ тѣми, какіе проповѣдуетъ Христова Церковь». Ахъ, князь, позвольте вамъ доложить, что просто стыдно за васъ: вы то и есть «круглый невѣжда», неумѣющій отличить божественнаго откровенія Христова отъ бредней индійскаго царевича, вы-то и не подозрѣваете, что чрезъ это становитесь рядомъ съ нѣкіимъ лжецомъ Нотовичемъ, измыслившимъ цѣлую книгу съ цѣлію доказать, что Христосъ Спаситель все позаимствовалъ у буддистовъ въ Своей молодости, но, вѣдь, это ужъ—простите—даже и не невѣжество, а хула на Духа Святаго... Вѣдь, если ученіе Будды «совершенно одинаково» съ ученіемъ Хри-

ста: что зачѣмъ и приходилъ на землю Христосъ? Зачѣмъ и умеръ, и воскресъ? Вѣдь, вотъ до чего можно договориться, князь,—до полнаго отреченія отъ Христа!.. Совѣтуемъ вамъ почитать о томъ, что такое буддизмъ, въ сочиненіяхъ покойнаго Никанора, архіепископа одесскаго, архіепископа Нила ярославскаго, архіепископа Веніамина иркутскаго, протопресвитера Аквилонова и профессора Ал. Ив. Введенскаго въ его докторской диссертаціи. Если же эти сочиненія покажутся вамъ слишкомъ тенденціозными, какъ писанныя служителями Церкви, то загляните хоть въ книгу И. А. Подгурскаго о буддизмѣ и проф. Рисъ Девиса... Очевидно, ничего вы изъ сей литературы не изволили читать, а судите о буддизмѣ съ видомъ знатока предмета и учите насъ, что ученіе Будды «одинаково» да еще «совершенно одинаково» съ ученіемъ Христа... Ахъ, князь! Какъ жаль васъ, какъ стыдно за ваше поистинѣ «круглое» невѣжество въ семъ дѣлѣ!..

Вы становитесь настоящимъ адвокатомъ буддистовъ: вы называете ихъ «безвредными и кроткими», вы ссылаетесь на ихъ якобы «уваженіе» къ православной Церкви, какъ на отличительную, будто бы, черту буддизма, вы увѣряете, что никакой опасности отъ пропаганды буддизма не можетъ быть. Но и мы не говоримъ о такой опасности: мы говоримъ лишь о соблазнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся въ средѣ нашей интеллигенціи и такіе, которые пойдутъ въ идольское капище, правда, изъ праздпаго любопытства, но если бонзы или тамъ какіе будутъ жрецы, предложатъ имъ, особенно дамамъ, кинуть на горящіе уголья горстку благоуханныхъ травъ, то не задумаются исполнить такой обрядъ: «чтожъ-де тутъ преступнаго? Надо уважать и чужую религію, хотя бы она была и заблужденіемъ»... А того не вспомнятъ сіи новые идолопоклонники, что во времена оны древнія именно вотъ этого приличія и требовали отъ христіанъ, но крѣпкіе духомъ святые мученики отдавали свои руки на сожженіе, а желанія язычниковъ не исполняли. Таковъ былъ св. Варлаамъ, котораго прославилъ въ своемъ словѣ св. Василій Великій за то, что тотъ не сбросилъ съ своей руки ѳиміамъ, когда язычники держали его руку надъ горящими углями, пока всѣ персты руки не отпали... А мы знаемъ примѣры изъ нашего времени, что такое «уваженіе» чужой вѣрѣ оказывалось нашими православными... Богъ имъ судія!

Но, повторяю: дѣло не въ опасности «пропаганды». Дѣло въ глубокомъ оскорбленіи религіознаго чувства православно-вѣрующихъ. Видѣть идоловъ въ родной столицѣ, идоловъ, коихъ отцы наши низвергали и влачили по землѣ, видѣть идольское капище, за разореніе каковыхъ Церковь прославляетъ многихъ святителей, видѣть всю эту мерзость на стогнахъ царственнаго града,—вотъ что обидно для насъ. Мы не препятствуемъ идолопоклонникамъ кланяться своимъ идоламъ въ ихъ жилищахъ, но публичное оказательство такой, по нашимъ убѣжденіямъ, нечестивой вѣры, такого служенія идоламъ или бѣсамъ — для насъ это одно и то же—видѣть капище, возвышающееся превыше нашихъ храмовъ православныхъ—вотъ что невыносимо для насъ! И ужели протестъ, простой протестъ противъ сей, повторяю, мерзости языческой, ужели заслуживаетъ того, чтобъ насъ обозвали «фарисеями, полными без-

законія и лицемѣрія»?.. Пожалѣйте, князь, русскихъ православныхъ людей! Ужели вамъ какіе-то идолопоклонники дороже насъ, милліоновъ православныхъ?

Вы обвиняете насъ, князь, въ «ненависти къ безвреднымъ и кроткимъ буддистамъ» и въ томъ, что мы «не предпринимаемъ подвиговъ отстаиванія православія въ народѣ проповѣдью».

Вы говорите: «ужели между вами, увѣряющими, что вы стоите за православіе, и истерически плачущими надъ буддійскою молельнею, не найдется даже одного, чтобы проповѣдывать любовь къ православной Церкви въ той народной средѣ, откуда уходятъ тысячи въ штунду и баптизмъ? На это вы нейдете: это—подвигъ, это—самопожертвованіе, это нарушаетъ комфортъ шталмейстеровъ Трубниковыхъ и Комп., а идете на то, что легко и ничего не требуетъ, кромѣ бѣшеной слюны — на донкихотизмъ...» Благодаримъ, князь, за наставленіе, хотя «бѣшеной слюнѣ» мѣсто бы въ жидовской газетѣ, а не въ дневникахъ вашего сіятельства. Но въ томъ-то и горе, что живете вы гдѣ-то на лунѣ и не видите, не знаете, какъ мы глубоко болѣемъ душою не только по поводу осквернепія царственнаго града капищемъ, но и о всемъ томъ, что творится въ нѣдрахъ самой Церкви, благодаря тому, что въ послѣдніе годы какъ будто кто-то отдалъ ее, мать нашу, на поруганіе и расхищеніе... Церковь Божія—вѣчное учрежденіе: она пребудетъ до скончанія вѣка, но измѣна ей—гибельна для измѣнниковъ, и ужели наши люди, мнящіеся быть государственниками, перестали быть хрістіанами, ужели ихъ хрістіанская совѣсть молчитъ, когда они требуютъ не полагать преградъ всякаго рода соблазнамъ, въ видѣ лжеученій, имже числа нѣстъ, вторгающимся въ нѣдра Церкви? Ужели они не отвѣтятъ Богу, когда видятъ, что мы, пастыри Церкви, изнемогаемъ въ борьбѣ съ сими соблазнами, что недостаточно «проповѣди», чтобъ оградить отъ нихъ народныя массы, ибо соблазнители пускаютъ въ дѣло и ложь, и обманъ, а нерѣдко и насиліе? Ужели не боятся они суда Божія и страшной отвѣтственности предъ исторіей? Ужели и вы, князь, не боитесь всего этого, приравнивая ученіе Хрістово къ ученію Будды и соблазняя своихъ читателей? Надо пожалѣть терзаемую Россію...

Не пророки мы, но мы крѣпко увѣрены, что съ той минуты, какъ народъ Русскій отречется отъ православной вѣры—онъ исторически перестанетъ существовать. Вотъ почему и тщатся всѣ враги наши отравлять нашъ народъ всякими лжеученіями, вотъ почему стремятся оскорблять наше религіозное чувство всякими поблажками врагамъ нашей святой вѣры... Ужели и вы туда же?..

Говорятъ, что таможенное вѣдомство, въ которомъ идутъ хлопоты о снятіи пошлинъ съ идоловъ, запросило министерство финансовъ: смотрѣть ли на идоловъ, какъ на товаръ, или же признать ихъ священными предметами (предметами религіознаго почитанія)? И оттуда пришелъ, якобы, отвѣтъ: министерство финансовъ считаетъ идоловъ простымъ товаромъ... А, впрочемъ-де, спросите мин. внутрен. дѣлъ... Любопытно, какъ отвѣтитъ на сей вопросъ послѣднее министерство. Ужели оно уступитъ, согласится принципіально признать сихъ идоловъ «святынею», съ которой брать пошлину есть кощунство?..

Впрочемъ, мы живемъ въ такое время, когда ничему не приходится удивляться. Вѣдь, можно подумать, что государство, въ лицѣ авторовъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ и ихъ единомышленниковъ, давно рѣшило, что для него всѣ вѣры равны, ибо всѣ онѣ—одно заблужденіе, пережитокъ давно минувшихъ дней, и нужны лишь для обузданія некультурныхъ массъ... Вѣдь, кто близко вчитывался въ разные вѣроисповѣдные законопроекты, тотъ не можетъ не замѣтить этого духа, вѣющаго во всѣхъ ихъ... Еще слава Богу, что и въ средѣ тѣхъ, кому Государь ввѣрилъ разсмотрѣніе сихъ законопроектовъ, есть люди вѣрующіе, есть люди, понимающіе всю гибельность ихъ для родной земли. Вотъ почему мы не теряемъ надежды, что сіи русскіе люди не допустятъ въ законахъ о вѣроисповѣданіяхъ такихъ оскорбленій православнаго религіознаго чувства, какимъ является постройка языческаго капища въ столицѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ православнаго храма. Если законъ воспрещаетъ строить театры близъ храмовъ, тѣмъ паче онъ долженъ воспретить постройку капищъ въ столицѣ православнаго русскаго царства.

Этотъ дневникъ былъ напечатанъ въ «Колоколѣ» 22 октября. А 24 октября два князя-редактора отвѣтили мнѣ, каждый въ своей газетѣ. Отвѣты очень характерные не только для ихъ авторовъ, но и для того общества, коего они являются представителями: настоящіе римляне временъ кесаря Августа или Тиверія! Не достаетъ развѣ только римскаго патріотизма, а пантеонъ уже имѣется...

Князь Мещерскій въ своемъ «Гражданинѣ» удѣлилъ мнѣ ровно 12 строкъ, изъ коихъ въ 6-ти поучаетъ меня «печись объ удовлетвореніи жгучихъ нуждъ вологодской епархіи и о врачеваніи многихъ ея ранъ и недуговъ, а не писать въ уличныхъ газетахъ (поздравляю почтенную редакцію «Колокола» съ новымъ чиномъ, пожалованнымъ ей княземъ Мещерскимъ!) и не давать мѣста въ сердцѣ, чтобъ ненавидѣть и ругаться», въ остальныхъ 6 строкахъ увѣряетъ читателей своего «Гражданина», — благо они не читаютъ «уличной газетки» «Колоколъ»,—будто мое обращеніе къ нему «преисполнено злостью, ненавистью и ругательствами, врядъ ли устамъ епископа приличествующими». Таковъ мнѣ княжескій отвѣтъ. На первое скажу: какъ ни трудно мнѣ управлять моей обширной епархіей, но моя же архіерейская совѣсть настойчиво требуетъ ограждать моихъ пасомыхъ, читающихъ изданіе князя — защитника капищъ идольскихъ, отъ соблазна а потому я долженъ находить и на это время. На вторую выходку слѣдовало бы почтительнѣйше просить его сіятельство перепечатать мою «отповѣдь» въ «Гражданинѣ», чтобы его читатели могли воочію видѣть: есть ли тамъ «злость, ненависть и ругательства, устамъ епископа неприличествующія»? Но вѣдь это безполезно: для князя выгоднѣе скрыть отъ своихъ читателей то, что я писалъ въ обличеніе ему, пусть-де они останутся въ увѣренности, что епископъ Никонъ носитъ «въ своемъ сердцѣ злость, ненависть и ругательства», что онъ «не уважаетъ свой санъ и его, князя, старость»... Мнѣ остается просить моихъ читателей еще разъ перечитать мою ему «отповѣдь» и помочь мнѣ найти въ ней «злость, ненависть и ругательства». Я думалъ, что имѣю дѣло съ мужемъ мудрымъ, а оказывается — нарушилъ правило

премудраго Соломона: Притч. 9; 8.

Другой князь, редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», удѣлястъ мнѣ 120 строкъ, на которыя позволю себѣ отвѣтить также открытымъ письмомъ.

Ваше Сіятельство, милостивый государь!

Вамъ угодно было причислить меня къ послѣдователямъ Торквемады за то, что я горячо протестую отъ лица милліоновъ православныхъ русскихъ людей противъ постройки въ царственномъ градѣ св. Петра идольскаго капища. Но вѣдь Торквемада проповѣдывалъ костры для инакомыслящихъ, а я еще не присуждалъ васъ на костеръ: за что же такой строгій судъ надо мною? Читая ваше открытое письмо, я сначала порадовался и хотѣлъ уже печатно просить у васъ извиненія въ томъ, что съ голоса многихъ газетъ обвинялъ васъ въ сборѣ пожертвованій на капище: оказывается, вы считаете роль такого сборщика «дикою и невѣроятной». Но то, въ чемъ вы изволите сознаваться, что вы приглашены, и, конечно, не отреклись быть членомъ комиссіи по постройкѣ идольскаго капища, съ нашей православной точки зрѣнія, еще болѣе дико, невѣроятно—грѣшно. Вѣдь, это съ вашей стороны вкладъ въ дѣло идолослуженія, жертва ужъ и не деньгами, а своимъ трудомъ, своими, Богомъ вамъ данными способностями и силами... Простите: какъ архіерей вопрошаю васъ: какой же вы—«вѣрный сынъ нашей матери-Церкви»? Мнѣ больно писать эти ереки, ибо не вы одни находите возможнымъ въ наше время совмѣщать служеніе Христу съ служеніемъ идолопоклонству!.. Нѣтъ, князь, лучше бы, если бы ваши руки не касались этого нечистаго дѣла!

Прошу извиненія, что я не назвалъ по имени того царевича, о коемъ упомянулъ въ своей статьѣ, полагая, что вамъ хорошо извѣстно это имя, какъ изучавшему буддизмъ. Я разумѣлъ Будду, а не угодника Божія царевича Іоасафа, который жилъ спустя тысячу лѣтъ послѣ Будды. Вѣроятно вамъ пришла на память извѣстная легенда изъ «отреченной», непринятой Церковію литературы, въ коей, дѣйствительно, представлена попытка передѣлать буддійскія бредни на хрістіанскій ладъ. Но вѣдь преподобный Іоасафъ ни малѣйшаго отношенія къ той легендѣ не имѣетъ. Знаю, что у нѣмцевъ существуетъ стремленіе всѣ житія святыхъ Божіихъ обращать въ легенды и сближать съ языческими миѳами, чтобы подорвать наше къ нимъ уваженіе, но, вѣдь, мы—православные хрістіане и понимаемъ, по какимъ побужденіямъ это дѣлается. Судите сами: вѣдь, если Будда и царевичъ Іоасафъ, угодникъ Божій, одно и то же лицо, то выходитъ, что наша Церковь празднуетъ память Будды 19 ноября... Да не будетъ такой хулы на Церковь, Хрістову невѣсту непорочную!

Вотъ, князь, что хотѣлось мнѣ сказать по поводу вашего открытаго ко мнѣ письма. Ужъ слишкомъ наболѣла на душѣ эта переоцѣнка цѣнностей; эта постепенная подмѣна нашего искони православнаго міросозерцанія разными суррогатами религіозныхъ и нравственныхъ понятій въ духѣ религіознаго безразличія! И грѣшно намъ, архипастырямъ, молчать въ такое время, относиться ко всему этому безразлично, равнодушно... Можетъ быть, по немощи нашей, иногда сорвется съ пера и горькое, слишкомъ горькое слово, но простите: въ нашей

совѣсти грозно звучитъ слово Свидѣтеля вѣрнаго и истиннаго, имѣющаго очи, какъ пламень огненный и въ устахъ Своихъ обоюду острый мечъ: «о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то и извергну тебя изъ устъ Моихъ!» (Апок. 3, 15, 16)...

Желаю вамъ милости Божіей, вашъ искренній доброхотъ

Ніконъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

25 октября 1910 г.

Примите, князь, мою благодарность за вашу деликатность: вы прислали мнѣ № своей газеты, гдѣ напечатали мнѣ отвѣтъ, чего, къ сожалѣнію, князь Мещерскій не счелъ нужнымъ сдѣлать...

43.

Горе отъ пьянства и—о тщеславіи.

Недавно я писалъ въ своемъ дневникѣ о великихъ скорбяхъ пастырскаго служенія въ наше грѣшное время, говорилъ о томъ, что нынѣ добрый пастырь есть истинный крестоносецъ, не потому только, что носитъ крестъ на персяхъ своихъ, но главнымъ образомъ потому, что, подобясь великому Крестоносцу всемірному, Господу Іисусу, сострадаетъ Ему скорбями своего служенія, сораспинается съ Нимъ на своемъ крестѣ, терпя поношеніе отъ враговъ Его Церкви святой. Не падайте духомъ, добрые пастыри! Мужайтесь! Съ вами Христосъ! Онъ не покинетъ вѣрныхъ Ему соработниковъ Своихъ, Онъ и силы подастъ, и духъ укрѣпитъ, и сердце въ скорбяхъ вашихъ утѣшитъ тою несказанною радостію, которой не вѣдаетъ міръ, которою радуются небожители, которой никто-никто не отниметъ у васъ!

Но что сказать тѣмъ пастырямъ, которые забываютъ свой долгъ, которые блазнятъ вѣрующихъ, своихъ же пасомыхъ, которые предаются тѣмъ же порокамъ, коими заражены ихъ пасомые? А немало и такихъ пастырей и какую же велпкую скорбь причиняютъ они своимъ архипастырямъ! Думаютъ ли они объ этомъ? Знаютъ ли?..

Освящалъ я недавно храмъ въ такой мѣстности, гдѣ пьяное буйство доходитъ до тѣхъ ужасныхъ проявленій—даже больше,—чѣмъ какія описаны въ книгѣ Родіонова: «Наше Преступленіе». У г. Родіонова пьяные парни мстятъ своему односельчанину за то, что онъ богаче ихъ живетъ, что не раздѣляетъ съ ними компаній, за то, что онъ лучше ихъ... А здѣсь убиваютъ людей ни за что, ни про что, такъ себѣ, изъ молодечества, изъ-за какого-то безумнаго рыцарства, изъ желанія показать, что «любуйтесь-де на меня: вотъ я каковъ—ничего не боюсь, на все-де готовъ!.. Отца родного не пожалѣю, коли встрѣтится!» И не жалѣютъ: побьется пьяный парень «о закладъ» съ буйными товарищами, что перваго встрѣчнаго убьетъ, и выходитъ съ финскимъ ножомъ, и если встрѣтитъ отца родного, то и его не щадитъ: «смотрите-де, я не трусъ!»... Бывали случаи.

Понятно, что въ такихъ мѣстностяхъ и пастырямъ нужно быть постоянно на стражѣ: рѣдкій праздн-

никъ проходитъ безъ убійствъ. Исправникъ говорилъ мнѣ, что за полгода въ этомъ краю, въ трехъ-четырехъ волостяхъ, было до 56 убійствъ! Въ томъ селѣ, гдѣ я служилъ на сей разъ, лѣтъ 30 назадъ убитъ былъ даже священникъ за то, что боролся съ пьянствомъ. И надо сказать правду: духовенство въ этихъ мѣстахъ старается быть на высотѣ своего положенія. Но къ сожалѣнію, не всѣ священники таковы. И вотъ эти-то исключенія и служатъ великимъ соблазномъ для народа.

Наканунѣ освященія храма я хотѣлъ посѣтить мѣстную больницу. Но мнѣ сказали, что тамъ больныхъ нѣтъ, а только раненые.—Какіе же раненые? спросилъ я. Отвѣчаютъ: недавно былъ праздникъ, была обычная здѣсь поножевщина и въ больницу привезли нѣсколько молодцовъ израненыхъ. Болью мнѣ стало и я рѣшилъ за всенощной сказать слово сильнаго обличенія этому дикому обычаю. Говорилъ я горячо, обращался къ совѣсти хрістіанской, грозилъ судомъ Божіимъ, стыдилъ, указывалъ на вредъ пьянства, на безчеловѣчіе буйнаго обычая, просилъ, умолялъ бороться съ этимъ зломъ всѣми мѣрами, совѣтовалъ образовать общество трезвости и виновнымъ грозилъ строгими эпитиміями. Женщины плакали, мужчины стояли повѣсивъ головы, а иные вздыхали. Видно было, что народъ сознаетъ свою вину. Я указывалъ имъ на благодать Божію, которая всегда готова на помощь грѣшникамъ, когда они каются, указывалъ средства укрѣпить свою слабую волю въ борьбѣ съ пьянствомъ и буйствомъ. Когда я кончилъ, послышались слова благодарности: «спасибо тебѣ, владыка, спасибо, родной!». Въ праздникъ, имѣя въ виду, что не всѣ были за всенощной, не всѣ меня слышали, я въ своемъ словѣ снова повторилъ главныя мысли вчерашней бесѣды, а потомъ просилъ почтеннаго волостнаго старшину посодѣйствовать духовенству въ борьбѣ со зломъ. Надо было дѣйствовать быстро, чтобы не прошло доброе впечатлѣніе моихъ увѣщаній. Народъ, слава Богу, еще чтитъ своихъ архипастырей, и наше слово, хотя оно и не всегда жжетъ сердце, ложится на душу простаго человѣка добрымъ сѣменемъ. И я имѣлъ утѣшеніе потомъ получить отъ одного изъ священниковъ извѣщеніе, что какъ дни освященія храма, такъ и слѣдующій за ними храмовой праздникъ не было прежнихъ буйствъ, не было ни одного убійства, а скоро затѣмъ узналъ, что и возникло и общество трезвости. Оставалось радоваться и благодарить Бога. Но видно и сатана не дремлетъ въ такихъ случаяхъ. И онъ причинилъ мнѣ тяжкую скорбь, какой я не ожидалъ. Прошелъ мѣсяцъ послѣ моего посѣщенія и я получаю отъ общества трезвости донось, что одинъ изъ священниковъ, давъ обѣтъ воздержанія, успѣлъ уже трижды нарушить его въ приходѣ и притомъ публично... Даже у постели больнаго, при напутствованіи его, не воздержался... Глубоко огорчило меня это извѣстіе: соблазнителя и нарушителя своего обѣта я тотчасъ же запретилъ въ священнослуженіи и назначилъ слѣдствіе, дабы дать примѣръ строгаго отношенія къ такимъ слабымъ іереямъ. А трезвенникамъ послалъ нижеслѣдующее архипастырское наставленіе:

«Членамъ Исидоровскаго общества трезвости — Божіе благословеніе!

«Порадовало меня доброе послушаніе ваше, когда я узналъ, что по моему совѣту, нимало не отлагая, вы открыли у себя въ приходѣ общество трезвости, давъ обѣтъ воздержанія, но глубоко огорченъ я былъ, когда изъ вашего сообщенія узналъ, что одинъ изъ васъ уже трижды нарушилъ этотъ обѣтъ, и кто же? пастырь, священникъ Бога Вышняго! Я запретилъ ему, яко соблазнителю, священнослуженіе, и онъ будетъ держать отвѣтъ за свое невоздержаніе яко священникъ предъ судомъ архіерейскимъ, но къ вамъ я долгомъ почитаю обратиться съ словомъ пастырскаго наставленія. Вѣрю, что любовь ваша приклонитъ сердце ваше къ слову моему.

Пишете вы, что теперь, послѣ нарушенія обѣта воздержанія самимъ священникомъ, каждый мужичекъ подсмѣивается надъ вами и называетъ общество ваше пустой затѣей. Вѣдайте, братія, что ваше доброе начинаніе ненавистно для врага рода человѣческаго—діавола: вотъ онъ, устами неразумныхъ людей, и издѣвается надъ вами. Очевидно, онъ злорадствуетъ надъ пастыремъ, нарушившимъ свои обѣтъ. Вы пишете: Богъ поругаемъ не бываетъ. Сей пастырь, говорите вы, не человѣкамъ солгалъ, но Богу. Правда. Но бойтесь строго судить его. Силенъ Господь падшаго возставовить, слабаго укрѣпить такъ, что онъ можетъ стать во главѣ многихъ борцовъ противъ пьянства, и не разъ побѣдить врага, вырывая у него изъ пасти несчастныхъ пьяницъ. Не порицаю васъ за то, что вы сообщили мнѣ о соблазнѣ, какой произошелъ отъ слабаго священника. Но предостерегаю васъ отъ грѣха осужденія ближняго. Не судите, глаголетъ Господь, да не судимы будете. Вы должны по-братски, по-родному вразумлять падающихъ; должны молиться за нихъ такою молитвою: «Господи! помоги несчастному (такому-то) побѣдить искусителя врага; Господи! Покрой всѣхъ насъ отъ сего искушенія. Вѣдаемъ, Господи, что діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, ища кого поглотить. Сегодня онъ искусилъ брата нашего, а завтра, можетъ быть, станетъ насъ искушать. Прогони его и отъ искушеннаго, и отъ насъ въ часъ искушенія!»—Молитесь и о тѣхъ неразумныхъ, которые смѣются надъ вами. Не осуждайте ихъ: и ихъ искушаетъ все тотъ же сатана. Знайте, братіе мои, что въ дѣлѣ борьбы съ искушеніями потребнѣе всего смиреніе. Не та трезвость Богу пріятна, которая хвалится, какъ фарисей: вотъ, я не такой, какъ тотъ пьяница, а та Богу пріятна, которая и въ пьяницѣ видитъ, правда, помраченный грѣхомъ, а все же образъ Божій, которая жалѣетъ пьяницъ и молится за нихъ, и всячески тщится вывести ихъ на путь трезвости. Только раскольники да сектанты хвалятся своею трезвостью, за то врагъ имъ и помогаетъ въ самой трезвости. Для него, вѣдь, гордость пріятнѣе пьянства. Пьяница можетъ вѣдь увидѣть свои немощи, покаяться, къ Богу обратиться, а гордаго только Богъ можетъ вразумить. Вотъ почему и предостерегаю васъ: не хвалитесь, не гордитесь своею трезвостью. Только смиреннымъ дается отъ Бога благодать. Вмѣсто того, каждый изъ васъ старайся словомъ любви увѣщавать пьющихъ—не пить и присоединиться къ вашему обществу трезвости. Господь увидитъ ваше тщаніе, вашу любовь и поможетъ вамъ въ этомъ. Помните только, что всякое доброе дѣло трудомъ,

терпѣніемъ да молитвою совершается. И силенъ Богъ обратить сердце къ вамъ даже тѣхъ, которые нынѣ смѣются надъ вами.

Да поможетъ вамъ Господь Богъ Своею благодатію не ослабѣвать въ начатомъ добромъ дѣлѣ, да укрѣпитъ васъ въ борьбѣ съ величайшимъ зломъ, которое губитъ Русскую землю, которое ведетъ васъ къ нищетѣ, которое губитъ здоровье ваше и прежде времени сводитъ многихъ въ могилу. Вѣдайте: не столько умираетъ на Руси людей отъ холеры и другихъ повальныхъ болѣзней, сколько отъ водки.

Милость Божія буди съ вами!

Вашъ смиренный архипастырь
Ніконъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

1910. Окт. 5 дня.
Епархіальный градъ Вологда.

Это наставленіе будетъ роздано всѣмъ членамъ общества трезвости, подписавшимъ упомянутое сообщеніе.

Намъ, пастырямъ Церкви, особенно благопотребно нынѣ предостерегать пасомыхъ отъ сектантскаго отношенія къ добродѣтели—отъ того фарисейскаго духа, коимъ пропитана вся такъ называемая «хрістіанская» дѣятельность сектантовъ. Къ сожалѣнію, не говорю уже о простомъ народѣ—даже многіе изъ интеллигенціи не знаютъ, что есть добродѣтель ложная, которая растетъ на почвѣ, удобренной тщеславіемъ. Такой добродѣтели охотно помогаетъ самъ сатана. Святые отцы говорятъ: довольно орлу запутаться однимъ ноготкомъ въ сѣтяхъ ловца, какъ онъ уже во власти ловца. Такъ и діаволу достаточно заразить человѣка тщеславіемъ, чтобы погубить его. Тогда, вѣдь, всякое добро, какое будетъ онъ дѣлать, будетъ только питать его тщеславіе: изъ тщеславія онъ будетъ молиться, поститься, трезвиться, подавать милостыню, носить вериги, творить поклоны, даже терпѣть всякія скорби. Тщеславіе у него выражается въ презрѣніи къ ближнему. Покойный старецъ мой, о. архимандритъ Леонидъ, разсказывалъ, что, путешествуя по Аѳону, онъ въ одномъ монастырѣ нашелъ монаха, который удивительно терпѣливо переносилъ всякія оскорбленія отъ братіи. Отозвавъ его въ сторону, о. Леонидъ просилъ его: скажи, ради Бога, какъ ты переносишь все это? чѣмъ укрѣпляешь себя въ своемъ помыслѣ?—Тотъ отвѣчалъ: «да стоитъ ли обращать вниманіе на ихъ оскорбленія? Вѣдь, это не люди, а собаки...» Точно такой же случай разсказывается въ «Лѣствицѣ». Съ чувствомъ какого-то страха отошелъ я, говорилъ старецъ, отъ этого монаха: да избавитъ Господь всѣхъ насъ отъ такого поистинѣ «бѣсовскаго терпѣнія»! Въ другой греческой обители онъ встрѣтилъ такого же терпѣливца болгарина и тоже спросилъ его сказать, ради пользы души: какъ онъ терпитъ? И получилъ въ отвѣтъ: «якъ мулъ»!—Что это значитъ?—«То, брате, что я не стою называться по грѣхамъ моимъ человѣкомъ: вотъ я и терплю все, какъ мулъ: что на меня положатъ, то и несу».—Воистину, ты обрѣлъ спасеніе, сказалъ ему старецъ.

Вотъ два противоположныя настроенія при одной и той же добродѣтели: въ одномъ она приносится въ жертву тщеславію, въ другомъ и зиждется на смиреніи и приноситъ плодъ смиренія. Эту тайну духовной жизни слѣдуетъ какъ можно чаще раскрывать православнымъ хрістіанамъ всѣхъ званій и состояній. Кто ее знаетъ, тотъ не соблазнится ни трезвостью, ни

честностью сектантовъ; тотъ только пожалѣетъ сихъ заблудшихъ, мнящихъ свое спасеніе устроить внѣ спасительнаго ковчега Церкви Хрістовой. Онъ пойметъ и то, почему такъ легко, безъ всякой борьбы, дается и трезвость, и другія мнимыя добродѣтели отщепенцамъ Церкви. Всякаго рода скорби, гоненія, или же борьба внутренняго нашего человѣка, словомъ, все то, что называется крестомъ, есть признакъ истиннаго пути ко спасенію. Аще кто хощетъ итти по Мнѣ, глаголетъ Господь, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и да послѣдуетъ Мнѣ. Правда, для великихъ святыхъ Божіихъ, послѣ очищенія ихъ сердца подвигами и благодатію Господней, ихъ крестъ обращается не только въ лѣствицу; но и въ крылья, несущія ихъ на небо; но, вѣдь, то—святые Божіи, а мы—грѣшники: довлѣемъ намъ съ благодареніемъ Господу, насъ ради распятому, нести своя кресты и съ любовію лобызать руку Хрістову, не только возлагающую на насъ эти кресты, но и помогающую намъ нести ихъ...

44.

О разсужденіи.

Святые отцы-подвижники выше всего въ духовной жизни ставятъ «разсужденіе». Что такое разсужденіе? Это—особый даръ Божій, дающій исполнителю заповѣдей Божіихъ способность познавать: какъ лучше и душеспасительнѣе дѣломъ совершить ту или другую добродѣтель, совершить дѣло доброе возможно согласнѣе съ волею Божіей. Сей даръ дается Богомъ послѣ великихъ подвиговъ въ духовной жизни, а пока человѣкъ не удостоится получить его, онъ долженъ отсѣкать свою волю, даже свое смышленіе во имя послушанія волѣ Божіей, предъ старцемъ или предъ тѣмъ, къ кому онъ находится въ отношеніяхъ духовнаго подчиненія, причемъ оба они руководятся опытомъ святыхъ людей, имѣвшихъ несомнѣнно даръ разсужденія. Вотъ почему св. отцы и говорятъ, что послушаніе есть матерь смиренія и разсужденія.

Знаютъ ли міряне-хрістіане эту мудрость духовную? Не въ первыя ли многіе изъ нихъ сейчасъ читаютъ о ней? А между тѣмъ—для православныхъ это должно бы быть азбучкой ихъ духовной жизнедѣятельности. Безъ разсужденія—все равно: будетъ ли сіе разсужденіе смиреннымъ послушаніемъ опыту святоотеческому, или уже плодъ опыта собственнаго, а, слѣдовательно, — Божій даръ, плодъ смиренія, — безъ разсужденія, говорю, ни одна добродѣтель не имѣетъ настоящей цѣны въ очахъ Божіихъ. Будетъ ли то молитва, или постъ, или милостыня—безъ разсужденія все это можетъ обратиться даже во вредъ дѣлателю сихъ добродѣтелей, ибо подо все это, безъ разсужденія, можетъ быть незамѣтно подложено, какъ почва, какъ тайное побужденіе, напримѣръ, тщеславіе или иная какая-либо другая страсть, и тогда вся цѣнность добродѣланія будетъ похищена врагомъ нашего спасенія. Вѣдь, сказано въ Писаніи и о молитвѣ: молитва его обратится

въ грѣхъ, а о постѣ и бдѣніи сказалъ нѣкогда бѣсъ одному подвижнику: «ты постишься, а я никогда не ѣмъ, ты бодрствуешь, а я никогда не сплю». Безъ разсужденія самая любовь, сей верхъ нравственнаго совершенства, можетъ обратиться или въ буддійское непротивленіе злу, или же въ туманный, расплывчатый, безпочвенный, холодный гуманизмъ... Самое смиреніе, сей воздухъ, коимъ дышатъ добродѣтели, можетъ выродиться въ смиреннолукавство. Такъ высоко цѣнится даръ разсужденія, какъ основа хрістіанской дѣятельности. Вотъ почему добродѣтель послушанія, какъ одно изъ главныхъ средствъ къ пріобрѣтенію разсужденія, такъ высоко цѣнится въ духовной жизни святыми отцами и учителями Церкви.

Будучи по своей природѣ даромъ благодати Божіей, стяжаваемымъ однакоже личнымъ подвигомъ человѣка, разсужденіе дѣлаетъ человѣка, обладающаго имъ, причастникомъ общецерковной жизни. Церковь есть единый живой организмъ, имѣющій своею главою Самого Господа нашего Іисуса Христа и объединяющій въ себѣ всѣхъ во Христѣ спасаемыхъ отъ первозданнаго Адама до послѣдняго его потомка, имѣющаго воспріять святое крещеніе предъ пришествіемъ Господа на судъ всемірный—словомъ, все спасаемое во Христѣ человѣчество. Глава Церкви—Христосъ благодатію Духа Святаго руководитъ духовною жизнію вѣрующихъ въ Него, а вѣрующіе, личнымъ подвигомъ накопляя духовные опыты благодатной жизни, дѣлятся ими съ своими собратіями во Христѣ и, такимъ образомъ, не только единымъ сердцемъ и едиными усты, но и единомысліемъ дѣлъ въ жизни во Христѣ исповѣдуютъ Его яко Главу свою и прославляютъ всемощную спасающую силу Его. Да иначе и быть не можетъ въ Церкви Христовой. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ добраго, исполняя святую волю нашего Господа, дѣлаемъ не мы: Онъ въ насъ и чрезъ насъ исполняетъ Свои же заповѣди. Вѣдь это—Его слово: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. Такимъ образомъ, жизнедѣятельность Церкви, каждаго отдѣльнаго ея члена и всѣхъ вмѣстѣ, въ сущности есть жизнедѣятельность Главы Церкви—Самого Господа Іисуса Христа. Изъ сего видно, какъ для каждаго члена Церкви должно быть обязательно сообразовать всю свою личную жизнедѣятельность съ волею Главы Церкви—Христа и съ жизнедѣятельностію всей Церкви—Его тѣла. Только то добро спасительно, которое вполнѣ согласовано съ сею Божественною волею, о которомъ и совѣсть наша свидѣтельствуетъ, что оно не нами, не нашими личными силами, а благодатію Христовою содѣлано. Такое добро дѣлаетъ насъ самихъ живыми членами единаго тѣла Христова—Его св. Церкви, нашей матери, органами Христа въ Его жизнедѣятельности на землѣ. И въ этомъ—наше счастіе, въ этомъ залогъ и начатокъ нашего вѣчнаго блаженства еще здѣсь на землѣ. И кто живо сознаетъ это, кто живо въ самомъ себѣ ощущаетъ эту жизнедѣятельность Христа, кто чувствуетъ свое полное безсиліе на добродѣланіе безъ Его благодатной помощи, тотъ всегда съ глубокимъ смиреніемъ будетъ благоговѣйно исповѣдывать силу Христову и все будетъ приписывать Ему единому, яко дѣйствующему вся во всѣхъ членахъ тѣла Его—Церкви. *Живу не ктому азъ*, восклицалъ нѣкогда въ благодатномъ восторгѣ великій

Апостолъ Христовъ, *но живетъ во мнѣ Христосъ. Вся могу о укрѣпляющемъ мя Господѣ Іисусѣ!* Отсюда—глубокое, для міра сего непостижимое смиреніе святыхъ Божіихъ и всѣхъ вообще подвижниковъ благочестія. Въ чувствѣ сердца всѣ они ничего не видятъ въ себѣ истинно-добраго, что принадлежало бы *лично* имъ: «наше—это грѣхи, а если что и дѣлаемъ добраго, то—уже не наше, а Божіе. Вѣдь сказано: *аще вся повелѣнная вамъ сотворите, глаголите, яко рабы неключими есмы: еже должни бѣхомъ сотворити—сотворихомъ*». Для таковыхъ становится уже безопасенъ и даръ чудотворенія съ даромъ пророчества или прозорливости: чувствуя и сознавая себя орудіями, органами жизнедѣятельности Самого Христа, они не смѣютъ и помыслить что-либо о себѣ высокое, напротивъ, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ все относятъ ко Христу и за все прославляютъ Его всемощную благодать. Мы, православные русскіе люди, имѣли великое счастіе видѣть своими очами высокое воплощеніе такого идеала смиренія и вслѣдствіе смиренія—чудодѣйствующей благодати Божіей въ лицѣ досточтимаго и присноблаженнаго старца Божія о. Іоанна Кронштадтскаго. Всѣмъ, кто имѣлъ счастіе знать его, памятно, какъ онъ—такъ сказать, пугался всякой похвалы людской, съ какимъ негодованіемъ, или лучше сказать—святою ревностію о славѣ Божіей отвергалъ онъ всякую благодарность людскую, когда по его святымъ молитвамъ Господь совершалъ исцѣленіе недугующихъ или проявлялъ иную какую-либо милость Свою... «Бога благодарите, а не меня грѣшнаго: я—ничто; по вѣрѣ вашей Богъ услышалъ нашу молитву!»... Вотъ что неизмѣнно говорилъ онъ, когда его слезно благодарили за его молитвы. Читайте его дневники и вы поразитесь его глубокимъ смиренномудріемъ, его всецѣлою преданностію Христу. Вотъ почему онъ и дневники сіи дерзнулъ назвать своею «*Жизнію во Христѣ*». Это была воистину жизнь во Христѣ, потому что была жизнью въ Церкви Христовой, потому что самъ онъ сознавалъ себя живымъ членомъ этой Церкви, училъ всѣхъ и исповѣдывалъ, что только чрезъ Церковь возможно соединиться со Христомъ, что кто внѣ Церкви, тотъ чуждъ и Христа. Живя въ Церкви, а чрезъ Церковь и во Христѣ, онъ обладалъ и высшимъ даромъ «*разсужденія духовомъ*», какъ этотъ даръ называетъ св. Апостолъ Павелъ. Но онъ же и свидѣтельствуетъ, что всѣ дары Божіи стяжаваются усерднымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ во смиреніи и послушаніи Церкви, въ духѣ ученія слова Божія и отеческихъ писаній, а также, само собою разумѣется, и смиреннымъ воспріятіемъ благодати Божіей въ таинствахъ Церкви. Въ сихъ таинствахъ Господь простираетъ Свою спасающую десницу къ людямъ, а въ исполненіи заповѣдей Божіихъ люди простираютъ свою руку навстрѣчу десницѣ Божіей, укрѣпляющей ихъ руку. Такъ наша жизнедѣятельность объединяется съ жизнедѣятельностью Божіей въ насъ и чрезъ насъ, и такимъ образомъ совершается наше спасеніе во Христѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ для всѣхъ насъ, вѣрныхъ чадъ Церкви, важно быть въ единеніи духа съ Церковію вѣковъ минувшихъ, на небесахъ уже торжествующей въ единеніи не только ученія вѣры, но и самыхъ принциповъ нашей хри-

стіанской жизни. А исканіе этого единенія есть то, что мы называемъ «разсужденіемъ». Со стороны Главы Церкви это есть—Его даръ, а со стороны нашей—всецѣлое стремленіе во всемъ и всегда согласовать волю свою съ волею Его, внимая ученію Церкви и ея благодатныхъ, духовнымъ опытомъ богатыхъ пастырей и учителей духовной жизни. Господь не оставляетъ свою Церковь и въ наше скудное вѣрою и духовною жизнію время безъ живыхъ руководителей въ духовной жизни. Гдѣ они? Кто они?—*Ищите и обрящете*, глаголетъ Господь: *толцыте и отверзется вамъ*. Молитесь, просите и дастся вамъ. Такъ молился св. Царь и пророкъ Давидъ: *научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой* (Пс. 142, 10). *Наставы мя на истину Твою, скажи ми, Господи, путь, въ оньже пойду, яко къ Тебѣ* отъ всякаго житейскаго попеченія и пристрастія *взяхъ душу мою* (Пс. 24, 5). Должно только помнить, что, по слову св. Іоанна Лѣствичника, тому, кто хочетъ познать волю Божію, прежде всего слѣдуетъ умертвить въ себѣ всякое собственное желаніе, отречься отъ всякаго своего смышленія и только тогда вопрошать старцевъ или пастырей Церкви о томъ, въ чемъ имѣетъ онъ нужду. При этомъ онъ обязанъ принимать отъ нихъ совѣты, яко отъ устъ Самого Бога, хотя бы то и казалось противорѣчащимъ его желаніямъ и намѣреніямъ, и хотя бы тотъ, кого онъ вопрошаетъ, самъ и не былъ строгимъ подвижникомъ. «Нѣсть бо неправеденъ Богъ, говоритъ великій учитель духовной жизни св. Іоаннъ Лѣствичникъ, и не попуститъ, чтобы души, совѣту и суду ближняго съ вѣрою и незлобіемъ (въ простотѣ сердца) покоршіяся, были обмануты, и хотя вопрошаемые были и неразумны (недостаточно опытны), однако, есть въ нихъ Духъ Божій безтѣлесный и невидимый». На семъ основывается, такъ называемое, старчество. Не для иноковъ только, но и для всѣхъ, внимающихъ дѣлу своего спасенія, оно необходимо. Сами старцы всячески отсѣкаютъ свою волю и предъ духовными своими друзьями, и предъ лицемъ Божіимъ, молясь слезно, да скажетъ имъ Господь волю Свою, да подастъ имъ слово благопотребное ко спасенію вопрошающихъ. И какъ бы ни было иногда горько это слово, они говорятъ его небоязненно, не взирая на лица, единственно внимая голосу своей совѣсти. И вѣрующіе міряне съ любовію внимаютъ слову ихъ и иногда издалека идутъ къ нимъ или же ведутъ съ ними постоянную переписку. Извѣстно, сколько томовъ писемъ уже издано разными лицами и особенно Оптиной пустынью, писемъ, заключающихъ въ себѣ сокровища духовныхъ совѣтовъ, преподанныхъ старцами по разнымъ случаямъ духовной жизни. И строго слѣдятъ старцы Божіи, чтобы ихъ отвѣты, ихъ письма соотвѣтствовали ученію св. Отцовъ-подвижниковъ паипаче же слову Божію. Если ихъ совѣсть колеблется, то они не даютъ никакого отвѣта, дабы не погрѣшить предъ Богомъ и не подать вреднаго совѣта. И по мѣрѣ ихъ отреченія отъ своей воли и смышленія, Господь даетъ имъ даръ разсужденія на пользу ищущихъ ихъ «окормленія». И нерѣдко вся судьба мудраго и ученаго человѣка рѣшается словомъ простеца-старца, Богомъ умудреннаго. И въ этомъ порядкѣ водительства Божія совершается та тайна, о коей нѣкогда

изрекъ Господь въ молитвѣ Отцу Своему Небесному: *благодарю Тя, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* — младенчествующимъ въ простотѣ вѣрующаго сердца.

Наше время тѣмъ и опасно, что самое нужное для хрістіанина и забывается. Толкуютъ и спорятъ о самыхъ превыспреннихъ предметахъ, а духовной азбучки и не вспомнятъ. Оттого и происходитъ та безплодность даже въ добрыхъ начинаніяхъ, какая иногда приводитъ насъ въ недоумѣніе: отчего это?—отъ недостатка духовнаго разсужденія, отъ излишней самонадѣянности, отъ самочинія. Разсказывалъ мнѣ покойный о. архимандритъ Леонидъ объ одномъ аѳонскомъ молодомъ инокѣ, который возмечталъ быть мученикомъ за Хріста. Обратился онъ за совѣтомъ къ своему старцу.—«Доброе дѣло, чадо, отвѣтилъ ему авва: но нельзя на это самочинно вызываться—это ужъ дѣло гордости духовной. Господь училъ: *аще гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій*».—Но юный инокъ не убѣждался симъ совѣтомъ аввы: «сердце мое горитъ любовію ко Господу, хочу умереть за Него. Благослови, отче: я пойду къ туркамъ, прокляну ихъ Магомета и исповѣдаю Хріста». Тогда мудрый старецъ говоритъ ему: «нужно, чадо, прежде себя испытать: вынесешь ли страданія? Лучше сдѣлать опытъ». — Готовъ, говоритъ ученикъ, на все.—«Вотъ тебѣ заповѣдь: если укуситъ тебя блоха или клопъ—не смѣй чесаться».—Ученикъ принялъ заповѣдь, но не прошло двухъ-трехъ дней, какъ прибѣжалъ къ старцу съ жалобой на самого себя: «не могу, отче, вынести искушенія, сними съ меня заповѣдь!» Тогда старецъ сказалъ ему: «видишь, какъ ты немощенъ: гдѣ же тебѣ вынести муки за Хріста? Видишь, что твое неразумное желаніе мукъ сихъ есть искушеніе отъ врага». И смирился инокъ, и просилъ у старца прощенія. Такого рода искушеніе, влекущее на подвигъ выше мѣры, называется поруганіемъ отъ врага и происходитъ отъ гордости. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: «часто у враговъ нашихъ сей бываетъ умыселъ, да намъ представятъ къ дѣланію то, что силы наши превосходитъ, чтобы мы чрезъ то, презрѣвъ и потерявъ и возможное, подвергнули себя величайшему у нихъ посмѣянію». «Видѣлъ я, говоритъ онъ, нѣкоторыхъ и слабосильныхъ людей, которые, по причинѣ множества грѣхопаденій своихъ, принимались за подвиги, силу ихъ превышающіе, но поелику понести ихъ не могли, то я имъ сказалъ, что покаяніе у Бога судится по количеству не трудовъ, а смиренія».

Когда нѣтъ духовнаго разсужденія, то всякое добродѣланіе подвергается опасности быть безплоднымъ для нашего спасенія. Или человѣкъ берется за подвигъ выше мѣры своихъ духовныхъ силъ; или берется за дѣло, которое не нужно и не дѣлаетъ того, что нужнѣе и полезнѣе; или дѣлаетъ нужное не такъ, какъ бы подобало; или вовсе не замѣчаетъ, какъ подъ его доброе дѣло подкрадывается врагъ и окрадываетъ его тщеславіемъ, корыстолюбіемъ, самомнѣніемъ... И сколько такимъ образомъ тратится силъ и средствъ людьми добрыми если не напрасно, то съ потерею духовнаго плода въ жизнь вѣчную! А иногда отъ мнимыхъ добрыхъ дѣлъ, даже отъ такихъ, какъ постъ и молитва, получается великій вредъ для души,

и все это отъ недостатка духовнаго разсужденія, отъ самонадѣянности, отъ нежеланія смиренно провѣрить себя: разумно ли, по духу ли Христова ученія подвизается онъ? Видалъ я прельщенныхъ, посившихъ тяжелыя вериги, изнурявшихъ себя постомъ, полагавшихъ не одну тысячу поклоновъ въ сутки, читавшихъ грѣшные помыслы въ чужой душѣ и обличавшихъ ихъ и, наконецъ,—на воздухъ поднимавшихся во время молитвы... И—увы! Всѣ таковые находились въ прелести бѣсовской, въ самомъ погибельномъ состояніи, всѣ они были заражены духовною гордостью и находились во власти сатаны, всѣ забывали, что въ очахъ Божіихъ смиренный грѣшникъ, окаевающій свои грѣхи, неизмѣримо выше всякаго гордаго праведника, любующагося на свои добродѣтели. Еще не потеряна надежда на спасеніе того, кто искренно заблуждается, кто самочинничаетъ въ духовной жизни по невѣдѣнію: Господь вразумитъ его и изведетъ на путь смиренія. имиже Самъ вѣсть путями; но горе тому, кто знаетъ этотъ Христовъ путь, но не хочетъ вступить на него; за то, что онъ въ гордынѣ своей какъ бы презираетъ голосъ матери Церкви, за то, что онъ въ самомнѣніи своемъ самъ отдѣляетъ себя отъ жизни Церкви, которая дышетъ смиреніемъ, благодать Божія оставляетъ его и предоставляетъ его своей гибельной участи, по реченному: *накажетъ тя отступленіе твое*... Внѣ Церкви Христовой—нѣтъ благодати, нѣтъ и спасенія! Мы знаемъ, вѣдь, что и магометанскіе факиры, и индусскіе іоги совершаютъ такіе подвиги, коимъ нельзя не изумляться: и постятся по нѣсколько недѣль, и истязуютъ свое тѣло всякими способами, но все это совершается внѣ благодати, скажу больше: всѣ они, находясь въ отчужденіи отъ благодати, живущей только въ Церкви Божіей, находятся подъ вліяніемъ врага рода человѣческаго, который не только помогаетъ имъ въ ихъ лжеподвигахъ, но и другихъ чрезъ то влечетъ къ погибели... Но не столько виновны будутъ на страшномъ судѣ Божіемъ всѣ сіи, внѣ Церкви и въ прелести находящіеся, сколько христіане, знающіе путь Христовъ и идущіе путемъ гордыни сатанинской.

Что я сказалъ сейчасъ о подвигахъ духовныхъ, то примѣнимо и къ подвигамъ всякаго добродѣланія. Путь смиренія одинъ и тотъ же: и для монаха, и для мірянина. Будетъ ли то подвигъ молитвы и поста, или же подвигъ милостыни, храмоздательства, или же всякаго служенія ближнему — все будетъ цѣнно въ очахъ Божіихъ только тогда, когда будетъ совершаться въ смиреніи, въ отсѣченіи своего смышленія, при провѣркѣ своего добродѣланія церковнымъ о немъ ученіемъ, дабы дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ члену Церкви—въ единеніи съ Церковію и Самимъ ея главою—Господомъ Іисусомъ Христомъ. Въ этой провѣркѣ себя, въ этомъ исканіи единенія, какъ я выше уже сказалъ, и заключается добродѣтель «разсужденія», которая должна руководить всякимъ начинаніемъ нашимъ, всякимъ нашимъ добродѣланіемъ.

Скажи же намъ, Господи, путь, въ оньже пойдемъ и научи насъ непогрѣшительно творити волю Твою!..

45—50.

Смерть графа Л. Н. Толстого.

I.

Размышляя о судьбахъ Церкви Божіей, сущей въ поднебесной, невольно въ благоговѣйномъ помыслѣ останавливаешься надъ великимъ обѣтованіемъ ея Божественной Главы—Господа Іисуса, что врата адовы не одолѣютъ ея даже до скончанія вѣка. И только это Божественное обѣтованіе сильно поддержать по временамъ готовую погаснуть надежду на побѣду добра надъ зломъ, Христа надъ веліаромъ, тайнаго домостроительства спасенія нашего надъ тайной беззаконія сатаны. Взглянешь на исторію Церкви, видишь, какъ иногда казалось, что вотъ-вотъ еще одно—послѣднее усиліе князя тьмы и Церковь будетъ побѣждена, но сила Божія въ немощи совершается и Церковь является побѣдительницей и, увѣнчанная побѣдою, озаряетъ міръ тихими лучами славы небесной. Только, говорю, сіи вѣчные уроки исторіи да крѣпкая вѣра въ силу Всесильнаго, которую, по выраженію Митрополита Филарета, силится осилить сила безсильнаго, ободряютъ духъ и не допускаютъ вѣрующій помыслъ до отчаянія.

Одну изъ такихъ исторически-критическихъ эпохъ переживаемъ мы, вѣрныя чада Церкви, въ наши лукавые дни. Сатана ополчился на Церковь Божію такъ, какъ никогда. Были времена открытыхъ гоненій, но тогда вѣрующіе знали, *кто* ихъ врагъ; были времена ересей всяческихъ, но и тогда Церковь открыто предупреждала чадъ своихъ о томъ, кто ересеначальникъ, кого слѣдуетъ остерегаться, и, отсѣкая еретиковъ отъ общенія съ собою, тѣмъ самымъ пресѣкала соблазнъ въ нѣдрахъ Церкви самой. Нынѣ слишкомъ рѣдко слышится голосъ ея, грозно поражающій отступниковъ и соблазнителей, и сіи отступники все еще числятся по паспортамъ православными, хотя многіе изъ нихъ давно перестали быть даже и хрістіанами. Такъ называемое «интеллигентное» общество, всѣ эти поучившіеся гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, да немного почитавшіе изъ газетъ о «послѣднихъ словахъ науки», возмнили о себѣ, будто они уже все знаютъ и не нуждаются въ руководствѣ Церкви въ дѣлахъ вѣры, а сатанѣ только это и нужно, чтобъ уловить ихъ въ свои сѣти, въ сѣти лжи и всяческихъ лжеученій. И вотъ на нашихъ глазахъ совершается великое отступленіе отъ вѣры, можетъ быть, то, о коемъ пророчествовалъ великій Апостолъ языковъ Павелъ въ своемъ 2 посланіи къ Солунянамъ. Говорятъ, мы живемъ въ хрістіанскомъ государствѣ, но такъ ли? Правда ли? Вѣдь, кругомъ насъ открытое, хотя и тонкое (пока) язычество... Церковь-мать обходятъ молчаніемъ—и это въ лучшемъ случаѣ, а не то—требуютъ отъ нея поклоненія своимъ идоламъ. Не учиться у Церкви хотятъ они, а учить самую Церковь. Формальнаго разрыва съ Церковію пока нѣтъ, потому, можетъ быть, что это—пока имъ невыгодно: вѣрующихъ простецовъ можно, вѣдь, от-

пугнуть отъ себя такимъ открытымъ разрывомъ съ Церковью. Вотъ и молчатъ, но это молчаніе нерѣдко краснорѣчивѣе всякихъ рѣчей: въ немъ чувствуется не просто холодное невниманіе къ голосу Церкви, а прямо — какое-то презорство: «мало ли-де что попы да архіереи пишутъ и говорятъ?! Стоитъ ли намъ, людямъ образованнымъ, слушать этихъ фанатиковъ-невѣждъ?»... И въ такомъ отношеніи къ Церкви воспитывается современное молодое поколѣніе. Это пренебреженіе, этотъ духъ презорства, или, въ лучшемъ случаѣ какое-то снисхожденіе къ «отсталости» Церкви въ культурномъ отношеніи царитъ и въ печати, и въ обществѣ. Его чувствуешь невольно и подъ видомъ холодной почтительности и изысканной вѣжливости сановныхъ людей, и въ передовицахъ яко-бы консервативныхъ газетъ (о либеральныхъ нечего и упомянать: тамъ открытое издѣвательство надъ Церковью!), и въ бесѣдахъ съ культурными людьми изъ общества. И жаль становится всѣхъ этихъ людей: вѣдь, въ сущности-то они и понятія надлежащаго о Церкви не имѣютъ, и жизнью ея не жили, и вѣяній благодати отъ нея не воспринимали! И, въ свою очередь, «снисходишь» къ нимъ, яко младенцамъ въ вопросахъ вѣры, лишь бы не ввести ихъ въ грѣхъ осужденія Церкви-матери, отъ которой они не далеко всегда, ибо Церковь отожествляютъ съ попами и архіереями...

Но бываютъ историческія минуты, когда и молчать намъ, пастырямъ, грѣшно. Такова настоящая минута.

Умеръ Толстой. Мы знаемъ двухъ Толстыхъ: одинъ—художникъ слова, поэтъ въ душѣ, преемникъ Пушкина въ творчествѣ языка роднаго. Но этотъ Толстой уже лѣтъ 25 назадъ умеръ для родной ему Руси. Умеръ и никто будто не замѣтилъ, какъ на его мѣстѣ явился другой Толстой, совершенно ему противоположный. Онъ возсталъ противъ Личнаго Бога; Онъ исказилъ Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа; онъ—страшно сказать—называлъ воплотившагося Бога «бродягою», «повѣшеннымъ Іудеемъ»... Нельзя повторять, нельзя, совѣсть, чувство стыда и благоговѣнія предъ Честнѣйшею Херувимовъ воспрещаетъ дѣлать даже намекъ на тѣ хулы, какія онъ высказывалъ о Матери Божіей, о святѣйшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Господней... Сего, казалось бы, слишкомъ довольно, чтобы отвернуться съ негодованіемъ, съ омерзеніемъ отъ такого богохульника тѣмъ русскимъ людямъ, которые считаются православными. Церковь, наша снисходительнѣйшая Церковь, не понесла такого богохульства и отлучила Толстого отъ общенія съ собою. Что же наша мнящаяся интеллигенція? Да она будто не замѣтила совершившагося суда Церкви надъ богохульникомъ; впрочемъ, нѣкоторая часть замѣтила, но вмѣсто вниманія къ голосу Церкви—Церковь же и осудили, якобы за нетерпимость, вообще же именно со дня отлученія отъ Церкви Толстой и сталъ излюбленнымъ идоломъ нашей интеллигенціи въ той ея части, которая любитъ себя величать симъ именемъ. Враги Церкви принялись восхвалять богоотступника во всю: каждое его слово, каждое движеніе превозносили какъ геніальное нѣчто, его возвеличили не только великимъ писателемъ Русской земли, но всемірнымъ геніемъ, украли для него изъ священнаго языка Церкви дорогое

сердцу вѣрующаго по примѣненію къ подвижникамъ, имя «старецъ», да еще приложили къ нему словечко: «великій», и пошелъ гулять по всему міру этотъ титулъ богоотступника... Едва ли бы, впрочемъ, изобрѣтатели сего именованія рѣшились пустить въ оборотъ это словечко, если бы знали, что въ подвижнической литературѣ есть уже подобный терминъ: «семитысячелѣтній старецъ»... Вѣдь, по нашему хрістіанскому убѣжденію, сей-то послѣдній и руководилъ «великимъ старцемъ» Толстымъ. Такъ откликнулась интеллигенція на голосъ Церкви. Теперь спрашиваю: ужели имѣетъ право эта интеллигенція называться послѣ сего «хрістіанскою»? Ужели не ясно, что мы живемъ въ средѣ совсѣмъ языческой? И, вѣдь, хотя бы была нѣкая доля правды въ томъ, что Толстой есть «великій» философъ: спросите людей безпристрастныхъ, даже не изъ хрістіанъ православныхъ: да они только посмѣются надъ такою оцѣнкой мнимой философіи яснополянскаго богоотступника! Понадергалъ клочьевъ и изъ буддизма, и изъ западныхъ философій, прибавилъ кое-что отъ себя и подпесъ міру все это, если не какъ новое откровеніе, то какъ новое слово... А послушайте вотъ, какія пѣсни воспѣваютъ ему; по словамъ «Новаго Времени» (изъ лѣвыхъ газетъ не буду приводить похвальныхъ словесъ: извѣстно, кто ими руководитъ); Толстой—это—«величайшая моральная цѣнность, какою гордилась Россія», «цѣлый-де міръ сознавалъ, что у него нѣтъ *другой равной ему* («вотъ вѣдь какъ!) духовной драгоцѣнности», это-де «великая душа, которая насъ согрѣвала теплотою своею, изъясняла (насъ?) художествомъ, улучшала высокою требовательностію къ достоинству человѣка. Какъ много есть людей, которымъ онъ далъ все ихъ умственное и нравственное богатство, для которыхъ онъ былъ учителемъ и руководителемъ»... О комъ говоритъ газета? О толстовцахъ въ родѣ Черткова? Имъ сочувствуетъ?— «Онъ былъ огромнымъ метеоромъ, къ которому точно прилипли свѣтоносныя частицы русской души и русской жизни... Страшно послѣ него, его великой образцовости, которая всѣхъ сдерживала, усовѣщевала». «Послѣ отлученія Толстого отъ Церкви Ясная Поляна явилась Меккой для ищущихъ истины»...

Богъ вѣдаетъ, до чего могутъ договориться люди, желающіе подслужиться духу вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго! Не говоримъ уже о языкѣ: писалъ, очевидно, тотъ сотрудникъ, который не стѣсняется въ изобрѣтеніи невозможныхъ словъ и оборотовъ, несмотря на отсутствіе въ нихъ грамматики и логики: одна эта «Мекка» чего стоитъ въ устахъ, вѣроятно, не татарина же, а «хрістіанина»?!

А вотъ другая газета, уже «правая»,—«Свѣтъ» читаетъ С. Синоду наставленіе о любви всепрощающей, увѣряетъ, что «молитвы всепрощающей Церкви православной о душѣ великаго писателя русскаго необыкновенно дороги для всего Русскаго народа, для всего міра, чтущаго его память»... Удивительна эта развязность, съ какою наши газеты любятъ говорить отъ лица Русскаго народа въ такихъ случаяхъ. Хочется думать, что они Русскій народъ мѣряютъ на свой аршинъ. А вотъ болѣе осмотрительная газета «Земщина» отмѣтила совсѣмъ другое явленіе. Она говоритъ, что «поражаетъ отношеніе правыхъ крестьянъ Г. Думы къ вопросу о чествованіи Толстого.

Обыкновенно молчаливые и уклоняющіеся отъ опредѣленнаго выраженія своихъ мнѣній, они рѣзко и сильно высказались противъ допустимости чествованій въ Думѣ памяти графа».—Видно за живое задѣлъ ихъ графъ своими бреднями! «Сколько людей отъ него пострадало, уклоняясь отъ военной службы, говорилъ членъ Думы крестьянинъ Данильчукъ, сколько дурней повыносили изъ-за его проповѣди иконы изъ избъ, и вдругъ — его чествовать! Совершенно недопустимая вещь!»... Напрасно же «Свѣтъ» взываетъ, будто вѣрующая совѣсть православныхъ русскихъ людей проситъ молитвъ за умершаго безъ покаянія еретика-богохульника: это ужъ, простите, клевета на Русскій простой вѣрующій и послушный Церкви народъ!

А какъ вамъ покажется разсужденіе г. Меньшикова о невозможности возвращенія Толстого къ Церкви (писано еще до его смерти) «въ банальномъ смыслѣ этого слова»? Какой пренебрежительный топъ слышится въ этомъ словѣ: «банальный смыслъ»! «Если, говоритъ онъ, въ Церкви святыня—Богъ, то Толстой никогда не уходилъ-де отъ этой святыни, а всю жизнь и всѣмъ сердцемъ искалъ путей къ Нему. Если другая святыня Церкви есть добродѣтель, то Толстой никогда не уходилъ изъ Церкви, всю жизнь непоколебимо вѣруя въ добродѣтель»... И т. д. Пусть проститъ мнѣ г. публицистъ, если я скажу, что не за свое дѣло онъ берется, разсуждая о «святыняхъ Церкви». Ни о Церкви, ни о ея святыняхъ, видимо онъ не имѣетъ надлежащаго понятія и вмѣсто того, что есть на дѣлѣ, что сложилось отъ временъ Самого Господа Іисуса Христа, отъ Его св. Апостоловъ, что, какъ животворящая истина, выросло въ сознаніе и сердце православно вѣрующихъ милліоновъ, отъ первыхъ вѣковъ христіанства даже до нынѣ въ Церкви спасаемыхъ, вмѣсто всего этого онъ, г. Меньшиковъ, хочетъ навязать сочиненныя имъ или же взятыя у Толстого новыя понятія... Пусть Толстой въ своей гордынѣ и выдумалъ какой-то свой языкъ для бесѣды съ Богомъ (да и возможна ли бесѣда съ безличнымъ началомъ, какъ съ личнымъ Существомъ!), но милліоны православно вѣрующихъ только пожалѣютъ объ этомъ гордецѣ и останутся при своихъ понятіяхъ о Церкви, о Богѣ, о добродѣтели и о всемъ, что утаилъ Господь отъ премудрыхъ и разумныхъ, но гордыхъ сердцемъ Толстыхъ и ихъ послѣдователей, и открылъ въ простотѣ вѣрующимъ младенцамъ, открылъ ихъ духовному опыту, а не холодному уму, а безъ сего опыта—всѣ разсужденія о такихъ предметахъ являются сужденіями слѣпцовъ о цвѣтахъ или глухихъ о музыкѣ... Вотъ почему и спорить съ ними безполезно. Гордыня—вотъ—то, чѣмъ заражена была несчастная душа Толстого и что сгубило его на вѣки. Онъ не хотѣлъ признавать никакого авторитета. Онъ даже не хотѣлъ провѣрять опытомъ своимъ то, что ему совѣтовали люди, болѣе его опытные въ духовной жизни. Помню, лѣтъ 30 назадъ, когда онъ еще ходилъ по монастырямъ, пришелъ онъ со всей семьей своей въ Троицкую лавру. Мнѣ было поручено показать ему достопамятности лавры и ризницу. Покойный о. намѣстникъ лавры, Архимандритъ Леонидъ приглашалъ его откушать хлѣба-соли въ своихъ кельяхъ. Но графъ пожелалъ отобѣдать вмѣстѣ съ народомъ, въ странноприимной палатѣ. Эта палата тогда помѣщалась подъ

трапезой, гдѣ семья Толстого и обѣдала. При осмотрѣ ризницы, разсматривая вериги, какія носили древніе подвижники, Толстой спросилъ меня: а нынѣ есть ли такіе подвижники? Я отвѣчалъ, что въ наше время небезопасно носить вериги: лучше терпѣть тѣ скорби, какія Богъ кому попуститъ. Онъ однакоже не удовольствовался симъ отвѣтомъ и какъ-будто съ ироніей настаивалъ на вопросѣ: зналъ ли я хоть одного такого веригоносца? Тогда я указалъ на покойнаго уже тогда киновійскаго подвижника-простеца схимонаха Филиппа (въ монашествѣ Филарета). Съ большимъ любопытствомъ графъ меня разспрашивалъ о немъ и когда узналъ, что я составилъ біографію его, просилъ меня прислать ему, что потомъ я и исполнилъ. Послѣ осмотра достопримѣчательностей графъ пожелалъ наединѣ поговорить съ о. Архимандритомъ. Довольно долго длилась эта бесѣда. Когда онъ ушелъ, покойный старецъ со вздохомъ сожалѣнія сказалъ мнѣ: «зараженъ такою гордыней, какую я рѣдко встрѣчалъ. Боюсь—кончитъ нехорошо»...

Извѣстно, что и покойный Оптинскій старецъ о. Амвросій вынесъ тоже впечатлѣніе отъ графа: «очень онъ гордъ», сказалъ старецъ послѣ бесѣды съ нимъ. И чѣмъ дальше, чѣмъ больше графъ пускался въ свои мудрованія, тѣмъ гордыня эта росла въ немъ больше и больше. Очевидно, онъ считалъ себя непогрѣшимымъ въ рѣшеніи вопросовъ вѣры. Люди опыта духовнаго знаютъ, какъ хитро сплетаетъ свои сѣти врагъ рода человѣческаго, чтобы опутать ими людей, только себѣ довѣряющихъ. Онъ даетъ ихъ сердцу тоже «опытъ» духовный, смотря потому, куда больше склоняется ихъ сердце: въ сторону ли заблужденій въ области мысли или же въ сторону жизни сердца. То и другое у св. отцевъ называется прелестью. Пытаться переубѣдить такого человѣка спорами, умственными доказательствами—безполезно. Въ своей душѣ они основываютъ свои убѣжденія на «опытѣ». Безъ сомнѣнія, и Толстой имѣлъ такой «опытъ» и даже не разъ говорилъ о немъ. Это—не пустыя фразы, когда онъ говорилъ о внутреннемъ спокойствіи совѣсти, напримѣръ, о душевномъ счастьи... Онъ нѣчто переживалъ, чего другіе не испытывали. Жившіе въ обителяхъ иноческихъ «подъ старцами» знаютъ такія переживанія, отъ коихъ старцы нарочито предостерегаютъ неопытныхъ. Но нашего писателя никто не могъ предостеречь и онъ все глубже и глубже уходилъ самъ въ себя, въ свою прелесть. А до чего можетъ дойти такое самообольщеніе, показываетъ примѣръ, приводимый Аввою Дорооеемъ въ его поученіяхъ. «Поистинѣ, говоритъ преподобный Дороѳей, знаю я одного, пришедшаго нѣкогда въ сіе жалкое состояніе. Сначала, если кто изъ братій говорилъ ему что-либо, онъ уничижалъ каждаго и возражалъ: «что значитъ такой-то? Нѣтъ никого (достойнаго) кромѣ Зосимы и подобнаго ему». Потомъ началъ и сихъ осуждать и говорить: «нѣтъ никого (достойнаго) кромѣ Макарія». Спустя немного началъ говорить: «что такое Макарій? Нѣтъ никого (достойнаго) кромѣ Василія и Григорія». Но скоро началъ осуждать и сихъ, говоря: «что такое Василій и что такое Григорій? Нѣтъ никого (достойнаго) кромѣ Петра и Павла». Я говорю ему: «поистинѣ, братъ, ты скоро и ихъ станешь уничижать». И повѣрьте мнѣ, чрезъ нѣсколько времени онъ началъ го-

ворить: «что такое Петръ и что такое Павелъ? Никто ничего не значитъ, кромѣ Святой Троицы». Наконецъ возгордился онъ и противъ Самого Бога и такимъ образомъ лишился ума». Не правда ли: все это повторилось съ Толстымъ: начавъ съ отрицанія авторитета Церкви, онъ дошелъ до того, что сталъ считать Апостола Павла исказителемъ Христова ученія, а потомъ и самъ исказилъ до неузнаваемости ученіе Христово и Самого Господа Іисуса Христа—страшно повторить — называлъ «повѣшеннымъ Іудеемъ»! Мало того: въ области своихъ блужданій онъ позволялъ себѣ иногда къ себѣ прилагать словеса Господа—Богочеловѣка, выражаясь словами Господа изъ Евангелія отъ Іоанна—о своей особѣ! Развѣ это не сумасшествіе? Но я скажу больше: онъ питалъ къ нашему Спасителю Богочеловѣку Господу Іисусу Христу личную ненависть... Какъ ни страшно такое обвиненіе богоотступника, но оно подтверждено мнѣ другимъ великимъ философомъ нашимъ, Вл. Серг. Соловьевымъ. На мой вопросъ: давно ли онъ видѣлъ графа Толстого, покойный философъ-христіанинъ отвѣтилъ мнѣ: «съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ, что графъ питаетъ личную ненависть къ Господу Іисусу Христу, я все порвалъ съ нимъ и больше не имѣю съ нимъ никакихъ сношеній». — Но питать личную ненависть можно только къ тому, съ кѣмъ имѣешь личныя отношенія? сказалъ я, а графъ...—«Вы слишкомъ наивны, сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ: можетъ ли сей гордецъ простить какому-то «Назаретскому Плотнику», что Тотъ раньше его, Толстого, далъ міру такое ученіе, которое преобразило міръ, а онъ, Толстой, при всѣхъ своихъ усиліяхъ успѣлъ обратить въ свою секту нѣсколько десятковъ неумныхъ людей, и знаетъ хорошо, что его секта разсыплется послѣ его смерти и ученіе будетъ сдано въ архивъ, какъ нелѣпость...»

Таковъ судъ надъ Толстымъ его бывшаго друга и собесѣдника, который великолѣпно разобралъ его ученіе о непротивленіи злу въ своихъ Трехъ Разговорахъ. Таковъ будетъ и судъ исторіи, когда пройдетъ эта эпидемія вражды къ Церкви въ средѣ нашей интеллигенціи, если только она совсѣмъ не уйдетъ изъ Церкви. И не знаешь, чего пожелать въ скорѣйшемъ будущемъ: чтобы эта интеллигенція сама отреклась отъ Церкви, или же Церковь извергла бы ее, пока она не развратила ихъ своею гнилью? Судите сами: эта прогнившая интеллигенція требуетъ отъ Церкви якобы молитвъ (?!) за богоотступника, молитвъ, которыя ей нужны лишь для поруганія самой Церкви, молитвъ за того, кто не вѣрилъ въ будущую личную жизнь, и отъ лица тѣхъ, которые въ сущности издѣваются надъ такою вѣрою вѣрующихъ... Толпами ходятъ по улицамъ столицы разные «студенты»—жиды и продавшіе свою душу жидамъ измѣнники Христу и поютъ, издѣваясь, конечно, надъ Церковію, «вѣчную память» богохульнику. И это—въ христіанскомъ государствѣ! А упомянутый выше публицистъ Меньшиковъ, двѣ недѣли назадъ увѣрявшій насъ, что онъ—«вѣрный сынъ Церкви православной», онъ теперь похищаетъ изъ языка Церкви самыя дорогія слова, чтобы воспѣть ими все того же богоотступника... Онъ, Толстой, видите ли, «праведникъ, живой пророкъ, (можетъ быть, только, конечно,—не *Божій* пророкъ) душа, ищущая Бога и Ему вѣр-

ная (?), онъ, видите ли, поистинѣ не забывалъ Бога, въ каждый моментъ стоялъ какъ бы съ непокрытой головой, онъ неодолимымъ тяготѣніемъ тянулся къ Богу, онъ по существу былъ одной праведности съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, одного великаго богоискательства, одной до жгучихъ слезъ искренности въ вѣрѣ, но разнаго пониманія»... Меньшиковъ ставитъ Толстаго какъ будто выше о. Іоанна, потому что о. Іоаннъ вѣрилъ наивною дѣтскою, народной вѣрой, вѣрой почти двухтысячелѣтней Церкви, «Апостольской и Соборной», а Толстой, «какъ всѣ пророки на переломѣ цивилизаціи (?), не могъ довѣриться вѣрѣ предковъ и принужденъ былъ составлять свою». По Меньшикову о. Іоаннъ—«чуть ли не послѣдній святой древней Церкви, а Толстой — первый святой еще несуществующей, еще непроповѣданной церкви: это—новый человѣкъ, человѣкъ воскресенія, жизни будущаго вѣка. Одинокій, онъ имѣлъ-де мужество начать строить свою какую-то церковь»... Онъ-де принадлежалъ «къ породѣ праведниковъ, (порода праведниковъ!! будто — домашнихъ животныхъ!) людей, перераждающихъ себя, преображающихъ свою природу. Такіе-де люди въ самомъ дѣлѣ совлекаютъ ветхаго Адама и облекаются въ идеалъ свой — въ Христа, въ Будду, въ Зороастра—смотря по религіи. Толстой-де непрестаннымъ устремленіемъ къ Богу и къ нравственному благу ближнихъ въ самомъ дѣлѣ пересоздалъ себя. Онъ—подвижникъ такой же, какъ монахи: его идеалъ—смиреніе (!), нищета, трудъ, молитва (!?). Ради несомнѣннаго присутствія Духа Божія въ нравственной проповѣди Толстого (какая хула на Духа Святаго!) пусть отечество поклонится могилѣ праведника земнымъ поклономъ!»—патетически кончаетъ свой фельетонъ Меньшиковъ. Въ своемъ восторгѣ предъ Толстымъ зарвавшійся и завравшійся фельетонистъ и самъ не замѣчаетъ, что сознается въ безсмыслицѣ всего ученія Толстого: «всѣ несообразности ученія Толстого, говоритъ онъ, были бы совершенно для насъ непостижимы, если бы не предположить за ними глубокаго смысла, который (котораго?) самъ Толстой не могъ объяснить... Не будемъ и мы, говоритъ Меньшиковъ, разъяснять то, что великіе люди уносятъ съ собой, какъ недоговоренную тайну». — Итакъ, самъ Толстой, по словамъ его же панегириста, не понималъ, чему училъ, унесъ въ могилу смыслъ своего ученія, и за эту безсмыслицу—поклонись ему, родная земля! Падайте въ прахъ предъ его прахомъ, люди русскіе! Такъ предлагаетъ г. Меньшиковъ!..

Во снѣ это или на яву? Вѣдь, это какой-то нестерпимый кошмаръ, давящій душу, умъ, совѣсть... Страшно становится за родную мать Русскую землю... за Церковь православную, которая имѣетъ въ своихъ нѣдрахъ такихъ хрістіанъ, дерзающихъ еще величать себя ея «вѣрными чадами»... Поистинѣ, Толстой во сто разъ честнѣе былъ, когда всенародно отрекся отъ Христа, отъ Церкви, отъ православія, честнѣе всѣхъ подобныхъ писателей, которые, пожалуй, обидятся, если имъ сказать, что они—еретики, язычники, безбожники! Не пора ли нашей матери Церкви въ самомъ дѣлѣ очиститься отъ таковыхъ? Не пора ли вспомнить грозныя слова великаго Апостола Павла: *аще мы или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, ана-*

оема да будетъ!.. И нынѣ паки вамъ глаголю: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаоема да будетъ! (Гал. 1, 8. 9). *Измите злаго отъ васъ самѣхъ!* (1 Кор. 5, 13). Вѣдь, въ сихъ разсужденіяхъ Меньшикова и ему подобныхъ интеллигентовъ уже не остается ни слѣда православнаго хрістіанскаго ученія; самыя слова, употребленныя имъ, будучи похищены у языка Церкви, получили совсѣмъ другой — антихрістіанскій смыслъ. И въ совѣсти хрістіанина громко раздается предостереженіе другаго великаго Апостола—Апостола Іоанна Богослова: *всякъ преступаяй и не пребываяй во ученіи Хрістовѣ, Бога не имать* (а слѣдовательно, и Толстой, исказившій ученіе Хрістово до неузнаваемости, чуждъ Бога); *аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія* (чистаго ученія Хрістова) *не приноситъ вамъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите* (не привѣтствуйте его, не подавайте ему руки, не говорите ему: здравствуй!). *Глаголяй бо ему радоватися сообщается дѣломъ его злымъ* (2 Іоан. 9—11).

Настало время, когда болѣе нельзя Церкви терпѣть въ своихъ нѣдрахъ такихъ духовныхъ развратителей, и она должна сказать имъ: или покайтесь въ своемъ словоблудіи, или же идите вонъ изъ Церкви... Довольно соблазна, довольно оскорбленій для вѣрующей совѣсти истинно преданныхъ сыновъ Церкви!

Нужно ли добавлять, что все сіе и можетъ, и долженъ сдѣлать только Всероссійскій Церковный Соборъ? Утвержденіе на Тя надѣющихся, Господи! Утверди Церковь Твою, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію!..

О Толстомъ еще долго будутъ говорить и въ печати, и въ обществѣ. Только простые сердцемъ вѣрующіе люди предадутъ его, слѣдуя слову Божія Помазанника, суду Божію: «Богъ ему Судья!» Не намъ его судить. Мы вѣруемъ, что Богъ есть Судія сколько праведный, столько же и милосердый. Мы вѣруемъ, что если Церковь не находитъ возможнымъ приносить за него безкровную Жертву, то значитъ—тако и подобаетъ, ибо Господь повелѣлъ слушаться Церкви безпрекословно: «*аще же и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь*». И голосъ Церкви не есть произволъ ея пастырей: сами они суть только исполнители ея воли, уже давно изреченной устами св. Апостоловъ и опредѣленіями св. Отцевъ вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ. Еще св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ, сей великій Апостолъ любви, что въ данномъ случаѣ для насъ особенно важно, сказалъ: *есть грѣхъ къ смерти, не о томъ говорю, чтобы молился* (1 Іоан. 5, 16). Господь Іисусъ Хрістосъ говоритъ, что сей грѣхъ, который не можетъ быть прощенъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, есть хула на Духа Святаго (Мо. 12, 32). Св. Отцы объясняютъ, что такая хула есть упорное сопротивленіе истинѣ Хрістова ученія, чѣмъ заражены были книжники и фарисеи, всѣ еретики и богохульники. Симъ тяжкимъ грѣхомъ нераскаяннымъ и былъ зараженъ Толстой, въ семъ грѣхѣ и умеръ, не принеся покаянія. А поелику въ послѣдніе дни его жизни онъ находился въ плѣну у своихъ же безсовѣстныхъ послѣдователей, которые не допускали къ нему не только духовныхъ лицъ, но и жену, и дѣтей; поелику въ его загадочномъ бѣгствѣ въ Оп-

тину можно было угадывать, предполагать нѣкоторый робкій шагъ къ раскаянію, то, не повторяя надъ нимъ церковной анаѳемы, можно только сказать о немъ: «Богъ ему Судія!»

Но въ средѣ нашей интеллигенціи немало мятежныхъ душъ, которые требуютъ отъ насъ, служителей Церкви, молитвъ за сего покойника такихъ же, какія приноситъ Церковь о иже въ вѣрѣ и въ надеждѣ воскресенія почившихъ. Многіе изъ таковыхъ, никогда не бывая въ церкви, пренебрегая всѣми ея уставами и повелѣніями, теперь настойчиво вызываютъ служителей Церкви на панихиды, и хорошо еще, что Св. Синодъ благовременно оповѣстилъ всѣхъ іерарховъ, что никакое поминовеніе Толстого не разрѣшается, и слѣд., смиренные служители Церкви имѣютъ возможность закрыться симъ распоряженіемъ отъ назойливыхъ требованій іудействующей интеллигенціи. Но объ этой части «богомольцевъ», въ сущности желающихъ обратить церковный обрядъ молитвы въ такъ называемую демонстрацію противъ самой же Церкви—не стоитъ говорить. И о нихъ приходится сказать: «Богъ имъ Судья!» Развѣ можно прибавить еще: «вразуми ихъ, Господи, имиже вѣси путями». Но есть другой родъ мятущихся, нежелающихъ смиренно покорить свой умъ въ безпрекословное послушаніе Церкви, смущаемыхъ самосмышленіемъ своимъ, но все же можетъ быть и искренно ищущихъ рѣшенія своихъ недоразумѣній. И какъ далеки эти недоумѣвающіе отъ яснаго пониманія ученія Церкви! Сколько дѣтской путаницы въ самыхъ простыхъ, элементарныхъ понятіяхъ въ области не только ужъ церковной, но и вообще религіозной мысли!

Разберемся въ этой путаницѣ, насколько она проявляетъ себя въ частной бесѣдѣ и въ печати.

Говорятъ: «Левъ Николаевичъ есть собственность націи, онъ—собственность Церкви православной, въ которую ввела Толстого его хрістіанская смерть...»

Съ недоумѣніемъ читаю эти строки... Во-первыхъ: по какому признаку мы имѣли бы право назвать смерть Толстаго «хрістіанскою?» Хрістіанинъ умираетъ въ мирѣ со Хрістомъ, ищетъ предъ смертью соединенія съ Господомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Причащенія пречистаго Его Тѣла и Крови, съ молитвою на устахъ, а несчастный ересіархъ Толстой умеръ, ни разу не вспомнивъ о Хрістѣ Спасителѣ, хотя и имѣлъ время вспомнить... Это ли «хрістіанская» смерть? Церковь стучалась сама у дверей его сердца; правда, къ нему не допустили ея служителей, но вѣдь это ужъ не ея вина: видно—Божіе попущеніе таково было... Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права назвать смерть Толстого «хрістіанскою», и пусть не посѣтуютъ на насъ тѣ, которые вводятъ сіе слово въ отношеніи къ смерти нераскаяннаго ересіарха, если мы скажемъ, что дѣлаютъ они сіе нарочито, чтобы затѣмъ присовокупить дальнѣйшія слова: «Толстого, видите ли, ввела въ Церковь его эта «хрістіанская» смерть... Новый способъ возсоединенія съ Церковію! И все это говорится только для того, чтобы смутить совѣсть іерарховъ нашихъ, которые Богу отвѣчаютъ за исполненіе каноновъ церковныхъ, чтобы вынудить ихъ нарушить эти каноны! Зачѣмъ говорить о томъ, чего нѣтъ? Зачѣмъ увѣрять насъ, будто «вся Россія, и лѣвая, и правая проситъ у Церкви молитвы за Тол-

стого?» Знаемъ мы, что такое «лѣвая» Россія: вѣдь, она и въ Бога-то не вѣруетъ,—вѣруетъ ли она въ вѣчную жизнь, въ царство небесное и муки вѣчныя? Вѣдь, всѣ мы отлично знаемъ, что всѣ эти армянскія панихиды, всѣ эти пѣнія вѣчной памяти на улицахъ и даже у гроба Толстого — одно кощунство! Кинематографъ увѣковѣчилъ дымъ курящихся папиросъ около гроба сего покойника: хороша же молитва, хорошо пѣніе «вѣчной памяти» съ папиросами въ зубахъ!.. До здѣ о «лѣвой» Россіи. А правая—въ громадномъ большинствѣ своемъ послушна Церкви и благодарна ей за то, что власть церковная закрыла двери храмовъ Божіихъ для такихъ богомольцевъ; за то, что проявила въ отношеніи къ нераскаянному богохульнику нелицепріятіе свое, охранила святыню дома Божія отъ соблазна: развѣ это не великій былъ бы соблазнъ, когда подъ сводами храмовъ Божіихъ, по желанію «лѣвой Россіи», и какъ бы въ поруганіе религіозныхъ чувствъ «правой православной Россіи», раздалось бы пѣніе «Со святыми упокой, Христе»... о той душѣ, которая, по выраженію великаго святителя Божія затворника Ѳеофана, «*трижды проклята апостольскимъ проклятіемъ*», о которой другой великій праведникъ нашего времени о. Іоаннъ Кронштадтскій говорилъ, что она отдала себя сатанѣ на служеніе?.. И къ чему эти, простите, приторно сладкія рѣчи: «вся Россія проситъ Церковь открыть двери храмовъ... какою бы волною хлынулъ народъ, сколько горячихъ слезъ было бы пролито!»... «Нація, русская нація хочетъ просить у Бога милости великому писателю земли русской, милости за то, что онъ любилъ русскій народъ, любилъ и жилъ для народа... но этого не хочетъ кучка фанатиковъ (слышите, православные?) и Церковь, православная Церковь какъ-будто послушная этимъ фанатикамъ, лишаетъ молитвы всю націю за добраго и честнаго человѣка»... (а по нашему—великаго богохульника и кощунника).

Какъ все это чувствительно, но какъ несправедливо въ отношеніи къ матери-Церкви! Напишите эти строки какой-нибудь «лѣвый» въ «Рѣчи» или другой іудейской газетѣ—не стоило бы отвѣчать, но вѣдь пишетъ человѣкъ, искренно считающій себя сыномъ Церкви Православной, сыномъ Руси святой! Съ болью сердца приходится засвидѣтельствовать, что и въ средѣ такихъ «правыхъ» людей у насъ немало склоняющихъ колѣна—спѣшу оговориться — *безсознательно* предъ вааломъ современности, судящихъ своихъ пастырей и саму Церковь, самочинно мыслящихъ не по разуму Церкви и слѣдовательно... не договариваю: чтый да разумѣетъ!

Удивительная смѣлость говорить отъ имени Русскаго народа (автору почему-то больше нравится слово «нація»). Да позвольте, наконецъ, сказать ужъ прямо: массы народныя, милліоны простого народа православнаго вовсе не имѣютъ понятія о Толстомъ, какъ художникѣ-писателѣ, а тѣ, которые знаютъ его за такового, очень невысоко цѣнятъ и вообще-то художественныя произведенія (скажете: не доросли—если угодно сдѣлаемъ въ этомъ вамъ уступку, хотя сами мы, іерархи, остаемся пока и на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи), а кто изъ православнаго, несбитаго съ толку современными бреднями народа, слыхалъ о Толстомъ, какъ «учителѣ», т.-е. мыслителѣ, философѣ, тѣ только

открещиваются отъ него, какъ отъ богохульника... Можетъ быть, у нашихъ гуманно настроенныхъ вѣрующихъ интеллигентовъ и являлось желаніе пойти въ храмъ помолиться за «великаго писателя», забывая долгъ послушанія матери-Церкви и какъ бы осуждая ее въ жестокости,—но говоритъ, будто «то же чувствовалъ каждый русскій»—значило бы брать грѣхъ на душу, грѣхъ клеветы на всѣхъ русскихъ. По крайней мѣрѣ я, и какъ частное лицо, и какъ архіерей, никогда не дерзну судить церковную власть за то, что она не разрѣшила молиться за того, кто оплевалъ моего Спасителя, кто издѣвался надъ Его Пречистою Матерію, кто подвергъ поруганію и осмѣянію все, чего нѣтъ для меня святѣе и дороже ни на небѣ, ни на землѣ!—за того, кто все это сдѣлалъ и—не захотѣлъ покаяться!.. На что же тогда и судъ Церкви?..

Говорятъ: «чѣмъ больше грѣхъ, тѣмъ больше надо молитвъ, чтобы его замолить, и значитъ: надо усугубить молитвы, а не запрещать». Къ этому мы добавимъ то, чего, можетъ быть, не знаютъ сіи ревнители спасенія нераскаянныхъ грѣшниковъ: «нѣтъ грѣха побуждающаго Божіе милосердіе». Такъ, все это правда. Но вѣдь слѣдуя такой логикѣ и принимая безусловно эти положенія, можно притти къ заключенію, что мы должны молиться за всѣхъ грѣшниковъ безразлично: умерли ли они въ нераскаянности, или же стали на путь покаянія, были ли въ общеніи съ Церковію, или умерли внѣ ея ограды. Вспомните Іуду предателя: какъ великъ его грѣхъ! Но онъ вѣдь, кажется, и на путь покаянія сталъ: прочтите еще разъ со вниманіемъ сказаніе Евангелиста Матѳея о томъ, какъ этотъ измѣнникъ-ученикъ, мучимый совѣстью, бѣжитъ къ членамъ синедріона, кается предъ ними, бросаетъ имъ въ лицо 30 сребренниковъ и, услышавъ отъ нихъ холодное, безсердечное: «что намъ за дѣло? Смотри самъ!»—въ отчаяніи рѣшается на самоубійство... Развѣ не звучитъ въ вашихъ сердцахъ этотъ крикъ терзаемой души: «согрѣшилъ, предавъ кровь неповинную!» Это ли, казалось бы, не раскаяніе? За такого ли не помолиться? Вѣдь, въ очахъ Божіихъ и сей Искаріотъ, и графъ Толстой,—ихъ души одинаково цѣнны... Простите, я позволю себѣ сказать больше: изъ Евангелія не видно, чтобы Іуда загубилъ своимъ лжеученіемъ столько душъ, сколько увлекъ въ бездну погибели графъ Толстой; напротивъ: Іуда былъ Апостоломъ, ходилъ на проповѣдь о Христѣ, во всякомъ случаѣ не отвлекалъ отъ Христа, не издѣвался надъ Нимъ такъ, какъ нашъ графъ... И однакоже, св. Апостолы послѣ его смерти не молятся за него, спокойно говорятъ о немъ, что сынъ погибели отпалъ, чтобы итти въ мѣсто свое (Дѣян. 1, 25). Умеръ—все кончено. Не покаялся—нѣтъ даже слова сожалѣнія о немъ! Преданъ суду Божію и отсѣченъ отъ Церкви, какъ мертвый членъ навсегда!

Знаю, какъ больно нашимъ—даже вѣрующимъ интеллигентамъ, это сопоставленіе Толстого съ родоначальникомъ всѣхъ предателей Христа. Но оно вызывается невольно этимъ особеннымъ усердіемъ сихъ интеллигентовъ къ молитвѣ за Толстого. Іуда былъ въ обществѣ Апостоловъ не больше трехъ лѣтъ, а Толстой былъ въ мирѣ съ Церковію до 50 лѣтъ; Іуда, какъ я уже сказалъ, никого не отвлекалъ отъ Христа, а Тол-

стой увлекъ тысячи на путь погибели; Іуда не позволялъ себѣ ругаться открыто надъ Хрістомъ, а только лобзаніемъ предалъ Его, а Толстой 25 лѣтъ своей жизни посвятилъ издѣвательству надъ ученіемъ Хріста и надъ Его Божественною Личностью и Пречистою Его Матерію; Іуда и сутокъ не выдержалъ послѣ того, какъ, принявъ хлѣбъ изъ рукъ Божественнаго Учителя, вышелъ съ Тайной вечери, ибо *по хлѣбѣ томъ вниде въ онь сатана*, по слову Евангелиста; а надъ графомъ совершилось это осатаненіе 25 лѣтъ тому назадъ, когда онъ, какъ самъ говоритъ въ своей исповѣди, вдругъ, послѣ Божественнаго причащенія почувствовалъ въ себѣ богохульныя мысли и нѣкое отвращеніе отъ Церкви... Развѣ это не то же, что—«по хлѣбѣ томъ вниде въ онь сатана"? И вотъ, долготерпѣніе Божіе истощилось: приближался часъ смертный, проснулась, можетъ быть, на минуту грѣшная совѣсть, но—увы!—благодать Божія уже отступила отъ души отступника....Онъ метнулся въ сторону Церкви, но гордость удержала его толкнуться въ двери келліи старца, мимо которыхъ онъ не разъ, можетъ быть, прошелъ, «прогуливаясь» около стѣнъ Оптиной пустыни... Нуженъ былъ подвигъ—побѣдить себя, сломить свою гордыню, войти къ старцу, а сатана удержалъ: «что тебѣ у него дѣлать? да какъ онъ тебя встрѣтитъ? Ты, вѣдь, отверженный...». Вѣдь, на эту мысль онъ ясно намекнулъ и о. Михаилу. Кто знаетъ тайну души человѣка, который 30 лѣтъ не открывалъ своей совѣсти никому кромѣ себя самого, а себя самого постоянно обманывалъ? По ученію св. отцевъ, въ такихъ случаяхъ страшно овладѣваетъ душею человѣка ложный стыдъ; врагъ преувеличиваетъ строгость предстоящаго обличенія со стороны старца, а у Толстого могло быть еще и то искушеніе: «что о тебѣ скажутъ, что подумаютъ—тамъ, въ твоей семьѣ, среди твоихъ послѣдователей и почитателей"? И рѣшаетъ онъ: «нѣтъ, не могу! Поѣду къ сестрѣ! Можетъ быть она поможетъ мнѣ...» И ѣдетъ. И бросается въ объятія той, которая безъ словъ могла понять состояніе его мятущейся души, и плачетъ, горько плачетъ онъ... Да, мятущейся души! Вникните въ глубокій смыслъ этихъ словъ его, сказанныхъ сестрѣ: «съ какою радостью я жилъ бы (разумѣется—въ Оптиной пустыни), исполняя самыя низкія и трудныя дѣла, но поставилъ бы условіемъ не принуждать меня ходить въ церковь: этого я не могу!» О если бы никто не сталъ ему тогда на пути! Если бы эти Чертковы, Сергѣенки, если бы его же любимая дочь не оторвали бы его отъ доброй старицы-сестры! Вотъ когда нужны были ему молитвы, чтобъ отогнать неотступно преслѣдовавшаго его духа гордыни, который не терпитъ молитвы смиренно кающагося грѣшника: извѣстно вѣдь, что князь тьмы не легко разстается съ своими жертвами, а теперь въ его рукахъ была жертва куда — подороже многихъ тысячъ подобныхъ! Извѣстно, что духъ тьмы рабски подчиняетъ себѣ душу грѣшника и только смиреніе, одно смиреніе сильно отогнать его, дабы дать доступъ Божіей благодати въ мятущееся сердце. Сестра-старица своимъ смиреніемъ, своею молитвою, своею любовью способна была сдѣлать это чудо, но врагъ не дремлетъ и посылаетъ своихъ слугъ и въ числѣ ихъ—больно сказать—его же собственную дочь, которые, уже одною своею погоней за нимъ, своимъ навязчивымъ при-

сутствіемъ въ этомъ уединеніи, гонятъ старика изъ тихой кельи инокини и въ сырое, холодное, раннее утро тащутъ его на поѣздъ: скорѣе, скорѣе отъ тѣхъ мѣсть, гдѣ можетъ совершиться благодатный переворотъ въ душѣ гибнущаго писателя,—такъ хочетъ тотъ, кто овладѣлъ сею несчастною душею,—и онъ уже не противится, не противорѣчитъ: онъ потерялъ надежду на возможность примиренія съ Богомъ, въ него снова «входитъ сатана», хотя уже въ видѣ отчаянія: «будь, что будетъ! на Кавказъ—такъ на Кавказъ!» Подъ вліяніемъ зараженной имъ же души Черткова въ его сознаніи снова стали бродить помыслы хульные противъ Христа и Его Церкви; явилось гдѣ-то, въ глубинѣ грѣшнаго сердца, сначала — нѣкоторое колебаніе: «и въ самомъ дѣлѣ не правъ ли Чертковъ? Не сдѣлалъ ли я глупости, бросившись въ Оптину"? А затѣмъ въ душѣ явилось уже желаніе—кончить жизнь тѣмъ, чѣмъ былъ, не измѣнять себѣ до конца... Не этимъ ли объясняется это удивительное явленіе: больше недѣли лежитъ онъ гдѣ-то на станціи жел. дороги; лежитъ въ полномъ сознаніи, по крайней мѣрѣ не всегда въ забытьи; не можетъ же быть, чтобъ онъ не понималъ, не сознавалъ, что вѣдь его мѣстопребываніе, конечно, уже извѣстно его семьѣ, которая несомнѣнно не утерпѣла: гдѣ-нибудь тутъ же, около него, но—ни слова о томъ не срывается съ его устъ; вѣдь, могъ бы онъ потребовать, чтобы пригласили къ нему если ужъ не жену, (по старости-де едва ли могла сюда ѣхать), то дѣтей своихъ... А если бы еще не погасла въ немъ искра покаянія; то—почему бы не позвать и священника?.. Но на все это ни намека! «Будь—что будетъ! Все кончено—не хочу Церкви, не хочу Христа!» *И затворени быша двери...* «Хотя и Левъ былъ, какъ выразился о немъ старецъ о. Варсанофій, но ни разорвать кольца, ни выйти изъ него уже не могъ...» И онъ весь уходилъ въ созерцаніе смерти, какъ онъ самъ ее представлялъ себѣ по-буддійски, какъ переходъ въ нирвану, въ конецъ личнаго бытія, и когда случился первый сердечный припадокъ, то изъ его устъ вырывается слово: «вотъ—оно! вотъ и все!».... Напрасны усилія Церкви напрасны заботы о. Варсанофія, благодать Божія покинула гордаго отступника, и онъ, отверженный Богомъ, кончаетъ жизнь... въ отчужденіи отъ Церкви, нежелающій съ нею примириться, смириться, вздохнуть въ чувствѣ покаянія предъ Богомъ. Не восхотѣлъ онъ благословенія и оно удалилось отъ него. Богъ никого насильно не спасаетъ.

Намъ говорятъ: «Въ храмѣ, на литургіи, во время одной изъ самыхъ возвышенныхъ, страшныхъ минутъ ея, священникъ, стоя предъ алтаремъ (писалъ, кажется, неправославный, а католикъ, ибо православные знаютъ, что алтаремъ называютъ у насъ отдѣленіе храма, а священникъ стоитъ предъ престоломъ), и вознося св. Дары, возглашаетъ: «Тебѣ о Твоихъ» (опять доказательство, что пишетъ неправославный, ибо искажаетъ слова «Твоя отъ Твоихъ») и кончаетъ: за всѣхъ и за вся. Вы только вдумайтесь въ слова: за всѣхъ и за вся. Никого не исключаютъ. Всѣхъ и вся. Весь міръ, грѣшный и многогрѣшный. Всеобъемлюще! Написали эти слова и преподали, повелѣли произносить люди призванные, умудренные, посвященные. Да и какіе! Отмѣченные перстомъ Божіимъ святители Василій Великій и Іоаннъ Зла-

тоустъ, творцы литургій, столпы Церкви!».

Да, сіи столпы Церкви велятъ молиться о всемъ мірѣ, о мирѣ всего міра, но перечитывайте со вниманіемъ всѣ ихъ литургическія молитвы и вы не найдете и намека въ нихъ на то, чтобы они молились объ умершихъ еретикахъ и отлученныхъ отъ Церкви грѣшникахъ: Она молится только о иже въ вѣрѣ скончавшихся. Но допустимъ на минуту, что они разумѣютъ «всеобъемлюще» весь міръ, «никого не исключаютъ». Такая молитва была бы просто безполезна для еретиковъ. Надо знать, что молитва, по выраженію Хомякова, есть кровь Церкви, а кровь течетъ и оживотворяетъ только тѣ части тѣла, которыя живутъ въ тѣлѣ, въ единеніи съ тѣломъ. Сколько крови ни лейте на отсѣченный членъ,—онъ не оживетъ. Церковь есть живое тѣло Христа, своей Главы. Имъ она живетъ и только тотъ имѣетъ жизнь въ себѣ, кто едино со Христомъ въ Церкви чрезъ таинство животворящаго Тѣла и животворящей Крови Его. *Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его*, говоритъ Самъ Господь, *живота не имате въ себѣ*. И когда молится Церковь, съ нею молится Самъ Христосъ, яко единый Ходатай Бога и человѣковъ. Молитва Церкви есть Христова молитва. А Онъ молился *токмо о вѣрующихъ во имя Его* (Іоан. 17, 20), о невѣрующихъ же Его первосвященническая молитва не глаголетъ. Всему міру принесъ Онъ спасеніе, но не весь міръ спасается. Его Божественной любви достало бы даже и для спасенія падшихъ духовъ, какъ это было открыто одному великому подвижнику, но не всѣ захотятъ воспользоваться симъ спасеніемъ, а Христосъ не стѣсняетъ свободы человѣческой и бѣсовской. Вездѣ въ Евангеліи мы читаемъ: *аще хощеши*... Свобода есть лучшій даръ Божій, есть первѣйшая черта Божія богоподобія, которую никогда не восхощетъ Богъ отнять у человѣка. Человѣкъ самъ можетъ отдать ее Богу въ исполненіи святой воли Его, Его св. заповѣдей, или же—врагу Божію діаволу въ исполненіи его злой воли—грѣхопаденіяхъ, но все это совершается добровольно... безъ всякаго насилія. Поразительный примѣръ ожесточенія во злѣ представляютъ намъ современные Господу книжники и фарисеи. На ихъ глазахъ совершаются величайшія чудеса: не говорю уже объ исцѣленіяхъ неизлѣчимыхъ болѣзней, но—даже воскрешенія мертвыхъ и что же? Вотъ встаетъ изъ гроба четвородневный Лазарь, чудо не подлежитъ оспариванію, да враги Христа и не спорятъ, не отрицаютъ его, они признаютъ фактъ, но слышите, что рѣшаютъ? Убить не только Чудотворца, но и Лазаря, какъ живого, непререкаемаго свидѣтеля силы Божіей, обитающей въ Чудотворцѣ... Это ли не упорство? Вотъ и скажите: что же дѣлать съ такимъ упорствомъ Церкви? А именно въ такомъ упорствѣ и пребывалъ Толстой. Никто и ничто не могло поколебать его въ упорномъ сопротивленіи истинѣ Христовой. Если, какъ выше я говорилъ, и можно предполагать, что дрогнула душа его предъ смертью,—можетъ быть подъ вліяніемъ извѣстнаго сна,—то смотрите, какъ скоро онъ снова поддался привычному для него духовному усыпленію въ своей прелести. Что можно сдѣлать съ душою, которая въ такомъ упорствѣ перешла въ вѣчную жизнь? Надо помнить и то, что не только ученіе Церкви, но и

здравое ученіе о душѣ человѣческой говорятъ намъ, что послѣ смерти невозможна перемѣна настроенія души. Слово Божіе говоритъ: въ чемъ застану, въ томъ и сужу. И разъ дано въ сей жизни направленіе духовной жизнедѣятельности, ему не данъ толчекъ въ сей же жизни, хотя бы предъ самою смертью, въ другую сторону,—то это направленіе уже не можетъ быть измѣнено, ибо въ той жизни нѣтъ возможности для проявленія своей свободы такъ, какъ здѣсь: тамъ человѣкъ живетъ лишь половиною своего существа—безъ тѣла. Какъ шаръ, пущеный въ безпредѣльное, безвоздушное—абсолютно пустое пространство, уже не можетъ измѣнить своего направленія: такъ и жизнь души за предѣлами гроба. Церковь молится за грѣшниковъ, умершихъ въ ея нѣдрахъ, но лишь за тѣхъ, которые умерли все же въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной, которую не отрицали, къ которой хотя своимъ умомъ, хотя въ нѣкоей мѣрѣ и сердцемъ—все же стремились. Есть, слѣдовательно, точка приложенія для молитвъ въ Церкви, лучше же сказать—для спасающей Божіей благодати и въ этихъ душахъ. И безкровная жертва, приносимая за таковыхъ, даже, по выраженію Василія Великаго, и во адѣ держимыхъ, творитъ надъ сими душами чудо благости и всемогущества Божія, находя, такъ сказать, точку опоры въ ихъ вѣрѣ, въ ихъ нѣкоемъ желаніи спасенія, за молитвы Церкви. А что дѣлать Церкви съ душою, которая умерла *внѣ* ея спасительнаго организма, внѣ общенія со Христомъ? Что дѣлать съ тѣмъ, кто, по словамъ его друзей, умиралъ, ясно сознавая происходящее съ нимъ, и не хотѣлъ обратиться ко Христу Спасителю и покаяться? Остается предать такую душу суду Божію, какъ мертвый, отсѣченный членъ отбрасывается прочь.

Остается сказать два слова о томъ, что и сами несчастные, отлученные отъ Христа, впавшіе въ руки врага Его—сатаны, въ загробномъ мірѣ проникаются духомъ сатанинскаго отчаянія настолько, что уже дѣлаются неспособными для воспріятія благодати спасающей. Вѣдь они пропитаны духомъ гордыни и не могутъ отъ него освободиться: какъ же приблизится къ нимъ Божія благодать? Вѣдь она подается только смиреннымъ. Какъ Церковь, непорочная невѣста Христова, дерзнетъ молиться о тѣхъ, которые отпали отъ нея, лишились общенія со Христомъ, обрѣтаются внѣ того благодатнаго организма, какой она составляетъ, коего глава есть Христосъ, а члены—всѣ вѣрою въ Него спасаемые какъ на небѣ, такъ и на землѣ? Организмъ любви не можетъ воздѣйствовать на тѣхъ, которые пребываютъ во власти духа ненависти ко Христу и въ состояніи отчаянія...

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать еще нѣчто о загробныхъ отношеніяхъ праведныхъ и грѣшныхъ, насколько это можно на основаніи святоотеческихъ писаній. Боюсь только, что говорить о такомъ предметѣ обыкновеннымъ нашимъ человѣческимъ языкомъ небезопасно: приходится брать слова изъ нашего земнаго языка, а понятія въ нихъ влагать уже неземныя... Чтобы не соблазнить моихъ читателей, я напомню имъ, что въ словѣ Божіемъ Богу также приписываются человѣкообразныя свойства, напримѣръ, гнѣвъ, раскаяніе, какъ бы невѣдѣніе и под. Само собою разумѣется, сіи мѣста должно объяснять какъ уподобле-

нія, перенося мысль въ область небесныхъ, высшихъ понятій.

Около 25 лѣтъ тому назадъ, послѣ кончины извѣстнаго нашего патріота-писателя И. С. Аксакова, его покойная супруга, А. Ѳ-вна, поселившись въ Сергіевомъ посадѣ близъ могилы мужа, не рѣдко посѣщала мою келью, чтобы побесѣдовать о предметахъ духовныхъ. Понятно, что ея мысль часто обращалась къ загробной участи ея мужа. Слѣдуетъ сказать, что это была женщина глубоко образованная, любившая философію, искренно преданная православной Церкви. На одно она жаловалась: воспитанная за границей, гдѣ ея отецъ, извѣстный нашъ поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, провелъ большую часть своей жизни, она привыкла мыслить по-нѣмецки, причемъ ея мысль часто подчинялась вліянію нѣмецкихъ мыслителей-философовъ. Измѣряя область духа мѣрою земнаго мышленія и земныхъ отношеній, разъ покойная дѣтски-наивно сказала мнѣ: «вѣдь если мой Ваня окажется въ мукахъ вѣчныхъ, а я удостоюсь царства небеснаго, тогда и царство небесное будетъ для меня адомъ: я готова буду уйти сама въ адъ, чтобъ раздѣлять муки моего любимаго человѣка!» На это я безмолвно подалъ ей книгу Іоанна Златоуста и попросилъ ее прочитать въ его бесѣдахъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что праведники «въ будущей жизни, послѣ страшнаго суда Божія, возненавидятъ грѣшниковъ божественною ненавистію», что, слѣдовательно, пояснилъ я, въ ихъ сердцахъ произойдетъ нѣкая перемѣна, почему они и мыслить станутъ мыслію божественной, и сердцемъ жить единою жизнію въ Богѣ, по реченному: и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ...

Понятно, что слово «ненависть» здѣсь не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ земномъ и человѣческомъ. Праведники очевидно проникнутся сознаніемъ Божіей правды, а вмѣстѣ и Божія милосердія въ отношеніи къ грѣшникамъ, и въ самомъ наказаніи адскомъ увидятъ не только правду Божію, но и Божіе милосердіе... Трудно понять это плотскому человѣку, но придетъ время, когда мы перейдемъ въ ту область, гдѣ всѣ эти понятія станутъ для насъ ясны, неоспоримы, гдѣ мы, аще того будемъ достойны, станемъ и мыслить согласнѣе съ Божественною мыслію, чѣмъ теперь, и смолкнутъ тогда всѣ наши сомнѣнія и недоумѣнія...

А Церковь, невѣста Христова, не является ли причастницей сего премірнаго вѣдѣнія и небесной логики еще и здѣсь на землѣ? И не должны ли мы, ея чада уже въ силу сего соображенія больше довѣрять ей, чѣмъ своему смышленію?

Въ наше время не приходится ничему удивляться. Въ глубокой христіанской древности — не брось горсть благовонныхъ травъ на языческій алтарь — тебѣ грозила смерть, и потому твердость въ вѣрѣ считалась и именовалась исповѣдничествомъ. Въ наше дряблое время — не «почти» современнаго идола, какого-нибудь безбожника Толстого «вставаніемъ» и тебя уже прославляютъ какъ борца за идею. Правда, отъ іудейскихъ газетъ за это достанется: но, вѣдь, это ужъ вовсе не такъ страшно: хулы враговъ Христовыхъ—наша честь, и однакоже насъ чтутъ за это, какъ за подвигъ. Что же это значитъ? Почему люди добрые видятъ въ этомъ чуть не подвигъ? Понятіе ли о подвигѣ такъ подешевѣло, или же на Руси такъ оскудѣло число людей, открыто исповѣдующихъ

свои вѣрованія, что приходится привѣтствовать ихъ издалеча? Такъ или иначе, а высокочтимый святитель Варшавскій и я—мы почтены съ разныхъ сторонъ привѣтствіями и въ телеграммахъ, и въ письмахъ, за то, что въ засѣданіи Г. Совѣта не «почтили вставаніемъ» память Толстого, этого величайшаго богоотступника нашего времени[1]). Изъ сихъ привѣтствій особенно выдѣлилась телеграмма Московскаго Монархическаго Собранія и Русскаго Монархическаго Союза: «соединившись въ чрезвычайно многочисленное собраніе, вмѣстѣ со многими православными русскими людьми» они «постановили почтительно и благодарно привѣтствовать» насъ «за прямой, твердый и достойный образъ дѣйствій при сужденіи въ Г. Совѣтѣ о графѣ Толстомъ». На это привѣтствіе Архіепископъ Николай послалъ телеграмму:

«Сердечно благодарю всѣхъ членовъ Монархическаго Союза и Русскаго Собранія за сочувствіе. Настало время, думается мнѣ, когда архипастырямъ и пастырямъ слѣдуетъ постоять за православную вѣру и за всѣ ископные русскіе устои «даже до смерти». Нельзя быть равнодушнымъ зрителемъ того, что дѣлаетъ крамола въ нашемъ отечествѣ. Съ нами Богъ!

Архіепископъ *Николай*».

Я счелъ нужнымъ откликнуться письмомъ:

«Глубоко тронула меня телеграмма соединеннаго собранія монархическихъ организацій родной мнѣ Москвы: прошу извинить меня, что не отвѣтилъ тотчасъ же на оную».

Не знаю, за что благодарятъ меня. Ужели можно считать заслуживающимъ такого вниманія то, что архіерей не всталъ въ честь безбожника—скажу больше—богоотступника? Да не былъ ли бы я въ собственныхъ глазахъ презрѣннымъ, если бы всталъ въ честь того, кто оплевалъ моего Спасителя?

Увы! Мы быстро идемъ по пути отступничества! Два года назадъ еще не считали удобнымъ допускать школы и другія учрежденія имени Толстого, имѣли мужество отказываться отъ его чествованія по случаю его 80-лѣтія: еще слышался голосъ совѣсти хрістіанской, а нынѣ отовсюду несутся вѣсти, что ему будутъ «посвящать» и школы, и благотворительныя заведенія, его портреты будутъ ставить и въ школахъ, и даже въ думахъ и подобныхъ учрежденіяхъ... Ужели русскіе люди оставятъ все это безъ протестовъ — самыхъ рѣшительныхъ? Вѣдь, тогда намъ, архіереямъ, останется одно: приказать законоучителямъ, чтобы на часъ урока по Закону Божію выносили портретъ Толстого изъ класса или оборачивали его къ стѣнѣ, и пусть враги Хрістовы бѣснуются: мы не можемъ этого терпѣть! Наши монархическія организаціи должны теперь же положить начало этой борьбѣ!

Итти прямо, твердо, непоступно къ цѣли—до конца! Не уступать—ни на іоту! Хотя бы пришлось грозить бойкотомъ такимъ школамъ, уничтоженіемъ въ нихъ портретовъ безбожника,—въ этомъ должно не только объединять православныхъ

---

[1]) Въ Г. Совѣтѣ не одни мы отказались почтить Толстого вставаніемъ: почти вся правая группа удалилась изъ зала, чтобы не участвовать въ этомъ „почитаніи“...

родителей, но и требовать, во имя поруганнаго Толстымъ Господа нашего, отъ власти соотвѣтствующихъ распоряженій! Почетъ Толстому есть поруганіе нашему Господу! Ликъ Христа и ликъ Его хульника въ христіанской школѣ—несовмѣстимы!

Вотъ, мнѣ кажется, задача для всѣхъ подобныхъ организацій.

Настала пора открыто выступать противъ сатаны и его приспѣшниковъ. Время сотворити Господеви! Мужественно выступайте, православные русскіе люди!

Призываю на васъ, отецъ протоіерей [1]), и всѣхъ почтившихъ меня, недостойнаго, телеграммой—Божіе благословеніе!

Вашъ искренній доброхотъ и слуга членъ Государственнаго Совѣта *Ніконъ*, епископъ вологодскій и тотемскій».

Да, пора не на словахъ, а на дѣлѣ показать, что мы любимъ нашего Господа и не допустимъ чествованій Его врага. Толстому уже собираются ставить памятникъ на народныя деньги: ужели русскіе люди не вознегодуютъ цѣлымъ сердцемъ, когда узнаютъ объ этомъ? Ужели допустятъ, чтобъ іуден и ихъ приспѣшники восторжествовали въ посмѣяніи родной нашей вѣры православной? Собираются строить школы, читальни, библіотеки, чуть ли не университеты имени богохульника: ужели власть допуститъ все это? Ужели Церковь не будетъ протестовать, крѣпко противиться всему этому поруганію вѣры святой? Вѣдь насъ никто не обманетъ: мы отлично знаемъ, что тутъ чествуютъ не автора патріотическаго романа и такъ называемыхъ художественныхъ произведеній, носящихъ на себя имя графа Толстого: это бы еще не бѣда,—нѣтъ: тутъ вся соль именно въ богохульствѣ и отступничествѣ сего писателя—именно *такового* Толстого чествуютъ, за богоотступничество чествуютъ, которымъ онъ сказалъ врагамъ Церкви, врагамъ Христа великую услугу: надо продлить дѣйствіе влитаго имъ яда какъ можно дальше, надобно, чтобы и дѣти знали имя сего богохульника, любопытствовали узнать: что онъ писалъ, а тутъ ужъ озаботятся открыть имъ всѣ «сокровищницы» его богохульныхъ писаній—и души дѣтскія уже отравлены, и смертный грѣхъ соблазна уже совершенъ, дѣло враговъ Божіихъ, дѣло сатаны сдѣлано... Не нужно быть мудрецомъ, чтобы понять всю эту нехитрую махинацію нашихъ жидовиновъ: только посмотрите, какія газеты кричатъ о памятникахъ Толстому. „Земщина“—спасибо ей—уже указала эти газеты: *еврейскія* — «Рѣчь», «Современное Слово», «Биржевыя Вѣдомости»,—*жидовствующія*: «Русское Слово» и *масонскія*—«Русскія Вѣдомости»... Какъ видите—самыя «русскія!» Можно ждать, что къ нимъ присоединятся и тѣ, которыя набросились на меня съ Архіепископомъ Варшавскимъ за наше сидѣнье въ Г. Совѣтѣ въ то время, когда другіе сочли нужнымъ встать (вѣроятно, воображая, что его душа пронесется предъ ихъ мысленнымъ взоромъ въ эту минуту и увидитъ, какъ ей отдаютъ честь). Изъ русскихъ же газетъ пока ни одна не настаиваетъ на этомъ родѣ «увѣковѣченія» Толстого. «Поставить памятникъ Толстому, говоритъ «Земщина», — человѣку, который отрицалъ Богочеловѣка, который пошлѣйшимъ образомъ богохульствовалъ о Матери Божіей и иска-

[1]) Телеграмма подписана протоіереемъ І. І. Восторговымъ.

жалъ все Евангеліе—воля ваша, въ православномъ государствѣ—это недопустимо! Съ той минуты, какъ поставленъ будетъ православнымъ государствомъ памятникъ гонителю Христа, нужно будетъ закрыть всѣ храмы. Поклоненіе Христу и увѣковѣченіе Толстого, какъ гонителя Его—понятія несовмѣстимыя. Одно другое исключаетъ. Государство, не отказавшееся отъ своей Церкви, никакихъ памятниковъ Толстому ставить не можетъ».

Да, именно—никакихъ, хотя бы въ видѣ школъ, учрежденій, хотя бы даже постановки его портретовъ въ школахъ и учрежденіяхъ. Нельзя школу имени Толстого признать школою христіанскою. Школа имени врага Христова есть школа имени сатаны... Христіанскимъ дѣтямъ въ ней не должно быть мѣста. Христіанинъ не долженъ заглядывать въ учрежденіе, на коемъ красуется имя врага Христова. Церковь не можетъ давать своего благословенія и освященія такимъ учрежденіямъ. Кстати. Это было лѣтомъ 1908 года. Въ Кіевъ собрались миссіонеры на съѣздъ, собралось и до 35 святителей. Кіевскій Городской голова предложилъ обѣдъ почетнымъ гостямъ отъ имени города. А предъ симъ городская дума только-что постановила чествовать 80-лѣтній юбилей Толстого постановкою портрета въ залѣ думы и открытіемъ нѣсколькихъ школъ его имени. Святители твердо сказали, что пока не будетъ отмѣнено это постановленіе, они не могутъ принять гостепріимство отъ представителей города. Тогда почтенный голова отправился къ губернатору и просилъ его не утверждать постановленій думы. И только тогда святители приняли обѣдъ. —Такъ было два года назадъ. Такъ ли отнесутся святители наши теперь къ чествованію Толстого Есть надежда, что они останутся такими же достойными представителями Церкви, какъ было тогда, но представители общественныхъ учрежденій, представители власти?.. Поживемъ—увидимъ...

Смерть графа Толстого обнаружила такія глубокія, скажу сильнѣе—смердящія раны въ нашемъ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ, что становится страшно за цѣлость нашей родной Русской Церкви, отъ которой можетъ отколоться все, что заразилось толстовщиной сознательно или безсознательно. Люди, которыхъ еще хотѣлось бы считать христіанами—уже не говорю—православными, такъ ярко высказываютъ свои прямо языческія воззрѣнія, что не остается сомнѣній для насъ, пастырей Церкви, что эти люди уже *ушли* изъ Церкви, хотя и увѣряютъ насъ, будто они остаются «вѣрными сынами» этой Церкви. Болѣе скромные изъ той же интеллигенціи, подъ впечатлѣніемъ того, что читаютъ въ лжелиберальныхъ газетахъ, не имѣя противоядія такому вліянію, не желая, въ своемъ предубѣжденіи, заглядывать въ наши церковныя изданія, при встрѣчѣ и бесѣдѣ съ пастырями Церкви съ удивленіемъ вопрошаютъ: да почему же нельзя молиться за Толстого? Вѣдь онъ-де былъ христіанинъ... Ясно, что для многихъ остается невѣдомымъ его богохульное ученіе во всей его наготѣ, хотя тонкій ядъ этого ученія, логическіе выводы изъ него въ приложеніи къ жизни уже дѣлаютъ свое дѣло въ душахъ этихъ недостаточно освѣдомленныхъ въ богословіи христіанъ. Приходится пожалѣть, что мірская власть, можетъ быть и съ добрымъ намѣреніемъ, но недостаточно обсудивъ дѣло, не затребовавъ отъ

церковной власти надлежащаго отзыва, уничтожила брошюру миссіонера Айвазова «Кто такое графъ Толстой». Слѣдовало бы принять во вниманіе, что эта брошюра въ свое время была напечатана въ органѣ Св. Синода «Церковныя Вѣдомости» и уже оттуда перепечатана «Колоколомъ», «Русскимъ Знаменемъ» и др. патріотическими изданіями. Не дѣло бы мірской власти вмѣшиваться въ то, что, касаясь ученія вѣры, уже обсуждено властію церковною и признано, очевидно, полезнымъ. Г. Айвазовъ съ силою и ревностью о вѣрѣ въ этой брошюрѣ обличалъ всѣ заблужденія Толстого приведя изъ его сочиненій его же собственными словами хуленія и кощунства, какъ опытный врачъ вскрываетъ смрадную, гніющую рану. И вотъ такая-то книжка и была признана вредною и уничтожена, а теперь она была бы прекраснымъ противоядіемъ для всѣхъ, кто еще способенъ принимать ученіе вѣры въ простотѣ сердца. Они увидѣли бы, что за богохульникъ, что за кощунникъ былъ умершій теперь ересіархъ Толстой. И мы, пастыри, не слышали бы вопросовъ въ родѣ приведеннаго. Самый страшный обманъ Толстого вѣдь заключается въ мистификаціи или лучше сказать— въ фальсификаціи истиннаго христіанства, а это-то и служитъ, по вѣрному замѣчанію «Колокола», камнемъ преткновенія для нашего такъ называемаго интеллигентнаго общества, познанія котораго въ области богословія рѣдко у кого идутъ далѣе знанія нѣсколькихъ ходячихъ текстовъ. Проповѣдуя религію безъ Личнаго Живаго Бога и христіанство безъ Христа, опираясь якобы на Евангеліе, на самомъ же дѣлѣ безсовѣстно искажая его, какъ и прочія Писанія, Толстой шелъ обольстительнымъ путемъ антихриста, почему о. Іоаннъ Кронштадтскій не разъ прямо и называлъ ясснополянскаго учителя антихристомъ. Въ предотвращеніе этого именно страшнаго и обольстительнаго соблазна, губящаго души «невѣждъ» въ знаніи вѣры и «неутвержденныхъ», въ свое время Церковь и возвысила свой голосъ, открыто засвидѣтельствовавъ міру, въ чемъ заключается религіозное лжеученіе Толстого и какъ относится къ нему Церковь. Десять лѣтъ прошло съ того времени; посланіе Святѣйшаго Синода многими забыто, многими вовсе не читано, особенно молодежью, которая больше всѣхъ шумитъ и мятется по поводу смерти еретика. Благовременно напомнить теперь это посланіе въ отвѣтъ на вопросъ: за что отлученъ Толстой отъ Церкви и почему нельзя теперь Церкви молиться за него.

Кстати сказать, что внимательные къ путямъ Божія промысла замѣтили, что синодальное посланіе было помѣчено днемъ ангела графа-еретика: конечно, Синодъ не имѣлъ въ виду сего совпаденія, но оно знаменательно: его ангелъ, святитель Катанскій, великій ревнитель православія, какъ бы отрекся отъ него въ день своей памяти. Достойно вниманія и то, что Толстой умеръ въ тотъ день и почти въ тотъ часъ, когда въ храмахъ Божіихъ читалось: *умре же и богатый, и погребоша его...и во адѣ, возведъ очи свои, сый въ мукахъ узритъ Авраама издалеча...* и затѣмъ: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ...* Не дерзаю дѣлать выводовъ изъ сихъ совпаденій,—чтый да разумѣетъ,— но грозно глашаетъ слово Авраама

къ послѣдователямъ Толстого: *аще Моисея и пророки не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыихъ воскреснетъ—не имутъ вѣры!..* (Лук. 16, 19—31).

ПОСЛАНІЕ СВ. СИНОДА.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

Святѣйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ православныя каѳолическія грекороссійскія Церкви о Господѣ радоватися.

«Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научистеся и уклонитеся отъ нихъ» (Римл. 16, 17).

Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго. Но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви святой, которая пребудетъ неодолѣнною вовѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель, графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери Церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого Отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ Личнаго Живаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа—Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ забробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства Церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ Таинствъ, святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію православною. Бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковію къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, осо-

бливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ, на концѣ дней своихъ, остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ Церкви и отъ всякаго общенія съ нею.

Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. 2, 25). Молимся, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали: Смиренный *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. Смиренный *Θеогностъ*, митрополитъ кіевскій и галицкій. Смиренный *Владиміръ*, митрополитъ московскій и коломенскій. Смиренный *Іеронимъ*, архіепископъ холмскій и варшавскій. Смиренный *Іаковъ*, епископъ кишеневскій и хотинскій. Смиренный *Маркеллъ* епископъ. Смиренный *Борисъ* епископъ.

До какого состоянія невмѣняемости доходятъ нѣкоторыя лѣвыя газетки, желая угодить іудеямъ и ихъ приспѣшникамъ, показываетъ выходка одной изъ нихъ: говоря о засѣданіи Г. Совѣта, въ которомъ я и высокопреосвященный Николай, архіепископъ варшавскій, сидѣли, не желая чествовать богоотступника, газетка говоритъ: «только Анна и Каіафа сидѣли»... Итакъ, мы, архіереи Церкви Православной—Анна и Каіафа, ну, а графъ Толстой—стало быть—есть Христосъ? Такъ что ли, господа болтуны изъ жидовскаго лагеря? Выступайте смѣлѣе, говорите ужъ откровеннѣе: вѣдь, въ Писаніи сказано: *сквернный да сквернится еще...* (Апок. 22, 11). Но—хотите ли вы слышать или не хотите, а грозное слово Господа, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ, гремитъ свыше: *и се гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати коемужде по дѣломъ его* (ст. 12). И какъ громъ небесный раздается гласъ Его: *внѣ пси и чародѣи, и всякъ любяй и творяй лжу!* (15). Впрочемъ, кажется, вы, вѣдь, не вѣрите Евангелію Христову, вы не вѣруете и въ Господа нашего Іисуса Христа, вы чтите врага Его—Толстого, который откровенно называлъ Господа нашего своимъ «личнымъ врагомъ», — объ этомъ свидѣтельствуетъ не одинъ В. С. Соловьевъ, но ваша же газета «Рѣчь»: значитъ, безполезно и напоминать вамъ словеса Христовы... Вы—глухи къ глаголамъ Жизни вѣчной и, какъ говорилъ Господь фарисеямъ: во грѣхѣ вашемъ умрете нераскаянными!..

Жаль несчастныхъ читателей такихъ газетокъ. Сами себя отравляютъ и еще деньги платятъ за эту отраву. Кто же виноватъ?..

Конечно—сами!..

50.

Отповѣдь князю, глаголющему суетная.

Сказано въ словѣ Божіемъ: «не обличай кощунника, чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя» (Притч. 9, 8). Нарушилъ я это правило, и вотъ

кощунствующій князь Мещерскій зло мститъ мнѣ за мое обличеніе по поводу буддійскаго капища, за обличеніе въ невѣжествѣ, и, въ союзѣ со всѣми врагами Церкви, со всѣми жидами-«писателями», брызжетъ слюною злобы противъ меня и противъ Варшавскаго святителя за то, что мы, архіереи православной Церкви, не встали въ Г. Совѣтѣ, чтобы «почтить» врага Христова великаго ересіарха Толстого... Счастливъ, что имѣю своимъ единомышленникомъ одного изъ наиболѣе чтимыхъ святителей нашихъ, ревнителей славы Божіей, и радуюсь, что несу поруганіе за имя Господа нашего Іисуса Христа, поруганнаго, оплеваннаго графомъ Толстымъ... Шесть разъ князь употребилъ по нашему адресу слово «ненависть» на одномъ столбцѣ своей газеты, и самъ, преисполненный къ намъ ненависти, позволяетъ себѣ даже привлекать къ нравственной отвѣтственности нашего почтеннаго предсѣдателя М. М. Акимова за то, что тотъ не удалилъ насъ изъ зала засѣданій. Князь увѣряетъ читателей (бѣдные читатели, если они вѣрятъ сему редактору!), что Ніконъ—«всю жизнь посвятилъ ненависти ко всему, что не онъ»; обманываетъ ихъ, будто «состоялось общее всѣхъ членовъ Г. Совѣта соглашеніе почтить вставаніемъ память» Толстого, тогда какъ почти вся правая группа, а насъ до 60-ти человѣкъ, исключая трехъ-четырехъ, отказалась это сдѣлать и ушла изъ зала, подавъ протестъ предсѣдателю; клевещетъ на святителей, будто «они зоркими стражами бдѣли вблизи умирающаго старца, чтобы не могла русская молитва раздаться ни объ его исцѣленіи, ни объ его упокоеніи»; повторяетъ сплетню, будто редакторъ «Колокола» былъ командированъ отъ Синода въ качествѣ «соглядатая» и «строгаго дозорнаго, чтобы ни у одного попа и мысль не могла родиться молиться о графѣ Толстомъ», тогда какъ г. Скворцовъ всѣ эти дни былъ въ Петербургѣ... князь имѣетъ дерзость, онъ, считающій себя православнымъ, дерзаетъ говорить, что постановленіе Св. Синода—высшей церковной власти—«исполнено ненавистно», и что «Синодъ не можетъ дерзать расправу надъ живымъ продолжать надъ мертвымъ, закрывая церковь и уста священниковъ для молитвы надъ усопшимъ»...

Таковъ сей «почтительный сынъ» православной Церкви. Онъ не хочетъ знать, что Церкви дана власть вязать и разрѣшать на землѣ такъ, что все, ею связанное здѣсь, будетъ связано и на небесахъ: вѣдь, это словеса Самого Господа Іисуса Христа. Онъ нарочито старается забыть, что Толстой отрицалъ бытіе Личнаго Бога, что онъ дерзалъ—страшно повторять—называть Господа Іисуса Христа «повѣшеннымъ іудеемъ», святѣйшее таинство причащенія Тѣла и Крови Его... прости мнѣ, Господи, повтореніе хульнаго слова его!—«похлебкою», святое Евангеліе—«мѣшкомъ грязи»; а Пречистую Матерь Божію именовалъ такъ, что рѣшительно отказываемся даже дѣлать намекъ на его хульные глаголы... Князь все это хочетъ забыть, «простить» богохульнику нераскаянному, простить даже то, что онъ своими хулами погубилъ столькихъ малыхъ сихъ... Что ему до того? Толстой, видите ли, «всею душою отдался любви къ Богу»!.. Къ какому? Что разумѣлъ онъ подъ именемъ «Бога»? Вѣдь личнаго Бога онъ не признавалъ, вѣдь это слово у него не имѣетъ *нашего* христіанскаго

значенія... А любовь... да можетъ ли имѣть какое-нибудь мѣсто любовь въ сердцѣ, преисполненномъ, по словамъ самого же органа княжескаго «сатанинской гордыни»! Любовь и—сатанинская—слышите: сатанинская—гордыня! «Грѣхъ Толстого,—говоритъ «Гражданинъ»—его почти сатанинская гордость и самомнѣніе, но сей грѣхъ не есть грѣхъ къ смерти»... Какой же грѣхъ къ смерти, господа публицисты «Гражданина»? Вѣдь, такъ разсуждая, вы заставите насъ, пожалуй, молиться и за самого сатану! А вотъ святые отцы Церкви говорятъ, что гордость, даже при всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, одна безвозвратно губитъ человѣка! Кому же вѣрить, вамъ-ли, міряне, вовсе не читающіе святыхъ отцовъ да и самаго слова Божія, или симъ учителямъ вѣры и благочестія?.. Эхъ, князь! Вы заглядываете въ нашу душу, вы увѣряете, будто «жажда ненависти—вторая натура» наша: оглянитесь на себя, загляните въ свое то сердце: чего-чего тамъ нѣтъ? Начиная съ этой, уже явной ненависти къ вашему вологодскому обличителю, который, видимо не даетъ вамъ спать, и кончая обвиненіемъ Синода въ той же ненависти, чуть ли не зависти къ еретику Толстому! Вы, конечно, увѣрены, что архіереи не пойдутъ въ судъ на васъ жаловаться, и смѣло разсыпаетесь въ ругательствахъ по ихъ адресу, но вѣдь есть судъ Божій... Вѣрите ли вы въ него?

Совѣтую вамъ, князь, заглянуть въ книгу Іисуса сына Сирахова и прочитать первый стихъ главы тринадцатой. Кажется, съ вами случилось то, что тамъ сказано.

Эта «отповѣдь» была напечатана въ «Колоколѣ»; князь поспѣшилъ отвѣтить на нее ругательной выходкой въ «Гражданинѣ». Пришлось снова обличать стараго публициста и въ томъ же «Колоколѣ» я напечаталъ слѣдующую замѣтку:

Ну—Богъ ему судья!

Князю Мещерскому, конечно, не по душѣ мои отповѣди. Не имѣя, что мнѣ возразить по существу, онъ продолжаетъ унижать меня въ мнѣніи своихъ читателей, печатая, будто я «ежедневно» помѣщаю въ какой-нибудь «уличной газетѣ» (разумѣется единственная почтенная газета «Колоколъ», да—вѣроятно, «Русское Знамя», охотно перепечатывающее мои дневники изъ «Тр. Слова») полемическую статью, подсчитывая, сколько разъ употребилъ я слово «сатана» (но такъ и не говоритъ: сколько же насчиталъ?), увѣряя будто онъ, князь, замѣтилъ въ одинъ и тотъ же день три моихъ статьи (въ глазахъ у него, видимо, стало уже троится), и будто всюду—только «ненависть», «ненависть» и «ненависть»... Семь разъ онъ снова повторилъ въ своемъ дневникѣ относительно меня это, очевидно, имъ особенно любимое словечко, (а что оно ему любо—видно изъ того, что не могъ онъ не повторить его трижды даже въ своемъ объявленіи о продолженіи изданія «Гражданина»). Онъ взводитъ на меня клевету, будто я и его, князя, назвалъ «сатаною», его, — «вѣрнаго сына церкви» и многихъ другихъ... Ну, Богъ ему Судья! Мои читатели вѣдь читали всѣ мои статьи и могутъ лучше меня судить, есть ли правда въ словахъ «потомка великаго Карамзина». Спасибо ему за великую для меня честь, что онъ ставитъ мое имя рядомъ съ именемъ ревнителя Церкви Божіей саратовскаго святителя Гермогена. Спасибо за его

неусыпныя заботы о моей епархіи (о ней онъ снова говоритъ въ послѣднемъ № «Гражданина»). Спасибо и за то, что не требуетъ отъ меня любви къ сатанѣ, ибо въ одномъ дневникѣ проговаривается, что «епископъ Ніконъ произноситъ съ ненавистью имя сатаны». Ну, конечно, это имя каждый вѣрующій во Христа не будетъ же произносить «съ любовію»!

А по существу-то вопросовъ— ни о буддійскомъ капищѣ, ни о молитвѣ за Толстого, ни о чествованіи сего безбожника и еретика такъ ничего у князя и не нашлось сказать...

Впрочемъ, вообще-то о Толстомъ онъ нашелъ что сказать въ слѣдующемъ, вышедшемъ уже послѣ появленія въ «Колоколѣ» моей настоящей замѣтки, № «Гражданина». Онъ проводитъ параллель между искушеніемъ Христа Спасителя сатаною въ пустынѣ и—искушеніемъ отъ того же сатаны графа Толстого. Толстой, по его, князя, словамъ, «отъ невѣжества своего (лучше бы сказать — отъ безмѣрнаго самообольщенія) воспріялъ рѣшимость итти на проповѣдь новыхъ завѣтовъ и взглядовъ на вѣру, на жизнь, на человѣка и не любовью къ человѣку вдохновилъ свою рѣшимость, а ненавистью (князь, какъ видите, умѣетъ говорить и правду) ко всему тому старому міру, котораго онъ не зналъ и на разрушеніе котораго онъ рѣшился итти потому, что міръ, хваля его геній беллетристики, отъ него независимый, осудилъ его умъ, его философію. И тогда сатана явился къ нему, повелъ его на гору, показалъ ему міръ и сказалъ ему: поклонись мнѣ и я весь міръ положу у ногъ твоихъ и дамъ уму твоему веселіе, которое тебя подниметъ надъ всѣми людьми. *И Толстой поклонился сатанѣ, и сатана сдержалъ свое слово* (курсивъ мой). Совершилось что-то совсѣмъ сверхъестественное, что-то непостижимое, что-то чуду подобное. Толстой сталъ печатать свои лжевоззрѣнія, свои завѣты новой религіи, вдохновляясь наскоро схватываемыми изъ книгъ познаніями и пользуясь своимъ большимъ умомъ. И что же? Тотъ самый міръ, который вездѣ (?) не зналъ Толстого, какъ генія беллетристики, бросился на всѣ революціонныя во всѣхъ областяхъ жизни его проповѣди съ жаждою не только ихъ читать, но воспринимать ихъ, и по всему міру пронеслась проповѣдь толстовскаго ученія, и во всѣхъ странахъ земного шара явились толпы преклоняющихъ, во исполненіе обѣщанія сатаны, передъ Толстымъ колѣна. Увлеченный славолюбіемъ и волшебнымъ успѣхомъ своей революціонной проповѣди, въ которой онъ видѣлъ силу и торжество своего ума, Толстой доходитъ до отрицанія Церкви, власти, всѣхъ историческихъ преданій и всего государственнаго строя».

Остановимся на этихъ мысляхъ князя Мещерскаго. Подъ ними можетъ подписаться даже епископъ православной Церкви. Да, Толстой подпалъ подъ вліяніе врага рода человѣческаго—сатаны, сталъ его слугою, поклонился ему, конечно, не буквально, а идейно, что въ сущности одно и то же... Да вѣдь это и я говорилъ, это повторяютъ и всѣ вѣрующіе люди... Теперь вопросъ: Толстой распространяетъ враждебное Христу, слѣд. сатанинское ученіе. Что же должна была сдѣлать, какъ поступить—Церковь? Конечно, по заповѣди Спасителя (Матѳ. 18, 15—18) и наставленію Апостола Павла (1 Кор. 5, 13), согласно канонамъ церковнымъ,

послѣ увѣщаній, отлучить еретика отъ общенія церковнаго, какъ могущаго заразить вѣрующихъ въ простотѣ сердца своими злохуленіями противъ Господа нашего и всего ученія Церкви—невѣсты Христовой. Такъ и поступилъ С. Синодъ. Но не такъ судитъ князь Мещерскій.

«И тутъ, говоритъ онъ, С. Синодъ своимъ отлученіемъ Толстого отъ Церкви (т.-е., исполненіемъ повѣлѣнія Христова) довершаетъ славу, обѣщанною сатаною Толстому (*славу отъ сатаны*—за измѣну Христу!), ибо даетъ на весь міръ (міръ ненавидящій Христа: Іоан. 15, 18—19) мнѣніямъ Толстого побѣдоносную прелесть запрещеннаго плода (ужъ не слѣдовало ли самой Церкви распространять сей запрещенный плодъ?!), къ которому уже пріобщаются не только всѣ невѣрующіе и революціонеры, но сотни тысячъ равнодушныхъ (къ чему?) на земномъ шарѣ. Новый Толстой достигъ апогея своего торжества».

Далѣе князь усматриваетъ въ жизни Толстого какой-то новый періодъ, новую эпоху, которая была «неожиданностью для сатаны», для преклонившагося предъ Толстымъ міра и для всѣхъ его послѣдователей, когда проявился его разрывъ съ царствомъ гордости и самообожанія, порывъ якобы къ самоуниженію и «противленіе всѣмъ обольщеніямъ и искушеніямъ зла силою смиренія и богоисповѣданія». «Зажегши въ душѣ своей свѣтъ и огонь Бога (что за выраженія!) и давъ имъ разгорѣться со всею силою его крупной духовной личности, Толстой могъ дойти до стремленія осуществить то, что Христосъ предложилъ вопросившему Его о пути къ совершенству: оставить отца и мать и итти за Христомъ... И онъ рѣшился оставить жену, семью, домъ и итти, но за кѣмъ? Вотъ тутъ, говоритъ князь, начинается послѣдняя, предсмертная драма: онъ ушолъ изъ дому и пошолъ *съ богомъ въ душѣ, но съ своимъ, а не христіанскимъ, ибо итти за Христомъ онъ не могъ* (а выше только что сказано: могъ!), *потому что для исповѣдыванія Христа душа его была слѣпа и глуха»*...

А выводъ отсюда—что «Святѣйшій Синодъ напрасно отлучилъ отъ Церкви Толстого какъ личность, вмѣсто того, чтобы осудить творенія его гордости и заблужденій»... Значитъ: не слѣдуетъ отлучать отъ Церкви даже такихъ еретиковъ, которые въ гордынѣ своей изобрѣтаютъ «своего бога», бога «не христіанскаго», и которые остаются слѣпы и глухи для исповѣдыванія Христа...

Такъ вотъ какіе у насъ есть «вѣрные сыны Церкви!» Они хотятъ быть милостивѣе Самого Господа Бога, любвеобильнѣе матери Церкви, хотятъ насильно спасать души еретиковъ и вводить ихъ въ царство небесное... Едва ли съ такими богословами можно вести какія-либо разсужденія: пожалуй еще введешь ихъ въ еще большій грѣхъ противленія Церкви самомышленіемъ...

И грустно, и больно за родную нашу Церковь, за нашу многострадальную Русь...

Послѣсловіе къ моему дневнику за минувшій годъ.

Первый годъ изданія «Троицкаго Слова» можно считать законченнымъ: выходитъ — 50-й. Слава Богу за все! Апостолъ Хрістовъ заповѣдуетъ: задняя забывая въ предняя простираться. Если позволительно оглянуться назадъ, то развѣ только для того, чтобы отмѣтить свои же недостатки, а ихъ было не мало. И по немощамъ моимъ, и по множеству дѣлъ по епархіи и Г. Совѣту, я не имѣлъ возможности откликнуться на ту массу писемъ, которыя получаю ежедневно со всѣхъ концовъ родной Руси православной и на всѣ тѣ явленія въ церковной и общественной жизни, которыя больно отзывались въ русскомъ сердцѣ. Мало было отраднаго: несравненно больше скорбнаго. Отрадно развѣ то, что есть еще на Руси грѣшной немало скорбящихъ душъ и вѣрится, что Господь, нѣкогда утѣшившій пророка Илію, жаловавшагося на то, что онъ остался одинъ непреклонившимъ колѣна предъ Ваалomъ,—Онъ милосердый, утѣшитъ и сихъ скорбящихъ откровеніемъ, что они не одиноки и что если тогда нашлось до семи тысячъ душъ, Ему вѣрныхъ, то и въ наше многогрѣшное и многоскорбное время найдется ихъ не меньше на Руси и ради сихъ-то избранныхъ Онъ сократитъ дни великихъ скорбей, которыя длятся и кажется еще продлятся по грѣхамъ нашимъ. Итакъ, слава Богу за все!

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

1.—Безъ елея гаснетъ свѣтильникъ. 3
2.—Мечеть „поганская“ среди русскихъ святынь 4
3.—Спѣши дѣлать добро, каждый человѣкъ 6
4.—Суета суетъ на могилахъ почившихъ. 6
5.—Кощунственныя похороны лицедѣйки. 10
6—7.—Малолѣтніе преступники и монастыри 12
8. Самоубійства молодежи 20
9.—Безъ идоловъ интеллигенты нашего времени жить не могуть! 24
10.—Святые дни 28
11.—Пасхальная радость и пастырьская скорбь 33
12.—Сердце очерствѣло. 36
13.—Мой откликъ на голосъ изъ земли забвенной . . . 39
14.—„Хоръ душъ“ и Церковь 42
15.—Дѣти и Церковь. 45
16.—Ходатайство любви. 48
17.—Отрава „правовымъ“ началомъ 50
18—19.—Свобода совѣсти имѣетъ свои границы 54
20.—„Идите и вы въ виноградникъ Мой“! 61
21.—Питомцы Церкви бѣгутъ отъ Церкви 63
22—23. Памятники—статуи святымъ угодникамъ. . . . 67
24—29. Хрістіане ли мы 73
30.—Можно ли мечтать о плодахъ, не заботясь о сѣменахъ. 91
31.—Подмѣна міросозерцанія 96
32.—Соблазнъ идетъ отъ интеллигенціи 98
33.—Язычествующая благотворительность. 100
34.—Возстановленіе идолопоклонства въ нашей столицѣ. . 103
35.—Свѣтильники угасаютъ 106
39.—Скорбное письмо 120
40.—Монастырскіе „милліоны“ 123
41.—Церковныя школы и церкви 126
Церковнымъ старостамъ Вологодской Епархіи (отъ Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго). 129
42.—Два русскихъ князя—защитники идолопоклонства . . 131
43.—Горе отъ пьянства и—о тщеславіи 138
44.—О разсужденіи 142
45—49. Смерть графа Л. Н. Толстого. 148
50.—Отповѣдь князю, глаголющему суетная. 169

2007042849